

БЕРТРИС СМОЛЛ

РАБЫНЯ СТРАСТИ

ШАРМ

Annotation

Печальная судьба уготована юнги кельтской красавице Риган — она жертвует целомудрием ради сестры, заменив ее на брачном ложе, после чего отправляется в монастырь.

Однако из убогой кельи Риган попадает в руки работорговца, а затем — в гарем. Там девушке предстоит постигнуть науку любви, а пламенный и нежный Карим-аль-Малина должен превратить ее в лучшую рабыню халифа. Но, рискуя навлечь на себя гнев восточного владыки, учитель и ученица влюбляются друг в друга.

-
- [Бертрис Смолл](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [ЧАСТЬ I. Шотландия, 943 год.](#)
 - [ЧАСТЬ II. Ифрикия. 943 — 944 г. н.э.](#)
 - [ЧАСТЬ III. Аль-Андалус, 945 год](#)
-

Бертрис Смолл
Рабыня страсти

ПРОЛОГ

Сорча Мак-Дуфф отрывисто вскрикнула от боли. За стенами мрачной каменной башни зловеще выли декабрьские ветра, словно вторя ее страдальческим стонам. С новым приступом боли на лице ее появилась гримаса, похожая на мрачную усмешку. В башне было очень холодно — даже каменная кладка стен покрылась тончайшим слоем инея, хотя в камине и горел слабый огонь. Крошечное пламя металось на сквозняке — оно боролось за жизнь, взметая искры, тут же улетающие в трубу. Но все втуне — в покоях ничуть не становилось теплее...

Однако нагая женщина, тело которой то и дело сводило судорогой боли, не ощущала ни ледяного ветра, дующего во все щели, ни холода, которым тянуло из-под двери. Она была поглощена другим — все тело ее и душа помогали появиться на свет ребенку. Это были первые ее роды, но новых не будет — если только она вновь не выйдет замуж. Она же не намеревалась делать этого. Муж ее, Торкиль Мак-Дуфф, лаэрд Бен Мак-Дун, вот уже три месяца как мертв. Злодейски убит. И не кем иным, как Элэсдейром Фергюсоном, лаэрдом Киллилоха, пытавшимся отспорить у него добрый кусок земли. И ее дитя — нет, дети, мысленно поправились она (ведь повитуха говорила, что она должна родить двойню), непременно отомстят за кровь отца клану Мак-Фергюс, уничтожат всех Фергюсонов из Киллилоха, сотрут саму память об этих вырождаках со страниц летописи их славного края... От мысли о возмездии в душе женщины все запело от торжества. «Ты будешь отомщен, возлюбленный мой супруг и повелитель...» — прошептала она.

Повитуха бесцеремонно вернула ее к действительности.

— Тужьтесь, леди! Да тужьтесь же! — повторяла старуха. Сорча Мак-Дуфф напрягла все силы, а повитуха колдовала между ее раздвинутыми ногами, что-то бормоча и покрикивая на роженицу:

— Еще! Еще!

Сорча боролась с мрачным, но удивительным мужеством. И вдруг она с удивлением ощутила, как скользкий комочек живой плоти выскользнул из ее влажного лона. Она сделала усилие, присела на ложе и всмотрелась. Повитуха схватила окровавленное тельце за крошечные щиколотки, приподняла тельце и шлепнула младенца по попке. Дитя тут же пронзительно закричало.

— Дай мне моего сына! — прорычала в исступлении Сорча Мак-

Дуфф. — Дай мне его! Сейчас же! — и она простерла руки.

— Но вы родили девочку, леди... — повитуха уже отирала кровь с новорожденной девочки, которая громко вопила. Затем, завернув дитя в полотняную пеленку, она протянула сверток матери.

Дочь? Об этом она даже подумать не могла! Но ведь второе дитя — это мальчик, в этом нет сомнения... Что ж, хорошо, что первенец — девочка... С двумя сыновьями было бы трудно. Они проводили бы больше времени в борьбе друг с другом, нежели с Фергюсонами из Киллилоха. Нет, положительно, девочка — это хорошо... К тому же впоследствии ею можно будет воспользоваться, чтобы скрепить союз с каким-нибудь могущественным родом при помощи брачного договора. Сорча взглянула на дитя, покоящееся в ее объятиях.

— Груочь... — нежно произнесла она. — Твое имя Груочь, детка. Это наше семейное имя...

Дитя таращило на мать глазенки удивительной голубизны. Малютка была прелестна, и еще эти светлые густые волосенки...

— Леди, вам предстоит родить еще и второго, — бесцеремонно прервала повитуха ее раздумья. — Вы чувствуете новые схватки?

— Да... — отрывисто отвечала Сорча Мак-Дуфф. — Я чувствую новые боли, но это все пустяки. Я так рада, что у меня есть эта милая крошка...

— Не лучше ли нам с вами заняться ее братцем, леди? — рассердилась повитуха. — Ведь мальчик Мак-Дуфф куда важнее для клана, нежели его сестричка, которую вы так нежно Няните. А ну-ка, отдайте мне ее! Положу-ка я ее в колыбельку — ей там самое место.

Повитуха чуть ли не вырвала дитя у матери и всунула малышку в резную колыбельку, стоящую у огня, чтобы Сорча смогла вполне отдаться рождению сына Мак-Дуффа, который уже просился на свет из ее плодородного лона. Второе дитя появилось на свет куда быстрее — ведь первая малютка проложила ему путь. А явившись, оно нетерпеливо закричало.

— Дай мне мальчика! — возбужденно потребовала Сорча. Повитуха стирала кровь с нежной кожицы, внимательно осматривая младенца. Потом печально покачала головой.

— Еще девочка... — Сорча побелела. А повитуха беззастенчиво продолжала:

— Мак-Дуфф из клана Бен Мак-Дун умер, так и не произведя на свет наследника...

Горестно вздыхая, старуха запеленала вторую малышку, потом

протянула ее» Сорче Мак-Дуфф, но та злобно сверкнула глазами и отшатнулась.

— Не хочу ее... И не хотела, — прошипела она. — Что проку мне от второй девчонки? Я хотела сына!

— Тогда пошлите жалобу в небесную канцелярию) леди, — зло парировала повитуха. — На свет Божий нынче появились две девочки, и с этим уже ничего нельзя поделать. Господь счел нужным подарить вам двух дочерей, леди. Обе они прелестные и здоровенькие. Не можете же вы отречься от них! Благодарите Господа! Многие бездетные женщины от зависти умерли бы...

— Я и не отрекаюсь.., от моей драгоценной крошки Груочь, — отвечала Сорча Мак-Дуфф, — но другая.., другая — лишь хомут на моей шее. Груочь теперь наследница всех имений Мак-Дуфф, а вторая-то мне зачем? Мне нужен был сын!

— В страшные времена мы живем.., и на земле, чьи законы и обычаи суровы, леди... — одернула ее повитуха. — Сейчас-то младенчики здоровенькие, а что, если одна из крошек захворает и умрет? Не будь у вас второй, некому было бы унаследовать имения Мак-Дуфф... Вторая дочка послана вам Небом не зазря, леди, — уж я так думаю. Так что лучше вам дать и ей имечко...

— Тогда пусть ее зовут Риган! — резко бросила разочарованная женщина.

— Но это же мальчишеское имя! — повитуха была изумлена несказанно.

— Она должна была родиться мальчиком, — отрезала Сорча Мак-Дуфф с каменным лицом. — Это ей за то, что она так горько разочаровала меня. — И Сорча вновь содрогнулась от боли, извергая послед...

Качая головой, повитуха положила Риган Мак-Дуфф во вторую колыбельку у огня — в ожидании близнецов две люльки были заранее заготовлены. Затем она занялась госпожой. Но не успела она закончить обихаживать роженицу, как двери с треском распахнулись. В покои ворвались несколько вооруженных мужчин, легко преодолевших слабое сопротивление клансменов Мак-Дуфф, охранявших башню. Повитуха взвизгнула, увидев зеленые клетчатые пледы — фамильные пледы клана Мак-Фергюс — на плечах вошедших. Перепуганная старуха сжалась в комок подле госпожи.

Высокий человек с ледяным взглядом сграбастал в охапку дрожащую женщину и отрывисто спросил:

— Где младенцы?

Повитуха от ужаса потеряла дар речи, но Элэсдейр Фергюсон — а это был он собственной персоной — про — , следил направление ее взгляда. Он устремил взор на две крошечные колыбельки у огня.

— Убейте их! — отрывисто приказал он своим людям. — Не желаю, чтобы в будущем эти Мак-Дуффы наложили лапу на мои земли!

Обнаженная и еще вся в крови молодая мать силилась приподняться с ложа, а руки ее уже тянулись к кинжалу на поясе Элэсдейра — фамильной реликвии Мак-Фергюсов. Но, даже не взглянув на женщину, он отбросил прочь ее руки.

— Ублюдок! — страшно закричала она.

— Но это девочки, милорд! — повитуха наконец обрела дар речи. — Девочки ничем не могут вам угрожать!

— Девочки? Оба младенца — девочки? — В его взгляде сквозило недоверие. Потом ледяные глаза его устремились на нагую женщину, простертую на ложе.

— Ну что? — насмешливо обратился он к Сорче. — Торкиль Мак-Дуфф только и смог, что наделать тебе девок... Эх, Сорча... Я дал бы тебе сыновей — впрочем, ты еще мне их народишь! Ах ты, злобная шлюшка! Ну да я вырву тебе жало! Ты вскоре станешь моей — я неплох, особенно в сравнении с Мак-Дуффом...

— Тебе что, мало было трех твоих жен, Мак-Фергюс? — презрительно спросила она. — Я вышла за человека, которого всем сердцем любила. И пусть ты убил его — я все равно не жалею о своем выборе!

Она не сделала даже попытки прикрыть наготу — ни от него, ни от его воинов, которые, надо отдать им должное, смущенно отводили глаза.

— Я мог бы прихлопнуть твоих щенят, Сорча Мак-Дуфф, — холодно произнес он и оглядел ее, прищурившись. Даже нагая, даже в крови, измученная родами — она все еще была удивительно хороша и желанна. И желание вновь проснулось в нем. Она отказала ему два года назад, как раз зимою, в декабре, и избрала себе в мужа его врага, Торкиля Справедливого из клана Мак-Дуфф. Он и вправду был хорош собою: высокий, молодой, золотоволосый, с улыбкой, способной растопить даже каменное сердце... Ничего, злобно подумал Мак-Фергюс, он далеко не так хорош сейчас, сейчас, когда над ним уже на славу потрудились могильные черви. Видела бы это вдова — она горько сожалела бы о том, что отвергла владельца Киллилоха! Ну а чтобы защитить своих щенят, она сделает все, чего он потребует. Материнский инстинкт возобладает над гордостью и отвращением к нему — он сделает ее своей! Два года назад он поклялся ей, что она еще пожалеет, что отвергла его, предпочтя ему Мак-Дуффа. Теперь

она принадлежит ему, и он воспользуется ею так, как посчитает нужным...

Элэсдейр Фергюсон выпустил, наконец, повитуху из своих железных рук и толкнул ее к колыбелькам.

— Распеленай их! Погляжу-ка я, правду ли вы тут мне говорите... Распеленай их, и поскорее, и положи этих сучек на живот их мамочки — так, чтобы я ясно видел обеих! Пошевеливайся, старая ведьма! Мне недосуг тут торчать!

Повитуха быстро принялась разворачивать пеленки. Потом она положила оба крохотных тельца на живот матери, которая задрожала от гнева и негодования.

— Вот они, милорд! — дрожащим голосом выговорила она. Две маленьких крошки, это видно ясно...

Лаэрд Киллилоха уставился на детей. Потом пальцем ощупал гениталии девочек, ища осязаемого опровержения словам повитухи, но ничего не обнаружил. Оба младенца, вне всякого сомнения, были женского пола... Удовлетворенный, он «хмыкнул — и тут ему в голову пришла мысль:

— Которая из них родилась первой?

— Вот эта, — повитуха указала на одну из девочек. — Ее зовут Груочь.

— А как ты это определила? Для меня обе они просто на одно лицо. Как ты их различаешь, старуха?

— У той, что появилась на свет первой, такие ясные, такие ярко-синие глаза, милорд... Поглядите сами. А у второй, милорд, глазки хоть пока и голубые, но, похоже, со временем изменят цвет. А вот у первой не так. У нее они так и останутся синими. Теперь вы сами видите, правда?

Он тупо уставился на детей.

— Да, — сказал он нетерпеливо, так и не увидев разницы между двумя новорожденными девочками. — Запеленай их теперь и положи обратно в колыбели. — Потом он повернулся к женщине. Она была бледна, но не сломлена. — Я дарю жизнь твоим детям, Сорча Мак-Дуфф. Старуха оказалась права. Девочки не представляют опасности ни для меня, ни для моих земель и добра. Но твоя дочка-первенец, Груочь — или как ее там? — должна стать невестой Иэна, моего старшего. Вражда между нашими кландами в прошлом, Сорча, а при помощи этого брака я присоединю к угодыям клана Мак-Фергюс спорные земельные участки. И покончим все разом.

Сорча лишь сверкнула глазами. Она знала, что выбора у нее нет. Он отдаст ее милую Груочь на потребу своему выродку, что бы она ни сказала. О, как в этот момент ненавидела она Элэсдейра Фергюсона — всем своим

существом! Но она была бессильна. Приходилось соглашаться на предложенные им условия. Она была умна и сквозь пелену ненависти, застилавшую разум, все же видела преимущества вырисовывающегося положения вещей. Более могущественный клан Мак-Фергюс с момента подписания и скрепления печатью соглашения о помолвке будет считать земли клана Бен Мак-Дун своими. А охранять эти земли будут воины побежденного клана Мак-Дуфф. Ее возлюбленная Груочь будет подрастать в мире и покое. А у нее самой будет время тщательно обдумать и выносить план мести Фергюсонам из Киллилоха, рассуждала она хитро. Они умертвили ее Торкиля. Теперь лишили ее земли. Но настанет день, когда они дорогой ценой за все, за все заплатят...

— А что, если Груочь умрет? Дети ведь такие слабые создания... — рассудительно спросила она.

— У тебя ведь две дочери. Ну, а если мой наследник Иэн умрет от какой-нибудь детской немощи, но у меня еще полдюжины сыновей подрастает... Если же умрут обе твои дочери, то земли Мак-Дуфф все равно перейдут ко мне — в качестве компенсации. Но тебе самой нечего опасаться, Сорча Мак-Дуфф, — я не причиню вреда твоим крошкам. Лучше дружба, чем вражда. А теперь нас еще объединят и кровные узы. И между нашими кланами воцарится мир. Ну, а потом я займусь твоими родичами, Робертсонами... — поддразнил он ее.

— А что станет с моей второй девочкой?

— Она отправится в монастырь, — твердо отвечал Мак-Фергюс, — не хочу, чтобы какой-нибудь клан, заполучив ее в жены для своего отпрыска, потребовал бы за нею в приданое часть этих земель. Но в монастырь она попадет не раньше, чем Груочь будет обвенчана с Иэном и переспит с ним, Сорча Мак-Дуфф! Если Господь призовет к себе первую девочку, у нас в запасе остается вторая...

Заметив, как она содрогнулась, Элэсдейр Фергюсон снял с плеч плед и накрыл им обнаженное тело Сорчи.

— Я приведу священника, и он все устроит. Тебя известят, когда будут готовы бумаги. Теперь ты и твои девочки под моей защитой, Сорча Мак-Дуфф. Тебе больше нечего опасаться.

С этими словами он кивком приказал своим воинам следовать за ним. Мак-Фергюсы удалились.

Как только дверь за ними захлопнулась, Сорча, пошатываясь, поднялась с ложа. Неверными шагами она пересекла комнату, яростно сорвала со своих плеч плед в зеленую и синюю клетку с тонкими красными и белыми полосками и швырнула его в огонь.

— Принеси мне воды, старуха! — зарычала она на повитуху. — Скорее! Скорее! Хочу смыть с себя это зловоние Фергюсонов!

Повитуха поспешила выполнить приказание госпожи — она быстро принесла ведро воды, зачерпнув из котла, висевшего над очагом. Потом побежала за чистым полотенцем.

— Вот... — она боялась поднять глаза на лицо госпожи.

Сорча Мак-Дуфф яростно терла свое тело. В голове у нее роились самые мрачные мысли. Она еще не знала, как отомстит Фергюсону и всему этому проклятому роду — она знала лишь, что непременно сделает это! Этот Мак-Фергюс оказался настолько глуп, что дал ей вполне достаточно времени, чтобы обдумать коварный план. Он оказался настолько самоуверен, что решил, будто все и впрямь улажено! Нет, ничего не улажено, и не будет улажено до тех пор, пока она не отомстит за смерть возлюбленного своего Торкиля и за то, что ее с детьми оставили нищей! Стяг Фергюсонов никогда не взвьется над башнями замка Мак-Дуфф! Да, она позволит им защищать и оберегать себя и младенцев, но в конце концов, найдет способ рассчитаться с Элэсдейром Фергюсоном и его кланом... Вдруг она почувствовала приступ слабости и пошатнулась.

— Леди, вам надобно лечь в постель! — повитуха поспешила ей на помощь. — Вам еще нужно много сил, чтобы выкормить этих прелестных малюток. Думаю, скоро они уже во весь голос объявят, что голодны...

— Я не могу выкармливать обеих, — сказала Сорча. — Найди кого-нибудь для Риган. Пусть она возьмет малютку к себе, и как можно скорее...

Молодая мать в изнеможении растянулась на ложе. На том самом ложе, где спали они с мужем. Теперь место его пусто, с горечью подумала она, натягивая на себя полость из лисьего меха.

Повитуха поджала губы с неодобрением.

— Не понимаю, почему это вы решили, что не можете выкормить обеих дочек, сударыня, — сурово сказала она. — Вы молодая и сильная женщина, и по вашим грудям видно, что они уже полны молока. Поверьте моему опыту, для двоих там более чем достаточно...

— Молоко мое только для Груочь, старая ведьма! — раздраженно отрезала Сорча. — А для другой найди кормилицу! — и отвернулась лицом к стене.

Неодобрительно покачивая головой, повитуха подошла к двум колыбелькам и посмотрела на детишек — они безмятежно спали, не ведая о том, какая судьба им уготована: одной предстояло стать невестой Фергюсона, заклятого врага Мак-Дуффов из клана Бен Мак-Дун, а другой — навечно быть заточенной в монастырь, захочет она того или нет...

Богатая невеста и монашка... Мрачно усмехнулась повитуха, потом потихонечку выскользнула из комнаты, притворив за собою дверь.

ЧАСТЬ I. Шотландия, 943 год.

В небольшом зале замка Бен Мак-Дун плавал голубоватый дымок — тяга в трубе была никуда не годная. Сорча Мак-Дун сидела в высоком кресле, озирая свое многочисленное потомство. Детишки копошились по всей комнате. Шесть маленьких выродков — и седьмой уже шевелится в ее плодоносном чреве. Первые пятеро были мальчики, а четвертой по счету родилась дочь. Сорча не испытывала к ним ни малейшей нежности. Они все были Фергюсонами. Вся материнская любовь, на которую только было способно ее сердце, была безраздельно отдана Груочь Мак-Дуфф, ее старшей... Для ее сестры-близнеца Риган в ее сердце не оставалось места. Пожалуй, ей она могла подарить лишь жалкое подобие того, что испытывала к Груочь. Риган, когда подросла, стала необыкновенно походить на отца, блаженной памяти Торкиля... Девочка унаследовала его бесстрашие и отвагу и была смела порою до безрассудства. Видя это, Сорча не могла не радоваться...

Весною того же года, когда две ее дочери появились на свет, Элэсдейр Ферпосон вернулся в замок Мак-Дун. Брачные контракты, подготовленные Фергюсонами, были подписаны в присутствии священника. Впрочем, она все равно не смогла бы проверить, вправду ли там написано то, о чем ей было объявлено, — ведь Сорча не умела ни читать, ни писать... Священник сказал, что Груочь станет женою Иэна Фергюсона, как только достигнет женской зрелости, то есть лет в тринадцать. Тогда же Риган отправится в отдаленный монастырь на западном побережье Шотландии, чтобы посвятить свою жизнь Господу. Дело было улажено, Мак-Фергюс отправил священника восвояси и тотчас же изнасиловал вдову Мак-Дуфф. Он заперся с нею в спальне на целых три дня, не давая ей продыху. А девять месяцев спустя она родила ему сына.

В последующие годы Элэсдейр Фергюсон регулярно посещал свою наложницу, о чем свидетельствовало ее растущее потомство, но не женился на ней. Да она и не пошла бы за него, даже если бы он попросил... Три раза кряду Сорча Мак-Дуфф тайно ходила к старой колдунье в лесистую долину и, щедро заплатив, пила отвратительное зелье... Так она избавилась от трех плодов похоти своего насильника. Когда же он узнал об этом, то разыскал ведьму, повесил ее на дереве, сжег ее хижину, а потом возвратился в замок Бен Мак-Дун и избил Сорчу Мак-Дуфф до полусмерти — бедная женщина неделю не могла после этого подняться с постели. После этого она, не

ропца, рожала ему детей, но любить их было не в ее силах. Они все были Фергюсоны.

...Она услышала звук охотничьего рога, а вскоре двери распахнулись, пропуская Элэсдейра Фергюсона, сопровождаемого двумя его старшими сыновьями, Иэном и Келлачем. Сорча Мак-Дуфф медленно приподнялась — она была уже на сносях и двигалась с трудом.

— Милорд... — тихо приветствовала она Элэсдейра. Потом отдала приказ слугам принести мужчинам еды.

— Я подстрелил оленя и привез его тебе, — сказал Элэсдейр, приветствуя ее.

Потом властно поцеловал ее в губы жестом собственника и уселся в высокое кресло. Слуги Стремглав кинулись на кухню и вскоре прибежали оттуда, неся вино, мясо и хлеб, — они знали, что хозяин терпеть не может ждать.

Иэн и Келлач Фергюсоны не озаботились тем, чтобы приветствовать хозяйку — они тут же плюхнулись на стулья и принялись объедаться. Элэсдейр отвесил подзатыльник тому, кто сидел ближе к нему — не посчастливилось на этот раз Келлачу.

— Неужели вы настолько неотесаны, что не считаете нужным приветствовать леди Сорчу, прежде чем начать уплетать ее угощение? — зарычал Элэсдейр. — Вы находитесь в ее доме, сидите за ее столом, вы, щенки!

— Все это собственность Фергюсонов, — уверенно произнес Келлач, потирая шею, на которой отпечаталась красная пятерня.

С яростным рычанием старший Мак-Фергюс вскочил на ноги, и вот уже второй его сын покатился по полу.

— Эти земли стали собственностью Фергюсонов лишь потому, что я этого пожелал! — заорал он. — Но прежде они принадлежали Мак-Дуффам. И неважно, чьи это земли, чей это замок — здесь дом этой леди! И потрудитесь следить за своими манерами равно как в моем присутствии, так и тогда, когда меня здесь нет! — он снова стукнул сына. — А ну-ка вставай и отправляйся обедать на кухню — там самое место для таких ублюдков, как ты!

Келлач хмуро поднялся на ноги:

— Не понимаю, почему ты не отдаешь Груочь в жены мне! Тогда у меня были бы свои собственные земли...

— Держи карман шире! — оборвал его отец. — Стоит тебе заполучить их — и ты тут же начнешь зариться на мои, ты, маленький алчный негодяй!

Он снова занес руку для удара, но на сей раз юноша увернулся и

выбежал из зала. Когда же отец повернулся к старшему, тот был уже на ногах и, кланяясь, благодарил Сорчу Мак-Дуфф за гостеприимство.

Вновь усаживаясь за стол, Иэн сказал:

— А как чувствуют себя дети, леди? Все они выглядят прекрасно. А моя сестренка Сайн день ото дня становится все более хорошенькой. Ну, мне так кажется... Так хорошо иметь сестричку! — он взял с блюда кусок мяса и вонзил в него белые зубы.

— Отпрыски твоего отца благоденствуют, — любезно отвечала Сорча Мак-Дуфф. — Как и все мои дети, хвала Небу.

— Кстати, о моей дочурке, — сказал Элэсдейр Фергюсон. — Хочу забрать ее с собою, домой. В доме ведь нет ни одной женщины, кроме служанок. А Сайн по крови Фергюсон, единственная моя дочь. Самое время ей становиться в доме хозяйкой. И это не в упрек прочим детям — ведь я всех их признал своими...

— Что ж, забирайте ее, — сказала Сорча Мак-Дуфф. — Забирайте хоть всех своих детишек, милорд. Они ничего для меня не значат. У меня ведь есть моя Груочь.

Услышав это, он покачал головой:

— Ах, Сорча Мак-Дуфф, жестокосердая мать! Ну что ж, хорошо, я заберу Дональда, Эйда и Гирика. Они уже достаточно выросли, чтобы оторваться от материнской юбки. А с тобою пока останутся младшие — Индульф, Кулен, ну и тот, который вскоре родится. — Он залпом осушил кубок, и слуга, стоящий за его спиной, торопливо вновь его наполнил. — Но приехал я как раз из-за Груочь, о ней я хотел поговорить, Сорча. Наверняка у нее уже наступила пора девичьей зрелости. В декабре она отпраздновала свой тринадцатый день рождения, а сейчас уже апрель. Пора заключить брак. Иэну уже двадцать три — он более чем созрел для женитьбы. Он всю округу уже наводнил своими ублюдками, мадам. Всех окрестных девушек перепортил. Ему необходима жена!

— Так вы забираете мою птичку? Так скоро! — Сорча всхлипывала весьма натурально. — Не увозите ее, милорд! Повремените!

— Во имя всех святых, женщина! — зло воскликнул Элэсдейр. — Он не выносил вида женских слез. — Да она никуда от тебя не денется! Они с Иэном какое-то время проживут здесь, в замке Мак-Дун. Ты должна быть с нею, когда она через девять месяцев после венчания будет рожать первенца. У меня никогда не было дочерей, и опыта никакого, но кое-что я знаю — девицам в таких случаях необходима мамочка. Прекрати выть, Сорча, и отвечай мне. У Груочь крови уже показываются регулярно? Или нет?

— Только.., впервые.., в этом месяце... — отвечала Сорча, хотя и с Груочь, и с ее сестрой это случилось еще осенью. Они держали это в строжайшей тайне, дабы выиграть время, но сейчас это уже не помогло бы, думала Сорча. Теперь пора было мстить, после всех этих долгих, мучительных, томительных лет...

— Тогда пора их обвенчать! — радостно воскликнул Элэсдейр Мак-Фергюс. — Именно этого я ждал все эти годы, женщина, понимаешь?

— Но вы не можете их венчать лишь потому, что вам приспичило, — скромно потупила глаза Сорча. — Необходимо тщательно подготовиться, милорд.

— У тебя было целых тринадцать лет, чтобы подготовиться, Сорча Мак-Дуфф, — отвечал неумолимый Элэсдейр. Нынче у нас двенадцатое апреля. — Наши дети будут обвенчаны в течение недели. — Он повернулся к сыну:

— Иэн! Что ты об этом думаешь? Наконец-то ты станешь женатым человеком, всего через пару дней! Девчонка выросла прехорошенькая! Ты везунчик, парень!

— Да, папа, — с готовностью отвечал Иэн Фергюсон. Он и сам был привлекателен: каштановые кудри, синие глаза...

— А где Груочь? — спросил Элэсдейр Фергюсон. Взгляд его блуждал по залу, но никого, кроме малышни, тут не было...

Сорча пожала плечами.

— На дворе весна... — сказала, она, словно пытаясь объяснить отсутствие дочери.

— Дональд Фергюсон! — позвал Мак-Фергюс старшего сына. — Ко мне, мальчуган!

Мальчик, который в это время доблестно сражался с братьями Эйдом и Гириком, вскочил на ноги и с готовностью подбежал к отцу. Как и у всех сыновей Элэсдейра Мак-Фергюса, волосы у него были каштановые.

— Да, пап?

— Ты, Дональд, и еще двое старших сегодня поедут со мною домой, — сказал Элэсдейр. — Ты доволен, пацан? Лицо мальчика просияло:

— Да, пап!

— Не знаешь, где твоя сестрица Груочь? — продолжал Мак-Фергюс. — Я хочу побеседовать с нею.

— Да, папа, я знаю, где Груочь. — Дональд исподтишка бросил взгляд на мать — угрожающее выражение ее лица послужило гарантией его молчания. — Пойти и привести ее, а, пап?

— Да, мальчик, пойд и приведи, — ответил отец. Когда Дональд убежал, Элэсдейр повернулся к Сорче Мак-Дуфф:

— Хороший получился парень, женщина. Ты неплохо справляешься с их воспитанием, хотя и не питаешь любви ни к одному из моих отпрысков. По-моему, ты просто глупа...

— Думайте обо мне что хотите, милорд, — отвечала она спокойно. — С того самого момента, как я впервые увидела малютку Груочь, она стала единственным смыслом моей жизни. Мне никто больше не был нужен. И теперь никто не нужен, кроме нее.

Он лишь покачал головой. Мак-Фергюс сам был жесток — но ведь любил же он всех своих детей! И сильно! Как она могла жить без этой любви? Все они — его плоть и кровь. Да, отныне всех детей, которых еще родит ему Сорча, надо будет отправлять к нему в дом, как только их отнимут от материнской груди... Индульф, которому два с половиной, и годовалый Кулен все еще пьют материнское молоко, но и их нужно забрать у нее как можно скорее. Он теперь понимал, что старших следовало бы увезти уже три года назад. У их матери сердце из камня. Он мельком вспомнил о Риган Мак-Дуфф. Бедняжка, у нее ведь никого нет... В сердце ее матери безраздельно царит Груочь. Да, Риган куда лучше будет в монастыре... Ведь аббатисой там его двоюродная сестра Уна. Риган найдет ласку и приют в стенах аббатства Святой Майры.

Юный Дональд Фергюсон выбежал из замка и стремглав понесся вверх по склону холма, распуская мирно пасущихся овец. К своему удивлению, он обнаружил сразу обеих сестер-близнецов, причем в компании Джемми Мак-Дуффа, что Дональда, впрочем, ничуть не изумило.

— Груочь! — позвал он. — В зале замка старший Мак-Фергюс, он желает тебя видеть! Я пришел за тобой. Тебя выдадут замуж на этой неделе, сестричка! И братец Иэн сгорает от нетерпения: хочет увидеть свою невесту! — Дональд ухмыльнулся.

Груочь Мак-Дуфф нехотя отвлеклась от задушевной беседы с молодым человеком.

— Не говори со мною в таком тоне, щенок! — одернула она Дональда. Потом спросила:

— А когда порешили со свадьбой?

— Да только что, — отвечал мальчик. — Отец спросил эту волчицу.., ну, нашу мать, началось ли у тебя это.., женское... Она сказала, что только в этом месяце, но я-то знаю, что это враки! — Он снова издевательски ухмыльнулся.

Груочь побледнела.

— Ты не сможешь этого доказать! — тихо сказала она.

— А если ты расскажешь об этом отцу, — прервала ее Риган, — то живым не доедешь до усадьбы Мак-Фергюс! Это я тебе обещаю, слышишь? — Она ласково улыбалась братцу, но пальчики ее нетерпеливо постукивали по шотландскому кинжалу, висевшему у нее на поясе. — Подумай хорошенько, щенок, прежде чем распускать язык!

— Вы в точности такие же, как ваша мать, жестокие... — мрачно заключил Дональд и медленно поплелся назад.

— Говорят, что я пошла в отца, Торкиля Мак-Дуффа! — смеясь, крикнула ему вдогонку Риган.

— Неужели ты и впрямь ничего не боишься? — спросила Груочь сестру. — Не думаю, чтобы ты стала хорошей монашкой, моя Риган...

— Не имею никакого желания становиться монашкой, но придется... — отвечала сестра. — Мне ведь одна дорога — в монастырь...

— Но ты можешь найти себе мужчину, родить от него ребенка... — заговорил Джейми Мак-Дуфф.

— А потом спастись с младенцем от погони, быть настигнутой и убитой, потому что я — прямая наследница земель клана Бен Мак-Дун? Благодарю тебя, Джейми Мак-Дуфф, за такое предложение, но, боюсь, оно никуда не годится. Мак-Фергюс — человек безудержный и яростный, и такого врага лучше не иметь — так говорил отец.

— А если бы ты поменялась местами с Груочь — ну, выдала бы себя за нее, — ты стала бы невестой Иэна Мак-Фергюса. О, Риган, если бы ты на это согласилась, мы с Груочь могли бы бежать на другой край Альбы, или в Дальдриаду, или в Стретчклайд и начать новую жизнь вдали от Фергюсонов. — Его брови решительно насупились.

Груочь разгневалась:

— Мог бы вначале хотя бы спросить, прежде чем за меня решать, как мне жить! — резко отвечала она, а Риган попыталась скрыть улыбку. — Ведь наследница земель Бен Мак-Дун — я, а вовсе не Риган!

— Так ты не хочешь венчаться со мною, Груочь? — слова девушки поразили Джейми Мак-Дуффа в самое сердце.

— Я помолвлена с другим, Джейми Мак-Дуфф, и, кроме того, как ты собираешься обеспечивать меня и детей, которые у нас появятся? Ты ведь не лорд!

— Мак-Фергюс рассердится, что тебя нет так долго, — напомнила Риган сестре. — Пойдем, нам пора. — Она взглянула на упавшего духом юношу. — Ты дурак, Джейми Мак-Дуфф, — сказала она ему. Потом взяла Груочь за руку и решительно повела ее в сторону замка.

— Зачем ты позволила ему столь серьезно тобою увлечься? — с упреком спросила Риган сестру.

Но Груочь лишь молча пожала плечами. Риган поняла, что из сестры больше ни слова не вытянешь, если она сама не соблаговолит заговорить. Груочь, столь любимая матерью, была сущей копией Сорчи Мак-Дуфф — она, как и мать, была себе на уме. К тому же она пылала жаждой мести, стремясь рассчитаться с теми, кто, как она считала, причинил ей зло. Но поскольку между близнецами всегда существует тесная, почти мистическая связь, Риган за внешней твердостью Груочь угадывала уязвимость и нежность. Возможно, поэтому она с детства бросалась на защиту сестры, приглядывала за нею... Кто защитит Груочь, когда меня не будет, думала Риган...

— Как я выгляжу? — спросила Груочь у ворот замка. Она стряхнула воображаемую пыль со своего шерстяного платья и пригладила светлые волосы.

— Посмотрись в зеркальце, — хмыкнула Риган и встала прямо перед сестрою. Груочь звонко рассмеялась — это была их неизменная шутка.

Они, как и в раннем детстве, были копией друг друга — и лицом, и фигурой. С одной лишь небольшой разницей. Глаза Груочь были словно капельки яркой незамутненной небесной лазури. В очах же Риган, аквамариновых, сверкали яркие золотые искры. Посторонним крайне редко удавалось их различить — все обычно бывали так очарованы красотой девочек, что не глядели пристально им в глаза. Они видели лишь точеные черты девичьих лиц да золотые волосы, мягкие и нежные, словно драгоценный шелк. Мало кому приходилось видеть в здешних местах столь светлые волосы...

Они рука об руку вошли в зал, сердечно приветствовали мать и вежливо — гостей. Затем застыли в ожидании против высоких кресел.

— Хотя и знаю их вот уже тринадцать лет, а все не научился различать! — проворчал Мак-Фергюс. — Груочь, подойди сюда!

Девушка застенчиво подошла и поцеловала шершавую грубую щеку:

— Милорд...

Он притянул ее к себе, посадил на колени и ущипнул за щечку:

— Ты удивительная милашка! Ты нарожаешь мне кучу внуков — Фергюсонов, которые потом унаследуют мои земли, правда, Груочь?

Груочь покраснела до ушей и хихикнула:

— Дональд говорит, что вы уже уговорились о дне венчания. Это правда?

— Да, — согласно кивнул Элэсдейр. — Через семь дней, красавица, ты

обвенчаешься с моим Иэцом, станешь его законной женой. Это давным-давно решено.

— Не отсылайте Риган в монастырь, милорд! — вдруг вырвалось у Груочь. — Мы всегда были неразлучны. Не представляю себе жизни без нее...

— Да у тебя просто времени не будет для Риган, душка! — уверил девушку Элэсдейр Фергюсон. — Ты всецело будешь занята продолжением рода Фергюсонов — учти, мне нужны и девочки, и мальчики... Ты не будешь скучать по сестре.

— Нет, буду! — заупрямилась Груочь.

В ее синих глазах была и злость, и грусть. Ах, как хотела она выказать неповиновение, но, будучи слишком еще юной, не представляла вполне, как это сделать...

Стоя неподалеку, Риган все слышала и была глубоко тронута мольбою сестры. Невзирая на то, что мать всегда открыто оказывала предпочтение Груочь, сестры были удивительно близки. Груочь никогда не могла заставить себя смириться с той атмосферой всеобщего пренебрежения, в которой подрастала ее сестричка. Над Груочь все вечно тряслись, с нею всегда нянчились, баловали ее... А о Риган вспоминали лишь в последнюю очередь. И вот, даже теперь ее никто словно не замечает. Будто ее здесь и нет. С едва слышным вздохом Риган выскользнула из зала. О ней никто не будет скучать — это она знала наверняка. В центре всеобщего внимания была Груочь, впрочем, как и всегда...

Мак-Фергюс вдруг столкнул Груочь с колен.

— Пойди и поцелуй своего нареченного. Один невинный поцелуй, девочка! — приказал он.

— 0 — о-ох, нет! — Девушка спряталась за спинку кресла матери. — Это грешно.., ну, пока мы не обвенчаны. Этому всегда меня учила мама, милорд. Да и мужчина ни за что не станет уважать женщину, которая себе позволяет.., ну, открыто выражает свои чувства...

Иэн Фергюсон ухмыльнулся. Она была девственницей, это несомненно, а уничтожить девственность ему было весьма по вкусу. Каждая девица в своем роде... Некоторым сразу нужна пылкая страсть. Другие стеснительны, но, будучи терпеливым, и с ними можно договориться. А больше всего любил он таких, которые сопротивлялись... Он сам не мог этого объяснить, но ему доставляло острейшее удовольствие подчинять девушку своей воле, своей силе. В конце концов все оставались довольны. Он с любопытством изучал Груочь. Он пока не понимал: можно ли будет ее уговорить, или же придется действовать при помощи грубой

силы. Но в любом случае он лишит ее девственности всего через каких-нибудь семь дней. Она будет ему женой и, разумеется, ему не откажет...

Позднее, когда Фергюсоны отбыли из замка Бен Мак-Дун, Груочь осталась наедине с матерью. Сорча сказала своей старшей дочери:

— Нынче все удалось на славу, дорогая моя. Я видела:

Мак-Фергюс тобою весьма доволен. О, Иисусе! — она принялась поглаживать свой вздутый живот. — Молю Небо, чтобы этот щенок был последним из тех, которых меня насильно заставляют носить и рожать] — А ты видела, как Иэн на меня смотрел? — тихо спросила Груочь. — Мне уже говорили, что он больше всего любит, когда девушка ему сопротивляется. Он светел лицом, во черен душою...

— О, ты моя дочь, Груочь. Ты приручишь этого дикого звереныша, моя девочка, — завершила ее Сорча. — Как только он узнает, что вскоре станет отцом, то на руках тебя станет носить. И будущий дедушка тоже... — Сорча вдруг беспокойно задвигалась и стала сыпать проклятиями:

— Небо и ад! Отходят воды! Снова начинается эта мука...

— Дай-ка я помогу тебе, мама! — И Груочь с помощью служанки отвела Сорчу Мак-Дуфф в ее спальню и уложила на заранее подготовленное ложе.

— Позови старуху Бриди и разыщи мою сестру! — приказала Груочь служанке.

Сорча застонала — первые схватки оказались чересчур сильными.

— Как ты назовешь этого? — спросила Груочь у матери, надеясь отвлечь ее от страданий.

— Малькольм, в честь нового короля, — процедила Сорча сквозь стиснутые зубы. — А если это девка, то пусть будет Майра. А-ах, Иисусе! Как мне больно!

Старая повитуха Бриди, к тому времени уже подоспевшая, резко оборвала роженицу:

— Прекратите скулить, Сорча Мак-Дуфф. Это ваши восьмые роды и девятое дитя. Вы вовсе не зеленая первородка!

— Ах ты, проклятая ведьма! — взорвалась Сорча. — Ты стара как пень и просто не помнишь, как это больно — рожать! О — о-о-ох!!! Будь проклят Элэсдейр Фергюсон, грязный похотливый козел! О Господи, низвергни его в преисподнюю вместе со всеми потомками до восьмого колена! А-а-а!

— Не могу понять, что влечет Мак-Фергюса к ней в постель... — сказала повитуха, ни к кому не обращаясь. — Будто не мог подыскать себе помоложе и красивее, чем ваша мамочка. В двадцать девять лет уже

поздновато рожать!

Груочь и Риган переглянулись и тихонько хмыкнули. Они были согласны со старухой Бриди. Но Мак-Фергюс, похоже, не мог устоять перед Сорчей Мак-Дуфф, невзирая на ее злобность и острый язычок. И, хотя сестры-близнецы никому бы под страхом смерти в этом не признались, они слышали, как их мать кричит от наслаждения и распаляет своего врага-любовника разными словечками, когда оказывается с ним в постели. Под эти крики девочки, в сущности, и выросли...

Сорча Мак-Дуфф обычно рожала довольно легко, но па этот раз дело обернулось иначе. Шли часы, а дело не двигалось. И вот наконец на закате второго дня мучений, она родила здорового сына. Но это был воистину гигантский ребенок! Даже повитуха сказала, что ей не приходилось видеть подобных великанов. Он появился на свет Божий с красным от натуги личиком и злобным криком, его кулачки сжимались и разжимались, словно в бессильной ярости. На головке младенца топорщился пучок волос морковного цвета.

Старая Бриди положила младенца на живот матери, аккуратно, как всегда, обрезала пуповину, тщательно перевязала ее.

— Бравый вояка, леди! Вы щедро вознаграждены за ваши муки.

Сорча скосила глаза на вопящего мальчишку. Еще один Ферпосон, подумала она устало. Еще один проклятый Фергюсон! О Иисусе, как же она устала... Со вздохом облегчения она закрыла глаза, уже почти не чувствуя последних схваток и того, как послед выскользнул из ее истерзанного лона...

Повитуха захлопотала вокруг нее с крайне озабоченным видом. Когда Сорчу обмыли и уложили как следует в постель, а яростного Малькольма обтерли, запеленали и поместили в колыбельку, старуха поманила сестер. Они все вместе вышли из спальни Сорчи, на лестницу.

— Ох, не нравится мне, как выглядит ваша мать! — сказала она им напрямик. — Такое я не раз уже видела. Думаю, она умрет. Она уже стара для столь тяжких родов. Лучше поскорее сообщить Мак-Фергюсу.

— Но ведь я должна выйти замуж через пять дней! — запротестовала Груочь.

— Может, она и проживет столько, — сказала Бриди, — а может, и нет... Будь я на вашем месте и желая, чтобы моя мать увидела меня в подвенечном уборе, то поспешила бы со свадьбой... — и повитуха зашлепала вниз по лестнице с сознанием исполненного долга.

— Она не может умереть! — прошептала Груочь одними губами. — Только не теперь! Не теперь, когда вот-вот совершится наша месть всему

клану Фергюсонов!

— Что ты там бормочешь? — спросила смущенная Риган. Она никогда прежде не видела Груочь такой напряженной, решительной, так похожей на Сорчу.

— Я не могу тебе этого сказать, — отвечала Груочь. Только мама может все тебе открыть. Эта проклятая старуха лжет! Никогда не позволю ей принимать у меня роды!

— Но Бриди нет никакого резона лгать нам, — спокойно ответила Риган.

Груочь взяла сестру за руку, и они вместе вошли в спальню матери.

— Мама сначала должна отдохнуть. А потом она тебе обо всем расскажет. Нужно подождать, пока она проснется. Мы должны быть с ней, когда она пробудится, и первыми, кто с ней заговорит.

— А разве нам не следует известить Мак-Фсргюса? Бриди советовала... — запинаясь, спросила Риган. — Он будет страшно зол на нас, если что-нибудь произойдет в его отсутствие. Давай-ка я пойду в зал, разыщу какого-нибудь слугу и пошлю весточку...

— НЕТ! — воскликнула Груочь с такой непоколебимой решительностью, что Риган несказанно изумилась. — Если ты теперь пошлешь за ним, он тотчас же явится. У нас не будет времени переговорить с матерью с глазу на глаз, а это просто необходимо!

Сестры пододвинули маленькую скамеечку к постели матери и молча сели. Внизу, в зале, было совершенно тихо. Дональд и еще трое старших детей Фергюсонов уехали с отцом и сводными братьями в замок Мак-Фергюс. Двое младших были под присмотром нянек в детской. Из колыбели, в которой лежал новорожденный, изредка доносилось недовольное попискивание. А мать их лежала бледная и недвижимая. Словно мертвая... Сестры сидели тихо в ожидании, и вдруг голубые глаза Сорчи Мак-Дуфф раскрылись и устремились прямо на дочерей.

— Я умираю, — спокойно произнесла она.

— Да, — честно отвечала Груочь. — Так сказала и эта гадкая повитуха.

— Ты должна венчаться с Иэном Фергюсоном завтра, — медленно выговорила Сорча.

— Да, и Риган надо тотчас же посвятить в наш план мести за отца.. Она должна узнать, какая ей отводится роль. Нельзя терять ни минуты, мам. Как ты?

— Я слаба, но доживу до твоей свадьбы и до того момента, как мой возлюбленный Торкиль будет отмщен! — страстно ответила Сорча. Потом

улыбнулась своей любимице Груочь:

— Расскажи Риган...

— У меня дитя под сердцем, — спокойно произнесла Груочь.

— Иисусе! А я и не знала, что ты и Иэн.., ну, ты всегда так стеснялась его... Какая же ты скрытная, Груочь! Я в жизни бы не догадалась. А он знает?

— Иэн тут вовсе ни при чем, моя Риган. В моем чреве дитя Джеми Мак-Дуффа.

— О-о-о, Груочь! — глаза Риган широко раскрылись.

— Думаешь, я позволила бы, чтобы Фергюсон унаследовал земли Мак-Дуффа? — зарычала Сорча. — И ты в это поверила, простушка Риган Мак-Дуффа? НИКОГДА! Все унаследует только Мак-Дуфф — и он получит не только земли клана Мак-Дуффа, но и все угоды Фергюсонов! А самое хитрое знаешь что? То, что Фергюсоны никогда об атом не узнают! Они будут свято верить в то, что дитя, которое родит через несколько месяцев моя Груочь, — их крови! А когда этот дьявол Элэсдейр Фергюсон будет испускать дух, Груочь склонится над ним и поведаст ему на ухо нашу тайну. И он низвергнется в пучины ада, узнав обо всем, и будет не в силах ничего поделать! — Сорча расхохоталась, но смех сменился судорожным кашлем.

Груочь побежала, чтобы принести матери чашу крепкого вина, но Риган словно приковало к месту — настолько она была поражена услышанным. Так вот какую месть выдумала ее мать! Да, возмездие будет незримым, но сокрушительным для Фергюсонов. И дело потребует ангельского терпения. Риган поняла, что мать в отчаянии от того, что не сможет увидеть, как воплотится в жизнь столь тщательно продуманный ею план. И тут ее пронзила мысль...

— — А что, если Иэн Фергюсон поймет в первую брачную ночь, что Груочь не девственница? — спросила она. Сорча давным-давно во всех подробностях объяснила дочерям, что и как происходит между мужчинами и женщинами. Хотя Риган недоумевала, зачем ей-то все это знать — ведь ей с рождения уготована была участь монахини...

Груочь обняла мать за плечи, приподняла ее и помогла напиться. Когда Сорча утолила жажду, кашель прекратился, и она сказала:

— Иэн Фергюсон получит в первую брачную ночь девственницу Риган. Ты займешь место сестры, хотя Иэн об этом и не будет знать.

— Ты не можешь обращаться ко мне с такой просьбой! — выкрикнула Риган. — Я ведь буду монахиней. Я должна прибыть в обитель Святой Майры невинной. Как я могу клясться перед Господом в невинности

после..., после этого, леди? Да, правда, я не хочу себе такой судьбы — но ведь выбора у меня нет! И вы..., вы обесчестите меня еще до того, как я покину замок Бен Мак-Дун?

— Обесчестим? Так ты заговорила о чести? — насмешливо спросила Сорча Мак-Дуфф. — Фергюсоны обесчестили клан Мак-Дуфф еще до твоего появления на свет!

Да они перерезали множество достойных людей, убили твоего отца, обуреваемые жадностью до новых угодий! Я никогда не говорила тебе, как умер твой отец. Но теперь... Он мертв, и ничто не возвратит нам его. Но я думаю, что теперь тебе следует знать все, Риган Мак-Дуфф, тебе, которая так на него похожа. Мак-Фергюс подстерег отца и его людей, когда они возвращались с ярмарки, где продавали скот. Твой отец был последним, кто остался в живых, последним! Мак-Фергюс со своими бандитами привез тело моего Торкиля мне — это было последнее оскорбление... Они вырезали буквы «Ф» у него на щеках и на лбу. Но все равно он был самым красивым из всех, кого я знала! И это еще не все... Потом Элэсдейр Фергюсон вручил мне ларец. В нем я нашла три окровавленных куска плоти — мужское достоинство моего мужа. Этот выродок своими руками кастрировал вашего отца! Удивительно, как это у меня, беременной, тогда не случился выкидыш и я не потеряла вас обеих! Но я помнила, что мой долг — это выносить наследника Мак-Дуффа, который отомстит за моего Торкиля...

Я была терпелива... — продолжала Сорча. — Тринадцать лет я принимала в своей постели убийцу, раздвигала бедра и позволяла ему измываться надо мною... Он заставил меня нарожать ему семерых щенков — и этот, последний, расправился со мною! И теперь, когда я лежу на смертном одре и всего какой-нибудь день отделяет меня от моего торжества, ты отказываешь мне, оберегая свою «честь», словно дитя любимую куклу? Но, Риган Мак-Дуфф, на карту поставлена не только честь клана, но и жизнь твоей сестры и ее будущего ребенка... Как, потвоему, отреагирует Мак-Фергюс, если узнает, что Груочь вовсе не чистая голубица, каковой он ее почитал? Да он, ни секунды не раздумывая, прикончит ее! Ты единственное спасение сестры, ее последняя надежда, Риган Мак-Дуфф. Если ты не займешь ее места «а брачном ложе в первую ночь... — голос ее прервался, и она в изнеможении упала на подушки.

— А что, если его семя прорастет во мне? — спросила Риган. — Как я ЭТО объясню в аббатстве Святой Майры?

— Наша мать убедила Мак-Фергюса позволить тебе пробыть с нами еще по крайней мере месяц после свадьбы, — сказала сестре Груочь. — И

если у тебя будут хоть малейшие признаки беременности, то у нас есть рецепт зелья', которое поможет тебе выкинуть плод. — Она сжала руки сестры и взглянула ей в лицо, словно в зеркало. — Умоляю тебя, Риган. Никто об этом не будет знать — только ты и я. Всего один раз... Ты не хочешь, я знаю, но Господь простит тебя! Сделав это, ты спасешь мне жизнь, спасешь дитя, еще не явившееся на свет, — и Мак-Дуффы будут отомщены! Это наше торжество над Фергюсонами! Пожалуйста, Риган! Пожалуйста!

Риган холодно взглянула на мать.

— Всю жизнь вы не замечали меня, а теперь просите о таком... И я не откажу вам только из-за любви к Груочь, — с горечью сказала она, — и потому, что не могу допустить, чтобы на мне была ее кровь... Это вы знали, леди. И точно рассчитали. Проклинаю вас за это! — Риган встала и твердым шагом вышла из комнаты.

Груочь почувствовала неимоверное облегчение:

— Я знала, что она нас не подведет, мама. Риган — воистину Мак-Дуфф. Она пожертвует собою, чтобы отомстить за смерть отца.

— Она и не думает о моем Торкиле, — слабым голосом сказала Сорча. — Она делает это лишь из любви к тебе, моя Груочь. И я рада, что когда меня не станет, у тебя останется она. Не позволяй Мак-Фергюсу отсылать ее, пока не убедишься, что она не беременна от этого выроodka Фергюсона. Я не доживу до конца недели, моя девочка. Делай что хочешь, но пусть Риган будет рядом с тобою до тех пор, пока ты не убедишься, что в ее чреве нет ребенка от Иэна. Никто не должен знать о нашем возмездии. Довольно того, что знаем мы... — Глаза ее закрылись, и она вновь забылась.

Груочь Мак-Дуфф глядела на мать. Она изнемогла от частых родов. О, я не позволю, чтобы меня постигла та же участь, подумала Груочь. Пусть Иэн Фергюсон и дальше продолжает плодить ублюдков с местными девками. Мне до этого не будет никакого дела, ведь я буду его законной супругой, и мой сын от Мак-Дуффа унаследует все, что они у нас украли, к тому же и все, чем сами владеют. Я буду покладистой и мягкой, но буду рожать лишь тех детей, которых выберу сама. Джеми Мак-Дуфф будет моим любовником. И если это мое дитя умрет, то мой Джеми подарит мне еще одного... Если же вдруг родится дитя от Фергюсона, я сделаю все, чтобы оно не выжило. Никто и ничто не помешает Мак-Дуффам получить назад все, что им принадлежало, и завладеть много большим!

Сестра Груочь была бы поражена выражением прелестного личика девушки. Сорча Мак-Дуфф хорошо воспитала свою любезную дочь. И

пусть она умирает, пусть не проживет и двух дней, но Груочь не обманет ее ожиданий.

Риган, покинув замок, ушла к озеру. Вода всегда действовала на нее успокаивающе, но сегодня даже водная гладь не принесла ей желанного покоя. То, что за годы безрадостного детства в ее душе не накопилась горечь, было чудом и лишним доказательством торжества человеческого духа. Она не знала любви, доброты — и никогда по ним не тосковала.

Риган прекрасно усвоила, что Груочь — наследница, что Груочь — любимица, а она, нелюбимая и нежеланная, непременно станет монахиней. Но в замке Бен Мак-Дун не было священника — последний исчез, когда ей исполнилось всего пять. Она мало знала о вере, если веровала вообще... Она слышала разнообразные объяснения уготованной ей участи. Но все они были не особенно убедительны.

Он» не желала жить в окружении тихих женщин. Они будут только м делать что молиться. Мужчин там вообще не будет. Но все же, зная свою судьбу, она готова была принести Богу, в которого и не очень-то верила, обеты чистоты, нищеты и послушания перед лицом всех монахинь, перед аббатисой... Риган глубоко вздохнула. Ложь была под запретом, но, дабы спасти сестру свою Груочь, она готова была на самый страшный грех. Ведь монахини поголовно должны быть девственницами, а вот она не будет — после того как займет место сестры на брачном ложе. Ну а если она этого не сделает, Иэн Фергюсон сразу поймет, что невеста его еще раньше утратила девственную чистоту. А Мак-Фергюс, как и говорила мать, убьет Груочь, не раздумывая ни секунды. Риган прекрасно знала историю их рождения и то, как старуха Бриди спасла им обоим жизнь, заверив, что девочки не представляют никакой опасности.

Риган снова вздохнула, наклонилась и подняла с земли плоский камушек. Потом прицелилась и умело запустила его так, что он запрыгал по воде. Она медленно брела вдоль берега, обдумывая свое будущее... Риган ни разу еще не удалялась больше, чем на милю или две от замка Бен Мак-Дун — ни разу в жизни. А монастырь, в который ее отошлют, находится на другом краю Аллоа, на далеком побережье Стретчклайда. Она никогда больше не увидит ни замка Бен Мак-Дун, ни своей сестры... Слезы наворачивались на глаза. Невзирая на очевидную разницу в их положении, Груочь всегда любила сестру. Что же до других, то лишь Сорча могла различить близняшек: посему все прочие были с нею весьма любезны, никогда не будучи уверены, кто перед ними: любимица Груочь или отверженная Риган. Теперь же на ее долю остаются лишь воспоминания...

Капля дождя упала ей на щеку. Взглянув наверх, Риган увидела, что в

небе над горами собираются весенние тучки. Она поспешила домой, где нашла Груочь, сидящую у огня.

— Ты уже послала за Мак-Фергюсом? — спросила сестру Риган. — Ему надо бы узнать о рождении Малькольма и о состоянии нашей матери.

— Нет, я никого не посылала, — отвечала Груочь, — я просто сижу здесь и думаю, как странно будет жить без матери... Я останусь одна, когда тебя увезут, моя Риган. Невыносимо тяжело думать об этом...«

— Но у тебя будут и муж, и дети — и дни твои будут заполнены заботами, Груочь, — отвечала Риган. — А вот у меня ничего не будет. Мне не по душе мысль об этом монастыре, но Мак-Фергюс еще при рождении приговорил меня... И тебя тоже. Мы обе будем сыты, одеты, накормлены и в тепле, но достаточно ли этого?

— На свете существует любовь, — мягко произнесла Груочь.

— Я не знаю, что такое любовь. — призналась Риган. — Меня никто и никогда не любил, Груочь, — ну, может быть, только ты... У мамы в сердце не было для меня любви. Парни никогда даже не улыбались мне, думая, что я — это ты. Или, возможно, потому что считали меня будущей монашкой, — она грустно рассмеялась. — Что такое любовь? Для меня это пустой звук, но если это и впрямь что-то стоящее, то я желаю тебе любви, сестра. Пусть она будет тебе утешением!

— Может быть, потом, когда приедет Мак-Фергюс, у меня не будет удобного случая поблагодарить тебя за твою жертву, Риган Мак-Дуфф. Я преклоняюсь пред тобою!

— Я никогда бы не сделала этого, но это лишь ради тебя... — серьезно отвечала Риган. — Ведь ты — часть меня, Груочь. Это так, сестра моя. Между нами словно протянута невидимая, но крепкая ниточка, и, если только это будет в моих силах, я не позволю и волосу упасть с твоей головы. Я считаю, что мама была не права, когда убедила тебя пойти на такое... Ведь отца этим не вернешь. А твой брак тесными узами свяжет Мак-Дуффов из Бен Мак-Дун с Фергюсона. Мы из Киллилоха. Ты никогда не думала, что если бы жив был отец, то дело, возможно, кончилось бы этим самым браком, чтобы примирить враждующие кланы?

— Но его нет в живых. Он убит. Убит Фергюсонами, — отрывисто бросила Груочь. — Я отомщу им всем за него и за нашу бедную маму, которая сейчас умирает — все по их же вине! А ты, ты, Риган Мак-Дуфф? Фергюсоны обрекли тебя влачить жалкую жизнь, жизнь без любви. Как могу я не рассчитаться с ними за это?

Наконец послали за Мак-Фергюсом, и он спешно прибыл. С

одобрением осмотрел он сына, яростного Малькольма, затем убедился, что состояние его матери резко ухудшилось, и объявил, что венчание состоится нынче же вечером.

— Она сильная женщина, но у меня нет уверенности, что она доживет до следующего утра, — сказал он сестрам-близнецам. — Я непременно хочу, чтобы она видела своими глазами, как ты обвенчаешься с моим сыном, Груочь Мак-Дуфф. — Он перевел взгляд на Риган:

— Помоги сестрице облачиться, девочка, будь ей нынче вместо мамы. Я сам поеду за священником.

— Принесите воды для купания! — приказала Риган слугам, и, когда те поспешно исполнили приказание, она жестом удалила их, сказав:

— Я сама вымою сестру перед свадьбой. Придете за нами, когда вернется Мак-Фергюс со священником и женихом. Но до того не смейте нас беспокоить!

— Почему ты отослала их? — с любопытством спросила сестру Груочь, когда они остались одни.

— Я не хотела, чтобы кто-нибудь из них увидел тебя нагой: твой животик, хоть он еще так мал, мог бы возбудить подозрения... — отвечала Риган. И вдруг улыбнулась. — Погляди-ка! — она протянула сестре что-то на раскрытой ладони. Я сама сделала маленький кусочек мыла специально для этого дня. Оно ароматное, с лавандой...

Девушки быстренько скинули с себя одежду и вымылись по очереди, Груочь — первая, а за нею — Риган. Они вымыли и свои длинные золотистые косы, а потом просушили их у огня. Потом Риган вытащила из комода чистую одежду: тонкие и мягкие льняные сорочки и длинные туники с круглым воротом — нижние и верхние. Невесту Риган облачила в нижнюю тунику из тончайшей зеленой шерсти, а поверх надела на сестру более короткую верхнюю тунику из ярко-пурпурного шелка и препоясала ее позолоченным кожаным ремешком с эмалевой пряжкой. Сама она надела одежды тех же цветов, разве что не такие яркие... Обувь им была не нужна — ведь выходить за пределы замка они не собирались.

Груочь надела на голову узкий золотой венчик, изукрашенный маленькими сверкающими самоцветами. Ни она, ни Риган не знали, как называются эти камни, но Сорча всегда говорила, что этот венчик она должна надеть в день свадьбы. Он стоил недешево и был частью ее приданого. Волосы Груочь распустила, как и подобает непорочной невесте. Риган заплела свои волосы в косу и украсила ее почти прозрачной лентой. Затем каждая из девушек приколола к плечу пучок черники в знак того, что обе они принадлежат к клану Мак-Дуфф.

— А как мы с тобою поменяемся местами.., ну.., потом? — спросила Риган сестру.

— Ты будешь стелить брачное ложе, — ведь мама не может... — отвечала Груочь. — Там, в спальне, мы и поменяемся платьями.

— А потом? — не унималась Риган.

— Не знаю... Может быть, тебе придется провести с Иэном всю ночь. Но если он уснет и тебе удастся потихоньку выскользнуть из спальни, ты найдешь меня, и я займу место, которое по праву мое... Ну; не выйдет ночью — тогда поутру... — говорила Груочь, поглаживая руку сестры, стараясь ее успокоить. — Я не могу подобрать слова, чтобы достойно отблагодарить тебя, моя Риган! Помни лишь: Иэн не должен заметить страха в твоих глазах, даже если тебе будет очень страшно. Ты должна быть сильной. Лишь делай то, что он велит тебе, и старайся не плакать.

Когда наконец их призвали в зал, они увидели, что Сорчу уже снесли вниз из спальни на носилках двое сыновей Мак-Фергюса от его первого брака. Собрались все: Фергюсоны из Киллилоха, все клансмены, те Мак-Дуффы из клана Бен Мак-Дун, которых пощадил Мак-Фергюс, и священник.

— Подойдите! Подойдите сюда! — Мак-Фергюс поманил их костлявым пальцем. Когда девушки приблизились, он взял Груочь за руку и подвел ее к своему сыну.

» А на меня он даже не взглянул «, — подумала Риган. И если бы не венчик с яркими самоцветами, он не смог бы различить их. Никто бы не смог. И тут, неведомо по какому наитию, она поняла, что обман, который они затеяли, — дело доброе... Глаза Риган встретились с потускневшими очами матери — это был первый такой взгляд, которым они обменялись за всю жизнь. Губы Сорчи тронула слабая улыбка торжества. Но в следующее мгновение глаза ее вновь устремились на возлюбленную Груочь.

» Сука, — подумала Риган. — Ты принесла нас обеих в жертву во имя своего возмездия, теперь нам предстоит разлука, нам, которые всю жизнь были вместе... Интересно, как отнесся бы наш отец к тому, что ты содеяла, Сорча Мак-Дуфф?...«

Риган так глубоко ушла в себя, что почти не обращала внимания на происходящее вокруг. Вдруг она увидела, как ее мать вздохнула с облегчением. А Мак-Фергюс с размаху хлопнул старшего сына по спине. Груочь изо всех сил старалась выглядеть как подобает смущенной новобрачной. Церемония бракосочетания была окончена — герольды затрубили в трубы. Слуги принялись обносить гостей кубками с вином, а сестры подошли к матери, которая слабела с каждой секундой. Мак-

Фергюс тем временем любовался, как жених и его братья лихо выплясывают...

Что бы там Сорча Мак-Дуфф ни думала о Фергюсонах, но Риган вынуждена была признать, что все они были хороши собой:

— с каштановыми волосами, синеглазые... Все они были одеты почти одинаково — вокруг талии каждого был обмотан плед, закрепленный кожаным ремнем. А вороты белых льняных сорочек были распахнуты на груди, выставляя на всеобщее обозрение густую растительность, которой могли похвалиться все отпрыски Мак-Фергюса, кроме разве что самых младших. Обувь плотно облежала ступни, а кожаные ремешки обхватывали до колен их стройные ноги. На женихе обувь была кожаная, братья же его обуты были в туфли, сшитые из прочной водонепроницаемой ткани. Все они шумно пили, выкрикивая тосты в честь брата и его молодой супруги, танцевали перед гостями...

Приступ удушающего кашля сотряс Сорчу, и, когда дочерям удалось сообща облегчить ее муки, она прохрипела:

— Первая брачная ночь... Я должна узнать, что с моей Груочь все в порядке прежде, чем умру! Отведи сестру в спальню, Риган, и приготовь там все как надобно — я ведь сама не могу...

Девушки выскользнули из зала, не замеченные никем.

Мак-Фергюс и прочие приглашенные в это время как раз заливались хохотом, услышав чей-то на редкость похабный тост. Близнецы во весь дух неслись вверх по лестнице в спальню, заранее заготовленную для новобрачных. Груочь торопливо сорвала с себя подвенечный наряд, переделалась в платье Риган и наспех заплела волосы в толстую косу.

— А я.., должна быть обнаженной? — спросила Риган сестру, стоя в одной льняной сорочке и расчесывая гребнем золотые волосы.

— Да, — отвечала сестра. — Так одежда, по крайней мере, не будет разорвана в клочья нетерпеливым жеребцом, моя Риган...

— Груочь... — поправила ее сестра. — Я Груочь, а ты Риган. Помни!

— — Ложись в постель, — поторопила ее Риган. — Я уже слышу шаги на лестнице. У мамы очень мало остается времени. Думаю, она не доживет до утра...

И только успела новоявленная невеста взобраться на высокое ложе, как двери покоя с треском распахнулись, и гогочущая толпа родичей втолкнула в спальню голого Иэна Фергюсона.

— Исполни супружеский долг! Жена ждет не дождется! — заорал отец. Потом, грубо схватив за рукав переодетую сестрицу, вытолкнул ее из комнаты. — А тебе теперь здесь вовсе не место, ты, маленькая монашка!

Груочь была ошеломлена. Она и представить себе не могла, что Иэн Фергюсон так.., так замечательно сложен. Джеми Мак-Дуфф был великолепен как любовник, но ничем не прикрытое мужское естество Иэна Фергюсона, абрис которого она успела уловить достаточно отчетливо, обещало множество соблазнительных удовольствий... Может, Риган все-таки была права? Мама вскоре не станет. Вражды между кланами больше нет. Ее дитя, дитя Мак-Дуффа, унаследует все, месть будет совершена, а после.., после она, Груочь Мак-Дуфф, с радостью соединит оба клана еще более крепкими узами — узами крови, как того и хотел Мак-Фергюс... Что же до ее сестрицы Риган, то, что бы ни случилось этой ночью в спальне, от нее вскоре избавятся: она уедет в обитель Святой Майры, чтобы прожить там до конца дней своих...

— Займись матерью, Риган Мак-Дуфф! — приказал ей Мак-Фергюс. — А я подожду тут, у дверей спальни, чтобы убедиться в том, что мой сын сделал все как надо и что твоя сестра сохранила девственность, как того требуют обычаи! Ну а если я увижу, что Мак-Дуффы сыграли с нами злую шутку... — он провел пальцем по горлу, издав при этом недвусмысленный звук.

— Милорд, — спросила девушка, — как вы могли подумать, что Груочь утратила девственность до свадьбы и обманула вас?

— Ваш единоутробный брат Дональд говорил мне, что она что-то чересчур дружна с молодым Джеми Мак-Дуффом...

— Не спешите верить Дональду. В его обычае лгать — и все затем, чтобы разжечь между нами вражду... Мама за это не раз его била, притом очень больно. И Груочь, и я в прекрасных отношениях с кузеном Джеми, но между нами очень чистые отношения, клянусь вам! К тому же они ни разу не остались наедине, я всегда была с ними: мама настаивала на том, чтобы мы соблюдали все приличия...

— Ты добродетельная девица, Риган Мак-Дуфф, — сказал ей Мак-Фергюс. — А теперь иди к матери — облегчи ей своим присутствием последние минуты.

— А вы.., вы не пойдете с нею проститься?

— Мы уже сказали друг другу последнее» прости «, — ответил он и подтолкнул ее в сторону лестницы. А затем все внимание его сосредоточилось на том, что происходит в спальне новобрачных...

...Горела лишь одна свеча. Иэн Фергюсон гордо выпрямился во весь рост, демонстрируя девушке свою мужскую гордость.

— Ну?

— Что» ну «? — отвечала девушка. Сердце Риган бешено колотилось,

но она не выказывала страха перед мужчиной.

— Как, по-твоему, Груочь, замечательное оружие, а?

Мой жеребец еще даже и не встал на дыбы, а у этой малютки-монашки глаза раскрылись на пол-лица! Она-то никогда не узнает, что это такое, — ни со мною, ни с кем другим. Бедняжечка! А все-таки жаль, что я не какой-нибудь неверный и не могу взять в жены вас обеих. У наших предков было по несколько жен... А язычники-саксонцы и сейчас содержат гаремы! Признайся, малышка, хотела бы ты делить меня с кем-нибудь?..

— До меня дошли слухи, что дело давным-давно так и обстоит, — парировала Риган. — Говорят, что в округе не менее дюжины твоих отпрысков, Иэн Фергюсон. Но, как бы то ни было, дети, которых рожу тебе я, положат конец нашей розни и будут твоими законными наследниками, супруг мой.

— А ты смелая... с»

Иэн не знал, что делать: ударить ее за такую наглость или сделать вид, что ничего не произошло. Он обнаружил, что ему по сердцу ее бесстрашие.

— Дональд говорит, что ты наставляла мне рога с Джеми Мак-Дуффом, Груочь. Ну, если это так — я убью тебя и возьму в жены крошку-монашку!

— Дональд лгун, — спокойно отвечала она. — Идите сюда, мой господин, и убедитесь сами, девственна я или нет.

«Дональд заплатит за это», — подумала про себя Риган, протягивая руки навстречу Иэну Фергюсону.

Он отбросил одеяло, скрывавшее се юное тело. У нее были прелестные маленькие грудки и высокая талия. Кожа ее была цвета сливок. Он протянул руку, чтобы потрогать. Ах, какая гладкая, какая нежная... Потом коснулся ее золотого локона. Волосы мягкие, словно пух... Склонившись над девушкой, он поцеловал ее второй раз за день — и тут же в нем проснулась похоть. Он вскарабкался к ней на постель и сомкнул руки вокруг ее тела.

Риган сморщила носик. От Иэна Фергюсона несло потом и лошадыми. Надо же, не потрудился помыться даже перед свадьбой! И, хотя ей и было любопытно, как все происходит между мужчиной и женщиной, она не завидовала сестре... Подумаешь, подарок! Рука его вдруг скользнула вниз, проникла меж бедер, трогая ее там, где, как она полагала, никто и никогда ее не коснется. Он придавил ее к постели всем телом, другая рука блуждала по ее груди... Риган закусила губу, чтобы не закричать — его грубое поведение начинало уже пугать ее. Но она вовремя вспомнила предупреждение Груочь. Не дай ему почувствовать, что ты боишься!

Она вывернулась из его объятий:

— Что я должна делать, Иэн? — Должна же ведь и я делать что-то, разве нет?

Изумленный, он уставился на нее:

— Чего? Нет, дорогуша, тебе ровным счетом ничего делать не надо. Сейчас ты станешь моей. Просто лежи.., и будь хорошей девочкой. В постели все делает только мужчина. — Он вновь прижался губами к ее рту и всунул язык так глубоко туда, что Риган чуть не вырвало.

Риган была ошеломлена. Так значит, женщина просто должна лежать тихо, как мышонок? С какой тогда стати многим из них так все это нравится? Но, может быть, когда они приступят к делу, что-нибудь прояснится? По крайней мере, то, что происходит сейчас, до ужаса противно...

— Раздвинь-ка ножки, милашка! — приказал Иэн, и, как только она повиновалась, он оказался между ее ногами. «Ее смущение неопровержимо доказывает ее девственность», — подумал про себя Иэн. Ну, он насыпет Дональду по первое число, если только тот солгал! Иэн Фергюсон устроился поудобнее и грубо вошел в ее тело, но тут же натолкнулся на преграду. Так вот она, ее девственность, возликовал он, потом чуть подался назад, но лишь затем, чтобы еще яростнее устремиться к заветной цели...

Риган громко вскрикнула от изумления и острой боли, которая тут же распространилась на всю поясницу. Позабыв советы Груочь, она принялась бороться с Иэном изо всех сил, молотя кулачками по его волосатой груди, а тот, не обращая внимания на ее протесты, продолжал свое дело размеренно и Мощно...

— Ты делаешь мне больно, Иэн! — рыдала она. — Прекрати! Прекрати!

Но он словно ее не слышал. Член его двигался в ней все быстрее и быстрее, и вот Иэн громко застонал и, покрытый потом, распростерся на ней.

— О Иисусе, ну и трудно было, детка, — твой потаенный проход еще так узок, но мы поможем горю, мой жеребец и я... — горячо зашептал он ей на ушко. Затем он слез с постели, взял свечу и, приподняв ее повыше, с ухмылкой осмотрел ее бедра, простыню и свой теперь уже обмякший член — все было запятнано алой кровью. Подойдя к двери, он распахнул ее:

— Войди, папа, и погляди сам. Моя женушка и вправду оказалась девственницей — или я ошибся, Груочь?

«...Поначалу было очень больно, а потом уже не так», — думала Риган. И все равно, ей не понравилось совокупление, вовсе не

понравилось... Смущения она не чувствовала. Ей просто было очень холодно — оттого она и дрожала. Если это называется любовью, то пусть этим занимается сестрица... Для нее же в этом нет ничего привлекательного.

— Вздуй Дональда от моего имени, папа, — сказал отцу Иэн. — Щенок нам солгал.

— Так говорила и маленькая монашка, когда я спросил ее нынче обо всем этом, — отвечал Элсдейр-Фергюсон. — Ну и прекрасно, я рад, что девица оказалась непорочной. Не стану мешать тебе, парень. Наслаждайся — и доброй тебе ночи!

...Риган думала, что Иэн никогда не уснет. Еще дважды он терзал ее измученное тело. Потом, наконец, к ее величайшей радости, он громко захрапел. Когда она убедилась, что он крепко уснул, Риган выпросталась из-под одеяла и, подняв с пола сорочку, тихо, словно мышка, скользнула за дверь. Быстро спустившись ниже этажом, она вошла в покои, где ее сестра сидела у ложа матери.

Груочь вскочила на ноги.

— С тобою все в порядке? — прошептала она.

— Ну, знаешь... — отвечала Риган. — Он причинил мне ужасную боль. — Она вкратце пересказала все, что произошло в спальне наверху. — Лучше тебе поспешить наверх, пока он не проснулся. У меня нет сомнений, что это чудище снова захочет поймать свою молодую женушку еще до рассвета. Он похотлив, словно жеребец, моя сестрица.

Сестры снова обменялись платьями, а Груочь намазала внутреннюю поверхность бедер заранее заготовленной цыплячьей кровью и торопливо натянула сорочку.

— Спасибо тебе... — просто сказала она. И вот ее уже. и след простыл...

Риган торопливо смыла со своего тела следы позора и облачилась. Потом уселась и поморщилась от боли, когда ее маленькая попка соприкоснулась с досками лавки. Как все-таки это больно...

— Риган... — голос матери пробудил ее от тягостных раздумий.

Риган наклонилась к умирающей, вглядываясь в ее лицо:

— Что?

Мать протянула руку и крепко сжала ладонь дочери:

— Ты добрая девочка... — И Сорчи Мак-Дуфф не стало.

Риган была потрясена, но чем именно, она не могла с уверенностью сказать. Кончина матери была так проста... Чего не скажешь о ее последних словах. Она всю жизнь прождала ласкового слова от Сорчи Мак-

Дуфф, но вся любовь матери была лишь для Груочь, все ее мечты и чаяния были связаны лишь со старшей, с любимицей... Лишь ей говорила Сорча ласковые слова. А вот последних слов матери никто у Риган не отнимет...

— Ах, мама! — только и смогла она выговорить. — Да примет Господь твою бедную душу...

Освободив пальцы от пожатия мертвой руки, Риган Мак-Дуфф спустилась вниз, в зал, чтобы сообщить Мак-Фергюсу, что мать ее опочила. Он кивнул, и ей показалось, что в голубых глазах его блеснули слезы.

— Я позову старую Бриди, чтобы она омыла и убрала тело как подобает, милорд, — сказала Риган. — Пусть Груочь с молодым мужем спят спокойно...

— Да, — согласно кивнул он. И более не вымолвил ни слова.

На следующий день они предали земле тело Сорчи Мак-Дуфф возле могилы ее мужа, на склоне холма у озера. День был серый и дождливый. Когда завернутое в саван тело опускали в могилу, трубы играли гимн клана Мак-Дуфф. После смерти Торкиля сердцем клана стала Сорча. И вот это сердце перестало биться... Наследница Бен Мак-Дун замужем за Фергюсоном, а через месяц сестра ее поедет через всю Шотландию в монастырь, и более никто ее не увидит. Погребальный плач Мак-Дуффов был горьким, продолжительным и непритворным...

Джеми Мак-Дуфф разыскал Риган:

— Ну и как, понравилась Иэну Фергюсону его невеста? — с лукавинкой спросил он.

— Она была чистой и непорочной, — спокойно ответствовала Риган, — и если кто-то усомнится в этом, то получит кинжал в самое сердце, кузен. — Голос ее звучал предупреждающе.

— Выходи за меня... — сказал он, изумив девушку несказанно.

— Что? Может быть, ты спутал меня с Груочь, юнец? Нет, ты просто хочешь оскорбить меня... Не разыгрывай дурня, Джеми, — дружески посоветовала ему она.

— Ты дочь Торкиля Мак-Дуффа, — объяснил он. — Ты знаешь, что многие хотят возродения попанной чести клана Мак-Дуфф и падения Фергюсонов...

— На свете множество дурней, Джеми Мак-Дуфф, — отвечала Риган. — Я никогда не знала отца: он погиб в междоусобной брани еще до моего рождения. Все эти годы мы жили в мире. Фергюсоны значительно превысили нас числом, потому и победили. Для чего ты вновь затеваешь смуту? Чтобы наши юноши вновь гибли во славу клана Бен Мак-Дун? Нет, я не возьму на душу такого греха...

— Твоя мать никогда бы не сложила оружия...

— Наша мать мертва, — грубо оборвала его девушка. — И если тебя существующее положение вещей не устраивает, Джеми Мак-Дуфф, — убирайся! Покинь клан Бен Мак-Дун! Я не позволю тебе разрушить счастье сестры!

— — Счастье? Уж не с Иэном ли Фергюсоном? — недоверчиво и насмешливо спросил он.

— Только нынче утром она по секрету призналась мне, что Иэн — восхитительный любовник, — сказала Риган. И неумолимо прибавила:

— Лучший, какого она когда-либо знала...

В ярости юноша покинул ее. Больше она никогда его не видела. К своей радости, она несколькими днями позже узнала, что Джеми Мак-Дуфф завербовался в солдаты и уехал в какую-то неведомую Византию. Груочь же была просто счастлива отделаться от своего бывшего возлюбленного. Страстность молодого мужа пришлась ей весьма по вкусу, и она была вполне довольна...

Риган все еще оставалась в замке Бен Мак-Дун, но, к своему изумлению, обнаружила, что без матери она здесь и вовсе чужая. А Груочь вскоре стала мучиться ревностью при малейшем знаке внимания, оказываемом ее супругом родной сестре. Теперь она беззастенчиво торопила ее со сборами и отъездом. И радостно вздохнула, узнав, что месячные у Риган пришли вовремя...

— Ну теперь-то ты едешь? — спросила она чересчур прямо. — Да, — отвечала Риган. — Но ведь ты дашь мне время, чтобы оправиться, сестра? Ты же знаешь, как тяжело мне будет в дороге, да еще теперь...

— Ну конечно, — с неохотой вымолвила Груочь. — К тому же это путешествие будет не из легких. Я не хочу, чтобы у тебя были лишние проблемы...

— Когда я уеду, мы больше никогда не увидимся, — сказала Риган. — Но я всегда буду любить тебя, Груочь.

— И я... — сказала Груочь. Голос ее смягчился. — Правда, я вовсе не хочу, чтобы ты уезжала, но старик тверд в своем решении. Он говорит, что ты своим присутствием здесь лишь искушаешь клансменов Мак-Дун, моя Риган...

— И он прав, — отвечала сестра. — Джеми Мак-Дуфф так просто напрямик предложил мне пойти за него и восторжествовать над Фергюсонами, но я прогнала нахала.

Причем передала ему, будто ты сказала, что Иэн как любовник даст ему сто очков вперед.

— Да, это так, — хихикнула Груочь. — Ты права была, когда назвала его жеребцом, моя Риган. Я сейчас уже почти жалею, что беременна — ведь скоро живот мой станет настолько велик, что я не смогу ублажать его. Тогда он снова пойдет по деревенским бабам...

— Ты уже сказала ему, Груочь?

— Нет, но скоро обрадую. — Груочь улыбнулась. — Он надуется от гордости как петух, да и старик растает от счастья, — заключила она.

«...Она довольна», — подумала Риган. — Возмездие, задуманное нашей матерью, совершается, но, похоже, Груочь нет до этого уже равным счетом никакого дела. Она просто счастлива, что стала женою Иэна Фергюсона, правда, не пойму с чего... Нет, конечно, он смазливый парень, но неотесанный и грубый. С каждым годом он все более будет походить на отца. Хотелось бы поглядеть, каковы будут их детки, но этого я никогда не увижу. Скоро, очень скоро я покину Бен Мак-Дун. Когда-то я думала, что мне будет больно, но теперь... Груочь нашла свое место под солнцем, а вот я нет.»

Погожим весенним утром Риган Мак-Дуфф покидала то, что всю жизнь считала родным домом. Путешествие должно было занять не менее двух недель — им предстояло пересечь Аллоа и попасть в область, именуемую Стратклайд, в юго-западной оконечности страны. Девушку сопровождали воины обоих кланов. Старый Мак-Фергюс показал ей небольшой, но увесистый ларец, который затем вручил капитану стражи.

— Твое наследство, кроха, — сказал он. — Эндрю собственноручно вручит его матери Уне. — Затем, почувствовав, что девушка в смятении, прибавил:

— Обитель Святой Майры находится на самом побережье. Я знаю, милая, ты ведь никогда не видела моря. Оно может быть прекрасным, и пугающим, яростным и бурным. А в ясный день ты сможешь увидеть даже скалы Эйре, земли кельтов, по ту сторону пролива. Аббатисой в обители моя родственница Уна, по крайней мере, была ею, когда ты родилась. Она добрая женщина, насколько мне известно... Ну а если ее там уже нет — все равно: твое имя давно занесено в тамошнюю книгу, тебя ждут, тебя примут. Отныне там твой дом.

— А здесь я теперь чужая, милорд? — храбро спросила Риган.

Мак-Фергюс вздохнул:

— Боюсь, не быть тебе доброй монашкой, но что еще могу я сделать для тебя, милая? У Бен Мак-Дун может быть только одна наследница, та, которая сейчас стала женою моего сына. У них вскоре родится дитя. Ты опасна для нас, Риган Мак-Дуфф. Даже не произнося ни слова, ты можешь

одним своим присутствием поднять клан Мак-Дун на мятеж против нас, Фергюсонов, а этого я не допущу! Ты ведь не глупышка. Ты все понимаешь...

— Да, — кивнула Риган. — Но это не значит, что все это мне по душе. А могу я остаться? Я не допущу волнений среди Мак-Дун! Буду сидеть тише воды, ниже травы. Для меня невыносима мысль, что меня заточат навеки...

— Раскрою тебе один секрет, детка, — сказал Элэсдейр Фергюсон. — Сперва придется научиться терпению. Пока ты молода, это будет нелегко... А потом, дитя, стремись к власти там, за монастырскими стенами. Ты ведь явно не удовлетворишься положением простой монахини — и добро! Познав власть, ты обретешь и покой. А теперь пойд и прости с сестрой.

Груочь и радовалась, и печалилась из-за отъезда сестры. Сознание ее раздвоилось: одна половинка испытывала облегчение. Ведь Иэн частенько поддразнивал ее, говоря, что когда-нибудь может их ненароком спутать... А что, если он по ошибке окажется в постели крошки-монашки, как он всегда называл Риган? В этой шутке была доля правды, что крайне волновало Груочь... К тому же Риган знала ее тайну. А если в замке не будет Риган, то Груочь сможет сделать вид, что дитя, шевелящееся у нее под сердцем, и впрямь от Иэна — ведь мать унесла тайну с собой в могилу. Более никто ни о чем не подозревал.

...И все же Риган была такой же частью ее, как, например, правая рука или нога. Они всю жизнь были неразлучны — а теперь им предстоит расстаться навеки. И вряд ли они когда-нибудь снова свидятся...

Сестры крепко обнялись, цепляясь друг за друга в тщетном порыве... Слова были бессильны. Потом Риган помогли взобраться на низкорослую лошадку. Она всего раз обернулась — но увидела лишь, что Груочь рыдает на плече мужа. Она даже не помахала рукой на прощание...

Они ехали куда быстрее, нежели предполагала Риган. Деньки стояли погожие, а ее свита хотела поскорее Доставить девушку в обитель и убраться восвояси домой. Воинам было неуютно в незнакомых землях. Сначала они ехали на запад, затем повернули на восток. И если бы не грустная цель путешествия, Риган от души наслаждалась бы... Она была очарована красотой природы. А ночами они вставали лагерем у самой дороги, лишь изредка находя приют в обители какого-нибудь монашеского ордена. Все воины, сопровождавшие ее, будь то Мак-Дуффы или Фергюсоны, были с нею неизменно почтительны — и не более. Чему, кстати, девушка была несказанно рада: никаких склок, никаких плановых распрей...

Наконец, они выехали на дорогу у самого побережья, и вид моря поразил Риган. Казалось, оно безбрежно, бесконечно...

— У него и вправду нет конца и края? — вслух спросила она.

— Представляю себе, как какая-нибудь девушка на том берегу спрашивает в точности о том же... — с улыбкой отвечал капитан стражи. Он был Мак-Дуфф, и хотя всем сердцем сочувствовал Риган, но вовсе не хотел возрождения старых родовых распрей между Мак-Дуффами и Фергюсонами. Семейные люди всегда предпочитают мир...

Вскоре погода переменилась: с моря подул холодный ветер, и закапал дождь, поэтому обитель Святой Майры выглядела не слишком гостеприимно, когда они постучались у ворот. Большое серое здание за высокими стенами, сложенными из огромных булыжных глыб, стояло на самом берегу моря. Привратница, маленькая и суетливая монашка,пустила Риган и капитана.

— Прошу вас, подождите, — сказала она тихо и смущенно. — Пойду и доложу матери Юб, что у нас гости.

— А мать Уна? Она больше не аббатиса? — спросила Риган монашку. — Может быть, меня здесь уже никто не ждет... — прибавила она с надеждой.

— Мать Уна уже очень стара и живет в монастыре на покое, — объяснила маленькая монашка. — Но делами обители она больше не может заниматься. — И монашка поспешила вон.

— Не думаю, чтобы в столь тихом местечке были такие уж серьезные дела... — сказал капитан, но, оглядевшись, не мог не признать, что Обитель очень и очень богата. На дубовом столе красовались золотые и серебряные подсвечники, на стенах висели великолепные гобелены. В комнате, где им предложено было дожидаться, был прекрасный камин с хорошей тягой — тут совсем не пахло дымом.

— Здесь вы будете в безопасности и довольстве, леди, — постарался как мог утешить грустную девушку капитан.

— Стены... Такие высокие стены, — сказала Риган. — Вокруг замка Бен Мак-Дун не было стен. Я могла спокойно приходить и уходить, когда захочу. Не люблю стен...

» Убегу! — думала она. — Как только уедут воины, тотчас же убегу. И никому не будет до меня никакого дела «.

— Может быть, если бы замок Бен Мак-Дун был обнесен крепостной стеной, ваш отец был бы сейчас жив, а вы просватаны за хорошего человека, как ваша сестра...

Двери открылись и вошла высокая миловидная женщина. Она была в

черном, по обычаю монастыря, но на ее груди сверкал поразительной красоты крест, изукрашенный драгоценными камнями, а рука, протянутая им для приветствия, была вся в перстнях. — Я мать Юб, — произнесла она хрипловатым чувственным голосом. Темные глаза ее с интересом изучали капитана.

— Вот это леди Риган Мак-Дуфф, — промямлил капитан, растерявшись под этим бесстыдным взглядом и в конце концов решив, что не так понял аббатису. — Ее шлет сюда лаэрд Киллилоха, чтобы она стала монахиней в вашей обители. Об этом было договорено уже много лет назад с матерью Уной, родственницей лаэрда. Вот часть ее наследства, матушка.

Риган встретила взглядом с аббатисой и, к своему удивлению, заметила в ее темных глазах веселые искорки. Неужели эта женщина издевается над нею?

— Но если у девицы нет призвания к монашеской жизни, — возразила мать Юб, — тогда что ей делать здесь?

Она взвесила на ладони тяжелый кошель. Бывало, ей давали кошельки и поувесистее, но и этот не так уж легкий. Девица, несомненно, кое-чего стоит...

— Это одна из двух наследниц Бен Мак-Дун, — объяснял тем временем капитан. У покойного лаэрда Торкиля Мак-Дун родились две девочки. Сыновей им с женой не дал Бог. Потом лаэрд Киллилоха — тот самый родственник матери Уны — предназначил одну из девочек в жены своему старшему сыну. А эта — младшая. Лаэрд не мог допустить, чтобы у Мак-Дун было сразу две наследницы, а ее сестра теперь уже замужем и носит дитя под сердцем. Этой девушке с рождения была уготована участь монахини здесь, в вашей обители. Вот почему мы здесь, матушка.

— А где находятся земли Бен Мак-Дун? — поинтересовалась мать Юб.

— В горах Аллоа, почти что у другого моря, матушка. Мы ехали сюда целых пятнадцать дней.

— Понимаю... — мать Юб задумалась. Девушку наверняка отослали столь далеко, па другой край страны, чтобы клансмены Мак-Дун не подняли мятежа против лаэрда Киллилоха, который ловко заграбастал наследство обеих девиц, женив сына на старшей...

— Назовите мне имя вашего лаэрда, капитан.

— Элэсдейр Фергюсон, матушка.

— Передайте Элэсдейру Фергюсону, что он может не беспокоиться более о судьбе леди Риган. Передайте, что я клятвенно заверяю его, что ни он сам, ни кто-либо из клана Мак-Дун никогда не увидит этой девушки.

Теперь она под моей опекой. — Мать Юб улыбнулась:

— Можете идти, капитан.

И тут, к величайшему изумлению аббатисы, капитан преклонил колена перед Риган и почтительно поцеловал ей руку:

— Да хранит вас Бог, леди.

Потом поднялся и со вздохом вышел. Привратница поспешила выпроводить его.

— Пойдем со мною, — тоном, не терпящим возражений, сказала мать Юб и, повернувшись так стремительно, что зашуршали юбки, обвившись вокруг щиколоток, вышла из комнаты.

Риган последовала за высокой монахиней, чтобы поспеть за нею, девушке пришлось почти бежать. В здании, как выяснилось, был просторный внутренний двор с прелестным розарием. Там было очень тихо, и сквозь окна первого этажа слышны были молитвы — монахини возносили хвалы Господу в своих кельях-одиночках. Когда они пересекли двор, мать Юб открыла какую-то дверь. Они поднялись вверх по ступеням и оказались в просторной светлой комнате.

Тут монахиня резким движением сорвала с головы клобук, и черные волосы заструились по ее плечам. Повернувшись к девушке, она приказала:

— Сними плащ, дева. Я должна получше рассмотреть тебя.

Удивленная, Риган повиновалась. Под темным плащом она облачена была в темно-синюю тунику. Мать Юб сама стянула покрывало с головы Риган.

— Иисусе! Какие великолепные волосы! — Тут она повернулась к мужчине, который неведомо как и когда очутился в комнате:

— Ну, какова грива, Гуннар? Не солома, как у твоих датских девок, а настоящее золото! Да еще с серебряным отливом! — Потом она вновь повернулась к Риган; — Разденься, дева.

— Леди! — Риган была потрясена. Мать Юб отвесила Риган пощечину:

— Повинуйся мне, дева! Теперь я твоя госпожа. Здесь, в обители Святой Майры, правлю я!

— Так что же вы за монахиня, если у вас в комнате находится мужчина и вы сами требуете от девушки, чтобы она щеголяла перед ним нагишом? — не унималась Риган. — И где матушка Уна? Не думаю, чтобы она одобрила ваше поведение. Я не желаю здесь оставаться!

Человек медленно поднялся со стула. Он был среднего роста, с почти квадратным телом, и, на первый взгляд, казался несколько грубоватым. Череп его был гладко выбрит, но на темени оставлена темно-пепельная

косица, перехваченная у основания кожаным шнурком с бронзовыми наконечниками. Подойдя к Риган, он взглянул девушке прямо в глаза, но она не затрепетала, подобно сотням других, на кого он так глядел прежде. Улыбка его была ледяной. И вдруг он схватил ее одной рукой за волосы, а другой рванул тунику у ворота так, что она разорвалась почти надвое. Он быстро освободил ее тело от обрывков одежды и отошел, чтобы полюбоваться.

— Девственница-блондинка, — одобрительно сказал он. Голос его звучал хрипло. — Это кругленькая сумма. Донал Рай говорил, что от мавров за блондинку-девственницу можно получить целое состояние. А эта к тому же очень молода...

— Я не девственница! — Риган плюнула ему в лицо. Вот вам! Это спутает их планы, что бы они ни задумали.

— Не девственница? А сюда тогда зачем явилась? — завизжала мать Юб. — Ты, должно быть, вконец потеряла стыд, если являешься в святую обитель, утратив девственность!

Мужчина оглушительно расхохотался:

— Уймись, Юб! Да девка просто врет без зазрения совести, чтобы спастись! Что, разве я не прав, милашка?

— Я не лгу! — зло бросила Риган.

— А вот сейчас и проверим! — и он снова крепко схватил ее за волосы.

— Я не лгу! — упрямо повторила Риган.

— У тебя был любовник? — спросил он.

— Муж моей сестры...

— Так вот почему тебя упекли сюда! — возмутилась мать Юб. — Ах ты, распутная девка!

— А сами вы, леди? — напала на нее Риган. — Не знаю уж, каковы вы на самом деле, но это занятие не для монахини! Вам должно быть совестно!

Страх девушка не чувствовала, хотя подозревала, что все на самом деле очень страшно. В самом воздухе ощущался запах беды.

Мужчина по имени Гуннар, все еще крепко держа девушку за волосы, подтащил ее к столу, стоящему у окна. Потом, схватив ее железными пальцами за шею, он силой заставил ее согнуться:

— Стой спокойно! — зарычал он. — Не то убью, девка!

Она почувствовала, как пальцы его ощупывают ее бедра. Тяжелое мужское тело прижималось к ней все теснее. Потом Риган почувствовала, как твердая, как камень, мужская плоть входит в нее...

— Ублюдок! — зашипела мать Юб. — Ты страшный человек, Гуннар Кровавый Топор! Иметь эту девку прямо здесь, в моем присутствии! Ненавижу тебя!

— Она не солгала, — оборвал он вопли оскорбленной женщины. — Она не девственница, но еще совсем недавно была ею. Муж ее сестры, похоже, был у нее единственным мужчиной. Мускулы его зада ритмично сокращались в такт его размеренным движениям:

— Донал Рай возьмет ее, Юб, и хорошо заплатит. Похоже, одна эта девица стоит всех прочих, которых мне удалось собрать за это плавание. Теперь можно считать рейд успешным. — На мгновение глаза его закрылись, он глухо застонал от наслаждения. Мускулы его тела расслабились, и он извлек обмякший член из тела Риган:

— Она бесстрашна — и это хорошо. — Выпустив Риган, он сказал:

— Надень платье, девушка.

Риган склонилась и подняла с пола разорванную в клочья одежду.

— Вы изорвали ее, — спокойно произнесла она: разум ее отказывался повиноваться, она не желала понимать, что только что произошло с нею. Просто еще один мужчина, такой же, как Иэн. Их соитие ничего не значит. — Либо я должна тотчас же зашить платье, либо потрудитесь дать мне другое, леди, — обратилась она к матери Юб.

Что-то в ее непоколебимом спокойствии заставило монахиню затрепетать. Девушку только что безобразно и жестоко изнасиловали. Она должна биться в истерике, кричать — ан нет!

— У тебя нет времени зашивать платье! — нервно сказала мать Юб. — Я дам тебе одежду.

Она подошла к комоду у стены и достала темную тунику и поношенную сорочку из грубого льна.

— Вот, дева, — ворчливо произнесла аббатиса. Риган взяла из рук монахини одежду. Она ни в какое сравнение не шла с той, что была безжалостно разодрана.» Как странно, — подумала Риган, — что я в состоянии сейчас замечать подобные вещи!«Одеваясь, она обратилась к монахине:

— Дайте мне нитку с иглой, леди. Я починю свое платье, а это верну вам. Не люблю оставаться в долгу. — Она подняла с пола рваное платье и накинула его на плечи. Знакомый запах действовал успокаивающе.

Гуннар Кровавый Топор кивнул:

— Вот этим она и займется во время плавания.

Риган подняла на него глаза:

— Куда вы меня увозите?

— В Дублин.

— А где это?

— Ты не годишься для обителю: задаешь чересчур много вопросов, — зло бросила мать Юб.

— Это по ту сторону моря, в Эйре, — отвечал Гуннар Кровавый Топор.

— А что будет, если Мак-Фергюс придет за мною?

— Он никогда никого не придет за тобою, дева, — уверенно сказала, монахиня. — Думаешь, почему он отослал тебя в такую даль? Да чтобы никогда больше тебя не видеть! А если кто и спросит, что с тобою, то я скажу, что ты преставилась.

Гуннар Кровавый Топор рассмеялся:

— Ты хитроумная шлюха, Юб! Мы отплываем вечером. Проследи, чтобы товар подготовили к погрузке. Тотчас же!

— Когда ты вернешься ко мне? — развязно спросила монахиня.

— Но ведь в ближайшие несколько месяцев у тебя не будет для меня товара, Юб, — отвечал Гуннар Бладэкс. — А когда я покончу с делами в Дублине, я отправлюсь домой, в Данию. Ну, может, следующей весной и загляну к тебе...

— А как с моей долей? — взволнованно спросила мать Юб. — Думаешь, я поверю в сказку о том, что весной ты приедешь и привезешь денежки? Либо плати мне прямо сейчас, прежде чем забирать товар, либо возвращайся с деньгами прежде, чем отплыть домой, Гуннар Кровавый Топор!

Тот оскалился на нее, но все же ответил:

— Да получишь ты свое серебро, алчная сука! А теперь собирай девок! Я вовсе не намерен торчать тут еще целый день! — Он сграбастал Риган в охапку; — А эту цыпочку я тебе не доверю. Заберу сам это сокровище.

— Нет, вначале дайте мне иглу и нитки! — настаивала — Риган.

Монахиня со злостью швырнула ей просимое и в ярости выбежала из комнаты.

— Ты тверда, словно скала, девушка! — сказал Гуннар Кровавый Топор. — Если бы не куча монет, которую мне отваяют за тебя в Дублине, я взял бы тебя в жены. Как зовут тебя, девушка?

— Риган.

— Но это имя юноши! — изумился Гуннар.

— Моя мать хотела сына. Но первой родилась моя сестрица-близнец, Груочь, а сразу же за нею — я...

— Так у тебя есть сестра-близнец? — присвистнул Гуннар. — Вот если бы вы обе достались мне, я просто озолотился бы!

И он повел девушку прочь.

Они спустились по ступеням, но не пошли через внутренний обсаженный розами дворик: Гуннар распахнул неприметную дверку в стене, ведущую наружу. Взору Риган предстала узенькая тропка, спускающаяся к морю. А на берегу она увидела еще не спущенный на воду самый настоящий корабль. Такое Риган видела впервые. Утлые челны, бороздившие гладь озера там, в Бен Мак-Дун, ни в какое сравнение не шли с этим красавцем. Она сразу же поняла, что это судно может свободно переплыть море.

— Из чего он сделан? — спросила она Гуннара.

— Из дуба, — отвечал датчанин. — А мачта сосновая. Нам порой помогает ветер, но на судне еще должно быть тридцать два гребца, хотя сейчас тут нас всего около двадцати. В летнем море куда легче...

— И он поплывет прямо через море?

— Ну да!

— А долго придется плыть? Когда мы доберемся до этого... Дублина?

— Через три-четыре дня. Это зависит от попутного ветра, — отвечал Гуннар. — Послушай, тебе разве не интересно, что я собираюсь сделать с тобою, Риган? Ты что вовсе не боишься?

Аквамариновые глаза Риган стремились на мужчину:

— Разве сможет любопытство повлиять на мою судьбу, Гуннар Кровавый Топор? И с чего мне бояться тебя? Ведь ты явно не намереваешься умертвить меня. Я прибыла в обитель Святой Майры не по зову сердца. Я вовсе не хотела становиться монахиней. И какая бы участь ни была мне уготована, она не может быть страшнее той, от которой ты меня избавил.

— Никогда прежде не встречал женщины, способной рассуждать здраво, — с восхищением сказал северянин. — Чувства не лишают тебя разума, Риган, и это очень хорошо. Что ж, я расскажу тебе, что с тобою станет. Я намереваюсь продать тебя в Дублине работорговцу по имени Донал Рай. Ты удивительно красива, а Донал Рай покупает лишь самых лучших рабынь. А в Мавритании есть особый рынок, где торгуют красавицами. Ты будешь жить в куда большей роскоши, нежели твоя сестрица, — ; ты будешь самоцветом в сокровищнице какого-нибудь богача. А если ты подаришь ему детей, то будешь купаться в золоте!

Риган кивнула:

— Это куда лучше, чем я предполагала.

...Как она спокойна. Как покорна. Пораженный Гуннар спросил:

— И твое сердце не станет томиться по оставленным здесь любимым? — А как же твой любовник, сестрин муженек, хотел он спросить.

— Здесь у меня нет любимых, — она увидела безмолвный вопрос в его глазах и рассказала все о Иэне Фергюсоне:

— Моя девственность была принесена в жертву, чтобы осуществить коварный план возмездия, выношенный нашей матерью, и спасти Груочь от неминуемой мучительной смерти.

Только и всего, — закончила она.

— Так ты никогда не любила мужчину?

— Я никого и никогда не любила, пожалуй, кроме моей Груочь, — честно отвечала Риган. — Я не уверена даже, что понимаю, что это слово значит. Любовь? У матери моей любовь к отцу после его кончины превратилась в мучительную жажду мести. Кто знает, как она любила его раньше... А любовь ее к Груочь, тоже была ущербной, ведь любимая дочь была не более чем орудием мести в ее руках. Она холила и лелеяла ее, выкармливала ее грудью, но лишь затем, чтобы девочка с молоком матери всосала ненависть к обидчикам. Я же для матери была ничто. Пустое место. Только на смертном одре она сказала мне доброе слово. Только перед кончиной... До того меня как бы не существовало. Она ни разу не приложила меня к груди, ни разу не смазала мне ссадины целебной мазью, когда я была малышкой. Груочь — вот все, что у меня было, да и то лишь тогда, когда мать отпускала ее от себя. Любовь? Даже не знаю, что это значит. Да полно, существует ли она вообще, Гуннар Кровавый Топор?

И тут он понял, почему она не расплакалась после того, как он надругался над нею. Она, словно их легендарные» ледяные девы «. Он уже отчаянно завидовал тому, кто когда-нибудь разбудит ее чувственность, ее любовь. К тому же такой красавицы ему не приходилось еще встречать. Несмотря на все, что было в ее жизни, она была полна чистого очарования. Она умна и научится сгибаться, но никому не удастся сломить ее. Подобных ей во всем свете не сыщешь!

Люди Гуннара уже спускались с холма, гоня перед собою, словно стадо овец, стайку всхлипывающих женщин. Потом гребцы вставили весла в уключины. А женщин одну за другой загоняли на борт и усаживали прямо на доски под полотняный навес, где им было строго-настрого приказано сидеть смирно. А когда последний матрос взошел на борт, на корабле подняли парус и судно начало медленно удаляться от берега. Почти тотчас же женщины подняли громкий многоголосый вой, а некоторые даже

рвали на себе волосы.

— Почему вы плачете? — спросила Риган свою соседку, совсем еще молоденькую девушку — худенькую, с веснушчатым личиком и громадными карими глазищами.

— Но, леди, — видно, девчушка сразу же распознала в Риган аристократку, — мы же навеки покидаем родную землю!

— И что же такое дорогое оставляете вы здесь? Что так горько оплакиваете? — требовательно спросила Риган.

— Да ведь они же собираются продать нас в рабство... — робко вставила одна из девушек.

— А для тех, кто вас вырастил, и для тех, кто заточил вас в обитель Святой Майры, для них разве не рабынями были вы? Признайтесь! Женщина в наших семьях — всего лишь бесправная рабыня. Вам просто предстоит сменить хозяев... — Риган говорила очень спокойно и рассудительно.

— Но эти кельты, говорят, язычники! — раздался женский крик.

Риган пожала плечами:

« — Все мужчины одним миром мазаны, — сказала она девушкам, а потом завернулась в плащ и устало закрыла глаза.

Вокруг нее перешептывались изумленные девушки, и вдруг раздался тоненький голосок:

— Ты мудра, госпожа. Теперь мне уже совсем не страшно...

Риган открыла глаза.

— Как тебя зовут? — спросила она веснушчатую девчонку. — Я Риган Мак-Дуфф из клана Бен Мак-Дун.

— Меня звать Морэг, — отвечала девочка. — Я не знаю, кто мои родители. Меня отослали к матери Уне одиннадцать лет назад, когда я была совсем еще ребенком...

— А что произошло с матушкой Уной? — с любопытством спросила Риган.

— Однажды с нею случился удар, она упала без чувств.

А когда пришла в себя, то у нес язык отнялся. Сперва монашки растерялись и не знали, что делать — ведь мать Уна была волевой женщиной и все всегда решала только сама. Тогда сестра Юб и объявила, что если эти овцы не могут самостоятельно принять никакого решения, то аббатисой станет она. И баста! Никто не посмел ей перечить. Попервости все было как и при матери Уне. А потом появился этот северянин Гуннар. Мать Юб говорила, что он ее дальний родственник. А потом неведомо куда стали исчезать молоденькие монахини, послушницы...

Сначала мы не понимали, что происходит. А однажды я случайно подслушала разговор матери Юб и Гуннара — они обсуждали, кто следующий исчезнет из обители Святой Майры. Я прислушалась, и тут до меня дошло, что они торгуют живым товаром. К тому же я поняла, что Гуннар Кровавый Топор — любовник матери Юб. Я хотела бежать к матери Уне и все ей рассказать, но задела табуретку, та с грохотом свалилась, мать Юб поймала меня — и моя участь была решена...

— Ас чего ты решила, что старая немощная женщина, которая не может даже говорить, поможет тебе, глупышка?

— Ты права, госпожа, — невозмутимо и весело согласилась Морэг, — но я просто не знала, как мне быть. К тому же в монастыре мне не нравилось... — понизив голос, призналась она.

Риган расхохоталась:

— Вот и мне тоже!

Плавание было спокойным, без приключений. Другие женщины поочередно то плакали, то молились, а Риган Мак-Дуфф и Морэг успели сдружиться. Обе они считали спутниц глупыми овцами, и вправду, к чему рыдать, если этим делу не поможешь?

Корабль был очень мощный, тяжелый, и, поскольку летний ветерок не мог наполнить паруса, гребцам пришлось изрядно попотеть. Женщин кормили хлебом и высушенной копченой рыбой, а вода была в бочонке, стоящем у главной мачты. Целыми-днями они перешептывались, сбившись в кучку, а ночами беспокойно спали, разметавшись под палубным тентом. Для отправления нужды предназначено было одно ведро на всех — по мере надобности оно опорожнялось прямо за борт.

Риган никогда не считала, что жила в роскоши дома, в замке Бен Мак-Дун, но в сравнении с тем, что пришлось ей вытерпеть на корабле, жизнь дома казалась ей воистину земным раем. Другие девушки были из крестьянских семейств и не изведали лучшей доли. Что бы Груочь ощутила, окажись она здесь? Да и вспоминает ли о ней сестра, гадает ли, что с нею происходит?.. Или она вполне довольна положением законной жены Иэна Фергюсона? Об этом Риган уже никогда не узнает...

На четвертый день они достигли Дублина и вошли в устье реки Лиффи, где ненадолго бросили якорь, ожидая прилива. Риган никогда прежде не видела города, но скопление серых бревенчатых зданий, которое и представлял собой хваленый Дублин, не произвело на нее впечатления. Гуннар Кровавый Топор тяжелым шагом направился на корму и там согнал рыдающих женщин в кучу — всех, кроме Риган и Морэг.

— А ты пойдешь со мною, — хрипло бросил он Риган.

— И Морэг тоже! — храбро отвечала девушка.

— Донал Рай ее не купит, — нетерпеливо отвечал он. С какой стати он вообще объясняется с этой девицей? — Здесь представляешь истинную ценность ты одна, дева.

— Неужели ты надеешься произвести впечатление на Донала Рая только моей красотой? — невозмутимо спросила Риган. — Думаю, куда эффектнее будет, если при мне будет личная прислужница. Ведь я как-никак дочка лаэрда, Гуннар Кровавый Топор!

Гуннар секунду поразмыслил — дело принимало неожиданный оборот — и тотчас же понял, что мудрая девушка воистину жемчужина! Она была права. Донал Рай хорошо заплатит за такую покупку, к тому же его восхитит ее утонченность и стиль. Что-что, а стиль Донал Рай всегда уважал...

— Вот и хорошо, — согласился Гуннар, — служанка пойдет с тобой. — Он отвернулся от девушек, дал им знак следовать за ним и, услышав сзади легкие шаги, ухмыльнулся.

За спиной викинга Риган хитро улыбнулась Морэг. Девушки обдумали все заранее, еще прошлой ночью, когда остальные спали. Ни у Риган, ни у Морэг никогда прежде не было подруги, и они не желали разлучаться.

Наконец якорь был поднят на палубу, и корабль, подталкиваемый мощными взмахами длинных весел, потащился к бревенчатой пристани, куда и причалил. Женщины на борту вновь заголосили.

Гуннар Кровавый Топор глядел на них с отвращением. Затем повернулся к своему ближайшему помощнику Тору Тугому Луку:

— Продай этих кур по хорошей цене, смотри не продешеви, а я должен как можно скорее доставить эту красотку и ее служанку Доналу Раю. И не позволяй Ларсу Серебреннику обвести тебя вокруг пальца! На борту десять женщин. Все они в расцвете сил: ни одна не больна, ни одна не ослабела... Это дорогой товар! Я рассчитываю получить за них кучу серебра, — потом повернулся к Риган и Морэг:

— Ну, пошли! — и поспешил вниз по сходням, сопровождаемый двумя юными созданиями.

Девушки с интересом оглядывали другие суда, стоящие у пристани. Некоторые были куда меньше, чем тот корабль, на котором они прибыли, но другие были просто огромны и куда более красивы. Заинтересовали девушек также и люди, копошащиеся на палубах. Множество было светлокожих и русоволосых, другие смуглые, а на палубе одного корабля девушки, к величайшему своему изумлению, углядели чернокожих. Это поразило их и немного испугало.

Дублин возник на месте первого поселения викингов в Эйре. Заложен город был около ста лет назад — на месте двух кельтских поселений. Викинги звали свой город Дабб Линн, что означало «черная вода», — намекая на водовороты и омуты в том месте, где сливались река Лиффи и ее приток Пудль. Норвежцы и даны пытались в прошлом веке утвердить в городе свое господство. Однажды город был разрушен до основания племенами кельтов, но за двадцать лет полностью отстроился. Именно в Дублине основали викинги невольничий рынок. Работоторговля процветала наряду с прочими промыслами. До недавних пор людей обменивали на крупный и мелкий скот, но недавно северяне основали монетный двор и стали чеканить золотую и серебряную монету. Это облегчило торги и сделало их более захватывающими.

Войдя в город, они остановились перед величественным сооружением, выстроенным из камня и дерева. Гуннар Кровавый Топор громко стукнул в дубовые ворота здания рукоятью меча. Тотчас же скрипнули петли, и сквозь узкую щель наружу выглянуло маленькое темное личико. Когда отворивший узнал гостя, он раскрыл ворота пошире, пропуская северянина и обеих девушек.

— Приветствую тебя, Абу! — Гуннар отвесил шутливый поклон. — Вижу, боги милостивы к тебе: ты все еще процветаешь в доме Донала Рая.

— Да, я благоденствую, — отвечал маленький человечек высоким и звонким голосом.

— Никогда не видела подобных крошек! — шепнула Морэг.

— А кто этот человек? — спросила Риган у Гуннара.

— Пигмей, — последовал краткий ответ. Риган это слово было незнакомо, и она, взглянув на одуревшую Морэг, недоуменно пожала плечами. Они находились во внутреннем двореке странного здания. Небольшое пространство было загромождено разного сорта товарами — мешками, тюками... Гуннар сделал им знак следовать за ним и малышом Абу. Они вошли в одну из дверей.

— Ждите здесь, — властно приказал Абу и, перебирая коротенькими ножками, поспешил во внутренние покои. Почти сразу же он воротился:

— Входите! Хозяин примет тебя, Гуннар Кровавый Топор.

Они вошли в покои. Обе девушки были ошеломлены увиденным. Стены здесь были из отполированного до блеска дерева и все увешаны драгоценными шелками. Каменный пол сверкал. В комнате не было ни одного окна, а в очаге пылали яблоневые поленья, от которых струился аромат и приятное тепло. А светильники — таких они прежде не видывали — высокие, железные, и еще па ножках! Они хорошо освещали комнату. На

возвышении, под роскошным балдахином в кресле, обтянутом кожей, восседал смуглокожый человек. Он был весь какой-то удивительно округлый — и тело, и бритая голова, а лицо, начисто лишенное какой бы то ни было растительности, более всего напоминало полную луну. Он казался обеим девушкам совершеннейшим чужестранцем, но когда он заговорил, то они поняли его без труда.

— С чем пожаловал ко мне ты, Гуннар Кровавый Топор? — требовательно спросил он, не тратя времени на приветствия.

На нем был чудесный шелковый наряд в пурпурную, красную, синюю и голубую полоску, а пухлые пальцы унизаны дивной красоты перстнями.

— Девушка из благородного семейства, Донал Рай. Я взял ее в монастыре на окраине Шотландии, в Стратклайде, — почтительно отвечал Гуннар. Протянув руку, он сорвал с головы Риган накидку, открыв лицо и длинные светлые волосы, которые она так и не заплела поутру. — Эта дева стоит целого состояния. А другая — ее прислужница.

— Она непорочна? — поинтересовался Донал Рай.

— Увы, мой господин... — печально отвечал Гуннар, — ее отослали в монастырь за то, что она стала любовницей мужа родной сестры.

— А ты, разумеется, удостоверился в том, что девственность ее утрачена? — сухо спросил Донал Рай. Не дождавшись ответа, он покачал головой:

— Это уменьшает ее цену по крайней мере вдвое. Ты сам знаешь это, Гуннар Кровавый Топор.

— В отношении любой другой девушки это было бы справедливо, господин. Но эта... — Гуннар знаком приказал Риган разоблачиться. Увидев, что она мешкает, он сам рванул ткань:

— Только взгляни на нее, Донал Рай!

Теперь Риган стояла перед торговцем нагая, слегка прикрытая лишь роскошными своими волосами. Живот у нее был плоский и подтянутый, а нежные молочно-белые груди украшены розовыми ягодками юных сосков. Ноги ее были стройны, лодыжки словно выточены, а ступни узки. Повинуясь нетерпеливому знаку Гуннара, она медленно повернулась, продемонстрировав грациозный изгиб спины и твердые округлые ягодицы.

— Хм-м-м-м... — Донал Рай внимательнейшим образом разглядывал обнаженную девушку. — Да, пусть она уже и не девственна, но в ней чувствуется такая свежесть...

— Это бесценный алмаз! — подначивал его Гуннар Кровавый Топор.

— Как твое имя, девушка?

— Риган Мак-Дуфф, господин.

— Сколько мужчин ты знала, Риган Мак-Дуфф? — спросил Донал Рай.

— Один раз я была в постели с Изном Фергюсоном, господин, а потом мною овладел насильно Гуннар Кровавый Топор, когда я сказала, что не девственна, — спокойно объяснила Риган.

— Почему ты так бесстрашна, девушка? — черные глаза жгли ее.

— Мне страшно, господин, но что я могу сделать, чтобы изменить Судьбу? Ведь вопли и рыдания совершенно бесполезны, правда?

Торговец кивнул. У девушки большое будущее. Красота ее удовлетворит любого, даже самого взыскательного мужчину, но он уже знал, кому ее предназначит. Тому, кто сможет оценить не только ее волшебную красу, но и необыкновенный для женщины ум.

— Она чересчур прямодушна, да еще с характером, — ворчливо сказал он Гуннару. — А рабыне полагается быть смиренной...

— Ну, спесь можно из нее и выбить, Донал Рай, — отвечал невозмутимый Гуннар Кровавый Топор. — Многим мужчинам было бы даже приятно объездить строптивую кобылицу, — прибавил он с усмешкой.

— Верни девушке одежду, — приказал северянину Донал Рай. — Я уже рассмотрел ее. Она юна и свежа, но не девственна. К тому же своевольна, но, думаю, после того как я научу ее правилам поведения, я смогу кое-что на ней и заработать... Возможно, — произнес он со значением и чуть погодя спросил:

— Сколько ты за нее хочешь, Гуннар Кровавый Топор, принимая во внимание то, что у нее куда больше недостатков, чем достоинств?

Гуннар Кровавый Топор назвал свою цену. Донал Рай поморщился и сделал встречное предложение:

— За эту цену я возьму у тебя их обеих — ведь если девушку разлучить со служанкой, то красавица может так расстроиться, что заболит и умрет. Плакали тогда мои денежки...

— Если ты хочешь еще и прислужницу, то увеличь цену! — отвечал Гуннар Кровавый Топор. «Не проведешь, — думал он про себя. — Вижу, как у тебя загорелись глаза — ты хочешь во что бы то ни стало заполучить это чудо. Впрочем, я так и предполагал...»

Пухлые коротенькие пальцы Донала Рая теребили шелк роскошного рукава. Если ее хорошенько вышколить — а он знал, как это сделать, — то она в точности то, что нужно ему для того, что он задумал. Этот северянин дик и упрям и вполне может продать ее в какой-нибудь кельтский дом терпимости, где за нее дадут неплохие деньги. Донал Рай предложил в

полтора раза больше, и Гуннар, который не ждал ничего подобного, молча кивнул.

— Абу, проводи женщин в бани и проследи, чтобы все было исполнено как подобает! — быстро, прежде чем Гуннар успел бы передумать, бросил Донал Рай слуге. — А потом принеси мой ларец. Да, и вели Герде принести вина — мы с Гуннаром должны обмыть сделку!

— Да, хорошая сделка! — медленно промолвил северянин, все еще не веривший своему счастью. Вот удивится Юб., если узнает, разумеется. Он смотрел, как девушки выходят из комнаты, сопровождаемые маленьким Абу. — Что ты станешь с нею делать? — спросил он у Донала Рая. — Вижу, у тебя есть какой-то план...

— Я в долгу перед одним человеком — там, на родине матери, — отвечал Донал Рай. — В благодарность я пошлю ему в дар эту невольницу. Светлокожие и золотоволосые девушки у мавров в большой цене. А мой давний покровитель ценит разнообразие в женщинах. Эта ему придется по вкусу. А потом он в свою очередь отблагодарит меня... — Донал Рай широко улыбнулся Гуннару:

— Я порядком переплатил тебе за нее, друг мой, но мне это даже приятно: покровитель мой получит воистину драгоценный дар!

— Хитрая старая лисица! — хмыкнул северянин, поняв, что Донал Рай остался в большом выигрыше.

— Будешь ли ты снова в Дублине до конца года? — поинтересовался Донал Рай.

— Думаю, нет... Я хочу попасть домой до начала летних праздников. Я собираюсь взять новую жену, а двое моих старших сыновей с хозяйством одни не справятся. К тому же моя кузина Юб, аббатиса, успеет подготовить для меня новую партию товара не раньше следующей весны. Эта красotka ведь из ее обители. А в основном монашки там из окрестных деревень, бесприданницы, от которых не чают как избавиться родные. Что, кстати, весьма удобно для нас. И, если я найду там еще одну подобную жемчужину, я приберегу ее для тебя, Донал Рай! — он добродушно хмыкнул.

Тут воротился Абу. Его крошечные ножки были согнуты в коленях, так он сгибался под тяжестью хозяйского ларца. Следом за ним вошла высокая и тонкая женщина с подносом, на котором стоял кувшин с вином и два кубка. Горящими глазами Гуннар Кровавый Топор смотрел, как Донал Рай достает из ларца серебряные слитки. Северянин ведь на деле был простолюдином, владел единственным кораблем, фермой в родной Дании и еще двумя женами. Он лихорадочно подумывал, нет ли возможности

похитить тяжелый ларец, но в конце концов решил, что овчинка не стоит выделки. Дом Донала Рая полон воинов, и отсюда так запросто в случае чего не выберешься...

Служанка уже наполнила кубки и теперь стояла, выпрямившись, ожидая приказаний господина.

Донал Рай поднял свой кубок и знаком предложил второй Гуннару.

— Скооль! — произнес он обычный тост норманнов и залпом осушил кубок.

— Скооль! — эхом откликнулся Гуннар Кровавый Топор.

— Пусть на море тебе сопутствует удача! — сказал, прощаясь с викингом, Донал Рай.

Видя, что аудиенция окончена, северянин поспешил удалиться. По дороге на пристань Гуннар со странным чувством вспоминал прекрасную Риган Мак-Дуфф. Но, увидев идущего ему навстречу Тора Тугого Лука, он приветствовал приятеля и отвлекся от мыслей о девушке...

— Что это за странное место? — спросила Риган пожилую женщину по имени Эрда.

— Как, дитя, ты не знаешь, что такое бани? — изумленно воскликнула та. — Здесь мое царство, пташки. В мои обязанности входит следить за тем, чтобы самые драгоценные рабыни Донала Рая были вымыты и ухожены и могли, не стыдясь, предстать перед очами любого мужчины.

— Дома мы купались в озере... — произнесла задумчиво Риган.

— Тебе здесь понравится, — пообещала Эрда. Потом повернулась к Морэг:

— Ты тоже выкупаешься, детка, но внимательно следи за тем, что и как я буду делать: ты должна научиться купать свою госпожу. Таких невольниц, как госпожа Риган, продают в восточные страны, а там купание — это настоящее искусство!

Привел девушек в это квадратное каменное строение Абу, где препоручил их заботам пухлой пожилой женщины, которая теперь и наставляла их. По ее приказу они разделись и несказанно изумились, увидев, что Эрда тоже разоблачается. Они с не меньшим удивлением заметили, что на ее округлом теле нет ни единого волоска... Она заметила, что девушки обменялись недоуменными взглядами, и хихикнула:

— Мавры любят, чтобы женщины — и молодые, и не очень — были гладкими, словно шелк, — объяснила она. — Мать господина была мавританкой. Я прислуживала ей, когда была еще девчонкой. А в вопросах гигиены Донал Рай придерживается восточных традиций. Говорит, что это куда здоровее...

— А почему его все называют «Рай»? — спросила Риган. Разве он королевских кровей?

Комната, в которой они находились, была наполнена густым горячим паром. Никогда в жизни не ощущала Риган подобного жара...

— Увы, он был единственным ребенком, которого моя госпожа подарила своему супругу. Она звала его «королем своего сердца», когда он был ребенком. Ну и постепенно все привыкли называть его «Донал Рай» — «Донал Принц»...

Эрда плеснула воды из ведерка на дымящиеся камни — вода зашипела, и пар в комнате стал еще гуще.

— Я сейчас умру от жары... — слабым голосом пожаловалась Морэг.

— Ты скоро привыкнешь, девочка моя, — усмехнулась Эрда.

— А зачем все это? — спросила любопытная Риган.

— От пара тело потеет, а с потом удаляется грязь и многие вредные вещества, госпожа, — с готовностью объяснила Эрда. Когда девушки покрылись испариной с головы до пят, она взяла серебряный скребок и принялась плавно и медленно водить им по телу то одной, то другой невольницы.

— Смотрите! — Эрда показала им скребок. — Вот первая грязь и отошла. А теперь пойдете в купальню.

В соседней комнате обнаружился прелестный бассейн, наполненный ароматной водой. Эрда подвела их к небольшому фонтанчику в углу комнаты. Подле него на полке стояло в ряд несколько алебастровых кувшинов. Из одного Эрда зачерпнула пригоршню полужидкого мыла и быстро растерла его по телу Риган. Мыло дало обильную пену, благоухающую лавандой. Потом женщина принялась мыть роскошные волосы Риган, одновременно дав знак Морэг, чтобы та вымылась сама. Когда обе девушки были с ног до головы намылены, она наполнила ведерко водой из фонтанчика и окатила ею девушек, смыв ароматную пену.

— А теперь, — сказала она, — избавимся от этой неприятной глазу растительности на ваших прелестных телах!

Она взяла следующий кувшин с полки, запустила в него руку и растерла какую-то розовую мазь по ногам Риган и между бедер девушки.

— А ты сама, милая, — она протянула кувшин Морэг. Хотя ты и не такая волшебная красotka, как твоя госпожа, но ты достаточно хороша, чтобы околдовать какого-нибудь воина. Сделайся же еще желаннее!

Морэг хихикнула и, повинаясь приказанию банщицы, растерла розовую пасту по волосистым частям тела.

Через несколько минут Эрда взяла кусок мягкой ткани и принялась

нежно стирать чудодейственную мазь. Теперь кожа Риган и вправду стала гладкой, словно шелк — ни одного волоска не осталось на ее точеном теле. Удовлетворенная Эрда кивнула. Потом она вновь намылила и ополоснула девушек — понятливая и расторопная Морэг теперь уже всю помогала ей. Потом Эрда подвела обеих красавиц к бассейну и велела им войти в воду.

— А это зачем? — вновь поинтересовалась Риган, ступая в теплую, ароматную воду бассейна.

— А затем, госпожа, что это приятно и прекрасно расслабляет, — объяснила Эрда, совершая омовение.

— Я легко смогу ко всему этому привыкнуть, — воскликнула Морэг, плещась в водичке. — Не знала, что в мире существуют столь замечательные вещи!

— Да! — откликнулась Риган. — Это и вправду удивительно приятно.

Услышав их разговор, Эрда хмыкнула и тоже вошла в бассейн.

— Это только начало, девушки! Мир, который вскоре откроется вам, таков, что вы и представить себе не можете!

— А вы-то откуда знаете? — удивилась Риган.

— Разве я не сказала, что служила в доме матери господина? Дважды я сопровождала ее в поездках на родину. Ее родной город называется Кордова, а область ту мавры называют Аль-Андалус. В жизни не видела такого сказочного города!

— А откуда ты знаешь, что мы попадем туда? — спросила Риган.

Эрда хмыкнула, показав беззубые десны:

— Я знаю обо всем, что происходит в этих стенах, и обо всем, что должно случиться, — похвасталась она. — Уже больше года господин мой искал красавицу-рабыню, чтобы послать ее в дар правителю Кордовы. Он в неоплатном долгу перед калифом. — Она вышла по мраморным ступеням из бассейна и отряхнулась.

— А кто такой «калиф»? — спросила Риган.

— Это титул правителя Кордовы, — объяснила Эрда. — А ты, моя красавица, — именно то, что господин так долго искал. Ты увидишь Кордову еще в этом году, попомни мои слова! А теперь пойдем — мы с тобою еще не закончили.

Она проводила девушек еще в одну комнату, уставленную мраморными лавками. Там она принялась обучать Морэг искусству массажа, объясняя, каким маслом в каком случае пользоваться. Она показала служанке, как правильно подстригать ногти на руках и ногах госпожи. Наконец, они расчесали длинные золотые косы Риган, слегка

умастив их ароматным маслом, а потом до блеска натерли их шелковой тканью — и волосы засияли в лучах светильников. Пока Морэг вытирала свои волосы, Эрда подошла к шкафчику и достала свежие и чистые одежды для обеих девушек. Морэг она предложила мягкую сорочку из хлопка, бирюзовую нижнюю тунику и алую верхнюю из мягкого льна. А Риган почтительно протянула шелковую сорочку, телесного цвета нижнюю тунику, а потом верхнюю — голубого атласа, расшитую золотыми анемонами.

Нежные пальчики Риган пробежали по золотому шитью.

— У меня никогда не было платья такой дивной красоты! — восхищенно сказала она.

— О, это только для начала, моя госпожа! — уверила ее Эрда. — Ты молода и удивительно красива. А если тебя как следует всему обучат, ты приведешь калифа в неописуемый восторг! Наверняка он полюбит тебя всем сердцем! А если родишь ему сыновей, то будущее твоё обеспечено. Разумеется, тебе придется затмить всех его женщин, а их у него множество. И каждая из кожи лезет вон, чтобы завоевать его любовь, привлечь к себе внимание владыки... Законы гарема жестоки. Госпожа моя много раз мне об этом говорила и рада была, что вышла, наконец, за лорда Фергюса. Климат севера был ей вреден, но она была счастлива, что оставила гарем. И все же такой юной красавице, как ты, в гареме самое место. Ты станешь там жемчужиной!

И Эрда повела двух безмолвных девушек назад, в покои Донала Рая.

Господин был поглощен ужином, но, увидев красавиц, улыбнулся и поманил их пальцем.

— О-о-о! — На круглом лице его было написано удовлетворение работой Эрды. — Старуха, как всегда, выше всяческих похвал! Да ты колдунья, Эрда! Не будь ты таким сокровищем, я давно нашел бы тебе мужа! Какого-нибудь морячка, который бы ночи напролет ублажал тебя, а? — и добродушно расхохотался.

Беззубый рот Эрды растянулся в улыбке:

— Вы никогда не избавитесь от меня, господин. Я слишком вас люблю.

Довольный, Донал Рай хмыкнул. Она напоминала ему о его прошедшей молодости, к тому же это была память о покойной матери.

— Отведи прислужницу., как зовут тебя, девушка? — Морэг, потупившись, прошептала свое имя, и Донал Рай продолжал:

— Так вот, Эрда, отведи Морэг на кухню и проследи, чтобы ее хорошенько накормили. Когда вы понадобится, я пошлю за вами. Присядь,

Риган, и раздели со мной трапезу. Налей-ка себе вина, девушка! — и он протянул ей поднос с аппетитными кусками жареного кроличьего мяса.

Риган взяла ломтик свежего хлеба, кусочек кролика и серебряный кубок с вином. Она старалась есть как можно аккуратнее, — лихорадочно припоминая все то немногое, что знала о хороших манерах. Но все же вино она прихлебывала шумно и жадно. Оно было крепко и сладко, и по ее килам словно заструился огонь, вливая силы в ее усталое тело.

— Хочешь сыра? — Донал Рай протянул ей кусочек белого сыра на кончике ножа.

— Благодарю, господин, — отвечала она скромно, беря угощение и деликатно откусывая кусочек. Утолив первый голод, она жевала уже медленнее. Вдруг она обнаружила, что подле нее стоит малыш Абу. Она даже не заметила его присутствия. Он почтительно протягивал ей чашу, наполненную теплой ароматной водой. Она вопросительно взглянула на Донала Рай.

— Сполосни руки, — велел он. — Ты ведь не хочешь испачкать такое прелестное платье, — правда? Омовение рук после трапезы — это мавританский обычай.

— И он мне по душе, — отвечала она, смывая с рук кроличий жир и сырные крошки.

— Полагаю, старая Эрда уже нашептала тебе, что я намереваюсь послать тебя своему другу, калифу Кордовы, — не смей отрицать! Эта удивительная старуха знает обо всем, что происходит в доме — порою даже раньше, чем я сам. И охотно делится тем, что знает, с благодарными слушателями.

Риган рассмеялась:

— Она очень мне понравилась. Эрда добра, господин, — а в этом мире это свойственно немногим... Да, она рассказала мне, потом объяснила, кто такой калиф, но вот одного я так и не поняла... Что это такое — гарем? И чему такому меня должны хорошенько обучить? Я чем-то не угодила вам?

— Гарем, — принялся растолковывать девушке Донал Рай, — это такое место, где мавр содержит всех своих женщин — жен, дочерей, родственниц, наложниц...

— Ну, жены, дочери, родственницы — это я понимаю. Но слово «наложница» я слышу впервые. Что это за странные существа, господин? — изумление ее было совершенно непритворным.

— Слово «наложница», — Донал Рай произнес его очень отчетливо, — происходит от слова «ложе». Так называют женщину, которая доставляет господину физическое удовольствие и массу других. Господин

наслаждается ее игрой на музыкальных инструментах, ее сладким пением — и даже дружеской беседой с нею о том, что заботит его и печалит. Она может стать близким его другом, а если родит ему детей, то станет господину еще дороже.

— — Теперь понимаю... — Риган и вправду все поняла.

— Калиф Кордовы — могущественный правитель, — продолжал Донал Рай. — У него множество женщин. Чтобы заинтересовать его и не дать этому интересу угаснуть, ты, Риган, должна постичь искусство приносить и получать наслаждение, как ни одна из его женщин. Я хочу послать Абдаль-Рахману в дар не просто очередную красавицу, способную украсить его гарем, нет, я подарю ему Рабыню Страсти. А чтобы стать таковой, ты должна в совершенстве овладеть искусством Эроса и научиться соблазнять, возбуждать страсть, поэтому вскоре тобой займется человек, который превзошел эти искусства.

На свете есть лишь один человек, которому я без колебаний доверю тебя. Это младший сын одного из моих друзей. Он владеет кораблем, совершающим рейсы между Эйре, Аль-Андалус и северным побережьем Африки, где и расположен его родной город Аль-Малика. Вскоре он прибудет в Дублин: он всегда приезжает летом погостить. Так вот: я хочу, чтобы ты уехала с ним. А когда он почувствует, что ты достигла высочайшего уровня мастерства, на который только способна настоящая Рабыня Страсти, тогда он и преподнесет тебя в дар калифу от моего имени. Ну, а пока он еще не прибыл, отдыхай и набирайся сил. Ты многое пережила, Риган Мак-Дуфф, но знай, что ты величайшая драгоценность, и среди женщин тебе нет равных! — закончил Донал Рай с улыбкой, озарившей все его круглое лицо.

— Не знаю, смогу ли я стать тем, чем вы хотите меня видеть, мой господин, — медленно, словно раздумывая, сказала Риган. — Я не знаю, как дарить наслаждение мужчине, и, думаю, никогда не смогу испытать того наслаждения, о котором вы говорите... Ведь я не получала удовольствия от соития с мужчиной, а вы говорите, что я должна была наслаждаться, да еще и ублажать... Не представляю, как такое возможно, Донал Рай. Может быть, лучше все-таки вам продать меня какому-нибудь кельтскому военачальнику, он сделал бы меня прислугой... Я сильна и могу без усталости работать, и моя Морэг тоже. Если же вы станете упорствовать, то я наверняка горько вас разочарую, к тому же уроню в глазах калифа, а ведь вы так добры ко мне...

Донал Рай потрепал растерянную девушку по руке, стараясь ее успокоить:

— Не переживай так, Риган Мак-Дуфф. Сейчас я кое-что тебе объясню, попытайся понять. Ты узнала физическую сторону страсти лишь дважды, и притом с худшей стороны.

Муж твоей сестры наверняка не имеет ни малейшего представления о том, как любить женщину. Он стремился лишь к тому, чтобы потушить огонь, пылающий в его чреслах. А умный мужчина хорошо знает, что чем больше наслаждения доставит он женщине, тем слаще станет любовь для него самого... И поэтому всегда стремится воспламенить женщину страстью. Что же до Гуннара Кровавого Топора, то этот дикарь хотел лишь позабавиться, а заодно и проверить, не солгала ли ты ему... И плевать ему было на то, что чувствуешь ты. Ни один мужчина еще не тронул твоего сердца, твоей души. Ты и представления не имеешь о том, как сладка бывает любовь, но верь мне, моя красавица, вскоре ты это узнаешь.

...Разумеется, Риган ему не поверила. Она знала лишь, что он пытается усыпить ее страхи. Она поражена была его добротой. Ведь никто еще не разговаривал с нею так., так ласково и успокаивающе. Но Риган лишь надеялась, что он как можно позже убедится, что она и вправду не может испытывать наслаждения от плотской любви. Она с грустью вздохнула — впервые за всю жизнь ей было так тяжело... Что станет с нею? И с малышкой Морэг?

Правда, грусть ее не могла долго продлиться, ведь она жила в чистоте, тепле и сытости, подобных которым не извела прежде ни разу за всю жизнь... А в лице Морэг она обрела настоящую, верную и преданную подругу — девушка была безгранично благодарна госпоже за то, что та избавила ее от участи простой рабыни. Прислушиваясь к разговорам других женщин на корабле, Морэг успела понять, что лучшее, на что она могла надеяться, будучи выставленной на продажу на невольничьем рынке в Дублине, — это на, участь прислуги в каком-нибудь доме. Ну, а худшее... Она попала бы в грязный портовый бордель — там всегда есть нужда в женщинах: ведь там они мрут как мухи, продержавшись год или от силы два...

Донал Рай милостиво предоставил им свободу передвижений по своему дому. Они не жили затворницами, а мирно прогуливались по внутреннему дворику, по гравиевым перекрещивающимся дорожкам прелестного садика, присаживались на мраморные скамеечки отдохнуть и поболтать... В садике цвели поразительной красоты дамасские розы, нежные бутоны уже вовсю распускались, издавая пьянящий аромат... Разросшийся розовый куст словно вился по стене, а самые любопытные ветви даже выглядывали на улицу... А в том месте, где перекрещивались

ухоженные дорожки, в центре круглого бассейна мирно журчал фонтан...

Девушки частенько прогуливались по широкой стене, отделяющей сад от городских улиц, с интересом наблюдая за прибывающими в гавань кораблями. Среди них были и небольшие каботажные суда, и более крупные, самых разнообразных видов пассажирские и рыбачьи, и утлые лодчонки, бесстрашно бороздившие воды Лиффи. Каждый день старая Эрда водила их в свое царство чистой воды и благовоний — и они наслаждались купанием. Риган никогда прежде не знала, что кожа ее так нежна и шелковиста. Порой она думала о Груочь — и от всего сердца желала, чтобы сестра испытала подобное наслаждение. Но шестое чувство подсказывало Риган, что Груочь не думает о ней. Да, сестра навеки потеряна для нее...

Однажды, гуляя по стенам, окружающим дом Донала Рая и любуясь морем, девушки увидели большой и необыкновенно красивый корабль, входящий в гавань Дублина. Это было очень грациозное судно, не менее двух сотен футов в длину, в «латинском» духе, с треугольным парусом — шелковым, расшитым золотом, в яркую зеленую полосу. Корабль вошел в устье реки, подплыл к пристани — и вовсю захлопотали матросы, закрепляя толстые канаты... Обе девушки округлили глаза.

— Никогда прежде не видела ничего прекраснее! — выговорила, наконец, Риган.

Морэг нечего было возразить:

— Чудесный корабль, легкий и сильный, это сразу видно... К ним незаметно подошла старая Эрда и сразу поняла, что привлекло их внимание.

— Это «И-Тимад», корабль Карима-аль-Малики, доброго друга нашего хозяина. Его-то мы и ждем...

— А что значит «И-Тимад»? — спросила Риган у Эрды.

— «Надежда», — последовал ответ. Потом старуха засуетилась:

— Пойду-ка и прослежу, чтобы в бане все приготовили для молодого господина. Он-то знает толк в банях — ведь господин истинный мавр! Он провел много недель в море и телом и душой истосковался по пресной воде и благовонным маслам. А вы оставайтесь здесь, мои цыплятки, Скоро сами увидите Карима-аль-Малину. Скорее всего, он явится в сопровождении своего первого помощника и ближайшего друга Аллаэددина, — старуха хихикнула. — Этот дьявол Аллаэддин просто обворожителен! — и поспешила в свое царство.

Девушки присели на теплые камни, поглядывая на улицу, болтая о всякой ерунде и просто наслаждаясь погожим летним деньком. И вдруг в

конце улицы показались двое мужчин. Они шли со стороны гавани. Оба были облачены в просторные и длинные белые хламиды. Когда они достигли ворот дома Донала Рая, один из них поднял глаза и обаятельно улыбнулся девушкам. Риган скромно отвернулась, но Морэг с готовностью ответила улыбкой этому незнакомцу с угольно-черной бородой и сверкающими темными очами. А когда тот послал ей воздушный поцелуй, она хихикнула.

— О, это лихой кавалер, — шепнула она Риган. — И явно дамский угодник...

— А как ты догадалась? — спросила Риган. — Ведь ты почти всю жизнь провела в монастырских стенах. Что можешь ты знать о мужчинах?

— Мать У на всегда говорила, что я гожусь больше для замужества, нежели для монастыря. Так уж я устроена от природы, — честно призналась Морэг. — Она даже собиралась подыскать мне подходящего жениха — сына какого-нибудь пастуха из окрестных сел. Она обещала мне в приданое из монастырской казны по серебряной монетке за каждые три года, что я там провела, и еще белья... Мать Уна говорила, что пятнадцать лет — самый подходящий брачный возраст, но потом, когда она разболелась, мать Юб и слышать об этом не хотела. Говорила, что пяти серебряным монеткам можно найти куда лучшее применение... Старая сука!

— А скажи, мать Уна рассказывала тебе о том, что и как происходит у мужчины с женщиной? — начала прощупывать почву Риган.

— Да. Она не делала из этого тайны. Так уж Господь устроил, что же тут стыдного? — стала объяснять ей, как маленькой, Морэг. — Она иногда выпускала меня погулять за стены обители в хорошую погоду. Я даже порой видела молодых людей, и некоторые мне о-очень нравились, но я оставалась добродетельной.., хотя несколько раз испытала искушение, — договорила она со смешком.

Риган была удивлена. Морэг ведь не больше тринадцати, а она вовсе не испытывает страха перед мужчиной! Разумеется, она целомудренна. Не ведает она, какую боль и унижение причиняет мужская похоть, как беспомощна бывает женщина в мужских руках... Риган размышляла: сказать подруге или нет... Нет. К чему пугать девушку? Вряд ли той когда-нибудь придется испытать подобное унижение, безвольно покоряясь бесстыдным желаниям грубого самца. Положение служанки при ценной рабыне избавит малышку от этого кошмара, от этой безграничной жестокости... Не надо ей ни о чем знать...

В тот же день их повели в баню, и Риган показалось, что Эрда

хлопочет вокруг нее с удесятеренным рвением. Встав на колени, старуха придирчиво осмотрела все тело девушки, ища малейшие признаки ненужной растительности. Затем, с трудом поднявшись на ноги, она обошла вокруг девушки, а потом протянула ей подносик — на нем лежали листья петрушки и мяты.

— Медленно разжуй их, — велела она Риган. — Это сделает твоё дыхание благоуханным, моя ласточка. У тебя чудесные зубки, ни на одном не видно следов порчи. Ты счастливица: у многих хорошенькие мордашки, но, увы, гнилые зубы...

— Но для чего все это? — требовательно спросила Риган.

— Дитя, сегодня ты предстанешь перед Каримом-аль-Малиной. Так приказал господин. Карим-аль-Малина станет твоим учителем в искусстве наслаждений...

Риган похолодела. Последние дни были столь прекрасны и безмятежны, что она совсем забыла о том, что её ожидает. Но ведь Донал Рай предупреждал её — надо отдать ему справедливость...

— Ну-ну, пошли, — поторопила их Эрда, и они гуськом вышли из бани. Она привела их в большую квадратную комнату, всю заставленную сундуками.

— Это гардеробная самого господина, мои курочки. Он сказал, что я могу облачить вас по собственному вкусу, и я уже знаю, что подобрать для моих красавиц. Морэг, дитя мое, открой вон тот сундучок.

Морэг подняла тяжелую крышку — и задохнулась от восхищения. Сундук был доверху наполнен разнообразными тканями, одна красивее другой. Эрда склонилась и достала наряд из белоснежного шелка, который тут же вручила Морэг.

— Это туника, — объяснила она. — Разденьтесь-ка обе. Вот так. Теперь надевай это, Морэг. Не удивляйся и не смущайся — платье без рукавов, но так и должно быть.

Старуха помогла девушке натянуть платье через голову. Оно спадало изящными складками до самых щиколоток девушки, а в вырезе виднелась нежная ямочка на шее. Потом Эрда открыла небольшую шкатулку и достала оттуда несколько шпилек, украшенных самоцветами. Обвив темные косы вокруг головки Морэг, она закрепила их шпильками. Затем достала из сундука витой серебристый шнурок и обвила им тонкую талию девушки.

— Вот! — сказала она, удовлетворенная. — Теперь ты достойна своей госпожи, деточка.

Морэг сияла:

— О-о-о-о, госпожа! Ну разве не прелестно?

— Да... — Риган улыбнулась в ответ. — И впрямь ты просто прелесть. Как жаль, что не в моей власти выдать тебя замуж за сына пастуха...

— Какой еще пастух? — искренне возмутилась Эрда. — Она достойна лучшей доли, госпожа... А теперь поглядите-ка, что я припасла для вас.

Старуха достала из сундука воздушный наряд из сверкающей ткани, собранной в мелкие складочки. А цвет... Не серебро и не золото — тут соседствовали и яркость золота, и нежность серебра... И какая-то удивительная прозрачность... Эрда помогла Риган надеть это чудо из чудес. Платье оказалось с длинными ниспадающими до самых запястий рукавами, но распахнутое спереди. Эрда заколола одну полу дивного наряда золотой булавкой на правом плече девушки. Потом отступила, любуясь делом своих рук и приговаривая:

— Мм-м-м... Хм-м-м-м... То, что надо! Затем старуха собрала роскошные волосы Риган на затылке и связала их изукрашенной самоцветами шелковой лентой.

— Когда господин подаст знак, — наставляла она Морэг, — потяни вот тут — и волосы рассыплются.

Потом Эрда надела Риган на лоб шелковую ленту, расшитую отборными жемчужинами.

— Но ведь платье не скрывает наготы... Оно такое прозрачное! — волновалась Риган.

— Да-да, — соглашалась Эрда. — Прозрачное, но не совсем... Это платье должно возбуждать. А господину того и надобно. — Она снова повернулась к Морэг:

— Послушай меня, дитя. Когда Донал Рай даст тебе знак, расстегни эту золотую булавочку на плече госпожи и помоги ей освободиться от платья. Но делать это следует очень грациозно — неуклюжесть тут неуместна. Все очень просто. Попробуй-ка... Да, именно так! Ты схватываешь все на лету, моя способная девочка! Госпожа должна дорожить такой служанкой. А теперь подойди сзади и медленно снимай... Госпожа, поднимите вверх руки и заложите их за голову. Грудки ваши поднимутся и станут еще красивее...

Риган скрипнула зубами, но подчинилась. Эрда ни в чем не виновата. Она просто исполняет приказание. Это все Донал Рай — и он об этом пожалеет, о, пожалеет! Когда они будут рассматривать ее, словно какую-нибудь корову на ярмарке, она взбунтуется. И этот Карим-аль-Малика сразу поймет, что она никогда не станет Рабыней Страсти! Доналу Раю придется продать ее какому-нибудь домовладельцу, в доме которого она сможет

жить, пусть работая до седьмого пота, но не теряя достоинства!

— Чудесно, моя милая, — одобрительно сказала Эрда. — Да у тебя просто талант, помани мои слова, ты далеко пойдешь! Вечером господин будет тобою весьма доволен. А теперь пойди и отдохни — я скажу, когда надо будет переодеться. Морэг, детка, возьми платье госпожи...

В столовой Донала Рая полным ходом шла дружеская беседа. Ярко пылали ароматные дрова в очаге. За столом сидели трое мужчин. Во главе стола восседал Донал Рай. По левую руку от него сидел первый помощник капитана «И-Тимада» Аллаэддин-бен-Омар. Это был довольно крупный и крепкий мужчина с бородой, черной как ночь, и агатовыми глазами. Тот, кто ошибочно считал его добродушие признаком недалекого ума, обычно кончал свой жизненный путь с ятаганом в сердце. Аллаэддин был преданным другом, но опасным врагом...

По правую же руку от хозяина сидел сын его лучшего друга Хабиба-ибн-Малика — молодой капитан по имени Карим.

Мужчины уже насытились и недурно выпили. Разговор о делах они, по общему согласию, решили отложить. «И-Тимад» привез в Эйре груз ценных товаров из Аль-Андалус и других крупных мавританских городов. Обратный корабль должен был возвращаться, груженный шерстью-сырцом, кожами, изделиями искусных кельтских кузнецов, драгоценностями и, конечно же, рабами... Донал Рай уже изложил своему молодому другу особую причину, в связи с которой он задерживает его, уставшего с дороги...

— Ты знаешь, что я в долгу перед калифом Кордовы, мой Карим. Я многим ему обязан. Если бы не его покровительство, я не был бы сейчас так богат... Я никогда не смогу расплатиться с великим калифом за все те благодеяния, которые он мне оказал. Но все же хочу кое-что послать Абд-аль-Рахману в знак моего глубочайшего почтения и безмерной благодарности. Долго, очень долго искал я подарок, достойный нашего властелина. Зная пристрастие калифа к изысканным женщинам, я пытался отыскать такую, которая смогла бы стать Рабыней Страсти. Обыкновенная рабыня, сколь бы красива она ни была, не годится для такого случая. И вот, несколько дней назад по чистой случайности моей собственностью стало дивное создание. Она совсем юная, уроженка Шотландии, дочь благородного лаэрда...

— ..девственница, которая будет, рыдая, взывать к своему Богу, моля послать ей смерть, предпочитая ее объятиям неверного, — сухо договорил Карим-аль-Малика.

— Она не девственница, — ответ Донала Рая несказанно изумил обоих

гостей. Тогда он рассказал им всю печальную историю Риган Мак-Дуфф. Потом сказал:

— Я хочу верить ее твоим заботам. Карим, сын лучшего моего друга. Ты ведь Учитель Страсти. Всем известно, что ты превзошел все тонкости любовного мастерства в тайной школе в Самарканде. Возьми эту девушку и сделай из нее настоящую Рабыню Страсти для нашего калифа. Благодарность моя будет безгранична.

Карим-аль-Малика помолчал, раздумывая. Потом сказал:

— Мне крайне неприятно отказывать тебе, Донал Рай, но у меня из головы не идет та девушка, последняя моя ученица... Глупое создание полюбило меня всем сердцем.

Бедняжка предпочла покончить счеты с жизнью, чем стать невольницей другого... Все это было невероятно досадно, к тому же мне пришлось расплачиваться с тем, для кого она была предназначена. Настоящий Учитель Страсти никогда не допустил бы подобного. Я плохо выполнил свой долг. И теперь мне ненавистна сама мысль о том, чтобы лезть снова в это ярмо...

— Ну, с тех пор прошло уже пять долгих лет, мой молодой друг. К тому же девушка была неуравновешенной. А эта... О, эта другая... Эта горда и неукротима. Ее можно согнуть, а вот сломать невозможно. Риган обещает стать сильной женщиной. Но чтобы покорить сердце Абд-аль-Рахмана, ей необходима твоя наука... Даже Рабыни Страсти для него недостаточно. Она должна околдовать его, народить ему детей...

Карим тяжело вздохнул:

— Не знаю...

— Позволь хотя бы показать тебе девушку! — с хитринкой в глазах предложил Донал Рай. — Не отказывай мне сразу, вначале взгляни на нее, ощути этот бешеный темперамент... Абу! — хозяин подозревал пигмея. — Быстро приведи сюда госпожу Риган и ее прислужницу!

Гости от души расхохотались над поспешностью Донала Рая.

— Ты так уверен, что Карим растает, Донал Рай! — воскликнул Аллаэддин-бен-Омар. — Что, девушка и вправду так прекрасна?

— Как луна и солнце, вместе взятые! — напыщенно ответил Донал Рай.

Это сравнение крайне позабавило Карима:

— Ты говоришь, как истинный мавр! Но помни, я ничего не обещал тебе, друг отца моего!

— Поживем — увидим... И, если она с первого же взгляда не околдует тебя, ты не тот, кем я тебя всегда считал!

Аллаэддин-бен-Омар утробно хохотнул. Эта лисица Донал Рай бросил Кариму-аль-Малике вызов, который тот обязан принять! Уязвил его мужскую гордость!

Двери покоя распахнулись. Это воротился Абу и с ним две женщины. Глаза Аллаэddина заискрились при виде Морэг. Впервые увидев ее нынче поутру, он нашел девушку необычайно соблазнительной. Лицо другой было в тени — наверняка так и было задумано. Гости не могли разглядеть ее черт, пока она не подняла голову и не взглянула прямо на них. Аллаэддин-бен-Омар громко присвистнул от восхищения. Да, Донал Рай не солгал им... Девушка красотой затмевала всех, когда-либо виденных ими! Аллаэддин бросил взгляд на Карима — но лицо капитана, как всегда, было непроницаемо спокойно.

...Хотя казалось, что Риган смотрит на обоих гостей, на деле же она видела лишь Карима-аль-Малику. Никогда прежде не видала она столь красивого мужчины! Овальное лицо, высокий лоб, прекрасно вылепленные скулы — и при этом тяжелый мужской подбородок, свидетельствующий о силе духа. Нос продолговатый и тонкий, трепещущие ноздри... Губы твердые и красиво очерченные. В отличие от друга, Карим был гладко выбрит. Черные изогнутые брови лишь подчеркивали яркий сапфировый блеск глаз. Волосы темно-каштановые, почти черные. Зачесаны назад. Риган не могла понять, насколько они длинны...

— Сними с нее одежды, Морэг, — пробудил ее к действительности голос Донала Рая.

— Нет, — сказал вдруг Карим-аль-Малика. — Я сам. Он подошел к Риган. Словно замороженная, глядела она прямо ему в глаза, а тем временем могучая мужская рука расстегивала золотую булавку на ее плече. Она мельком успела заметить овальные, прекрасной формы ногти... На этом красивом лице не отражалось ровным счетом никаких чувств. Потом он кивнул Морэг — и та медленно и грациозно стянула полупрозрачную тунуку с тела Риган, как ей и было велено. Теперь губы Карима-аль-Малики чуть тронула улыбка. Это было великолепно исполнено... Он повернулся к Доналу Раю:

— Кто эта девочка?

— Морэг — личная прислужница госпожи Риган.

— Она весьма искусна, — отметил капитан, и снова его внимание сосредоточилось на Риган. Затем он заговорил, но очень тихо, обращаясь к ней:

— Я вижу бурю в этих аквамаринных очах, Зейнаб. Но ты покоришься мне, ведь если ты заупрямишься, то огорчишь твоего доброго

господина Донала Рая. А теперь заложил руки за голову — я хочу разглядеть твои груди.

— Нет, — отвечала она так же тихо. — Я заставлю Донала Рая продать меня какому-нибудь кельту и стану прислугой...

— Он продаст тебя в самый грязный портовый бордель Дублина — так он сможет куда больше выручить, — спокойно и ласково отвечал Карим. — И не успеет Донал Рай покинуть заведение, как между твоих ног будет уже копошиться какой-нибудь вонючий и грязный матрос. А потом... Через год ты умрешь от изнеможения и какой-нибудь скверной болезни. Тебя устраивает такое будущее?

И Риган, и Морэг окаменели.

— Донал Рай никогда так со мною не поступит, — вымолвила трепещущая Риган. — Он добр...

— Но лишь потому, что ты представляешь для него большую ценность, Зейнаб. А теперь подними руки и заложил их за голову, как я велю!

Их взгляды скрестились, словно сверкающие лезвия мечей. Но мужчина победил, и Риган неохотно повиновалась... Из груди Морэг вырвался вздох облегчения. Карим отступил шага на два и принялся лениво любоваться телом Риган. Но взгляд его был лишь оценивающим — в нем вовсе не было похоти. Потом, протянув руку, он принялся ощупывать белую грудь девушки. Щеки Риган вспыхнули. Она закусила губу, вздрогнув от прикосновения мужской ладони к своему телу, но и в этих интимных касаниях не было ничего грязного и порочного...

— Не хотите ли, чтобы я открыла рот и показала зубы? — мрачно пробормотала она.

— Не спеши, — спокойно отвечал Карим. — А теперь повернись спиной, опускай руки... Медленнее, Зейнаб. Тебе, как я вижу, придется постичь науку терпения.

Риган послушно повернулась, но успела спросить:

— Почему ты так странно зовешь меня, господин? Зейнаб...

— На мавританском языке это значит «прекраснейшая», — объяснил он. — У тебя должно быть мавританское имя, и я тебе дал самое подходящее.

Глаза его скользнули от покатых плечей к ее округлому задку. «Словно две половинки твердого молодого персика, — подумал он... — Изгиб спины очень грациозен. Она высока для женщины, но не чересчур. И больше за счет длинной и гибкой талии, нежели ног... Какие изящные щиколотки...» Встав на колени, он приподнял одну ногу Риган. Узкая

ступня, высокий подъем... У девушки тонкая кость. Сложена она дивно. Да, Донал Рай не солгал. Луна и солнце...

Карим поднялся и развязал ленту, поддерживающую ее волосы. Их золотой шелк рассыпался по плечам и заструился по спине, закрыв копчик. Он коснулся этих дивных волос — нежны, словно бесценные китайские шелка...

— Повернись теперь снова ко мне лицом. Когда она повиновалась, он приказал ей открыть рот. Риган пришла в неопишемую ярость. Она ведь думала, что он шутит... Теперь она совсем было вознамерилась грубо отказать этому бесцеремонному и странному человеку, но увидела глаза Морэг, полные мольбы и слез... И Риган подчинилась.

Карим заглянул ей в рот, отметив, что все зубы на месте, и ни на одном из них нет порока. Дыхание ее свежо. Это хороший признак. Потом взял девушку двумя пальцами за подбородок и стал поворачивать голову из стороны в сторону, на сей раз придирчиво осматривая кожу — что ж, кожа нежна, прозрачна и вполне здоровая. Точеный носик, чувственный рот и прелестный цвет глаз. Настоящий аквамарин, притом чистейшей воды.

Отпустив подбородок Риган, он как ни в чем не бывало обернулся к собеседникам, все еще сидящим за столом.

— У девушки недурные возможности, Донал Рай, и у нее сильная воля, ты не ошибся.

— Так ты возьмешь ее на выучку. Карим? Я никому другому ее бы не доверил. Я знаю двоих важных господ в Аль-Андалус, которые владеют Рабынями Страсти, которых вышколил ты. Карим. Эти девушки настолько околдовали своих повелителей, что те воздают им все возможные почести. Девушек зовут Айша и Субх. Ты занимался ими лет семь тому назад...

— Я помню их обеих, — отозвался Карим. — Айшу продали какому-то богачу из Севильи, Субх же попала прямою к королю Гранады. И от того, и от другого я получил в благодарность богатейшие дары. А тут как раз мне и прислали эту злополучную девушку, которая потом убила себя... С той поры я не обучил ни одной, Донал Рай...

— Но вышколишь эту, не правда ли. Карим? — хитро усмехнулся Донал Рай.

Молодой человек рассмеялся, сдавая позиции:

— Хорошо, добрый друг отца моего, я вышколю для тебя Зейнаб. А когда она всему научится, я сам отвезу ее ко двору калифа Абд-аль-Рахмана и преподнесу ему от твоего имени. Но предупреждаю, с нею мне придется нелегко. Я вижу, как она горда и свободолюбива, я не встречал еще таких ни среди мужчин, ни среди женщин...

— Ты дал ей прекрасное имя! — широко ухмыльнулся Донал Рай. — Зейнаб... Оно мне по нраву! И подходит тебе, Риган Мак-Дуфф, сейчас я в последний раз называю тебя именем, данным тебе матерью при рождении. Морэг, одень госпожу и отведи ее в особый покой, который для нее приготовлен. Эрда проводит тебя, девочка. — Потом он повернулся к Кариму:

— Теперь эта девушка в полном твоём распоряжении. А сейчас продолжим беседу, друзья мои...

— Завтра, Донал Рай, — отвечал капитан. — Мы пробыли в море не одну неделю. Ты меня понимаешь? Теперь нам надобно лишь общество искусных куртизанок. Сегодняшний вечер, с твоего позволения, мы с Аллаэддином посвятим плотским утехам, а с завтрашнего дня я начну образовывать Зейнаб. Теперь я это тебе обещаю, старый друг отца моего, Донал Рай! Так решено? — Карим протянул хозяину руку, и Донал Рай сердечно пожал ее.

— Решено, Карим-аль-Малика! — произнес он. — Абу, отведи женщин и препоручи их заботам Эрды.

Риган и Морэг вывели из комнаты. Когда они удалились, Аллаэддин спросил Донала Рая:

— Ты не возражаешь, если я займусь воспитанием этой малышки с толстыми косичками? Она заставила забиться мое сердце. Сколько ей лет?

— Вполне достаточно, — хохотнул Донал Рай. — У нее уже бывают регулярные истечения, как сказала Эрда, но предупредила, что она еще девственна.

— Приятно будет быть у нее первым! — чистосердечно признался Аллаэддин-бен-Омар.

— О, ты проторишь другим дорожку! — снова хихикнул Донал Рай — и все расхохотались.

Риган и Морэг слышали взрыв мужского смеха, идя за безмолвным малышом Абу на женскую половину, где их поджидала старая Эрда. Когда малютка передал их с рук на руки старой женщине, Риган дала волю чувствам:

— Можно было подумать, будто я кобыла! Или корова на продажу! — бушевала она. — Ненавижу этого человека! Он ужасен! Омерзителен! Он даже посмел заглянуть мне в рот! Нюхал мое дыхание, Морэг!

— А мне он показался очень вежливым и милым, — осмелилась возразить Морэг.

— Милым? — прошипела Риган.

— Он вовсе не был жесток, госпожа, — спокойно отвечала

служанка. — И ни разу в его глазах не блеснула похоть...

— Как это ты заметила, моя милочка? Ты была слишком занята флиртом с его чернобородым дружкой! — отрезала Риган.

Морэг захихикала, признавая свою вину:

— — Но он так хорош собою, госпожа, к тому же он отвечал мне взаимностью...

— А Карим-аль-Малика запускать руку тебе между бедер? — поинтересовалась вдруг Эрда.

— Что-о-о-о? — задохнулась от ужаса Риган.

— Ну, трогал он тебя между ногами? — повторила Эрда. Касался ли потаенных местечек?

— Нет! — возмущенно отвечала Риган, придя в ужас от одной этой мысли.

— Тогда с чего это ты взбеленилась, моя курочка? — невозмутимо спросила старая женщина. — Он просто осматривал тебя. Разве это преступно — любоваться прекрасной девой?

— Он ощупывал мои груди! — выпалила Риган.

— Чтобы ощутить, достаточно ли упруга твоя плоть, — спокойно отвечала Эрда.

— Я не вещь и никому не принадлежу! — зло воскликнула Риган.

— А вот тут ты жестоко ошибаешься, моя птичка, — ответствовала Эрда столь же невозмутимо. — С того момента, как Гуннар Кровавый Топор продал тебя Доналу Раю, ты стала его вещью.

— Но этот проклятый викинг не имел никакого права меня продавать! — запротестовала Риган. — Моя семья отослала меня в обитель Святой Майры...

— Что означало, — продолжала Эрда, — что ты поступаешь под опеку аббатисы, матери Юб, которая и продала тебя Гуннару, а тот, в свою очередь, — Доналу Раю. А господин препоручил тебя Кариму-аль-Малике, чтобы, обучив тебя искусству любви, он передал тебя с рук на руки калифу Кордовы от имени Донала Рая. Ты станешь собственностью калифа, дитя мое. И чем скорее ты смиришься с этим, тем будет лучше для тебя самой, поверь. Это завидная доля, Зейнаб. Если бы в твои годы я блистала эдакой красой, я стала бы королевой!

— Мое имя Риган Мак-Дуфф! — заупрямилась девушка.

— Тебе дали другое, моя птичка, и отныне ты должна откликаться на имя Зейнаб.

— Никогда! — задохнулась Риган. Ведь если она смирится с новым именем, то перестанет быть самой собой. Она Риган, Риган Мак-Дуфф из

клана Бен Мак-Дун, навсегда, до самой смерти! До самой смерти! Что это еще за Зейнаб?! Нелепое, варварское имя, никогда она не откликнется на него! Никогда! Никогда! Никогда!

Весь следующий день она отчаянно боролась со всеми окружающими. Как они ни бились, но она наотрез отказывалась откликаться на новое имя.

— Ну что я могу поделать с нею, мой господин? — жаловалась Эрда Доналу Раю. — Морэг — та сразу же стала отзываться на свое новое имя. Отныне она Ома. Но эта строптивница Зейнаб откликается лишь на старое свое имя! Даже Ома бессильна, а уж ближе нее у госпожи Зейнаб никого нет! Может, мне побить ее, господин? Раз больше ничто не помогает...

— Не тронь ее и пальцем! — властно сказал Донал Рай. — Этим ты ничего не добьешься — разве что того, что на ее нежной коже останутся синяки. Нынче же вечером ею займется Карим. Отведи Зейнаб в приготовленные для нее покои. Карим просил растереть ее вечером маслом гардений. Он считает, что этот аромат ей более всего подходит.

Работорговец находился в самом что ни на есть блаженном расположении духа. Все шло как по маслу, то есть именно так, как он и задумал.

Вечером в бане Риган растерли маслом, которое рекомендовал Карим. Принюхиваясь к незнакомому пьянящему аромату, Риган подозрительно сморщила носик:

— Это что еще такое? — спросила она. — Не роза, не лаванда... И, кажется, мне этот запах не по нутру...

— Это гардения, — отвечала Эрда.

— Не знаю такого цветка.

— Разумеется, не знаешь, — усмехнулась Эрда. — Это прекрасный молочно-белый цветок, растущий в садах Аль-Андалус.

Риган умолкла. Себе же призналась, что запах ей необыкновенно приятен, но она ни за что на свете не даст им всем этого понять! Экзотический аромат вполне соответствовал ее характеру.

— Куда ты ведешь меня? — спросила она Эрду, когда, выйдя из бани, они пошли не туда, куда обычно.

— Тебе отвели новые покои, Зейнаб, — сказала старуха. — А у Омы будет собственная маленькая комнатка рядом с твоей. Она уже ждет тебя там, моя курочка. Пойдем, и не хмурь бровки!

Комната, куда ее привели, была невелика, но все же достаточно просторна и хорошо освещена. Расположенная в верхнем этаже дома, эта угловая комната одним окном выходила на реку, а другим — во двор дома Донала Рая. Но на обоих окнах красовались тяжелые ставни... Стены были

побелены, мебель крайне проста. Тут была и жаровня, чтобы в случае надобности обогреться, и сундук для платья, и стульчик с обтянутым кожей сиденьем, и маленький дубовый столик... На почти квадратном ложе лежал матрац, набитый смесью пуха с ароматными травами и накрытый голубым атласным покрывалом. Поверх были разбросаны большие подушки в наволочках из яркого полосатого шелка и расшитые золотом. Риган не приходилось видеть столь прелестной комнатки. Она прошла по ней — и слегка воспрянула духом.

— А где Морэг? — спросила она.

— Для Омы отвели маленькую комнатку по соседству. Вот эта дверь ведет из ее комнаты в твою — тебе стоит лишь позвать ее, — сказала Эрда. — А теперь я удаляюсь, тебе нужно отдохнуть. Скоро придет Карим-аль-Малика и начнет с тобою заниматься.

Старуха выскочила из комнаты, выказав прыть, которой Риган никак от нее не ожидала, с шумом захлопнув за собою дверь.

Сперва Риган разгневалась, но тотчас же расхохоталась.

— Морэг! — позвала она.

Дверь, ведущая в смежную комнатку, приоткрылась, и вошла девушка. Принюхавшись, она спросила:

— Что это за чудесный аромат, госпожа?

— Аромат гардении, который они изволили подобрать специально для меня, — фыркнула Риган. — Эрда говорит, что так называются белые цветы, растущие в Аль-Андалус. Мне он очень нравится — только не вздумай сказать им!

— У тебя прекрасная спальня, — сказала Ома. — Пойдем поглядим на мою.

Риган вошла в узкую маленькую комнатку с одним окошком. Здесь был сундук для платья и хорошо набитый тюфяк.

— Неплохо бы обзавестись второй жаровней... — заметила Риган. — А что, дверь в коридор заперта? Ома кивнула:

— Да. Думаю, мы не должны никуда выходить, даже в садик... Но уже вечерет. Как люблю я долгие летние вечера...

Вскоре Эрда принесла им ужин — хлеб, сваренные вкрутую яйца, ломтики сыра и два странных круглых фрукта с золотистой кожей.

— Это называется «апельсины», — предупредила она их вопросы. — Счищайте кожу и наслаждайтесь сладкой мякотью. Они выросли в садах Аль-Андалус. Капитан привез их в дар Доналу Раю. — Эрда поставила на стол маленький графин, наполненный вином, разбавленным водой, и удалилась, тщательно заперев за собою дверь.

Девушки сидели молча и ели. Апельсины они оставили на сладкое. А когда сок потек по их пальцам и подбородкам, звонко рассмеялись. Им обеим очень понравились апельсины, хоть их и не очень удобно было есть. Потом Ома наполнила ароматной водой чашу для омовений, и они ополоснули руки и лица. Слуга унес поднос и пустые кубки. Девушки съели все дочиста. Остались лишь шкурки от апельсинов...

Небо за окнами было розовато-лиловым, как обычно летним теплым вечером. Воздух был по-вечернему свеж, и Риган решила открыть ставни. В саду под окном слышна была песнь дрозда. На небе появился уже нежный полумесяц, а совсем рядом с ним мерцала голубая звезда...

Послышался звук отпираемой двери — девушки оглянулись и увидели входящего Карима-аль-Малику. Войдя, он вновь запер за собою дверь. Потом взглянул на Ому:

— Можешь идти к себе. Ома. До утра ты не понадобишься госпоже.

— Да, мой господин, — скромно ответствовала Ома, поклонилась и вышла во внутреннюю дверь.

— Как смеешь ты отдавать приказания моей служанке? — гневно воскликнула Риган.

— Если этим я оскорбил тебя, Зейнаб, то прошу прощения. Но настало время начинать уроки. Если ты хочешь, чтобы Ома наблюдала за ходом занятия, я верну ее, — невозмутимо отвечал Карим.

— Я Риган Мак-Дуфф из клана Бен Мак-Дун, — отчетливо выговорила она. — Я никогда не откликнусь на это странное и чужое имя Зейнаб!

Скрестив на груди руки, она глядела прямо ему в глаза. Это был бунт.

«...Она восхитительна», — подумал он. Какая сила духа! Но в ответном взоре его не отразилось и тени испытываемого им восхищения.

— Риган Мак-Дуфф из клана Бен Мак-Дун... Моему слуху это имя чуждо. А что значит «Риган»? Насколько я понимаю, Мак-Дуфф — нечто вроде фамилии?

— «Риган» означает «король», — с гордостью отвечала девушка.

— Ты вовсе не король, красавица моя, ты дивная женщина, которую я сделаю просто волшебной. Можешь считать себя кем заблагорассудится, Зейнаб, но помни: ты покинула навеки свой мир. Теперь ты в моем мире и станешь отзываться на новое имя очень скоро. Если не нынче же вечером, то завтра или в крайнем случае послезавтра...

Он начал медленно снимать с себя одежду: сначала длинный белый плащ, потом широкий пояс, обхватывавший тонкую талию, белоснежную рубаху... Усевшись на постель, он стянул мягкие сапоги, затем, снова

встав, принялся стягивать белые панталоны...

Риган ахнула:

— Что ты делаешь?

— А разве это не очевидно? — в его синих глазах прыгали веселые искорки, хотя выражение лица оставалось ледяным. — Ты когда-нибудь видела обнаженное мужское тело, Зейнаб?

— Я не девственна... — пробормотала она, изо всех сил стараясь не смотреть на него, но искушение оказалось чересчур сильным. Широкая грудь украшена растительностью, которая спускается до самого паха... Проследив взглядом направление, девушка уставилась на его мужское достоинство. Член был светлым и обмякшим... Ноги у Карима были длинные и, подобно груди, покрыты негустой растительностью.

— А теперьними сорочку, Зейнаб, — велел он.

— Нет! — отрезала она.

Стремительно преодолев разделявшее их расстояние, он схватил ее за ворот сорочки и разорвал тонкую ткань до самого подола.

— Когда я велю тебе что-то сделать, ты должна повиноваться мне, Зейнаб, — проговорил он, срывая с Риган остатки сорочки.

Потом, взяв ее за руку, подвел к ложу и опрокинул на матрац. Когда он поглядел ей в лицо, то был потрясен выражением ее глаз — вернее, полнейшим его отсутствием. Словно дух ее внезапно покинул тело, оставив лишь пустую оболочку...

— Почему ты так страшишься меня, Зейнаб? — ласково спросил он, не выпуская ее руки. — Не надо бояться...

Она мучительно подбирала слова и наконец с трудом выговорила:

— Ты причинишь мне боль... Я не хочу, чтобы ты мне сделал больно! — Она поднялась с ложа и, дрожа, стояла босая на полу.

— Я не причиню тебе боли, Зейнаб. Прошу, расскажи мне о тех двоих, которые сделали тебе больно. Порою это помогает сбросить груз тягостных воспоминаний...

— — Иэн Фергюсон... — еле слышно шепнула Риган — Карим даже наклонился к ней, чтобы расслышать. — От него пахло лошадьми, и он гордо прохаживался передо мной, похваляясь своим «жеребцом». Он стискивал мне груди, потом запустил руки между ног... Он все время извивался на мне, издавая странные звуки... Затем приказал мне раздвинуть ноги... О, какой большой был у него член он чуть было пополам меня не разорвал! Но ему было все равно! Все равно! Он двигал во мне этим отвратительным орудием взад-вперед, хрипя и потея. Никогда не знала я такой боли! А потом..., потом он еще дважды за ночь овладел

мной. Отвратительно! Ненавижу его! — Она разрыдалась.

— А Гуннар Кровавый Топор? — спросил Карим. — Он тоже заставил тебя страдать?

— Когда его плоть вошла в меня, я не чувствовала боли, — уже спокойнее сказала она, — но это было не менее отвратительно. Он силой наклонил меня вперед и насильно заставил принять его член, и хрюкал, словно хряк, покуда не излил в меня сок своей похоти!

— Я никогда не возьму тебя силой, — пообещал ей Карим-аль-Малика.

— Тогда тебе никогда не обладать мною, мой господин, по собственной воле я никогда не отдам своего тела ни одному мужчине в мире.

— Ты отдашься мне, Зейнаб, — нежно сказал он. — Не нынче и, возможно, очень нескоро... Но в конце концов ты по собственной воле станешь моей — и душой, и телом. Мне вовсе не нужно будет ни к чему тебя принуждать. — Он ласково стер ладонью слезы с ее лица. — Не плачь... Прошлого не вернуть и не изменить, но будущее твое будет прекрасным. Это обещаю тебе я, Карим-аль-Малика. Верь мне, красавица моя.

— Я не верю ни одному мужчине в мире... — отвечала она. И он понял ее вполне. Она взглянула на него — в глаза ее понемногу возвращалась жизнь:

— А что ты должен такого со мною сделать, чтобы меня можно было преподнести в дар калифу?

— Обучить тебя искусству страсти, — с легкой улыбкой отвечал Карим, — но ведь это пока для тебя пустой звук, правда?

Риган утвердительно кивнула.

— Любовь — настоящее искусство, Зейнаб. Те двое, что так жестоко с тобою обошлись, понятия не имели, какое наслаждение могут даровать друг другу мужчина и женщина. Они были грубы, эгоистичны и тупы. Оба привыкли совокупляться с женщинами, словно кобели с суками. Они ничем не лучше бессмысленных скотов, которым усердно подражают. Но так быть не должно, моя красавица, — он ласково обнял ее за плечи и поцеловал в лоб. — Со временем я научу тебя всему, что знаю сам. А потом отвезу тебя к калифу, и ты завоюешь его сердце своею красотой и несравненным мастерством.

...Нет, она не верила его словам. Совокупление — и наслаждение? Как это совместить, она не представляла себе, но, надо признаться, он возбудил ее любопытство.

— А где ты постиг это искусство, мой господин? — робко спросила она.

— В одном городе. Он называется Самарканд.

— А почему ты стал именно этому учиться?

— Я у отца младший, — начал Карим свой рассказ. — Подобно многим младшим балованным детям я был сорвиголова и шалопай. А когда я обрюхатил одну за другой трех отцовских рабынь, терпение его лопнуло. Старший брат мой Джафар заступился за меня перед отцом. Он сказал ему, что коль уж я так люблю «складывать зверей о двух спинах», то, пожалуй, лучше всего отослать меня в тайную Школу Учителей Страсти в Самарканде. Так, по крайней мере, моим наклонностям будет найдено практическое применение. Учеников в той школе всегда очень мало, туда принимают немногих, но выпускники ее в большом почете, потому что многим нужны хорошо вышколенные Рабыни Страсти. Меня тщательнейшим образом проэкзаменовали, убедились в моей мужской силе и, посоветовавшись, приняли в школу. Ну а когда я закончил ее, то стал зарабатывать себе на жизнь, обучая рабынь искусству наслаждения. Со временем я смог приобрести свою «И-Тимад»... — Карим-аль-Малика улыбнулся Риган. — Я большой мастер своего дела, поверь, — сказал он с озорным блеском в глазах. — Я взялся заниматься с тобою, лишь уступив настойчивым просьбам Донала Рая, но когда мы закончим наши занятия, то ты, Зейнаб, станешь совершеннейшим моим творением! Обещаю тебе.

— А почему я должна обязательно стать Рабыней Страсти? Почему Донал Рай отказывается продать меня просто кому-нибудь в служанки? Я не желаю отдаваться мужчинам...

— Для служанки ты непозволительно красива, — отвечал Карим. — Ты сама это знаешь, Зейнаб. И не лукавь — тебе это приятно. Ты всегда должна быть честной. Да, это правда — я научу тебя, как отдаваться мужчине. Но не только этому. Я также научу тебя, как заставить мужчину отдаться тебе и телом, и душой.

— Но это невозможно! — заявила она. — Ни один мужчина никогда не отдаст себя на потребу женщине! Я никогда не поверю в это, мой господин!

Карим рассмеялся:

— Но это правда, милая Зейнаб. Красивая женщина имеет великую власть даже над самым сильным мужчиной и может победить его в любовной битве!

— Я замерзла... — вздрогнув, пробормотала Риган. Карим поднялся с ложа и прикрыл деревянные ставни.

Затем, подойдя к сундуку и подняв крышку, достал тонкое шерстяное

покрывало и протянул его Риган:

— Под ним и рядом со мною ты скоро согреешься. Давай-ка ляжем рядышком, — и, не дождавшись ее ответа, он распростерся на ложе и протянул к ней руки.

— Ты хочешь спать со мной? — глаза Риган вновь были полны страха, но голос звучал твердо.

— Это наша с тобою общая спальня, — спокойно объяснил он. — Полезай под покрывало, Зейнаб, ведь я сказал тебе, что не возьму тебя силой. Я не лгу тебе.

...А перед глазами у нее стоял Иэн Фергюсон, бесстыдно бахвалящийся перед нею своей мужской статью, Иэн Фергюсон, который безжалостно истерзал ее девственную плоть, удовлетворяя свою животную похоть, растаптывая ее душу... Гуннар Кровавый Топор был немногим лучше, но, по крайней мере, ей не пришлось глядеть в его искаженное лицо, когда он ее насиловал...

Она взглянула на Карима-аль-Малику. Он лежал на спине, закрыв глаза, но она чувствовала, что он не спит. Можно ли ему довериться? Должна ли она ему поверить?

Дрожащей рукой она откинула покрывало и скользнула в тепло... Тотчас же ее обняли мужские руки — Риган даже подпрыгнула.

— Что ты делаешь? — испуганно спросила она.

— Так ты скорее согреешься, — ласково сказал Карим, — прижмись ко мне. Но, если ты не хочешь, что ж, я понимаю тебя...

Она чувствовала тепло его руки на своих плечах. Ощущала все его крепкое тело... Присутствие его отчего-то действовало успокаивающе.

— Но не позволяй себе ничего больше! — все же предупредила она сурово.

— Только не сегодня. — В сгустившейся тьме она не увидела его улыбки. — Покойной ночи, моя милая Зейнаб. Покойной ночи...

— Ну? — поинтересовался поутру Донал Рай. — Вправду ли Зейнаб стоит того серебра, что я отвалил за нее викингу?

— На все свое время, старый друг! — отвечал Карим-аль-Малика. — Девушка стала два раза подряд жертвою двух грубых и неотесанных мужланов. Нужно время, чтобы завоевать ее доверие. Но я добьюсь этого. Никогда не было у меня подобной ученицы. Она невежественна и вместе с тем мудра не по годам. А о любви, и тем более о страсти, она не имеет ни малейшего представления. Пройдет по крайней мере год, прежде чем ее можно будет, не стыдясь, преподнести калифу. А может, и того больше... — Карим отхлебнул горячего вина, приправленного специями, из серебряного,

отделанного ониксом кубка. — Ты согласен дать мне такой срок или, может быть, предпочтешь выставить ее на продажу на хорошем рынке в Аль-Андалус и вернуть себе свои деньги? Ведь на ее обучение нужно будет потратиться...

— Нет! Нет! Девушка — настоящее сокровище. Я понял это сразу же, как только этот чурбан Гуннар Кровавый Топор ввел ее в мои покои! Она обвела его вокруг пальца, словно ребенка! Эрда рассказала мне, что Зейнаб и Ома сдружились на корабле Гуннара. Тогда Зейнаб и придумала сказать викингу, что если ее предложить мне вместе со служанкой, то это меня очень впечатлит. Ха-ха! Она умна как бес, Карим-аль-Малика! — Донал Рай посерьезнел:

— Сколько ты еще пробудешь в Дублине? И куда отправишься отсюда?

— Разгрузка моего корабля уже закончена, Донал Рай. Думаю, за неделю мы успеем наполнить трюмы — тогда мы и отплывем в Аль-Малику. Сейчас самая середина лета, но в воздухе уже чувствуется дыхание осени. Я хочу поскорее убраться из неприветливых северных морей. Кроме того, я полагаю, что обучение Зейнаб пойдет куда успешнее, если ее вырвать из привычного окружения.

Донал Рай кивнул:

— Ты мудр. А где она станет жить?

— У меня есть вила в пригороде Аль-Малики. Поселю ее там. Все девушки, которых я когда-либо обучал, жили в этом прелестном местечке. Там все пробуждает чувственность — ласковые вышколенные слуги, роскошь и истома во всем... Зейнаб перестанет робеть, оказавшись в «Раю».

— В «Раю»? — хозяин оторопел. Карим рассмеялся:

— Я назвал так мою прелестную виллу, мой добрый друг. Дом расположен у самого моря, окружен садами и фонтанами. Там царит мир и покой...

— А твой отец? — спросил Донал Рай.

— Он предпочитает городскую жизнь, а мне предоставляет полную свободу. В каком-то смысле я оправдал его ожидания. Я в хороших отношениях с семьей, независим и богат, да к тому же и пользуюсь уважением. Я разочаровал его лишь в одном: у меня нет ни жены, ни наследников. Но этим я предоставляю заниматься старшим братьям — Джафару и Айюбу. И все же отец мой разочарован...

— И его можно понять, мой мальчик. Человек столь страстный, как ты. Карим, наверняка зачинал бы только сыновей. К тому же младший сын

Хабиба-ибн-Малика — это прекрасная партия... — закончил с улыбкой Донал Рай.

— Я еще не созрел для женитьбы, — отвечал Карим. — Мне нравится моя свободная жизнь. Может быть, если мой опыт с Зейнаб будет удачен, я после нее возьму еще пару учениц...

— А в твоём гареме много наложниц? — поинтересовался Донал Рай.

— У меня вовсе нет гарема, — отвечал Карим. — Я слишком редко бываю дома, а женщины, предоставленные самим себе, впадают в беспокойство и становятся беззащитными перед соблазном... Они постоянно должны ощущать твердую мужскую руку. Вот когда я женюсь, тогда и заведу гарем.

— Возможно, ты прав, — кивнул Донал Рай. — Ты мудр не по летам, Карим-аль-Малика!

— Разреши Зейнаб и Оме гулять по саду, Донал Рай, — попросил Карим. — Мы будем в море несколько недель кряду, и они будут узницами в каюте корабля. Я не могу предоставить им свободу передвижения по судну: они возбудят похоть в моих матросах, а это опасно.

Донал Рай кивнул, соглашаясь:

— Да, плавание будет тяжелым для девушек. Они привыкли к твердой земле. А путешествие из Стретчклайда в Дублин заняло всего пару дней, к тому же почти всегда земля была в пределах видимости.

— Теперь же им предстоит не видеть земли много дней... — сказал Карим.

Эрда объявила Риган и Морэг, что они снова могут гулять по прелестному садику дома Донала Рая. Визжа от восторга, они понеслись вниз по ступенькам — и вновь принялись гулять на солнышке, нежиться на красивых мраморных скамеечках, болтать о таинственной Аль-Андалус, куда им вскоре предстояло отправиться...

Около полудня в садике появился Аллаэддин-бен-Омар и почтительно объявил Риган:

— Госпожа Зейнаб, Карим-аль-Малика желает видеть вас. Он ждет вас наверху, — чернобородый моряк вежливо поклонился.

Риган поблагодарила его и покинула садик. Аллаэддин-бен-Омар улыбнулся Морэг. Протянув руку, он нежно дернул ее за косичку — девушка хихикнула. Взяв ее за руку, он принялся прогуливаться с нею по садику.

— Ты прелестна, — сказал он.

— А ты лихой ухажер, — отвечала она. — Хотя я и выросла в монастыре, но таких негодяев распознаю сразу.

Он ласково и нежно рассмеялся, и Морэг почувствовала, что сердце ее тает...

— Да, Ома, я и вправду негодяй, но негодяй с добрым сердцем. А ты уже похитила его, моя прелесть. И знаешь — я не хочу получать его назад...

— У тебя медовые речи, Аллаэддин-бен-Омар, — отвечала девушка с влекущей улыбкой, но тут же засмушалась и нагнулась, чтобы понюхать розочку.

Когда она выпрямилась, мужчина стоял прямо перед нею.

— А знаешь ли ты, что твое имя Ома происходит от мужского имени Омар? — пальцы его коснулись девичьей щеки.

Глаза Морэг расширились. Занервничав, она отступила на шаг. Прикосновение было ласковым и все же слегка шокировало ее. Она глядела в его черные глаза, и сердце ее бешено колотилось. Он снова протянул к ней руки и на сей раз нежно заключил ее в объятия. Морэг чувствовала, что вот-вот упадет без чувств. Нет, пастушьи сынки из окрестностей монастыря никогда не вели себя с нею столь смело... «О-о-о-ох!» — воскликнула она, когда губы его коснулись ее рта, но она не воспротивилась, не стала вырываться... Ей было интересно, что же будет дальше, к тому же с этим великаном она, малышка, чувствовала себя в безопасности.

Из окна покоя Карим-аль-Малика наблюдал за тем, как его друг обхаживает девчонку. Он никогда прежде не видел Аллаэddина столь нежным, столь терпеливым и ласковым с женщиной. Карим отчего-то решил, что на сей раз его друг чересчур расчувствовался. Нежный взгляд Аллаэddина, устремленный на прелестное личико Омы, служил предвестником чего-то куда большего, нежели мимолетное увлечение...

Заслышав звук открываемой двери. Карим отвернулся от окна. Лицо его озарила улыбка:

— Зейнаб! Хорошо ли тебе спалось?

— Хорошо, — призналась она. Да, она и вправду давно не чувствовала себя столь свежей и отдохнувшей, как нынче поутру, когда проснулась и не нашла его рядом. Она чуть улыбнулась.

— Продолжим наши занятия? — предложил он. — Разоблачись, моя красавица. Сегодня мы начнем постигать Науку Прикосновений. Наша чувствительная кожа крайне много значит в искусстве любви, Зейнаб. Очень важно узнать, как правильно ее ласкать. Ты должна научиться трогать самое себя, а также и своего господина так, чтобы пробудить все прочие чувства.

Риган была слегка ошарашена. Он говорил все это очень просто. Ничего бесстыдного не было в его голосе. Медленно она стянула с себя одежду. Отказываться было смешно — это она уже поняла. Прошлой ночью он убедительно доказал ей, что ждет от нее незамедлительного повиновения. — Почти все утро она билась над разодранной сорочкой, пытаясь ее зашить: не в ее правилах было бросаться вещами. Но нежная ткань была безнадежно испорчена...

Теперь, стягивая сорочку через голову, она бросила на него быстрый взгляд из-под густых золотистых ресниц. На нем были лишь белые панталоны, и в дневном свете тело его казалось необыкновенно красивым. Риган вдруг залилась краской. Да полно, разве мужчина может быть красив?

Он бесстрастно наблюдал за тем, как она раздевается. Она была само совершенство, но тем не менее он ясно отдавал себе отчет в том, что ему понадобится все его мастерство, чтобы научить это создание искусству любви. И все самообладание... Первой заповедью учеников самаркандской Школы Страсти было: «Не позволяй ученице затронуть твоего сердца». Прежде чем начать обучать женщину, надо полностью подчинить ее, но очень нежно, а вовсе не грубо. От учителя же требовались терпение, доброта и твердость, но сердце его должно оставаться холодным.

— Господин... — теперь она была совершенно обнажена.

Он вновь внимательно оглядел ее.

— Любовью заниматься можно в любое время дня и ночи, — начал он. — Хотя некоторые, страдающие излишней скромностью, считают, что страсть можно выпускать на волю лишь в темноте. Так вот, именно потому, что ты напугана, я решил, что, если мы будем проводить уроки при свете дня и ты будешь ясно видеть, что происходит, ты скорее избавишься от пустых страхов. Ты меня понимаешь?

Риган кивнула.

— Вот и хорошо, — сказал он. — Но прежде чем мы займемся наукой прикосновений, ты должна принять новое имя, данное тебе. Теперь ты больше не можешь носить чужеземное имя.

— Но, если ты лишишь меня имени, данного мне при рождении, ты лишишь меня самой себя! — глаза Риган были полны отчаяния. — Я не хочу исчезнуть, мой господин!

— Но ведь ты — это гораздо больше, нежели просто имя, — спокойно произнес он. — И вовсе не имя делает тебя тем, что ты есть, Зейнаб. Ты никогда больше не воротишься на родину. Воспоминания навсегда останутся с тобою, но ими одними ты не проживешь. Ты должна разорвать

с прошлым и отринуть прежнее имя, данное тебе матерью при рождении. Новое имя означает новую жизнь, и куда лучшую, нежели прежняя. А теперь скажи, как тебя зовут, моя красавица. Скажи: «Мое имя Зейнаб». Скажи!

На мгновение аквамариновые глаза наполнились слезами, которые, казалось, вот-вот заструятся по щекам. Губы упрямо сжались... Но вдруг она с трудом сглотнула и выговорила: «Мое имя Зейнаб. Оно означает» прекраснейшая «.

— Еще раз! — воодушевлял ее Карим.

— Я Зейнаб! — голос ее окреп.

— Хорошо! — он снизошел до похвалы, не оставшись равнодушным к ее тяжелой внутренней борьбе и победе над собой. Он вполне понимал, сколь трудно ей разрывать с прошлым, но был удовлетворен тем, что она поняла наконец: лишь вверив себя ему, сможет она выжить в новом для нее мире.

— А теперь подойди ко мне, — велел он. — Помни, что я, ни к чему не стану силой принуждать тебя, но теперь буду тебя касаться. Не нужно бояться меня, Зейнаб. Ты поняла?

— Да, мой господин.

Нет, она не станет бояться, а если и испугается, то он не увидит этого ни по ее лицу, ни по глазам...» Я Зейнаб, — думала она, свыкаясь со всем тем новым, что входило в ее жизнь с этим именем. — Я существо, созданное для ласк и восторга мужчины. Вся дальнейшая жизнь моя зависит от того, чему научит меня этот человек. Я не хочу в мужа чудовища, подобного Иэну Фергюсону. И не имею никакого желания провести остаток дней в обители, молясь Господу, о котором почти ничего не знаю... Я Зейнаб — «прекраснейшая»...«Усилив воли она преодолела дрожь, охватившую ее тело, когда Карим обнял ее и притянул к себе.

...Он почувствовал, что она подавила отвращение, и был удовлетворен. Потом, взяв ее за подбородок, приподнял голову девушки и стал нежно поглаживать тыльной стороной руки ее скулы и челюсть. Пальцем провел по прямому носику, затем принялся ласкать ее губки, покуда те не приоткрылись. Когда он улыбнулся, глядя ей прямо в глаза, Риган.., нет, уже Зейнаб почувствовала, что ей не хватает воздуха.

— Ты ощутила силу касаний? — как бы между прочим поинтересовался он.

— Да, — она кивнула. — Это мощное оружие, мой господин.

— Только если уметь им пользоваться, — поправил он. — Ну, продолжим. — Он слегка отвернул в сторону головку Зейнаб и губами

нашел нежное местечко как раз под мочкой уха; — Касаться можно не только руками, но и губами... — объяснял он, — ., и языком. — Он мощным движением провел языком по ее шейке, благоухающей гардений.

Зейнаб помимо воли затрепетала.

— Ты начинаешь испытывать возбуждение, — сказал Карим.

— Правда? — но она не вполне поняла его.

— Отчего ты вдруг задрожала? — спросил он.

— Я.., я не знаю... — честно отвечала она.

— Взгляни на свои соски, — велел Карим. Она поразилась, сколь малы они стали и тверды, словно цветочные бутоны, прихваченные морозцем.

— Что ты ощутила, когда мой рот коснулся твоего тела?

— По...покалывание, наверное... — заикаясь, ответила Зейнаб.

— А где именно? — синие глаза пристально глядели на нее.

— Во всем теле, — призналась она.

— Твои чувства пробуждаются, — спокойно констатировал он. Потом, к ее величайшему изумлению, легко подхватил ее на руки и перенес девушку на постель. Нежно уложив ее, он сказал:

— Продолжим наш урок здесь. Я хочу, чтобы ты привыкла к несколько более интимным прикосновениям, а это легче проделывать здесь, и лежа.

»...Он не собирается делать мне больно «, — повторяла она про себя как заведенная.

— Я буду теперь касаться твоей груди, — предупредил Карим, тотчас же начав ласкать своими длинными пальцами маленькую нежную полусферу. Потом он накрыл ее ладонью и слегка сжал — она прерывисто вздохнула, занервничав. Тогда он убрал ладонь и стал ласкать ее легкими движениями — самыми кончиками пальцев. Сунул палец себе в рот, не сводя с нее глаз, а потом принялся водить смоченным пальцем вокруг одного из сосков, пока тот не стал влажным. Затем, склонившись, он нежно подул на него.

...Это и впрямь удивительно приятно, подумала про себя Зейнаб. Потом спросила:

— А могу я делать так с тобой? Доставит это тебе удовольствие, мой господин?

— Тебе было приятно, Зейнаб?

— Думаю, да... — призналась она.

— Со временем я позволю тебе исследовать мое тело, но пока рано, мой цветочек... А теперь продолжим. — Темноволосая голова его склонилась, и на этот раз губы Карима сомкнулись вокруг соска Зейнаб, и она прерывисто вздохнула.

»...Это воистину сладко!«— пораженная, поняла она. Движения его губ вызвали прилив таких ощущений, о существовании которых девушка никогда прежде не подозревала и не считала себя способной их испытывать.

— 0 — о-о-ох! — вырвалось у нее помимо воли. Он понял, что это стон наслаждения, а вовсе не страха. И сразу же занялся второй грудью — и вот уже юное тело выгибается в его руках, стремясь навстречу ласкам его рта... Он был удовлетворен. Она быстро расставалась со страхом. К счастью, травма, нанесенная ей, не столь серьезна, как он прежде полагал... Наконец, посчитав, что достаточно раздражил ее. Карим запечатлел легкий поцелуй на ее губах:

— Я доволен тобою, Зейнаб, — сказал он с нежной улыбкой. — Ты нынче прилежная ученица. А теперь, если хочешь, можешь одеться и пойти в садик к Оме, я разрешаю тебе.

— Ты.., ты не хочешь продолжать? — она была явно разочарована.

— Вечером мы продолжим урок, — спокойно отвечал учитель.

— О-о-о... — она поднялась с ложа и, быстро одевшись, покинула комнату.

Карим-аль-Малика хмыкнул. Да, давненько он не обучал девушек! Прежде он всегда держал себя в руках. И на этот раз он не изменил себе, хотя она и испытала наслаждение от его ласк и прижималась к нему... Но в какой-то момент его мужское естество мгновенно превратилось из дрессированного животного в дикого и буйного зверя. Ему пришлось собрать в кулак всю волю, чтобы тотчас же на месте не овладеть ею. Правда, девушка этого не поняла, но ведь и она страстно возжелала его...

...И он, не прерываясь, ласкал ее благоуханную плоть отчасти с целью самодисциплины. А потом отпустил ее — так, как когда-нибудь отпустит ее настоящий властелин, насладившись этим прекрасным телом. Это было непросто... Теперь он понимал, как сгруппировался, отказавшись обучать девушек после того, как Лейла из-за него покончила с собой. Это крайне раздражало его, он страдал, но опять же во имя самодисциплины ему следовало бы тотчас же заняться новой ученицей...

Образование, полученное им в Школе Страсти в далеком Самарканде, было для него мощным источником доходов, позволившим ему приобрести» И-Тимад»и плавать, куда ему вздумается. Купив корабль, он вскоре сколотил сплоченную команду матросов, где царила дружба и полнейшее взаимопонимание. А лишившись прежней кормушки, в последние годы он вынужден был проводить в море куда больше времени, нежели ему бы того хотелось. Донал Рай ни разу не обмолвился о том,

сколько заплатит ему за обучение Зейнаб, но Карим знал, что старый друг его отца будет щедр...

Направляясь в садик, Зейнаб столкнулась с выходящим оттуда Аллаэдином-бен-Омаром. Она кивнула ему, но ничего не сказала. Прислужницу свою она нашла сидящей на мраморной скамье — раскрасневшуюся и трепещущую.

— Он хочет тебя соблазнить, — предупреждающим тоном сказала Зейнаб.

— Да, именно этого он и хочет, — согласилась служанка. — Но своего не добьется, госпожа Риган, до тех пор пока я сама не захочу, чтобы меня соблазнили.

— Теперь меня зовут Зейнаб, — сказала госпожа. — Глупо перечить этим маврам, ведь нам предстоит всю жизнь прожить в этой Аль-Андалус... И я больше не стану звать тебя Морэг, милая моя Ома. И не считай это проявлением трусости.

— Это не трусость, госпожа моя Зейнаб, это мудрость, — сказала Ома. — Аллаэддин говорит еще, что нам нужно непременно выучиться их языку. Он называется ро...романский.

— Я попрошу позволения у Карима-аль-Малики, чтобы мы обучались вместе, — отвечала Зейнаб, — но время от времени мы будем с тобою говорить на нашем родном наречии, иначе мы его забудем. Кстати, вокруг никто его не поймет, и, если нам понадобится, мы сможем и посекретничать, Ома.

Вечером девушки отправились в бани, где их уже поджидала Эрда.

— Вы слышали? — спросила старуха. — Через неделю вы обе отплываете в Аль-Андалус. Я слышала разговор хозяина с нашим обворожительным мавританским капитаном Каримом-аль-Маликой нынче поутру. — Старуха внимательно поглядела на Зейнаб:

— Правду ли говорят, что он потрясающий любовник, девочка моя? Ты наверняка уже знаешь.

— Мой господин Карим еще не занимался со мною этим, любопытная ты старуха! — вспылила Зейнаб. — Страсть — это много большее, нежели мужская плоть в женском теле. Это лишь завершение. А начинать всегда следует с начала, — высокомерно изрекла она.

У маленькой Омы отвисла челюсть.

Но Эрда вытаращила свои выцветшие карие глаза:

— Только послушайте эту малышку! — возмущенно сказала она. — Еще три недели назад она не знала, что такое баня, а теперь мнит себя гурией рая! Да, тебе многому следует научиться, девушка! Для начала хотя

бы скромности.

— О-о-о, Эрда! — устыдилась Зейнаб. — Я не хотела тебя обидеть! Ты простишь меня? Ну пожалуйста!

— Может быть, я тебя и прощу... — Эрда сразу смягчилась. Потом жизнерадостно сказала:

— Не горюй, моя птичка! Вскоре вы займетесь любовью по-настоящему.

Ома звонко расхохоталась, увидев выражение лица госпожи, да и сама Зейнаб не могла, как ни старалась, скрыть радости...

— Ты несносная старуха, Эрда! — покраснев, шутливо выбрала она банщицу, которая ухмылялась во все свои беззубые десна.

Они искупались, а затем поужинали. Эрда накрыла для них стол на женской половине. Еда была самая незатейливая. Когда они поднялись к себе. Ома сказала:

— Мне велено раздеть тебя и уложить в постель. Этот приказ передала мне Эрда.

— А господин Карим придет? — вырвалось у Зейнаб.

— Этого я не знаю, — отвечала Ома, помогая Зейнаб разоблачиться и укладывая ее. — Спите спокойно, моя госпожа.

Дверь, отделяющая комнату служанки от покоя госпожи, закрылась. Зейнаб лежала, затаив дыхание. В доме было удивительно тихо. Из сада доносилось навевающее дрему гудение насекомых... Если она закроет глаза, то вновь окажется в замке Бен Мак-Дун. Впервые за много недель воспоминание не причинило ей боли. Судьба судила ей жить вдали от родины. Теперь девушка отчетливо это понимала. «Прощай, милая Груочь, — шепнула она. — Пусть жизнь твоя будет счастливой, сестра». Потом Зейнаб смежила веки и тихо уснула.

...Он стоял над ее ложем, любуясь спящей. Карим повидал множество прекрасных женщин — и дома, и в далеких странах, — но эта красота затмевала всех. Неужели все девы Альбы столь восхитительны? Он никогда прежде не встречал дочерей этой северной земли...

Она рассказала Доналу Раю всю свою жизнь, а тот передал ее на его попечение. «Поразительно, что она сохранила рассудок», — подумал он. Ее страх перед мужчинами и неспособность ощутить любовь не удивляли Карима. Она никогда не знала ни того, ни другого. Теперь же под его руководством она постигнет все тайны страсти, овладеет вершинами мастерства — только так можно заслужить благосклонность калифа Кордовы. Понравится ли Зейнаб Абд-аль-Рахману? Он могущественный правитель и знает толк в прекрасном, но поговаривают, что теперь, когда

его лета клонятся к закату, ему нужна не просто красавица... Карим понимал, что именно, поэтому Донал Рай уговорил его сделать из Зейнаб Рабыню Страсти...

Карим потихоньку разделся и лег рядом с девушкой, не сводя с нее глаз. Она беспокойно шевельнулась. Он осторожно провел пальцем от ямочки на шее, где бился пульс, по нежной груди. Она сонно зашептала что-то. Палец Карима скользнул вверх. Аквамариновые глаза девушки открылись — она узнала его. Склонившись над нею, он стал по очереди целовать ее соски. Потом принялся согревать их влажным своим языком, затем плавно перешел ко всей груди... Слегка запрокинув ее голову, ласкал языком стройную шею, а затем вернулся к груди...

Зейнаб затрепетала, но не от страха, а от восторга. Ей самой это было очевидно. Они не проронили ни слова. Теперь язык блуждал по ее плоскому животу. «Бедняга Груочь, — промелькнула у девушки мысль, — она только и знает, что потного и вонючего Иэна Фергюсона, который никогда не подарит ей такого наслаждения!»

— А-а-а-ах! — вырвалось у девушки, внезапно ощутившей едва уловимую дрожь в своей святой святых. Когда Карим коснулся ее гладкого венерина холма, она сжалась, но лишь на мгновение. Нет, его внимание, казалось, привлекали лишь ее дивно вылепленные бедра. Вот он целует ее стройную ножку — и, к ее изумлению, ласкает ртом каждый пальчик по очереди...

Он осторожно перевернул ее на живот, затем сел на ее ягодицы, и его большие ладони с длинными чувствительными пальцами лениво заскользили по ее плечам, спине... Она уже постанывала. Склонившись, он скользнул языком по ее плечам, а потом вдоль позвоночника. Потом он погладил ее упругие ягодицы, но, когда пальцы его скользнули между ними, Зейнаб напряглась.

— Не бойся... — заговорил он впервые за все это время. — Ты должна научиться принимать в себя мужской член по-разному, Зейнаб. Тебя здесь никто никогда не трогал? — Теперь пальцы его нежно ощупывали ее тело, не стремясь вглубь.

— Нет, — напряженно ответила она.

Карим тотчас же убрал руку, но продолжал ласкать это юное тело, легкими покусываниями вызвав довольное хихиканье. Вдруг девушка почувствовала, что он накрыл ее своим телом — она страшно испугалась... Нет, он просто нежно ткнулся носом ей в затылок и легонько подул...

Потом он снова перевернул ее на спину.

— А почему ты не целуешь меня? — удивилась она.

— Поцелуи воспаляют, Зейнаб. Думаю, ты еще не готова испытывать поцелуи в сочетании с прикосновениями.

— А разве ты не можешь просто поцеловать меня?

— Если я тебя поцелую, то захочу тотчас же коснуться, мой цветочек, — предупредил он.

Она на мгновение насупилась, а потом сказала:

— Очень хорошо, мой господин, я разрешаю тебе. Я доверяю своему учителю, думаю, у него хватит сил остановиться, если я попрошу вдруг...

— Но прикосновения будут другие, более страстные, — снова предостерег он Зейнаб.

— Я готова, — настаивала девушка, и прибавила нежно:

— Хочу, чтобы ты поцеловал меня!

— Зейнаб! — холодно сказал Карим. — Мне лучше знать, к чему ты готова, а к чему нет. Еще вчера ты страшилась страсти. Всего три кратких урока, а ты уже считаешь, что готова ко всему!

— Но я готова! Я хочу изведать страсть! Это прекрасно, мой господин! Совсем не то, что с Иэном или с Гунна-ром... Прощу! — она уже молила.

— Урок окончен! — ледяным тоном сказал Карим. — И вообще пора спать.

Он лег на спину и устало закрыл глаза.

Зейнаб была вне себя от гнева. Он воспламенил ее кровь снова — она возбудилась куда сильнее, чем во время двух предшествующих «занятий». А он спит! Она жаждала изведать вкус его губ. Невзирая на мизерный свой опыт в том, что именуется страстью, Зейнаб изнывала от желания приникнуть ртом к его губам. Тихонько приподнявшись на локте, она стремительно склонилась и поцеловала его. Она вскрикнула от изумления, когда две мощные руки обвили ее и сапфировые глаза оказались прямо у ее глаз. И вот она уже внизу, и желанные губы прижимаются к ее губам, заглушив стон, а железные объятия лишают ее дыхания...

Это было не совсем то, чего она жаждала, моля его о поцелуе. Она думала, что губы его будут нежны, а лобзания сладки. Но эти поцелуи были дикими и почти болезненными. Она старалась высвободиться из его объятий, но как только ей удалось запрокинуть голову, она ощутила эти жгучие поцелуи на шее. И вдруг.., вдруг ей расхотелось вырываться. Она громко застонала, запустив пальцы в его густые, до плеч, темные волосы. Ведомая каким-то наитием, она уже отвечала на его поцелуи. Она чувствовала на спине его руки, пальцы ласкали кожу, обжигали... Она прильнула к нему всем телом и страстно зашептала на ухо:

— Возьми меня! Я не боюсь! Возьми меня!

...Он вот-вот упустит вожжи. Если это случится, он не сможет вышколить Зейнаб. Он хочет ее. Хочет так, как никогда и никого прежде не хотел, но это случится тогда, когда он посчитает нужным. Он, а не она! Рабыня Страсти должна повиноваться своему господину по первому же его знаку...

Разомкнув объятия. Карим бросил девушку животом себе на колени и несколько раз с силой шлепнул по попке:

— Ты непокорна, Зейнаб! — бранился он. — Если бы ты принадлежала мне, я бы привязал тебя за руки к специальным колоннам для бичевания — ты их еще увидишь — и задал бы тебе добрую порку! Сегодня ты не будешь спать подле меня. Ступай сейчас же и ложись у моих ног, ты, похотливая лиска!

— Но ты отвечал на мои поцелуи! — злобно прошипела она. Шлепки причинили ей боль, но она не расплачется, словно глупое дитя...

— Повинуйся мне, Зейнаб! — в голосе уже звучала угроза.

— Я буду спать на полу, — не унималась она.

— Ты будешь спать там, где я велю! У меня в ногах! В этом доме есть комната для наказаний, я уверен. А у кнута есть особый наконечник, который не оставит отметин на коже. Тебя никогда не привязывали между двух столбов и не хлестали бичом, Зейнаб? Мне говорили, что боль при этом воистину мучительна. Если ты тотчас же не подчинишься, я потребую, чтобы Донал Рай приказал слугам выпороть тебя. Двадцать плетей — думаю, неплохо для начала. Ты должна научиться послушанию. Полнейшая покорность — вот одна из основных добродетелей хорошей Рабыни Страсти. А из моего , дома не вышло еще ни одной негодной рабыни! Теперь иди и ложись у моих ног.

Будь поблизости кинжал — она заколола бы негодяя! Вместо этого она покорно отползла в изножье постели. Угрозы все еще звенели у нее в ушах. А взгляд Карима неопровержимо свидетельствовал, что он не шутит. Он и вправду прибьет ее, если она не покорится!

— Ненавижу тебя! — прошипела она, сверкая от ярости глазами.

— Вот и хорошо, — сказал он. — Мне не нужна твоя любовь, Зейнаб. Полюби того, кого Судьба назначила тебе в повелители, но не меня. Меня же ты станешь уважать за то, чему я научу тебя. Учись прилежно, и будешь любима могущественным калифом. Если это случится, мой цветочек, у тебя будет райская жизнь. И тогда ты вспомнишь меня добрым словом. А теперь спи. Ты очень быстро преодолела глупые страхи — и я удовлетворен. А поутру мы начнем заниматься всерьез.

И через каких-нибудь две минуты он ровно задышал. А Зейнаб лежала,

свернувшись калачиком у его ног, и внутри у нее все кипело. О нет, она вовсе не боялась его. Он доказал ей, что страсть и вправду существует, что мужчине вовсе не нужно быть жестоким с женщиной на ложе любви. И за это она благодарна ему, но как он ранил ее гордость, когда отшлепал ее, словно непослушное дитя! А она уже начинала было думать, что по-настоящему ему нравится... Теперь же совершенно ясно, что он оказывает дружескую услугу Доналу Раю — и не более. Ну что же, она еще покажет этому Кариму-аль-Малике! Она станет самой восхитительной Рабыней Страсти, которая когда-либо выходила из его рук. А когда она ею станет, то жестоко отомстит! Она заставит его полюбить ее и телом, и душою! Ну а когда это случится, она простится с ним и с легким сердцем отправится к кордовскому калифу. А сердце Учителя Страсти — если у этого непостижимого существа вообще есть сердце — будет разбито! Она не станет тосковать по нему и «с радостью будет сознавать, что он чахнет по ней и казнит себя за то, что своими руками научил ее тому, за что она стала любимицей калифа. Зейнаб мрачно улыбалась во тьме. Все-таки она истинная дочь Сорчи Мак-Дуфф! Месть ее будет достойна кельтской женщины!

Когда настало утро, Зейнаб вела себя так, словно между ними вечером ничего эдакого не произошло.

— Доброго утра, мой господин! — ласково приветствовала она Карима.

Он ответил на нежное приветствие и прибавил невозмутимо:

— Сегодня мы приступим к изучению мужского тела — пока лишь при помощи рук. Пойдем в баню — мы с Эрдой покажем, как тебе следует купать своего господина.

— Как прикажет мой господин, — ответствовала девушка.

Он пристально поглядел на нее:

— Похоже, ты все осознала. Даже удивительно!

— Мне плохо спалось нынче ночью, — кротко сказала Зейнаб. — И у меня было время хорошенько обо всем подумать... Я хочу понравиться калифу, мой господин. Донал Рай был очень добр ко мне. И его дар калифу должен снискать ему расположение владыки. А если я буду плохо себя вести, то причиню ему вред.

Все это звучало вполне разумно. И все же это подозрительно... Чересчур разительная перемена произошла в ней за одну ночь. Она умна — это он уже знал. Просто совершенно неопытна, и, похоже, в детстве ее не приучили к послушанию. Она привыкла быть своевольной, но, может быть, впервые наказав ее, он разом выбил из нее упрямство? Ну-ну...

Они отправились в королевство Эрды. Старуха уже поджидала их. Эрда была прекрасной банщицей, а Зейнаб способной ученицей. Она старательно копировала действия Эрды, тщательно водила скребком по телу Карима, потом сполоснула его теплой водичкой... Подражая Эрде, она грациозно запустила ручку в алебастровый кувшин с мылом, растерла ароматную жидкость по широкой груди Карима, покрыв все его тело воздушной пеной. Ее нежные ладошки скользили по его мускулистой спине...

— Сегодня у меня все кости ломит, Зейнаб, — заохала Эрда. — Преклони колени, девочка, и вымой ноги Кариму-аль-Малике, но помни: каждый палец нужно мыть отдельно.

Когда Зейнаб справилась с заданием и подняла голову, взгляд ее неожиданно уперся прямо в его мужское достоинство. Ошарашенная, она лишь вопросительно взглянула на учителя.

— Действуй с нежностью. — В этом и заключался весь инструктаж, но его в сапфировых глазах плясали чертенята.

— Да, мой господин, — кротко ответствовала Зейнаб. — Вещь невелика, я справлюсь быстро, — прибавила она невинно.

Эрда даже крикнула, но старуху позабавила эта скрытая насмешка.» Что-то между ними эдакое происходит, — думала она, — вот только что именно?«

Зейнаб тем временем намыливала член Карима-аль-Малика и его» тайник жизни» своими легкими пальчиками... Она нежно массировала член, зачарованно наблюдая, как он увеличивается в длину и ширину. Это и впрямь было удивительно, но на прелестном личике девушки не отразилось ни восхищения, ни страха. Когда же член стал совершенно каменным и поднялся вверх, Зейнаб как ни в чем не бывало встала и, протянув руку к ближайшей чаше, до краев наполненной водой, сказала:

— Позвольте мне ополоснуть вас, мой господин, мыло, должно быть, жжет нежную кожу...

— Зейнаб!!! — раздался предостерегающий крик старухи, но девушка уже окатила Карима-аль-Малику с головы до ног. — Это же холодная!..

Долгое время было тихо — слышалось лишь мирное журчание фонтана да звук падающих на мраморный пол капель...

— О Бо-о-оже... — тихо и растерянно протянула Зейнаб. Предмет мужской гордости Учителя Страсти Карима-аль-Малики тотчас же съезжился и скрылся в потайных складках.

...Она сделала это нарочно, размышлял он. Ну конечно же! Это отмщение за вчерашнее его рукоприкладство.

— О господин мой, простите! — молила Зейнаб. — Я уверена была, что в чаше теплая вода. Эрда всегда заранее все подготавливает. Я думала...

— Но, курочка моя, разве я не просила тебя это сделать? — укоризненно воскликнула Эрда, указывая на кувшин с горячей водой. — Боюсь, ты позабыла...

— Глаза мои были ослеплены мужской мощью моего господина. Ведь я всего лишь невежественная северная дева... — И, не трата попусту слов, ополоснула все его тело, но на этот раз приятной теплой водицей.

...Еще бы! Разумеется, это злой умысел. Карим опасался, что все-таки придется прибегнуть к порке — и в то же время уже был совершенно уверен, что это будет лучшая Рабыня Страсти, непревзойденная гурия, его гордость!..

Ласково улыбаясь, она за руку подвела его к бассейну.

— Вам уже лучше, господин мой? — заботливо спросила она.

— Рыжая хитрая лиска! — тихо произнес он.

— Да, мой господин... — столь же тихо ответствовала она.

— Ты схватываешь все на лету, — сказал он. — Ты прекрасно меня вымыла, совершив лишь один мелкий промах. Не повторяй впредь подобной ошибки, Зейнаб, иначе отведаешь моего кнута. Больше предупреждать не стану, мой цветочек...

— Как прикажет мой господин, — кротко прошептала Зейнаб, опустив золотые ресницы, но скромность была явно показной.

...Она объявляет ему войну. Тут он понял это совершенно отчетливо. Внешне она будет покорной, а душою не покорится никогда! Вызов брошен... Но Карима это лишь раззадорило. Он приручит ее, не сломив, однако, духа девушки. Ведь сломленная, она будет лишь одной из прекрасных ликом и телом жемчужин гарема, но долго там не протянет... Нет, она должна быть сильна, и в то же время уметь склоняться. Полно, да возможно ли такое?..

Они воротились в свою спальню. Надевая верхнее платье, Карим сказал:

— Мне нужно в гавань — проследить, как идет погрузка товаров в трюмы «И-Тимад». Прикажи Оме принести тебе что-нибудь перекусить. Отдохни хорошенько — днем я ворочусь и мы продолжим уроки.

Проводив его, Зейнаб откинула крышку сундука с одеждой, но обнаружила, что он пуст.

— Ома! — позвала она.

Девушка тотчас же появилась из смежной комнаты. На ней был надет

странный чужеземный наряд, а другой, подобный ему, она перекинула через руку.

— Донал Рай велел служанкам подогнать для нас по фигуре кое-что из нарядов его матери. Это одеяние называется «кафтан», его носят все женщины в Аль-Андалус. Господин говорит, что нам пора привыкать к мавританскому платью. Вот, надень. Ну не прелесть ли?

Кафтан был сшит из небесно-голубого шелка. Воротник оказался довольно высок, но грудь при этом оставалась почти открыта — странной формы вырез был украшен серебряным шитьем, как и края длинных и необыкновенно широких рукавов. Зейнаб надела платье через голову, вздрогнув от наслаждения при ласковом прикосновении шелка к телу.

— Как красиво... — задумчиво сказала она.

— А теперь я принесу что-нибудь поесть, — засуетилась Ома.

— Давай-ка поедим на воздухе, в саду, — предложила госпожа, и служанка радостно согласилась.

Карим-аль-Малика сидел в своей каюте на борту «И-Тимад» в обществе своего верного товарища и тщательно обдумывал дальнейшие свои действия, необыкновенно забавляя этим Аллаэддина.

— Никогда прежде не было такого, чтобы женщина поставила тебя в тупик, тебя... — хмыкнул Аллаэддин. — Признаюсь, эти северные девы совершенно особенные. Малютка Ома, пусть и девственница, но уж никак не дурочка!

— Они чересчур независимы, — медленно и задумчиво произнес Карим. — Не поручусь, что такая женщина вообще способна стать хорошей Рабыней Страсти. Никогда прежде не встречал такую... А что, если она вообще не поддается выучке?

— Она сопротивляется тебе? — с любопытством спросил Аллаэддин.

— Да — и в то же время нет... — последовал ответ. — Она стряхнула с себя давящий страх перед страстью, но ей трудно, а может, и невозможно научиться повиновению. Я в растерянности, друг, и не знаю, что мне делать с нею. Будь это любая другая, я исполосовал бы ее кнутом. Я даже собирался было выпороть Зейнаб, но ее нельзя унижать.

— Чего она от тебя хочет? — с присущей ему проницательностью спросил Аллаэддин.

Карима озадачил этот вопрос, но все же он признался:

— Она хочет, чтобы я овладел ею, но еще к этому не готова...

— Отчего же? — возразил Аллаэддин. — Это ведь не девственница — ею дважды грубо воспользовались. Теперь ты доказал ей, что мужчина вовсе не обязательно жестокое животное, что он может дать истинное

наслаждение, будучи нежным... Она возбуждена, и жаждет продолжения. Не будешь же ты, в самом деле, обращаться с нею, словно со слезливой девой-недотрогой! С непорочной тебе и впрямь следовало бы неделями маяться, осторожно подводя к тому моменту, когда ты уничтожишь ее девственную преграду, подготавливая ее для нового властелина, шаг за шагом вводя в мир чувственных наслаждений, Зейнаб же не знает любви'. Над нею надругались. В ее сознании прочно укоренилось, что, когда мужчина совокупляется с женщиной, он причиняет ей боль и унижение... Ты же своими умелыми действиями показал ей, что бывает и по-другому. Прежде чем продолжать, ей необходимо доказательство, которое предоставить ей можешь только ты, отпустив узду своей страсти. Ты должен стереть из ее памяти все те жестокости, которым она, по воле Судьбы, подверглась, если, конечно, хочешь, чтобы девушка шла тебе навстречу. Поручиться могу, что если ты совершишь с нею на ложе акт страстной любви, то она станет столь же кроткой голубицей, как и любая другая на ее месте... Ну полно. Карим, не учили же тебя в самаркандской Школе Страсти такому ослиному упрямству! Ты ведь гораздо лучше меня знаешь, что все женщины разные. Что каждая — это нечто в своем роде. И следует хорошенько поразмыслить, чтобы понять, с какой стороны подойти...

— Может быть, я боюсь... — сказал вдруг Карим.

— Боишься? Ты? Да не может того быть! — уверенно отвечал Аллаэддин.

— Я все время вспоминаю Лейлу...

— Я тоже помню Лейлу, — ответил Аллаэддин-бен-Омар. Она была красивой, но вся, словно туго натянутая тетива, или нет., как берберийская племенная кобылица, взнузданная для того, чтобы принять страсть дикого жеребца. Любой мало-мальски смысленный человек сразу понял бы, что она не годится в Рабыни Страсти. Любой, но только не этот глупец, который, движимый похотью, ее купил... А потом., потом ему показалось мало дивно прекрасной рабыни. Он возжелал Рабыню Страсти! Ведь, как мне помнится, он был другом твоего отца? Не отвечай! Будь это не так, ты в жизни не взялся бы за нее! Может быть, ты уже многое позабыл, но я все отчетливо помню. Ты отнекивался, но твой отец умолял тебя оказать своему другу эту милость. Ты сдался. И, естественно, девица влюбилась в тебя, ведь выбирать она не могла, а тот старик, что был ее хозяином, в подметки тебе не годился. В том, что потом произошло, не было твоей вины. Карим. Эта же девушка совершенно другая. У нее светлая голова и отважное сердце. Дай ей изведать вкус истинной страсти, и ты победишь,

Карим. Могу поклясться!

— Может, ты и прав... — задумчиво протянул капитан. — Может быть, когда покров тайны будет сорван, она уймется и станет прилежной ученицей... От ее успеха у калифа зависит благосклонность владыки не только к Доналу Раю, но и ко мне. А это обрадует отца... — Карим умолк и задумался.

Аллаэддин-бен-Омар лукаво прищурился:

— Как, ты еще здесь, мой капитан? Поспеш к этой упрямыце и дай ей сполна все то, о чем она просит! Я присмотрю за кораблем.

— А ты сам, Аллаэддин-бен-Омар? Продолжаешь соблазнять маленькую Ому? Она премиленькая.

— Я взнуздаю ее еще до отплытия, мой капитан, — усмехнулся первый помощник. — А потом начну объезжать. Я буду у нее первым, и хорошо обучу ее, поверь...

Карим-аль-Малика встал, подхватил свой плащ и накинул на широкие плечи.

— Будь ласков и нежен с девушкой, — дружески посоветовал он. — Я не хочу, чтобы она была несчастна — это огорчило бы Зейнаб. Девушки очень близки, поэтому я хочу, чтобы обе были довольны жизнью, друг мой. Помни, что хоть ты и человек с большим опытом, но с девственницами тебе сталкиваться не приходилось — по крайней мере, я этого не помню... А к ним следует подходить только с добром и лаской, и ни в коем случае не грубо!

— Я не обижу малютку! — пообещал Аллаэддин. — Просто пошире раскрою на мир ее прелестные глазки, и, конечно же, протопчу потаенную тропинку... — он ухмыльнулся. — Но я ни к чему не стану принуждать ее, мой капитан.

— Вот и чудесно!

Капитан с другом вышли на палубу.

— Проследи, чтобы нынче же все связки кож погрузили на борт, и удостоверься, что ни одна из них не порвана. Проверяй все по очереди. А все разодранные или порченные отбрасывай и возвращай торговцу. Учти, меня не будет до завтрашнего дня!

Первый помощник кивнул.

— А тебе желаю торжества победы! — черные глаза его озорно блеснули.

— Увидим... — откликнулся Карим. — Эти девы Аллоа в лучшем случае непредсказуемы, а в худшем — дики и необузданны. Увидим.

Он сошел по сходням на берег и направился вдоль по улице к дому

Донала Рая, где бывшая Риган Мак-Дуфф, а отныне Зейнаб, поджидала его появления.

Карим-аль-Малика нашел обеих девушек в садике. Ома почтительно поклонилась и тотчас же вознамерилась удалиться, чтобы не мешать госпоже. Но Карим остановил служанку, придержав ее за локоть. Как ни любил он своего друга Аллаэddина, но все же не хотел, чтобы малышка посчитала, что если она отвергнет домогательства бен-Омара, то кого-то этим прогневит.

— Аллаэddин-бен-Омар ухаживает за тобою. Ома, — начал он. — И если вдруг он сделает нечто неприятное для тебя или же просто напугает, тебе нужно только остановить его. Он покорится. Ведь Аллаэddин вовсе не варвар. И ты никого не рассердишь, отвергнув его домогательства.

— Благодарю вас, господин, — отвечала Ома, — но я вовсе не боюсь этого вашего друга-великана... Хоть он и брав, и охоч до женщин, но сердцем мягок.

Девушка вновь шаловливо улыбнулась, поклонилась и оставила Карима наедине с Зейнаб.

— Ты воистину добр, Карим-аль-Малика, — тихо сказала Зейнаб, радуясь тому, что подругу не постигнет ужасная участь.

Он лишь хмыкнул:

— Поначалу я боялся за малютку — теперь же склоняюсь к тому, что мне следует опасаться за моего друга Аллаэddина-бен-Омара...

Зейнаб рассмеялась:

— Ома сметлива и тверда, но она очень добрая девочка. Она жаждет изведать страсти — ну, мне так кажется... Думаю, твой друг достигнет с нею успеха, ведь и он ей приятен. Но лишь в том случае, если предпримет решительные шаги не «тогда, когда ему приспичит, а когда она будет готова.

— Да, это правда. То, что настало время страсти, определяет женщина, не мужчина. — Его глаза пристально смотрели в акваариновые очи. Он взял девушку за руку и вначале нежно поцеловал доверчиво раскрывшуюся ладонь, а потом тонкое благоуханное запястье. — Вчера ночью ты яростно доказывала мне, что для тебя пробил час тех страстей, для которых, по моему мнению, ты еще не созрела. Ты все еще настаиваешь? Или ты передумала, мой цветочек?

— Теперь.., теперь я уже не знаю, — сказала она. — Прошлой ночью ты воспламенил мои чувства своими прикосновениями, и я возжаждала большего... А теперь я этого уже не чувствую. — Она попыталась было

высвободить руку, но он не отпускал нежной ладошки.

— Пойдем, — твердо сказал он, уводя ее из сада. — Сейчас проверим, смогу ли я вновь воспламенить твои чувства и заставить ощутить вчерашнее...

— Может, я больше и не воспламенюсь... — холодно отвечала она, все еще злясь.

Карим еле удержался, чтобы не хмыкнуть в ответ на столь дикое предположение.

— Сегодняшний день станет для тебя памятным, моя прекрасная Зейнаб, — говорил он, ведя ее по лестнице в спальню. — Скорее всего, ты просто не сможешь постичь ничего из того, чему я буду тебя учить, если не поймешь на собственном опыте, что же такое акт любви. Девушки, которых я до сих пор обучал, поголовно были непорочны. Они либо вообще не знали, что бывает у мужчины с женщиной, или знали ничтожно мало. Ты же из другого теста. Ты сильно пострадала от рук двух негодяев. Но ты не знаешь, сколь сладким может быть слияние двух тел... Когда ты пожелаешь, мой цветочек, я покажу тебе, что акт любви сладок, но в нем есть также и доля безумия... Когда ты поймешь это, Зейнаб, ты быстро преуспеешь в занятиях.

— Возможно, мой господин, — милостиво допустила она.

— Теперь разоблечись, — сказал он ей уже в спальне. — Не так быстро. Кафтан чудесен. Как он попал к тебе?

— От Донала Рая, — сказала она, грациозно освобождаясь от тонкого шелка. — Он объяснил Оме, что это мавританское платье и что нам пора к нему привыкать. Оно мне нравится. Прикосновение шелка к коже куда приятнее, чем прикосновение льна или шерсти, вещи из которых я привыкла носить...

Он кивнул, соглашаясь:

— А теперь раздень меня, Зейнаб.

— Да, мой господин, — отвечала она, изо всех сил стараясь выказывать покорность. Она сняла с его плеч длинный плащ, сложила его и аккуратно повесила на спинку стула. Потом развязала тесемки у ворота белоснежной сорочки и стянула ее с мужского тела. Вдруг ей захотелось погладить его по мускулистой груди, но она сдержалась и, аккуратно сложив рубашку, положила ее на стул. Потом нежные пальчики некоторое время безуспешно сражались с тяжелой пряжкой кожаного ремня.

— Позволь, я сам.

Большие ладони на мгновение накрыли ее ручки. Зейнаб словно окатило горячей волной. Он сам снял ремень и положил на тот же стул.

— Коснись меня, — сказал он.

Девушка подняла на него непонимающие глаза.

— Мои прикосновения вчера ночью подарили тебе наслаждение, правда? А твои касания будут приятны мне. Мужчина любит ощущать на своем теле нежные руки красавицы, Зейнаб.

Видя, что она колеблется, он взял обе ее руки и приложил к своей груди. Пальчики Зейнаб робко принялись блуждать по его груди, проводя по темной растительности. К ее изумлению, волосы оказались на удивление мягкими... Осмелев, она провела ладонями по его плечам, потом по мощной спине.

— Ты очень силен, правда? — спросила она, ощупывая железные мышцы.

...Тело его было таким твердым на ощупь и казалось поразительно сильным. Ладони ее оказались на стройной талии, и, уже не понукаемая никем, Зейнаб принялась стягивать с него панталоны, распуская шнурок у пояса, который почему-то никак не хотел поддаваться.

— Тебе будет удобнее, если ты встанешь на колени, — сказал Карим.

Она повиновалась, но изо всех сил старалась не смотреть туда... Девушке казалось, что она еще не совсем готова бестрепетно смотреть на мужское достоинство. Поэтому она сосредоточила внимание на его железных бедрах. Освободив тело Карима от панталон, она коснулась его тела и поразились, насколько крепки мускулы. Отступив, она быстро поднялась на ноги, взяла панталоны, тщательно разгладила ткань и положила их на стул, где лежала остальная одежда.

— Видишь, все очень просто, правда? — с улыбкой он притянул девушку к себе, прильнув губами к ее светлым волосам.

Сердце Зейнаб бешено заколотилось. Что за сладкая тайна заключена в мужском касании, которая заставляет ее трепетать?

— А Рабыня Страсти всегда разоблачает своего господина? — спросила она, изо всех сил стараясь сохранить контроль над собой.

— Если он этого пожелает. Она купает его — этому ты сегодня училась, она одевает и раздевает владыку... Все, что бы она ни делала, должно доставлять ему наслаждение того или иного рода. Она ведь не просто наложница. Она — нечто куда большее. Она должна в совершенстве овладеть искусством испытывать наслаждение, для того чтобы господин ее уверился, что он лучший любовник на свете, даже если это и не так... Одно его касание должно обволакивать ее дурманом страсти. — Он взял ее за подбородок и взглянул прямо ей в глаза. — К тому же Рабыня Страсти никогда не теряет головы, даже когда волны страсти захлестывают обоих.

Ты понимаешь меня?

— Не уверена... — тихонько прошептала Зейнаб.

— Придет время — и ты это поймешь.

— Я должна научиться отделять мысли от чувств... — задумчиво произнесла она. — В этом ведь секрет, Карим-аль-Малика? — Она вопросительно поглядела на учителя. Она жаждала учиться. Никогда больше не хотела она пасть жертвой мужчины, кем бы он ни был — пусть даже царем ее и властелином. Судьба ее должна быть в ее собственных руках! Вот ключ к тому, чтобы выстоять в этом новом для нее мире!

Карим согласно кивнул, довольный тем, что она с такой легкостью проникла в потаенный смысл его слов. Снова внимательно поглядел ей в лицо и вдруг без всякого перехода спросил:

— Ведомо тебе, сколь потрясающе ты красива, Зейнаб?

— Я знаю, как выгляжу, — отвечала она, — ведь Груочь, сестра моя, была точной моей копией. Только глаза чуть разнились по цвету, но об этом знали немногие. Я видела свое лицо в чистых водах нашего озера. Груочь частенько жаловалась, что нет у нас зеркала... Да мы в жизни ни одного зеркала не видели, нам лишь рассказывали, что оно чистое, до блеска отполированное, и в него можно смотреться. Я знаю, что лучше многих, но что красива...

— Да, очень красива, — уверил ее Карим, касаясь пальцем нежной щечки. — На свете много типов красоты, Зейнаб, но тот, к которому принадлежишь ты, непревзойден и дороже всего ценится. Не думаю, чтобы во всем гареме Абд-аль-Рахмана нашлась гурия, подобная тебе.

Карим крепко обнял девушку, руки его сомкнулись на ее ягодицах, и он почувствовал, что она подалась к нему всем телом...

Ладошки ее оказались на его груди, она силилась вдохнуть — и не могла... Он улыбнулся, глядя прямо в аквамариновые очи, и теплая волна захлестнула Зейнаб. Ноги ее подкосились. Подхватив девушку на руки. Карим перенес ее на ложе. Встав на колени подле нее, он медленно проговорил, не сводя с нее глаз:

— Один грубиян уничтожил твою девственность. Другой, подобный ему, изнасиловал тебя. Но сердцем и душою ты все еще девственна, Зейнаб. Сегодня ночью я буду любить тебя так, словно никто еще не касался тебя...

Губы его коснулись ее губ с такой нежностью, на которую она считала мужчин неспособными... Сердце ее, казалось, вот-вот выскочит из груди. И словами, и действиями он потряс ее. Когда он лег подле нее на матрац, подавшийся под тяжестью его тела, одно лишь прикосновение его обнаженного тела лишило ее рассудка. Карим взял ее трепещущую руку,

она ждала, что будет дальше... Слова его звучали в ее ушах:» Сердцем и душою ты еще девственна «. Да, сущая правда! Но как он узнал об этом? Как умудрился он ощутить ее боль, боль, которую она сама от себя таила, в которой стыдилась себе признаться? Выказать слабость — значит позволить другим взять над собою верх, с горечью думала Зейнаб. Это был один из первых уроков, преподнесенных ей жизнью еще тогда, когда она была Риган Мак-Дуфф, нежеланной и нелюбимой дочерью...

— А к девственнице, — продолжал Карим, — следует приближаться постепенно, шаг за шагом, с нежностью и никогда грубо.

Он поднес ее руку к губам и прильнул к ладони нежным поцелуем, который словно обжег Зейнаб. Потом стал по очереди целовать дрожащие пальчики.

Медленно и чуть осмелев, Зейнаб принялась ощупывать его твердые, но вместе с тем удивительно нежные и податливые губы. Но когда он стал, играя, покусывать ее пальцы, она отдернула руку, изумившись.

Рассмеявшись, он лег на бок лицом к девушке:

— Это хорошо, что ты любопытна, Зейнаб. Впрочем, такую и должна быть девственница. Так она и начинает учиться дарить и испытывать наслаждение...

Губы его вновь коснулись ее губ, и этот поцелуй был так же нежен, как и первый...

Зейнаб вздохнула и расслабилась, но вновь напряглась, когда лобзание стало более страстным. Она ощущала желание, охватившее его, хотя прежде никогда ничего подобного не осознавала. Губы ее приоткрылись, пропуская мужской язык. Она чувствовала, что он ищет ответных ласк ее робкого язычка. Когда они встретились, по телу ее пробежала сладкая дрожь. Желание нарастало от соприкосновения их горячих тел. Она ничего не понимала — знала лишь, что хочет, чтобы блаженство длилось вечно. Она затаила дыхание, но он наконец оторвался от ее рта и улыбнулся, глядя ей прямо в глаза.

— Тебе понравилось? — спросил он для порядка, прекрасно зная, что услышит в ответ.

Широко раскрыв глаза, Зейнаб кивнула:

— Да!

Он снова склонился над нею, теперь целуя кончик носа, подбородок, лоб, подрагивающие веки...

— А теперь делай то же самое, — велел он, переходя к новой части урока. Надо было извлечь как можно больше пользы из ее желания...

Приподнявшись на локте, Зейнаб склонилась, касаясь губами его лица

— вначале высоких скул, затем углов рта, и, наконец, самих губ... Сердцу стало тесно в груди. Оно чуть было не выпрыгнуло, когда могучие руки сомкнулись вокруг ее тела, когда ее маленькие округлые груди коснулись его груди...

— Ты чересчур спешишь, мой цветочек. Ты совершенно не умеешь собой владеть, — нежно упрекнул он ее.

— Я не могу... — призналась она. — Что-то толкает меня, но я не знаю что... Я очень дурная, мой господин?

— Да, — он усмехнулся. — И совершенно неисправима, мое сокровище! Ты должна быть терпелива. Ты хочешь слишком многого и слишком быстро. Плотская любовь — это чудо. И все следует делать медленно, чтобы дать вкусить наслаждение сполна... — Он перевернул ее на спину и склонился, целуя ее груди. — Какие чудные сочные грудки! Они молят о ласке...

— Да, это правда, — храбро отвечала Зейнаб. Он медленно ласкал ее тело, осязая нежную и упругую плоть, накрывал каждую грудь по очереди ладонью, слегка пощипывая соски большим и указательным пальцами. Она вся выгибалась в его руках. Тогда он склонил голову и принялся посасывать соски. Потом язык его начал ласкать мягкую дорожку между грудей. Затем снова стал ласкать языком соски, уже к тому времени твердые и напряженные. Она громко застонала от наслаждения. Он легонько прикусил сосок — девушка громко вскрикнула. Тогда он поцелуями стал утолять причиненную ей легкую боль...

От горячих прикосновений его рта к ее телу Зейнаб совершенно лишилась рассудка. Ласка его больших рук дарила ей доселе не испытанное блаженство. Заклучив ее в объятия, он приподнял ее и стал осыпать с ног до головы горячими поцелуями. Ослабев от страсти, она лежала в его объятиях, а он снова стал лизать ароматную кожу.

— О-о-о., мой господин! — вырвался у нее вздох наслаждения.

Он уложил ее снова на ложе, подсунув подушку ей под ягодицы. Раздвинув ноги девушки, он скользнул меж них, уперев ее бедра в свои плечи.

— Теперь... — шепнул он, — я открою тебе одну тайну, тайну сладкую, Зейнаб...

Склонившись, он осторожно раздвинул ее мягкие и розовые потайные губки. Нежная плоть уже лоснилась от жемчужных соков любви, хотя девушка этого не осознавала. Он позволил себе чуть полюбоваться ее сокровищем, а потом язык его нащупал средоточие страсти. И принялся пламенно его ласкать.

Какое-то время разомлевшая Зейнаб не понимала, что он делает, но когда до нее дошло, она раскрыла рот, чтобы закричать от стыда — но звука не получилось... Она вздохнуть даже не могла! Девушка силилась выказать протест против столь бесцеремонного вторжения в ее святая святых, но.., но... Язык страстно ласкал ее потаенную святыню, и вдруг нежное тепло, которое она ощущала прежде, внезапно обратилось в бушующее пламя... Из ее горла вырвался сдавленный крик. Она хватала ртом воздух. Перед глазами у нее замелькали звезды — и она пронзительно закричала...

Тогда он освободился от объятий ее ног и, взяв в руку свой член, принялся нежно тереть им ее сокровище. Член был тверд — Карим мучительно хотел ее. Открыв глаза, Зейнаб прочла это в его взгляде.

— Возьми меня! — молила она. — Возьми... Сейчас!

— Мужчина должен входить в девственное тело медленно и с великой нежностью, — проговорил он сквозь стиснутые зубы, проникая в нее. Она ощущала, как горячий мужской член заполняет собою все ее нутро. Инстинктивно она сомкнула стройные ножки вокруг его талии, чтобы дать ему возможность проникнуть еще глубже. Он застонал и проник в нее на всю глубину, подобно тому, как человек тонет в зыбучих песках... Она содрогнулась, почувствовав внутри себя биение его пульса, — и в эту секунду вдруг осознала, что он так же незащищен, как и она. И ощутила прилив сил...

Он принялся двигаться в ней, поначалу неторопливо, затем со все возрастающей быстротой... Его красивое лицо свело судорогой страсти. Нет, она не могла больше смотреть! Аквамариновые глаза закрылись — его страсть была заразна, и вот она уже вся трепещет... Те же звезды пронеслись у нее перед глазами, но куда более яркие. Ни один из тех, кто прежде владел ее телом, не потрудился подготовить ее к этому.., этому волшебству. Ее заливали волны такого восторга, что, казалось, она не вынесет этого и умрет. Затем она словно и впрямь потеряла сознание, растворившись в пучине экстаза, словно летя куда-то меж звезд, мелькавших у нее перед глазами...

К действительности ее пробудили горячие поцелуи, которыми Карим осыпал ее мокрые щеки. Только тут Зейнаб поняла, что плачет. Глаза ее медленно раскрылись и устремились на мужчину. Им не нужны были, слова, совсем не нужны... Теперь он держал ее в объятиях и сказал лишь одно слово:» Спи...«Она с радостью подчинилась, ощутив вдруг с изумлением, как она изнемогла.

...Он смотрел на нее, спящую. В свои двадцать девять лет он мог

похвастаться многими любовными подвигами. Он перевидал множество женщин. Каждая была в своем роде. Каждая бросала ему вызов. Ведь любовь не просто физический акт. Это искусство снисходить к нуждам партнерши, к ее слабостям... Искусство заполнить собою ее жизнь на то время, пока ты с нею. Ни одна женщина не тронула его сердца. Ни одна из тех, кого он учил постигать науку любви, дабы стать Рабыней Страсти. Ни одна... До сего дня. Почему эта дочь варваров, эта маленькая неверная из сырой и холодной северной земли вошла в его душу? Как? И дело тут не в ее дивной красе. Он не понимал, почему, когда и как это случилось...

Он приподнял с подушки ее шелковистый золотой локон и прижал его к лицу, вдыхая нежный аромат гардении, нежно целуя светлую прядь. Сущее безумие! Допуская это даже в мыслях, он нарушал основное правило Учителей Страсти. Ни один из них не смел влюбляться в ученицу и не смел допустить, чтобы она полюбила его в ответ. Неужели горький опыт ничему его не научил? К тому же эта дивная дева не простая невольница. Она собственность лучшего друга его отца. И предназначена для гарема калифа Кордовы. Сущее безумие...

...Как удивительно хороша она — с головы до пят. Мысль эта пронеслась в его мозгу прежде, чем он успел запретить себе думать об этом. Взгляд его скользил по дивному юному телу. Да, он подобрал для нее подходящее имя. Абд-аль-Рахман окажется сражен наповал этой красавицей и будет в неоплатном долгу перед ним. Учителем Страсти Каримом-аль-Маликой, создавшим это сокровище. Калиф будет также сердечно благодарен своему другу из Эйре Доналу Раю, который, в свою очередь, будет в долгу перед ним, Каримом-аль-Маликой... А заслужить благодарность такого человека, как Донал Рай, — это вовсе недурно... Но он отдал бы куда больше за то, чтобы Зейнаб могла принадлежать ему, только ему...

— Как Учитель Страсти я сегодня кончился... — вполголоса сказал он самому себе. — Я не должен был позволить такому случиться. Верно, я старею, становлюсь сентиментальным и не могу больше владеть своими чувствами...

Он погладил атласную кожу Зейнаб. Нужно обучить ее много большему, нежели просто искусству любви. Он должен научить ее, как выжить в гареме нового господина. Любимая жена Абд-аль-Рахмана Захра известна как властная и мстительная женщина, порой не пренебрегающая и ядом... Ее подрастающий сын — наследник отца. Захра не обрадуется, увидав эту юную и прекрасную соперницу... И сделает все, что будет в ее силах, чтобы убрать Зейнаб, если калиф чересчур привяжется к новой

невольнице — а Карим-аль-Малика сделает все для того, чтобы калиф опьянел от этой женщины. Это его долг.

— Как это было прекрасно!

Чуть слышный дремотный голос прервал нить его мыслей. Взглянув в полусонные аквамариновые глаза, он улыбнулся:

— Так ты больше не боишься? Ты поняла, как сладка бывает страсть?

— Да! И я хочу снова.., снова! Мой господин, пожалуйста!

Ответом ей был тихий смех.

— Ты чересчур нетерпелива, мой цветочек! — ласково пожурил он ее. — Разве я не призывал тебя к терпению? Мне так многому нужно еще научить тебя, а тебе столь многое постичь! Для начала мы должны омыть друг друга» платками любви «. Пойди и принеси чашу — она на подоконнике. Там же ты найдешь и платки, моя красавица. А после обсудим дальнейшую программу наших занятий.

Она торопливо вскочила с матраса, спеша исполнить его приказание. Принеся чашу, она спросила:

— Что я теперь должна сделать, мой дорогой господин? — ив ожидании преклонила колени у ложа.

Какая восхитительная ученица, подумал он. Ему захотелось заключить ее в объятия, покрыть прелестное лицо поцелуями... Вместо этого он сказал тоном педанта:

— Воду в чаше всегда следует держать подогретой. На будущее скажу: в нее следует добавлять твой особый аромат — гардению. А ткань должна быть льняной, самой мягкой и нежной. Возьми один платок, Зейнаб, и нежно смой с меня следы любовных утех. Потом я сделаю то же для тебя. Помни: я вкусил твоих интимных тайн. Мне может захотеться повторения. Со временем я научу тебя ласкать меня ртом — это несколько иное удовольствие, чем то, что испытывает мужчина, войдя в женское тело обычным способом.

Она подняла полные изумления глаза, но ничего не сказала, просто омочила нежную ткань в чаше и принялась омыwać его член. Прикосновения ее были легки и осторожны. Ее поразило, что этот орган, который теперь так мал, недавно доставил ей столь бурные восторги... Тут она заметила, что член Карима деформирован.

— О-о-о... Кто так ужасно тебя поранил, господин мой?

— Поранил? — Мгновение он ничего не понимал, но затем, угадав причину ее испуга, объяснил:

— Нет, я не поранен, Зейнаб, я обрезан. Это в обычае у мавров, евреев и многих других восточных народов. Мне тогда было семь лет. И братья

мои тоже обрезаны. Мне дали особого шербета, к которому примешали немного наркотика, чтобы облегчить боль. Затем мою крайнюю плоть с силой оттянули и обрезали. Отец мой щедр. Всякий раз, когда над кем-нибудь из его сыновей совершался обряд обрезания, он собирал в наш дом всех бедных мальчиков-семилеток со всего города, и они также подвергались обрезанию. Ну а потом веселились на празднике, устроенном за отцовский счет. Операция эта мужчине нисколько не вредит, да это ты, наверное, уж и сама поняла. Это гигиеническая мера. В жарких странах порой трудно достать воды для питья, не то что для купания... А люди в Аль-Андалус крайне чистоплотны. Мы очень любим бани. Удаление крайней плоти помогает содержать мужское достоинство в чистоте, да и может предотвратить некоторые заболевания.

— А я-то думала... — пробормотала Зейнаб. — Я такая дурочка!

— Но откуда могла ты знать? — возразил он. — Не бойся задавать вопросы, Зейнаб, сокровище мое! Иначе ты ничему не научишься. Женское тело способно принести мужчине массу наслаждений, но для мудреца одного лишь тела, пусть прекрасного, недостаточно. Через несколько дней мы отплывем ко мне на родину. Там я всерьез примусь за твое образование: ты будешь учиться не только искусству любви, ты должна танцевать, петь и играть хотя бы на одном музыкальном инструменте. Ты должна изучить поэзию и историю моего народа — и вообще развить свой интеллект в тех областях, к которым у тебя обнаружится талант. Ты должна овладеть арабским и романским — нашими двумя основными языками. Ты постигнешь этикет гарема для того, чтобы войти в него без страха и стыда. Ты затмишь всех женщин, которых когда-либо знал Абд-аль-Рахман, с той же легкостью, с какой затмевает луну яркое солнце. Я также непременно научу тебя учтивости, чтобы ты ненароком не оскорбила госпожу Захру, мать наследника. Хорошие манеры — еще одна добродетель Рабыни Страсти.

Он взял еще один льняной плат и омочил его в чаше;

— Теперь дай-ка я обмою тебя, сокровище мое. Откинься на подушки и расслабься, Зейнаб.

Когда он приступил к делу, она с трудом подавила дрожь. Как деликатны его касания..., и как чувственны... Медленно и заботливо он смывал с ее тела следы того, что произошло между ними, и одновременно очень умело вновь ее возбуждал. Она чувствовала, как его палец, обернутый тонкой тканью, поддразнивает ее... Глаза девушки закрылись — она прислушивалась к ощущениям, которые вызывали его новые ласки... Почему другие непохожи на Карима-аль-Малику? Или все мужчины Аль-

Андалус таковы? А может, только северяне грубы и жестоки?..

Бросая в чашу платок, он сказал:

— А теперь одним пальчиком коснись той чувствительной жемчужины, что скрывается в твоём тайничке, Зейнаб.

Он наблюдал за тем, как она, поначалу робко, а затем, осознав, на что способна сама, все более смело ласкала себя. Когда тайник увлажнился и стал сочиться жемчужной влагой, он схватил тонкое запястье. Притянув ее руку к своему рту, он поймал губами влажный пальчик:

— Твой сок такой пряный, мое сокровище... У нее захватило дух, но он улыбнулся ей своей обезоруживающей улыбкой, от которой сердце ее бешено забилося. Она почувствовала, что вот-вот лишится чувств. Тут он оседлал ее, оказавшись поверх нежной груди.

— Теперь заложи руки за голову, — скомандовал он.

— Зачем? — вся ее показная покорность тотчас же улетучилась. Нет, она, конечно же, хотела довериться ему, но ее полнейшее невежество рождало панический страх.

— Просто это исходная позиция для следующего упражнения, мое сокровище. И не нужно бояться, — терпеливо объяснил он. Склонившись над нею, он подпер плечи девушки подушками. Затем, приподняв свой член — Зейнаб заметила, что он несколько увеличился в размерах, — сказал:

— Открой рот, Зейнаб, и прими его. Ты станешь пользоваться язычком, чтобы возбудить меня, но держи зубки подальше: ты ни в коем случае не должна сделать властелину больно! Ну а когда попривыкнешь, то поучимся сосать... Я скажу тебе, когда остановиться.

Девушка отчаянно замотала головой.

— Не могу... — прошептала она, пораженная, но вместе с тем и зачарованная таким поворотом дела.

— Можешь, — тихо, но твердо возразил он.

— Нет! — решительно объявила она. — Нет!!! Карим не стал спорить, просто зажал двумя пальцами ее точеные ноздри. Лишенная таким образом воздуха, Зейнаб открыла рот, и член Карима тотчас же проскользнул меж ее губ. Одновременно он разжал пальцы.

— А теперь принимайся нежно ощупывать меня язычком, мой цветочек. Нет, не убирай руки из-за головы — в противном случае я велю Доналу Раю выпороть тебя. Помни: покорность, покорность и еще раз покорность!

Казалось, она целую вечность лежала в оцепенении, ощущая у себя во рту ЭТО и не зная, как с ЭТИМ обойтись... Затем любопытство победило девичий язычок, до поры забившийся вглубь, принялся ощупывать нежную

плоть. Он наблюдал за нею» из-под полуопущенных век, чуть дыша. Это было трудное испытание... Она робко лизнула. Потом снова. Глаза их встретились.

Карим кивнул, воодушевляя ученицу:

— Так, так, мое сокровище! Не робей! Язычок твой не причинит мне боли. А теперь проведи им вокруг головки.

...Во вкусе, который ощутила Зейнаб, не было ничего отталкивающего. Чуть солоновато — и только. Страх понемногу улетучивался. Постепенно она забрала член в рот поглубже, и язычок принялся путешествовать вкруговую.

Девушка почувствовала, что орган постепенно увеличивается в объеме...

— Теперь попробуй пососать, — напряженно скомандовал Карим.

Она повиновалась и неожиданно обнаружила, что происходящее захватило ее. Карим приглушенно застонал, Зейнаб обеспокоенно взглянула ему в лицо. Глаза учителя были закрыты, черты слегка искажены... Он изнывает от страсти и наслаждения! Девушка изумленно осознала, что сейчас она хозяйка положения. Она, а вовсе не Карим! И это сознание, сознание сладкой своей власти, подарило ей прилив бодрости и сил.

— Остановись! — прозвучал приказ. Он вновь зажал ее ноздри и извлек наружу напряженный член.

Увидев его размеры, Зейнаб округлила глаза.

— Я что-то сделала не так? Тебе неприятно? — Она вновь заволновалась.

— Нет, — он тяжело рухнул на постель рядом с нею и принялся согревать ее тело лобзаниями. Она вздохнула с облегчением, и тело ее выгнулось ему навстречу, когда он сомкнул губы вокруг ее соска. Он слегка посасывал его, покусывал, а затем поцеловал. Одна его рука скользнула по шелковому животу, оказалась между ногами девушки.

Палец нашел чувствительную жемчужину и принялся поддразнивать ее.

— Я хочу тебя, — сказал он. Пальцы его постепенно углублялись в ее тело. — Ты юна и невежественна, мой цветочек, но ты рождена, чтобы стать Рабыней Страсти!

Прикосновения пальцев воспламенили ее кровь, она изнывала от желания вновь ощутить его в себе. Он поддразнивал ее, и жемчужный сок любви тек по его пальцам.

Губы его прильнули к ее рту горячим поцелуем, которому, казалось, не будет конца. А рука не прекращала движений..., и вот девушке показалось,

что она вот-вот неудержимо закричит. Все тело горело и томилось желанием. Она чувствовала какую-то тяжесть в животе и груди, казалось, они вот-вот лопнут, и наружу брызнет сладкий густой сок, словно из надломленного граната...

— Пожалуйста! — в полубеспамятстве бормотала она.

— «Пожалуйста» — что?

— Пожалуйста! — повторяла она, как заведенная.

— Рабыня Страсти никогда не молит, хотя для господина лестно, что он возбудил в ней желание, — заметил он. Потом накрыл ее своим телом и глубоко вошел в нее, издав сладкий стон.

Крик восторга, вырвавшийся из груди девушки, увенчал его усилия. Казалось, он заполнил ее до отказа «— внутри у нее все горячо пульсировало. Она задыхалась...

— О-о-о, мой господин, ты убьешь меня своими ласками... — простонала она.

— Чудесно, мое сокровище! — похвалил он ее. Ягодицы его ритмично сокращались в такт движениям мужской плоти в нежном теле.

Она крепко опоясала его ногами. Стройные руки обвили мощную шею.

— Не останавливайся! — умоляла она. — Как это сладко? А-а-а-ах, я умираю!

— Ты спешишь, Зейнаб. Опять торопишься... Ты должна вновь воспламениться, ведь я еще не удовлетворен. Помни, сперва твой господин должен вкушать наслаждения, и только потом ты сама.

— Я не могу... — голос ее звучал слабо.

— Нет, можешь! — настаивал он, и вновь стал безумствовать над ее телом.

— Нет! Нет! — она попробовала освободиться из железных объятий, но вдруг тело ее выгнулось и соски прижались к его груди:

— А-а-а-ах! А-а-а-ах! — рыдала она, это повторялось вновь — к ее невероятному изумлению. И ощущение было даже сильнее, нежели минуту назад. Неужели ее столь легко удовлетворить? Ногти девушки впились в спину мужчины, волна вожделения захлестнула ее снова.

— Ах ты, маленькая шлюха! — прорычал он ей на ухо и, склонив голову, впился в ее грудь обжигающим поцелуем. Он был почти на вершине, но она преградила ему путь, ее вожделение заставляло его вновь проделывать путь, словно мифического Сизифа... Он толчками проникал в нее все глубже и глубже, до тех пор, пока движения его не превратились в яростные отрывистые толчки... Взрыв...

Долгое время они лежали, сплетенные... Тела их были влажны от пота и любовных соков. Поначалу сердца бешено бились, но мало-помалу ритм восстанавливался. Наконец, Карим произнес:

— Позови Ому. Вели ей принести чашу свежей воды, платки любви и еще вина. Нам обоим нужно восстановить силы.

— Ты хочешь, чтобы моя прислужница увидела нас в таком.., таком виде? — изумилась Зейнаб.

— Она должна научиться прислуживать тебе в любой ситуации, — отвечал он. — Разве вы не видели друг друга нагими в банях?

— Но ты же тоже обнажен!

— Ну и что с того? — спокойно отвечал мужчина. Девушка недоуменно покачала головой:

— Мир, в который ты вводишь меня, мой господин, так отличается от того, в котором я выросла...

Она кликнула Ому и отдала ей приказание. Зардевшаяся девушка слушала госпожу, с трудом борясь с искушением пристально рассмотреть наготу Карима-аль-Малики.

— Я было подумала, что все мужчины твоей страны темноглазы, — робко сказала Зейнаб, когда Ома вышла. — почему же у тебя синие глаза?

— Моя мать северянка, — сказал он. — В одном из походов ее пленили, а потом она попала к моему отцу. Он сделал ее своей второй женой. А оба моих брата и сестра черноглазые.

— Второй женой? А сколько же всего жен у твоего отца? — Зейнаб уже не знала, изумляться или нет. Неужели мавры подобны саксонцам? У тех язычников всегда было по несколько жен...

— У отца всего две жены. Он по натуре человек романтический и женится только по большой любви. У него есть гарем, наложницы — просто для того, чтобы жены не надоедали. Женщин всего около дюжины. Такой гарем считается очень маленьким. У калифа, к примеру, для любовных утех есть добрая сотня женщин, а всего в гареме живет несколько тысяч разновозрастных дам...

— Несколько тысяч? — это потрясло Зейнаб. — И ты полагаешь, что взгляд калифа остановится на мне, мой господин? Он даже не увидит меня в этой куче! И я умру, одинокая и всеми позабытая...

— Но в гареме Абд-аль-Рахмана живут не только наложницы, — принялся Карим успокаивать девушку. — Многие из них служанки, вроде твоей Омы. Некоторые — члены семьи: ну, всякие тетки, кузины, дочери... Наложниц же всего около сотни, не больше. Кроме того, ты Рабыня Страсти — редчайшая жемчужина. Тебя преподнесут в дар калифу вместе с

прочими подарками от Донала Рая, и церемония будет весьма пышно обставлена. Только раз увидев тебя, Абд-аль-Рахман восплачет желанием, уверяю тебя.

— А калиф.., он молод? — робко спросила девушка.

— Нет, но еще и не стар, Зейнаб. Он весьма и весьма искушен в чувственных наслаждениях. Как любовник он очень хорош, к тому же за последние два года зачал троих детей. Он еще и мудрый правитель, снискавший любовь и уважение подданных. Ах, вот и Ома! — он обратился к служанке:

— Ты положила в воду благовония, как велела госпожа?

— Да, мой господин, — потупившись, отвечала та. Затем, поставив чашу на столик у постели, она поспешно удалилась.

Зейнаб никогда ничего не приходилось объяснять дважды. Взяв один из тонких платков, она омыла член господина. Потом легла на ложе и подставила свои прелести его умелым рукам.

Затем он спросил:

— Ты не голодна, мое сокровище?

— Как зверь! А ты?

— Еще бы! Обучать тебя — тяжелый труд... — поддразнил он девушку.

— Впрочем, как и учиться у тебя, — улыбнулась она. — Я позову Ому и попрошу принести нам что-нибудь...

— Если ты устала, может быть, сперва отдохнешь?

— О нет, мой господин! — решительно возразила она. — Я восстановлю силы, и мы продолжим. Я хочу взять от своего учителя как можно больше...

Карим хмыкнул. Потом велел:

— Прикажи Оме принести большую миску устриц. Они быстро вернут мне силы.

— Тогда и я стану есть их вместе с тобою, — смеясь, отвечала Зейнаб. — Ты строгий учитель, мой господин, но я обещаю быть прилежной.

— Надеюсь, так оно и будет, — рассеянно сказал он, думая о том, что те месяцы, что им предстоит провести вместе, будут для него нелегки. То, что он чувствовал к этой девушке, было непохоже ни на что, прежде им испытанное... Неужели он влюбляется в нее? О, если это так, то надо с этим бороться... Она никогда не сможет принадлежать ему. Он твердил себе, что обладает этим юным телом лишь с целью обучить невольницу науке любви, чтобы она овладела мастерством дарить мужчине величайшее

наслаждение. Так циркач дрессирует зверя... А любить ее или же позволить ей полюбить себя... Это бесчестие, это позор! Позор для всех!

...Самаркандской Школы Учителей Страсти больше нет. Он был одним из последних учеников — тогда те, кто обучал его, были уже очень стары. Теперь ни одного из них не осталось в живых. Никто не принял из их слабеющих рук бразды правления... Человечество деградирует — наука любви больше не в чести. Большинству нет до этого никакого дела. И Учителя, понимая это, передали свои секреты всего нескольким последним ученикам — и исчезли с лица земли, словно их никогда и не существовало...

...Никто толком не знал, откуда появились Учителя Страсти. В школе робко поговаривали о жрецах и жрицах какой-то древней богини любви — мол. Учителя произошли от них... Но как бы то ни было, а школы больше не существует... А он сам — один из последних Учителей Страсти на всей земле. Едва ли есть еще человек шесть, но они разбросаны по всему миру. В основном они живут на Дальнем Востоке. Вот отчего Рабыни Страсти столь высоко ценятся в Аль-Андалус, вот почему их так ничтожно мало...

Но несчастье с Лейлой и смятение в его душе, вызванное этой непостижимой Зейнаб, красноречиво свидетельствовали, что он не может больше заниматься своим искусством. Скорее сего, ему следует осесть где-нибудь, стать почтенным купцом... Да, когда он вышколит Зейнаб, как подобает, и преподнесет ее калифу, он женится — ведь именно этого жаждет его семья. Естественно, невеста будет непорочной. Он может поразвлечься, образовывая молодую супругу и наложниц, которых непременно заведет. Но никогда больше не возьмется он за свое ремесло. Никогда больше из рук его не выйдет Рабыня Страсти.

Зейнаб смышлена, а для женщины так просто необыкновенно умна, и схватывает все на лету. Год — не более... За это время он вполне успеет обучить ее всему, что нужно, чтобы ублаготворить калифа и выжить в гареме. Он сам подарит ее Абд-аль-Рахману — и все будет кончено! Никогда больше не вспомнит он об этой Зейнаб! Никогда!

ЧАСТЬ II. Ифрикия. 943 — 944 г, н.э.

Темные воды реки Лиффи ласково обтекали изящный корпус» И-Тимад «, словно руки влюбленного, нежно ласкающие тело юной девы. Корабль был воистину прекрасен: легкий и стройный, около двух сотен футов в длину и тридцать в ширину.» И-Тимад» могла принять на борт сто двадцать тонн груза. Сейчас трюмы корабля были заполнены до отказа подарками, посланными Доналом Раем кордовскому калифу. Церемония дарения будет обставлена с потрясающей пышностью...

Кое-что из подарков было поручено Кариму купить в Ифрикии: в Эйре их было не достать ни за какие деньги. Донал Рай щедро заплатил за фрахт судна, да еще и одарил всю команду, которая всегда обычно получала долю выручки от продажи товара.

На борту располагалась комнатка под черепичной крышей... Там был и маленький кирпичный очаг, установленный на глиняной подставке. И даже жаровня из стальных прутьев. Здесь же хранились съестные припасы: головки сыра, связки лука и чеснока, корзина яблок и мешок муки. Все это занимало полки над очагом. Над жаровней на полочке стояли два сосуда — с солью и шафраном. А в углу в своих клетках квохтали куры и возились три жирные утки.

На корабле было три палубы. На верхней находилась капитанская каюта. Там все было аскетически просто: койка, стол, несколько стульев, маленькая дверь и одно окошко, которое можно закрывать на ночь или же в непогоду.

Подле капитанской каюты на палубе был небольшой навес, под которым стояло несколько стульев — там женщины могли дышать свежим воздухом, не боясь посторонних глаз. В хорошую погоду они с радостью покидали тесную каюту...

На другой же палубе было царство матросов. Там они на ночь подвешивали свои веревочные гамаки. Здесь же стоял длинный стол, за которым команда обычно обедала. Как правило, Аллаэддин-бен-Омар спал в капитанской каюте, но во время этого необычного рейса и капитан, и первый помощник проводили ночи вместе с командой, уступив единственную более или менее комфортабельную каюту дамам, к тому же те ночью были под надежной охраной.

Карим-аль-Малика заранее решил, что на корабле не место для занятий искусством любви. До тех пор пока Зейнаб и Ома надежно

отделены от матросов, а те понимают, что собственность калифа под надежной охраной капитана, проблем возникнуть не должно. Ведь женщина — нежеланный пассажир на судне...

Перед дальней дорогой девушки пошли в баню искупаться, а после старая Эрда, обливаясь непритворными слезами, долго махала им на прощание.

— Что за дивное будущее у вас, мои курочки! — рыдала она. — О, чего бы я ни отдала, чтобы вновь стать юной или хотя бы зрелой, в самом соку...

— Я уже немолод, — услышав ее причитания, заметил Донал Рай. — Но, как ни силюсь, не могу припомнить тебя ни юной, ни даже зрелой, моя верная Эрда.

Старуха мрачно зыркнула на господина и, в последний раз простившись с девушками, сказала:

— Да сохранит вас Господь, цыплятки мои, и да пошлет вам Небо счастливую судьбу! — и поспешила прочь, бормоча под нос что-то о тяжелой доле и жестоком хозяине...

— Я отослал бы тебя вместе с ними, если бы только ты могла пережить разлуку со мной, — бросил Донал Рай ей вслед.

— Она чересчур стара для крутых перемен в жизни, — сказала Зейнаб. — Будь она хоть чуточку моложе, я просила бы тебя отпустить ее с нами. Никто в жизни не относился к нам с такой добротой, Донал Рай, может быть, кроме тебя.

— Хм-м-м... — Хозяин даже слегка покраснел. — Учти, в тебе меня привлекла лишь твоя несравненная красота. Будь ты не столь прекрасна, я быстренько сбыл бы тебя с рук какому-нибудь викингу. Крепко-накрепко запомни, Зейнаб: не верь никому, кроме себя самой и собственных предчувствий. И не осрами меня перед калифом! Ты станешь несравненной Рабыней Страсти — и милости Абд-аль-Рахмана ко мне, недостойному, будут бесконечны. Помни это!

— Я запомню это, Донал Рай, — пообещала девушка. И, прежде чем выскользнуть из комнаты в сопровождении Омы, стремительно поцеловала его в щеку.

Донал Рай изумленно дотронулся до того места, которого коснулись нежные губки, но переборол себя и тотчас же деловито обратился к Кариму-аль-Малнке:

— У тебя довольно золота, чтобы купить лошадей и верблюдов, а также чтобы одеть девушку как принцессу. Она не должна явиться пред очи калифа в нищенских лохмотьях — нет, дева должна выглядеть как богатая

и благородная невеста. Конечно, того, что я дал тебе, сын лучшего моего друга, недостаточно, чтобы Отблагодарить за то, что ты делаешь для меня, но учти: теперь я в долгу перед тобою, Карим-аль-Малика. Ты знаешь, я человек благодарный... А пока... Да будет море милостивым к тебе, и пусть ветры побыстрее принесут твой корабль к родным берегам! Мужчины пожали друг другу руки и расстались. «И-Тимад» покинула гавань Дублина на заре, легко скользя из устья Лиффи прямо в открытое море, где шхуну подхватили легкие волны, и свежий ветер тотчас же наполнил расшитые золотом паруса. Некоторое время вдали еще можно было различить туманные скалы Эйре. Поблизости не было судов — моряки опасались шторма и морских змеев. Все, пожалуй, кроме бесстрашных викингов. Мавры же оставались в душе жителями пустыни и не жаловали дальних плаваний.

Отважная «И-Тимад» стремилась к югу, обогнув тот туманный берег, который бритты зовут Краем Земли. Потом она скользнула в пролив между островом Ушант и побережьем Британии. Дни на исходе лета стояли тихие и теплые. Поскольку погода не обещала в ближайшем будущем крутых перемен, Карим-аль-Малика решился на рискованный шаг — быстро пересечь огромное пространство воды, отделявшее их от материка.

... Теперь шхуна скользила вдоль земли, именуемой Королевством Христианского Льва, потом пересекла границу, отделявшую христианский мир от мусульманского Востока, и наконец вошла в тихие и теплые воды Аль-Андалус. Что удивительно, погода так и не испортилась. Теперь Карим направил корабль в Кадикский залив, а через него — к своему родному городу Алькасаба Малика, что на Атлантическом побережье Ифрикии, в пятидесяти милях от Танджи — их разделял лишь пролив Джубал Тарак.

Во время плавания Зейнаб как-то спросила Карима, каково его полное имя. Оказалось, что его зовут Карим-ибн-Ха-биб-аль-Малика. «Ибн-Хабиб — значит» сын Хабиба «, — объяснил он.

На корабле она училась многому — но не тому, к чему уже привыкла в Эйре. Каждый день Карим проводил с девушками по два часа кряду, обучая их арабскому языку. Ко всеобщему удивлению, у маленькой Омы обнаружился редкий дар — она схватывала все мгновенно. Зейнаб же мужественно сражалась с чужим и хитрым наречием и с помощью Омы наконец постигла арабский. Романский же язык, второй, которым им предстояло овладеть, показался ей куда легче...

И вот однажды на рассвете они достигли цели плавания — Алькасабы Малики. Ветер стих совершенно, а воды были темны и спокойны. Восходящее солнце чуть золотило водную гладь и постепенно озаряло

городские стены и башни. По обе стороны гавани высились маяки. Делом смотрителей маяков было не только поддерживать огонь, обозначающий в ночи вход в гавань, но, в случае надобности, натягивать между ними укрепленную на тяжелых цепях прочную сеть — одно из средств защиты от вторжения чужаков.

Зейнаб и Ома стояли на палубе, раскрыв от изумления рты. Они пробыли в море несколько долгих недель, но все то, что рассказывали им Карим-аль-Малика и Аллаэдин-бен-Омар, не смогло передать очарования открывшегося им зрелища.

— Если Дублин — настоящий город, то это что же такое? — трепеща, пробормотала Зейнаб. Теперь она говорила по-арабски. Обе девушки беседовали между собой преимущественно на новом языке, ведь это был единственный надежный способ им овладеть. Между собой они решили разговаривать по-кельтски не более часа в день — и то, чтобы не забыть родной язык. Зейнаб понимала, что в гареме это будет ценно — при помощи кельтского Они смогут общаться, не боясь посторонних ушей.

— Это прямо-таки сказочное место! — расширив от удивления глаза, отвечала госпоже Ома. — Не думала, что мне когда-нибудь придется увидеть эдакую красоту!

— А я и не представляла, что такое существует на свете!

— подхватила Зейнаб. — Расскажи я об этом в Бен Мак-Дун, мне никто бы не поверил!

На палубу вышел Карим-аль-Малика:

— Город был основан более ста пятидесяти лет тому назад арабским воителем Каримом-ибн-Маликом из рода Умайяд, подданным дамасского калифа. А через шестьдесят пять лет умайяды были изгнаны из Сирии, и весь их род безжалостно истреблен, вырезаны были все, кроме одного принца, которому удалось скрыться. Имя его было Абд-аль-Рахман. От него и пошел род калифа. Правители же этого города всегда были дружны с умайядами — но историей мы займемся позднее, Зейнаб.

— И мы будем жить в этом чудесном месте? — спросила девушка, доверчиво глядя ему в лицо.

» Нынче вечером, — подумал он. — Нынче же вечером я вновь буду обладать ею. Как долго были мы врозь...«

— Нет. У моего отца есть городской дом, но моя усадьба неподалеку, в окрестностях. Мне там гораздо лучше, чем в душном городе.

— А нельзя ли нам с Омой осмотреть этот удивительный город?

— Когда вы отдохнете с дороги, я сам покажу вам здешние достопримечательности. Могу представить, сколь сильно Алькасаба

Малика поразила вас... Но все же в сравнении с Кордовой, где ты будешь жить, это всего лишь маленький городишко, мой цветочек.

Зейнаб изумилась:

— Как? Кордова еще больше?

— Алькасаба Малика перед Кордовой — что оливка в сравнении с дыней.

— А что такое оливка? А дыня?

Карим громко рассмеялся — до него с опозданием дошло, что то, что для него в порядке вещей, совершенно незнакомо этой девушке из варварской северной земли.

— Когда приедем домой, я покажу вам и то и другое, — пообещал он. — Но сперва мне нужно заняться делами на причале. Потом я должен приветствовать отца, и, пока я не прикажу подать повозку, чтобы отвезти вас ко мне на виллу, вы должны оставаться на борту, в каюте.

— Да, мой господин, — тихо и послушно произнесла Зейнаб.

»...Как он хорош! Как томится она по той страсти, что бросала их в объятия друг друга. Сольются ли они нынче вечером, или он решит, что ей непременно надо восстановить силы после долгого плавания? ..Я вовсе не устала, — возмущенно думала она. — Я хочу, чтобы он нынче же обладал мною!«Вдруг ей в голову пришла мысль, заставившая ее беспокойно поежиться.

— Ты женат, Карим-аль-Малика? Вопрос застиг его врасплох:

— Нет... — Но он тотчас же заметил тревогу в аквамариновых очах и, словно бросаясь в ледяную воду, прибавил:

— Но отец подыщет для меня подходящую невесту тотчас же после того, как я преподнесу тебя калифу Кордовы. Пришло время мне остепениться...

Зейнаб улыбнулась, показав свои чудесные, белые и ровные зубки:

— Но сейчас у тебя нет жены? Нет гарема?

— Нет. — Он занервничал.

— Вот и прекрасно! — промурлыкала она, блестя лазурью глаз.

— Рабыня Страсти, — начал он сурово, — не позволяет ни одному мужчине завладеть ее сердцем, Зейнаб. Помни: ты не принадлежишь мне, ты собственность калифа Кордовы. Я никогда не буду относиться к тебе иначе, нежели к ученице.

Она быстро отвернулась, но все же Карим успел заметить, что в глазах девушки блеснули слезы.

— У него нет сердца, — шепнула она Оме, когда он оставил их.

— Он просто человек чести, моя госпожа, — отвечала служанка. А что

еще могла она сказать, чтобы утешить госпожу? Она-то видела, каким светом начинают лучиться глаза Зейнаб при одном лишь звуке голоса Карима-аль-Малики! Бедная госпожа на ее глазах влюбляется в учителя, а не должна... У Зейнаб с капитаном нет и не может быть будущего, с грустью подумала Ома, впрочем, как и у нее самой с Аллаэджином-бен-Омаром... Девушка горестно вздохнула.

» И-Тимад» стояла у пристани, и сходни были спущены. Капитан уже сошел на берег, смешавшись с толпой на причале, а Аллаэджин-бен-Омар, по его приказу, препроводил обеих женщин в каюту, прочь от любопытных глаз.

— Что такое дыня? — спросила его Зейнаб. Ей необходимо было отвлечься от навязчивых и мучительных мыслей о Кариме-аль-Малике.

— Это большой, круглый и сладкий фрукт, — отвечал Аллаэджин.

— А оливка?

— А это маленькая ягодка — бывает черним, пурпурной, а иногда зеленой. Оливка очень соленая, обычно их хранят в рассоле, — объяснил он.

— Карим говорит, что этот город в сравнении с Кордовой, как оливка перед дыней... — сказала Зейнаб. — А я не могла понять его, покуда не узнала, что же такое оливка и дыня.

На бронзовом лице первого помощника капитана блеснула белозубая улыбка;

— Прекрасное сравнение. Да, Кордова очень велика в сравнении с Алькасабой Маликой, но мне лично по душе небольшие города. К тому же маловероятно, госпожа, что ты будешь жить в самой Кордове. Правда, в городе есть прекрасный дворец, где калиф и живет большую часть года. А на лето он прежде выезжал в Аль-Рузафу, где расположена его летняя резиденция, но теперь он выстроил Мадинат-аль-Захра, к северу от Кордовы.

— Это означает «город Захры»? Ведь это имя его жены, не так ли? — спросила Зейнаб.

— Имя любимой жены, матери его сына и наследника.

— И предполагается, что я должна поразить воображение человека, который выстроил для своей любимой целый город? Должно быть, это непревзойденная женщина! Тогда это просто немыслимо! — заявила девушка.

Аллаэджин-бен-Омар рассмеялся от всего сердца:

— Мы, мавры, непохожи на северян. Мы наслаждаемся красотой во всех ее проявлениях и с радостью приемлем любой дар Аллаха. Никогда в

сердце у нас не царит безраздельно одна женщина. Калиф может искренне уважать госпожу Захру, восхищаться ею... Может выстроить для нее целый город. Но это вовсе не значит, что одновременно он не может дарить уважение, восхищение и любовь другим женщинам. Ты самая красивая женщина, какую мне когда-либо приходилось видеть, госпожа Зейнаб. Если будешь умницей — а, по-моему, такова ты и есть, — калиф всем сердцем полюбит тебя.

— А я красива? — хитро прищурившись, спросила вдруг Ома.

Аллаэддин хмыкнул.

— Тебе, голубка моя, вовсе не нужно быть красавицей, — отвечал он, но, заметив ее мрачный взгляд, поспешно прибавил:

— Но для меня ты удивительно хороша. Будь ты еще лучше, калиф мог бы потребовать тебя себе в наложницы. И тогда бедное сердце Аллаэддина-бен-Омара было бы разбито. — Он ласково ущипнул девушку за щечку, она шутливо шлепнула его по руке. «...Что за чудо-девушка, — подумал он. — Какою женой могла бы она стать!..» — А теперь мне пора на пристань — меня ждут дела, — сказал он. — Откройте ставни, если хотите, но не выходите одни на палубу.

Когда он ушел, девушки тут же открыли ставни и выглянули из окна каюты. День был ясный и солнечный, а жара стояла такая, какой им еще не приходилось испытывать. Но веющий с моря легкий бриз приносил облегчение. Они жадно втягивали его ноздрями. Города они видеть не могли: окошко каюты выходило на море. Но специфические запахи витали в воздухе.

— Интересно, сколько нам предстоит еще просидеть в этой духоте? — спросила Ома. — Я пережила плавание лишь потому, что мы не сидели здесь взаперти! Как я скучаю порой по холмам и полям, тем самым, в окрестностях монастыря, где я выросла. А ты тоскуешь по Аллоа, госпожа моя?

Зейнаб покачала головой:

— Нет... Порой еще скучаю по сестре Груочь, но в тот день, когда она венчалась, я потеряла ее навсегда... Больше с Бен Мак-Дун меня ничто не связывает. Мне приятно тепло здешних мест. Как ты думаешь, здесь солнце всегда так ярко светит? С тех пор как мы покинули Эйре, ни разу не было дождя... А вдруг здесь их никогда не бывает. Ома?

— Нет, такого быть не может, — отвечала служанка, — Я успела заметить деревья, цветы... Чтобы расти, им необходим дождь!

— Да... — Зейнаб снова задумалась. Она гадала: когда воротится Карим-аль-Малика? Когда им разрешено будет покинуть корабль? Увидят

ли они Алькасабу Малику нынче? Или в другой раз?.. Куда он пропал? Ах, да! Пошел повидать отца — так он, по крайней мере, сказал. Она представила себе отца Карима — наверняка какой-нибудь купец вроде него самого. Карим, должно быть, дает ему деловой отчет. Интересно, какова семья Карима? Он всегда с такой любовью говорил о домашних... Как непохожи они, должно быть, на ее родных...

Карим-аль-Малика брел по прихотливым изгибам городских улочек. Наконец остановился подле маленьких ворот в белой стене. Затем, порывшись в складках необъятных белых одежд, он достал небольшой медный ключ с круглой головкой, отпер им замок и вошел в чудный просторный сад. Ворота, щелкнув, захлопнулись за его спиной — садовник, обихаживающий розовые кусты, вздрогнул и обернулся.

— Господин Карим! Добро пожаловать домой! — сказал садовник с улыбкой.

— Благодарю тебя, Юсуф, — ответил капитан и поспешил к дому. Завидев молодого господина, слуги ласково приветствовали его. А он, в свою очередь, обращался к каждому по имени и очень уважительно. Войдя в дом, он напрямик направился в отцовские покои.

Старик к тому времени уже проснулся. Он принял сына в свои объятия и широко улыбнулся.

— «И-Тимад», как сказали мне, тяжела на плаву. Верно, трюмы ее полны до краев. Славно поторгуем!

Старик был высок и прям, с белыми как снег волосами и черными пронзительными глазами.

— Я прекрасно заработал, отец, но груз здесь ни при чем. — Карим достал из складок одежды тяжелый кошель и бросил его на стол. — То, что я привез, вовсе не на продажу. Донал Рай зафрахтовал мое судно, чтобы доставить сюда его богатые дары кордовскому калифу.

— Отчего же ты не посетил прежде Кордову? — удивился отец.

— Потому что один из даров Донала Рая — прекраснейшая девушка. В ней все дело. Уверяю, отец, ты в жизни не видел такой красоты. Я взялся сделать из нее Рабыню Страсти для калифа. Когда же я справлюсь с этой задачей и преподнесу ее калифу вместе с прочими дарами, я ворочусь домой в Алькасабу Малику уже навсегда, как ты того и хотел. Ты подыщешь мне хорошенькую жену, и она вскоре наплодит тебе внуков...

Благородные черты Хабиба-ибн-Малика озарила улыбка, и он вновь обнял своего младшего сына.

— Аллах воистину велик, он услышал тайную молитву моего сердца! — старик отер с глаз слезы умиления. — Я старею, Карим, и

глупею... Но я люблю тебя. Мне всегда хотелось, чтобы вся семья жила вместе. А твоя мать будет без ума от радости!

— От чего это я буду без ума? — в комнату вошла высокая стройная женщина. Завидев его, она вскрикнула:

— Карим! — и раскрыла ему объятия. — Когда ты прибыл, сынок? Я уж боялась, что ты собрался перезимовать в Эйре в обществе этого старого распутника Донала Рая!

— Старый распутник шлет тебе нить дивного жемчуга, мама, и еще одну для госпожи Музны. — Карим лукаво улыбнулся:

— Я только что переступил порог, так что не гневайся, что не зашел к тебе.

Госпожа Алима повернулась к слуге:

— Что стоишь как пень? Принеси нам угощение! Живо! — Потом присела на невысокий стульчик:

— А теперь расскажи о путешествии. Карим. Хабиб, любимый, присядь и ты. Нет, Карим, погоди, не начинай. — Ее синие глаза обратились к рабыне, стоящей поодаль:

— Пригласи сюда госпожу Музну, господина Джафара и господина Айюба, а также дочь мою Инигу. — Потом, повернувшись к Кариму, объяснила:

— Муза всегда задает такие хитрые вопросы, на которые я не в силах ответить, да и твои братья тоже. Лучше будет, если твой рассказ услышим все мы сразу.

Отец и сын расхохотались. Эта женщина была когда-то пленницей, выставленной на продажу на невольничьем рынке в Кордове много лет тому назад. Она была северянкой — от нее Карим и унаследовал синие глаза и светлую кожу. С первого взгляда сердцем Хабиба-ибн-Малика овладела любовь к пленной девушке. С разрешения своей первой жены, госпожи Музны, он женился на Алиме. Она родила ему сперва Джафара, затем Карима, а потом дочь Инигу. Старший сын Хабиба-ибн-Малика Айюб был единственным плодом их союза с первой его женой, госпожой Музной. Судьба оказалась милостивой — женщины очень сдружились между собой.

Госпожа Музна была дочерью богатых родителей-арабов. Она не интересовалась ни домом, ни детьми ни в малейшей степени. Все время свое она посвящала сочинению изысканных стихов — это занятие она предпочитала всем другим, более «земным». Она с радостью приняла в дом Алиму, которая быстренько освоилась в доме и занялась хозяйством и рождением детей. Теперь госпожа Музна беспрепятственно могла отдаться

возлюбленной своей поэзии, не утратив при этом статуса первой жены и соответствующих этому званию привилегий.

Домашние собрались за столом. Явилась и величественная Музна. Ее черные волосы уже слегка посеребрила седина, а карие глаза сияли от волнения. Целуя ее гладкую мягкую щечку. Карим в который раз изумился, насколько время милостиво к красоте этой женщины — никто бы, взглянув на нее, не мог и предположить, что ей уже за пятьдесят! Его сестрица Инига с разметававшимися по плечам светлыми, как когда-то у матери, волосами, с радостным визгом кинулась на шею старшему брату.

— Что ты мне привез? — сразу же требовательно затормозила его девушка.

— А с какой стати я должен что-то тебе привозить? — поддразнил ее брат.

— Карим! Следовало бы тебе обходиться со мною более уважительно — ведь я готовлюсь выйти замуж! Так что же ты для меня припас, а?

— Золотое колечко с прекрасными рубинами и жемчугом, алчная ты малышка! Кстати, кто этот глупец, который решился сделать тебе предложение? Не Ахмед ли, в самом деле? — «...Да неужели же малютка Инига уже вошла в брачный возраст? Быть того не может!»

— Ей уже шестнадцать — более чем подходящий возраст для замужества. — сказала мать, отвечая на его безмолвный вопрос.

— Все время забываю, что она растет, ведь я был почти взрослым, когда ты родила ее, мама, — тихо отвечал он.

Алима потрепала его по руке. Когда в дверях появились слуги с тяжелыми подносами, она велела им пройти на террасу с видом на море и там поставить еду на стол. Им подали свежий хлеб, блюдо очищенных зеленых фиг, чаши со свежим ароматным йогуртом, виноград, апельсины и дымящееся блюдо риса с маленькими кусочками обжаренной баранины. Явился искусный мастер по приготовлению горячих напитков с чайниками и жаровней, наполненной углем. Быстро был приготовлен чай с мятой, потом другой, с лепестками роз. Рабы принесли кушетки, и все растянулись на них, вкушая яства и внимательно слушая рассказ Карима о его приключениях.

— А я-то думал, что ты зарекался обучать девушек эротическим искусствам... — сказал младшему брату Джафар-ибн-Хабиб, потом хмыкнул и подмигнул самому старшему, Айюбу.

— Это вовсе не моя собственная прихоть, — честно отвечал Карим. — Донал Рай искусно сыграл на чувствительных струнах моей души, напирая на дружбу с нашим отцом... Ну как после этого мог я ему отказать?

— Я не хочу, чтобы это обсуждалось в присутствии Иниги, — строго сказала Алима сыновьям.

— Ну, мама! Я же прекрасно знаю, что наш Карим — Учитель Страсти, — смеясь, ответствовала Инига. — Все об этом знают. Подруги очень заужавали меня, узнав, что у меня такой замечательный брат! Девочки горят желанием узнать, что же такое он продельывает с девушками, когда обучает их. К несчастью, я не могла их путем просветить...

— Лучше было бы, если бы ты вообще этого не смогла! — резко бросила ей мать и повернулась к мужу, ища поддержки:

— Хабиб!

— Она вскоре выйдет замуж, Алима. Уверен, что и Карим, и Джафар не позволят себе вольностей в присутствии девочки, — невозмутимо отвечал тот.

Алима скорбно вздохнула и картинно закатила глаза.

— Ты всегда баловал Инигу, — жалобно сказала она.

— Но она младшая, да к тому же единственная девочка в семье, — ласково вмешалась госпожа Музна. Глаза ее мягко светились. На самом же деле баловали Инигу все — она была всеобщей любимицей.

Поскольку негласное разрешение на продолжение беседы было получено, Айюб поинтересовался:

— Девушка красива?

— Более красивой я никогда еще не видел, — сказал Карим. — Глаза цвета аквамарин чистейшей воды, волосы легкие, словно пух, цвета бледного золота... Кожа нежна, как лепесток гардении...

— Она способная ученица? — лукаво спросил Джафар.

— Она великолепна! — отвечал Карим. — Из нее выйдет самая лучшая Рабыня Страсти, которую я только способен создать. Никогда я не знал девушки, подобной ей!

— А после того, как он отвезет это сокровище в Кордову, — объявил отец всем присутствующим, — он вернется домой, заживет с нами и женится на девушке по моему выбору.

Алима и Музна дружно ахнули: слова господина поразили и обрадовали их — ведь старшие, Джафар и Айюб, уже давным-давно женаты.

— У меня есть племянница... — тотчас же начала госпожа Музна.

— Уж не дочка ли твоего брата Абдулы? — спросил муж. — Но она никуда не годна, дорогая моя. Она ведь пережила мужа, к тому же язык у нее, словно осиное жало. Но самое главное: три года прожив замужем, она ни разу не забеременела...

— Скорее всего, в этом вина ее мужа, — возразила госпожа Музна с необычной для нее горячностью. — У него кроме нее было две жены и при этом ни одного ребенка. Нет, племянница моя тут ни при чем.

— Ну, даже если это и так, — отвечал Хабиб-ибн-Малик своей первой жене, — то она чересчур стара для Карима, да к тому же еще и один глаз у нее косит...

— Думаю, нам следует подыскать для сына прекрасную юную девственницу, — деликатно вмешалась госпожа Алима. — Непорочная дева — мягкий воск, которому легко придать нужную форму...

— К тому же всем известно, сколь искусный мастер наш Карим, — подмигнув братьям, захохотал Джафар. Затем спросил напрямую:

— А мы будем иметь счастье лицезреть эту поразительную красотку, братишка?

— А мне можно с нею познакомиться? — спросила Инига.

— Инига! — ахнула ее мать. Побледнела даже госпожа Муз на.

— Но почему мне нельзя встретиться с нею, мама? Ты же когда-то была сама такой же пленницей, как и она теперь! А она добрая. Карим? Как ее зовут? — затормошила сестра Карима.

— Имя ее Зейнаб. Да, моя Инига, она очень милая и совсем еще юная девушка, на год моложе тебя, но если не разрешит мама, то ты не встретишься с нею, сестренка. В этом вопросе я предоставляю матери право решать.

Алима была потрясена тем, что дочь с такой легкостью при всех упомянула о материнском прошлом. Конечно, Инига в каком-то смысле права, но Алима свободная женщина уже около тридцати лет! Она успела обо всем забыть. Хабиб освободил ее сразу же после рождения Джафара. А все горести рабства стерлись из ее памяти, когда любовь Хабиба согрела ее душу и сердце... И все же — Рабыня Страсти?.. А Инига так невинна...

— Ну пожалуйста, мама! — Инига пустила в ход одну из самых обворожительных своих улыбок.

Но Алиму труднее было растрогать, нежели всех остальных, вместе взятых.

— Прежде я должна сама познакомиться с этой Зейнаб, — твердо сказала она. — Когда я раскушу ее, вот тогда и решу, достойна ли эта девушка знакомства с дочерью порядочного семейства! И кончим на этом, Инига!

— Справедливое и мудрое решение, — широко улыбнулся Хабиб-ибн-Малик. — Как всегда, моя дорогая, ты на высоте.

Карим поднялся с кушетки, омыл пальцы в чаше с ароматной водой и

вытер их льняным полотенцем, тотчас же протянутым одним из комнатных рабов.

— Я должен возвращаться на «И-Тимад». Зейнаб и Ому, ее прислужницу, нужно перевезти на мою виллу в крытых носилках.

— А дары Донала Рая? — спросил отец.

— Подождут своего часа у меня на складах. Мне нужно еще купить арабских скакунов и ездовых верблюдов для путешествия в Кордову. А Аллаэддин займется разгрузкой.

— «И-Тимад» в этот раз особенно тяжела на плаву, сынок. Что за невероятная тяжесть в ее трюмах? Уместятся ли там еще и животные? — спросил отец.

— Помимо всего прочего, Донал Рай посылает калифу дюжину колонн из зеленого ирландского агата, — объяснил Карим. — В этом весь секрет. Их трудненько будет доставить...

— Но обязательно ли нужно преподносить калифу именно ездовых верблюдов? — вмешался Айюб. — Их дарят Абд-аль-Рахману все кому не лень. У него огромное стадо отборных животных. А зал калифского дворца в Мадинат-аль-Захра очень велик и просторен. Я видел его в прошлом году — это настоящее чудо! Почему бы нам не подыскать на рынке дюжины две слонов? Каждая пара животных понесет по одной колонне. Это будет эффектное зрелище, поверь! Если такая процессия торжественно войдет в огромный зал, то от этого и ты, и Донал Рай останетесь в выигрыше! Эдакого калиф не забудет...

— Ты по праву считаешься самым мудрым из всех нас, Айюб. — Карим с восхищением и благодарностью взглянул на брата. — Ну, конечно же, слоны! Правда, придется специально для этого выстроить еще один корабль, но ведь, когда я стану женатым и уважаемым человеком, одной «И-Тимад» мне явно будет недостаточно!

— А на постройку корабля хватит времени? — спросила мать.

— О, с лихвой! Зейнаб предстоит обучать еще по крайней мере год, прежде чем она будет готова ехать в Кордову. Она, бесспорно, талантлива, но должна быть совершенством во всех отношениях. Только тогда достигнута будет цель Донала Рая и моя...

— Она дочь викингов? — тихо спросила мать.

— Нет, — в тон ей отвечивал Карим. — Она из Аллоа. А в Эйре ее привез викинг, — который взял ее в монастыре, куда малышку отослали ее равнодушные родичи. Если ты спросишь ее, мама, она сама все тебе подробно расскажет о своей жизни. Девушка не стыдится прошлого. — Она горда?

— Зейнаб — дочь благородных родителей, Мать понимающе кивнула... Дева благородных кровей — и столь резкий поворот в судьбе не сломил ее! Отец Алимы был состоятельным землевладельцем. И она понимала, сколько сил потребовалось Зейнаб, чтобы выстоять — ведь сама она когда-то... Да, теперь Алима просто жаждала познакомиться с девушкой!

— Пусть твоя гостья отдохнет пару дней после утомительного плавания, — вслух произнесла Алима. — А потом я приеду, и мы встретимся.

— И я тоже приеду! — жизнерадостно подхватила Инига.

— Если я позволю, — уточнила мать.

Все рассмеялись, прекрасно понимая, что даже если эта Зейнаб окажется неподходящей подружкой, то малютка Инига все равно настоит на своем...

Карим приказал подать крытые носилки — их тотчас же принесли рабы-носильщики. Приказав им немедленно отправляться на причал. Карим пересек сад и вышел на улицу через те же маленькие воротца. За стеной уже вовсю кипела жизнь. Уличные торговцы катили перед собою тележки с товаром, звонко зазывая покупателей. Женщины из порядочных домов, сопровождаемые служанками, укутанные покрывалами с головы до ног, грациозной походкой направлялись на рыночную площадь за покупками, товары были разложены на деревянных прилавках и просто на земле под яркими навесами, защищающими их от палящих солнечных лучей. Заметив торговца фруктами, Карим остановился и купил огромную круглую дыню...

Разгрузка трюмов «И-Тимад» уже началась под присмотром Аллаэддина-бен-Омара. Носильщики спешили вниз по сходням, сгибаясь под тяжестью тюков и узлов, их черные спины лоснились от пота. Процессия направлялась в сторону склада. Из отверстия трюма при помощи мощной лебедки уже поднимали одну из огромных агатовых колонн. Карим наблюдал, как самые сильные рабы бережно укладывают ее на повозку, запряженную тремя парами мулов... На полу склада было уже расстелено сено, чтобы на полированной поверхности не осталось царапин.

Карим поднялся на борт и обратился к Аллаэддину:

— Проследи, чтобы все наиболее ценное отвезли ко мне на виллу — золото, драгоценности... Потом выставь стражу вокруг склада. Позовешь меня, когда придут носилки.

— Здоров ли твой отец? — спросил Аллаэддин.

— Здоров! И все здоровы, хвала Аллаху! Инига объявила, что

собирается замуж, но подробностей я не успел узнать. Просто не было времени... О Аллах.., неужели же девочка уже выросла?

Аллаэддин хмыкнул:

— Да, и мне кажется, словно еще вчера она была малышкой с двумя золотистыми хвостиками и умоляла нас взять ее с собой в море! Помню, как носил ее на плече... А кто этот счастливчик? Твой отец очень богат, и наверняка сам сделал выбор.

— Отец предоставил ей самой это право, — отвечал Карим. — Инига у нас младшенькая, к тому же единственная дочь в семье, и всеобщая любимица. Никто из нас не желал бы видеть девочку несчастной. Ей просто повезло? — он хлопнул друга по спине, — А ты прекрасно справляешься с разгрузкой.

Войдя в каюту, он показал свою покупку Зейнаб и Оме.

— Это и есть дыня. Специально купил для вас на обратном пути. — Он положил дыню на стол и, вынув из нее южен кинжал, принялся разрезать ее. Вручив каждой из девушек по сочному ломтику, он стал терпеливо ждать их реакции.

Зейнаб впилась белыми зубками в сладкую мякоть и сосредоточенно начала жевать. Еще кусочек... Потом еще еще...

— М-м-м-м-м... Необыкновенно!

Ома лишь кивнула, проворно слизывая язычком капельки сладкого сока.

— А здесь есть еще другие фрукты, ну, вроде дыни? — Зейнаб положила на стол корочку и потянулась за новым ломтиком.

— Апельсины, бананы, гранатовые яблоки, абрикосы, инжир и виноград, — отвечал он. — Ты попробуешь все, мой цветочек.

— А я думала, что виноград лишь для приготовления вина...

— И еще для еды, моя обожаемая маленькая дикарка! — Карим заключил ее в объятия и поцеловал в сладкие губы. Она судорожно вздохнула, а он рассмеялся:

— Ты чересчур горяча для дочери севера, — поддразнил он ее, легонько покусывая мочку уха.

Зардевшаяся Ома отвернулась. Зейнаб же сказала:

— Следуя логике твоих рассуждений, господин мой, с легкостью можно предположить, что ты, будучи сыном юга, можешь быть сдержан и холоден, но я трепетно надеюсь, что это не так.

— Нет... — шепнул он, прижимая ее к себе так, чтобы она вполне ощутила волнение его плоти. — Я столь же горяч, как и ты, Зейнаб, цветочек мой! — Большие ладони Карима накрыли ягодички девушки. Он

еще сильнее прижал ее к себе:

— Сейчас! — шепнул он ей на ушко. — Отошли Ому, я хочу тебя сейчас, здесь... — он прильнул губами к ее нежной шейке.

К его крайнему изумлению, девушка проворно выскользнула из его объятий и даже отступила на шаг:

— Не время и не место, мой господин! Разве еще не прибыли носилки? Я жажду хорошенько искупаться с дороги, — притворно вздохнула она.

Пораженный, он во все глаза глядел на нее, но, овладев собою, снова притянул девушку к себе, и ладонь его проникла в вырез кафтана.

— Твое сердечко бурно колотится, — заключил он, выпуская ее. — Великолепно, Зейнаб! Талантливое представление! Горжусь тобою, красавица моя! Отлично сыграно! Да поможет Аллах калифу — ты опасная женщина... Ты выглядишь совершенно невозмутимой. Никто, взглянув на тебя, не скажет, что на самом деле ты изнываешь от желания, впрочем, как и я сам...

Послышался стук в двери, а потом голос Аллаэддина:

— Носилки уже здесь. Карим. Твой отец прислал также лошадь для тебя.

— Ома, открой вон тот маленький сундучок, — приказал Карим служанке. — Там лежит уличное облачение для вас обеих.

Девушка с удивлением извлекла на свет два странного вида черных наряда. Помогла Зейнаб надеть один, а второй грациозно накинула на себя. Взглянув на госпожу, она неудержимо захихикала;

— По-моему, мы больше всего напоминаем двух старых ворон, госпожа. Ничего не видно — одни глаза...

— Именно так и должны быть одеты уважающие себя женщины на улицах города, — сказал Карим. — Лишь дамы сомнительной репутации и легкого поведения отваживаются показать лицо, тело, волосы... А в таких нарядах все женщины на одно лицо, и богатые, и бедные. Ни один мужчина не позволит себе приблизиться к женщине, подобным образом одетой, и даже попытаться привлечь ее внимание. Ведь подобное преступление у нас карается смертью. Так что в этих одеждах вам ничто не угрожает.

— А почему они черные? Это же так некрасиво! — воскликнула Зейнаб.

— Для большей скромности. А теперь пойдем. Солнце все припекает, а носильщики ждут. К самому последнему рабу следует относиться уважительно, если он покорен и хорошо трудится.

Девушки, предводительствуемые Каримом-аль-Маликой, вышли из

каюты.

— Опустите глаза, — тихо приказал он. — Ни одна уважающая себя женщина не дерзнет взглянуть в глаза постороннему мужчине. Рабы и евнухи, разумеется, не считаются мужчинами.

Зейнаб его слова потрясли. А евнухи — это еще кто такие? Попав из привычного и родного мира в новый, незнакомый и странный, она частенько чувствовала себя беспомощной, словно ребенок. Как многого еще она не знает... Сколькому предстоит ей научиться! А учиться она жаждала. Ведь дома никто не предоставлял ей такой возможности — там она была просто нелюбимой дочерью, и присутствие ее терпели, лишь поскольку немногие могли различить их с Груочь, а еще потому, что Груочь, не приведи Господь, могла умереть в нежном возрасте, и тогда ей пришлось бы занять ее место.

И вот Судьба дает ей шанс... Правда, она всего лишь рабыня, но юная, прекрасная и светловолосая. Она уже знала, что такие девушки более всего ценятся в Аль-Андалус. Аллаэддин-бен-Омар только нынче утром рассказывал, что некоторые бесчестные работоторговцы похищают простых деревенских девушек, потом при помощи особых ухищрений высветляют им косы, а потом выставляют на продажу под видом пленных северянок. Обман обычно вскоре раскрывается, но негодяю-торговцу за это время чаще всего удается ускользнуть. И горе бедняжке, если за это короткое время новый хозяин не успевает к ней привязаться! Она вновь оказывается на невольничьем рынке, но цена ее резко падает...

У Зейнаб же таких проблем не возникнет. Она уже смирилась со своей участью. Теперь же ей предстоит приложить все мыслимые усилия, чтобы стать самой обворожительной, самой соблазнительной, самой желанной Рабыней Страсти... Калиф весьма могущественен, здраво рассуждала она. Даже правитель дивной Алькасабы Малики благоговел перед ним — это она уже успела узнать. И если ей удастся снискать его любовь, то жизнь ее будет удивительной и прекрасной. Удастся ли ей это? Да, она хочет этого — и вместе с тем как сможет она полюбить кого бы то ни было, если уже всем сердцем любит Карима-аль-Малику?.. Слово сказано. Наконец, она призналась самой себе в том, что для всех остальных навеки останется тайной. Она любит его. А он.., он никогда об этом не узнает. Да это только рассердило бы его... Он отослал бы ее от себя, возможно, передал бы на попечение другого Учителя Страсти. Одна эта мысль заставила Зейнаб похолодеть.

... Год. У них впереди целый долгий год. Кто знает, что может за это время случиться? Может, калиф умрет... Тогда Карим-аль-Малика сможет

оставить ее себе, не подвергая свою честь угрозе. Может быть, он оставит ее у себя, разве не говорил он, что хочет жениться, остепениться? Ведь его родная мать в свое время была простой пленной рабыней... А малютка Ома? У нее тогда появилась бы возможность выйти за своего чернобородого Аллаэддина, которого она все это время благоразумно удерживала от слишком решительных действий... Какой волшебной могла бы быть их жизнь..., если бы не этот Абд-аль-Рахман...

Ни Зейнаб, ни Оме прежде не приходилось видеть крытых носилок. Это изделие рук искусного резчика было удивительно красивым и более чем вместительным — девушкам было в нем очень просторно. От аромата камфарного дерева захватывало дух, а с большим вкусом выполненная цветочная роспись радовала глаз. Внутренность носилок была обтянута мягкой медового цвета кожей, и повсюду было разбросано множество ярких шелковых подушечек. Окошки занавешены были чудесным абрикосовым шелком. Двенадцать рослых, как на подбор, чернокожих рабов в простых льняных одеждах стояли поодаль. Головы их были дочиста выбриты, а на шею каждого был надет широкий серебряный ошейник с бирюзовыми вставками.

Девушкам помогли забраться в носилки. Рабы подхватили длинные шесты так легко, словно юные создания вообще ничего не весили. Они поспешили прочь от причала, но направились со своей ношей не в город, а по дороге, ведущей в окрестности Алькасабы Малики. Дорога эта была вымощена камнем и обсажена высокими и стройными, необычайного вида деревьями. Карим, едущий верхом бок о бок с носилками, объяснил, что они зовутся пальмами.

Зеленая прибрежная равнина расстилалась на многие мили вперед. По обеим ее сторонам высились горы: Эр-Риф на юго-востоке и Атласский хребет на северо-западе. На вершинах далеких пурпурных вершин виднелись снеговые шапки. А воды реки Квед Себу, впадающей в море, использовались для орошения полей, на которых колосился ячмень и пшеница — так объяснял девушкам Карим.

Отъехав от города на несколько миль, носилки свернули на неширокую дорогу. Миновав первый же поворот, они увидели виллу Карима-аль-Малики — красивую беломраморную постройку, стоящую посреди дивного сада. А внизу сверкало синее море...

Носильщики проследовали во внутренний дворик через раскрытые настежь ворота и поставили носилки на землю.

Карим спешил, отдернул шелковые занавески и подал руку девушкам:

— Ну как, нравится вам?

Они изумленно огляделись, и Зейнаб произнесла:

— Это великолепно!

Глазам ее предстал фонтан в самом центре двора: бледно-розовая чаша, покоящаяся на спинах шести серебряных газелей, стоящих кругом. Чаша была полна кремовых водяных лилий.

— Как это прекрасно, мой господин! — зачарованно сказала девушка. — И здесь все под стать этому чуду?

— Суди сама, сокровище мое, — отвечал Карим, ведя девушек по направлению к дому.

Высокий темнокожий человек вышел им навстречу;

— Добро пожаловать домой, господин мой Карим!

— Я рад, что снова дома, Мустафа, — отвечал хозяин. — Это госпожа Зейнаб, а с нею ее служанка Ома. Через год она должна предстать перед Абд-аль-Рахманом. Ее дарит калифу Донал Рай, купец из Эйре, с которым у меня торговые дела.

Мустафа тотчас же все понял. Он удивился, как это хозяин решился снова взять ученицу — и это после злополучной Лейлы! Но гладкое лицо его без признаков растительности оставалось бесстрастным:

— Я прослежу, чтобы госпожа была как следует устроена, мой господин.

— Следуй за Мустафой, мое сокровище. Он отведет тебя на женскую половину. А я навещу тебя позднее — сначала мне нужно искупаться.

Девушки шли за Мустафой через просторный зал, а затем по светлому коридору — и вскоре оказались в другом крыле дома. Пройдя сквозь двойные двери черного дерева, они оказались на женской половине. Мустафа объяснил, что эта часть дома очень невелика — не то что в других богатых домах. Дело было в том, что виллой своей Карим-аль-Малика пользовался лишь с единственной целью. Об этом девушки уже знали. Условия требовали, чтобы в доме находилась лишь одна женщина — будущая Рабыня Страсти. Девушки переглянулись и с трудом удержались, чтобы не захихикать.

— К вашим услугам будут вскоре массажистки, банщицы и швеи, добрая госпожа. Иногда вечерами вы будете ужинать в обществе господина. Если он захочет вас видеть, то вас отведут к нему. Если же нет — вы будете кушать здесь, на своей половине, в обществе служанки. Все ли понятно вам, госпожа?

— Разумеется, моя госпожа понимает тебя! — резко отвечала Ома, а Зейнаб тем временем молча осматривалась. — На женской половине есть

отдельная баня? — холодно поинтересовалась Ома.

— Естественно, — высокомерно и напыщенно отвечал Мустафа.

— Тогда тотчас же пришли массажистку, Мустафа! Моя госпожа, да и я стосковались по купанию — ведь мы провели несколько недель в море! Мы должны поскорее смыть соль и пот. Господин приказал, чтобы госпожу умащивали гарденийей — этот аромат ей очень идет. Ты понял?

— Да, будет тотчас же исполнено. — Мустафа тут же признал в Оме «старшую по званию». Да, она наверняка благородных кровей, не какая-нибудь крестьянка! Он чуть склонил голову и удалился.

Когда двери за Мустафой закрылись, Ома приглушенно захихикала, а Зейнаб сказала:

— Отлично исполнено, девочка моя!

— Вероятно, и я кое-что переняла от госпожи... Думаю, я поняла, как следует мне общаться с другими слугами. У тебя, госпожа, особое положение, естественно, и у меня тоже. Конечно, я должна быть вежливой, но не стану никому позволять распоряжаться мною.

— И тем не менее тебе следует быть почтительной со слугами тех, кто по положению выше меня, — дружески посоветовала госпожа. — Мы не имеем права дать кому-либо повод разгневаться. Напротив, мы должны снискать всеобщую любовь — ведь нам может потребоваться чья-нибудь поддержка. Теперь пойдем. Ома, надо получше освоиться в новом жилище.

Они находились в почти квадратной комнате. Стены облицованы были розовым мрамором, и пол тоже. На полу лежали какие-то необычные циновки с изысканным рисунком — позднее им объяснили, что это «ковры». Они были синие, красные, и по ним на удивление мягко и приятно было ступать. В самом же центре комнаты находился небольшой квадратный бассейн, выложенный розовым и голубым мрамором, в нем плавало несколько золотых и серебряных рыбок. В центре бассейна выбрасывал в воздух кристальные струи небольшой фонтанчик, прозрачные капли сверкали в воздухе, словно самоцветы. Были в комнате и стулья, и еще какие-то странные предметы (позднее Мустафа сказал Оме, что это кушетки для отдыха), и еще столики и высокие стоячие светильники, в которых по вечерам обычно горело благоуханное масло. Другая дверь комнаты выходила в маленький садик, обнесенный стеной.

Из главной комнаты женской половины коридор вел в несколько смежных комнат: просторную спальню, две спальни поменьше и в отдельную баню. Двери большой спальни тоже выходили в сад. Высокое ложе было великолепно: перьевой матрац обтянут бирюзовым шелком лучшего качества, сверху брошено роскошное покрывало, также шелковое,

бирюзовое с золотым шитьем. Повсюду были живописно разбросаны подушечки кораллового шелка и золотистые... Пол же был покрыт несколькими маленькими ковриками. Подле двери, ведущей в садик, стояла кушетка для полуденного отдыха. Столики были искусно вырезаны из камфарного дерева, до блеска отполированы, а их изогнутые ножки кое-где покрыты позолотой. Стены отделаны были светлым мрамором, словом, комната была простенькой, но весьма изысканной.

Девушки так и стояли бы, восхищаясь элегантностью интерьера, но тут появились слуги, несущие сундуки с их поклажей. Тогда девушки направились в баню, но неугомонная Ома успела проследить, чтобы ее сундучок внесли в покои, предназначенные для нее. В бане их уже ждали искусные служанки. И девушки с благодарностью предоставили себя заботе их неутомимых рук: с них сняли одежду, усталые тела окатили вначале теплой водой, потом намылили, тщательно вымыли и сполоснули. Потом они предавались блаженному отдыху в ароматной водичке бассейна, пока банщица не испросила разрешения вымыть им волосы.

— Займись сперва Омой, — лениво сказала Зейнаб. — Мне так хорошо тут... Так давно я не нежилась в воде.

Банщица сочувственно закивала и знаком подозвала Ому. Когда каштановые волосы служанки были вымыты, женщина пригласила Зейнаб. Девушка лениво и грациозно вышла из бассейна и не спеша направилась на зов. Все рабыни, раскрыв рты от восхищения, глазели на прекрасную девушку.

— Ты самая красивая Рабыня Страсти, какая когда-либо побывала здесь, у нашего господина, — откровенно призналась банщица, колдуя над дивными косами Зейнаб. — Эй-йе! Взгляните только на эту роскошь! — ворковала она, ополаскивая волосы соком лимона — для пущего блеска. — В жизни не видывала подобного цвета! Да тут и золото, и серебро... Какая же ты счастливица, госпожа Зейнаб! Ты уже знаешь, кто будет твоим господином?

— Калиф... — последовал тихий ответ.

— Калиф? — в голосе банщицы звучало восхищение и благоговейный трепет, да и у всех рабынь разом глаза округлились. — Эй-йе! Сам калиф! Ну конечно же, калиф, — продолжала женщина. — Только он и достоин такого сокровища. Да, калиф, и ничуть не меньше! По милости Аллаха, ты, госпожа, отправишься в Кордову, чтобы там стать Рабыней Страсти, украшением гарема! — Так приговаривала она, расчесывая длинейшие пряди почти досуха, а затем до блеска натирая их шелковой тканью. Потом, обернув их вокруг головы Зейнаб и закрепив черепаховыми шпильками,

удовлетворенно сказала:

— Теперь ты готова для массажа, госпожа!

На низеньком столике тотчас же расстелили хлопчатый коврик, на который и легла лицом вниз Зейнаб. Массажистка, высокого роста славянка, принялась широкими движениями растирать тело Зейнаб маслом гардении. Сильные и гибкие пальцы умело массировали нежное тело, мышцы Зейнаб расслабились, и усталость мало-помалу ушла.

— У тебя чудесная кожа, госпожа, — отметила массажистка, не прекращая работы. — Она плотная, но на удивление мягкая. К тому времени, как ты отправишься к калифу, я сделаю ее еще прекраснее. Я также научу тебя кое-каким секретам: например, как удостовериться, что массажистка в калифском гареме заботится о тебе как должно и не имеет задних мыслей. Любимые наложницы в гаремах частенько подкупают рабынь, чтобы те помогли им низложить соперниц, а также чтобы холили и лелеяли их самих наилучшим образом. Ты не должна пасть жертвой подобного злодейства. Такого не должно случиться с тобой. — Она принялась поколачивать тело Зейнаб ребрами обеих ладоней:

— Этот прием вызывает прилив крови к поверхности кожи, что весьма полезно, госпожа. А теперь перевернись.

Рабыня хорошенько промассировала плечи и шею Зейнаб, ее удивительные руки, словно по волшебству, находили болезненные точки и приносили мгновенное облегчение. Она не упустила ничего, даже каждый пальчик на ногах массировала отдельно. И вот Зейнаб настолько разнежилась, что, казалось, вот-вот уснет прямо на массажном столике. И лишь голос банщицы заставил девушку очнуться.

— Теперь пойд и отдохни хорошенько, госпожа. Служанки проводят тебя в спальню. Служить такой красавице — одно удовольствие, моя гурия! — она почтительно отвесила девушке поясной поклон.

Зейнаб искренне поблагодарила всех, похвалив за искусность и расторопность. Затем спросила;

— А где же чистый кафтан?

— В этом нет надобности, — сказала банщица. — Ты ведь идешь в постельку, госпожа, подремать... А никого, кроме нас, на женской половине нет. Твоей Оме придется как следует заняться твоими нарядами, наверняка они порядком измялись, лежа в сундуке во время плавания.

— А вдруг войдет Мустафа? — занервничала Зейнаб. Рабыни переглянулись и захихикали, прикрывая рты ладошками, но банщица строго взглянула на них, и девушки тотчас умолкли.

— Но, госпожа, ведь Мустафа — евнух! Мы можем бегать нагишом

прямо у него перед носом — а ему и дела нет!

Зейнаб глубоко вздохнула... «Не стесняйся спрашивать» — ведь так советовал Карим? Надо решиться.

— Я не знаю, что значит «евнух», — честно сказала она банщице. — В моей родной стране нет подобных созданий — по крайней мере, насколько мне известно... Прошу, просвети меня!

Рабыни выглядели озадаченными, в отличие от многоопытной банщицы. Та прекрасно понимала, что девушка — чужестранка, да к тому же и северянка...

— Евнух, госпожа, это кастрированный мужчина. У него удалены яички. В отличие от нормального мужчины он не может иметь детей и не желает женщины. Операцию эту делают мальчикам или юношам в нежном возрасте. Некоторые врачи удаляют также и член, и тогда бедняге приходится до конца дней своих мочиться через обрубок... Но чаще всего удаляют лишь яички, — с готовностью объясняла женщина. — Твоя нагота не произведет на Мустафу ровным счетом никакого впечатления. Твоя же красота для него — словно прелесть какой-нибудь изысканной вазы или белой нефритовой статуэтки, не более.

— Благодарю тебя, — сказала Зейнаб. — Мне многому еще предстоит научиться, многое узнать... — И, сопровождаемая Омой, удалилась в спальню, где ничком легла на ложе и сладко задремала.

— Она далеко пойдет! — предсказала банщица.

— Потому что так красива? — спросила младшая из рабынь.

— Отчасти, — отвечала банщица. — Но в основном потому, что она мудра, добра и столь прекрасно воспитана, что не стесняется поблагодарить нас, низкорожденных. Она не напыщенна, подобно многим в ее положении. Все это в соединении со столь изысканной красотой выделит ее из прочих наложниц и покорит сердце калифа. А наш господин Абд-аль-Рахман, как говорят, большой знаток! Как пить дать, он полюбит Зейнаб! Эй-й-й-е! Что за блестящее будущее у этой Рабыни Страсти! Воистину это будет шедевр нашего господина Карима!

А превозносимая столь высоко девушка тем временем сладко спала... Вначале она словно провалилась куда-то, но потом увидела сон.

...Ее гладят чьи-то нежные руки, покуда все тело не охватывает сладкая дрожь. Ласковые губы покрывают ее жаркими поцелуями, от которых кровь веселей заструилась по жилам. Зейнаб глубоко вздохнула и повернулась на спину. В полудреме она слегка раздвинула ноги. Тепло... Влажно — и так тепло... Она изнывала от удовольствия. Вздвогнув от наслаждения, она окончательно пробудилась.

Его темноволосая голова покоилась меж ее раскинутых бедер. Он нежно и искусно ласкал ее потаенную жемчужину. Она вздрогнула всем телом — он, на мгновение оторвавшись от нее, взглянул на девушку затуманенными от страсти глазами и вновь принялся безумствовать над нею. Протянув руки, Зейнаб запустила пальцы в его каштановые волосы, поощряя его. В следующее мгновение он рывком приподнялся, и возбужденный жадный член скользнул в ее горячее нутро... Глубже... Глубже... Глубже...

Как прекрасно, как восхитительно! Она вот-вот умрет...

— О-о-о-о, Господи! — стонала она. — О-о-о, мой господин! О — о-о-ох!

Как же истосковалась она по нему за все эти долгие недели на корабле! И этот голод вкупе со всем прочим вызвал к жизни это неземное блаженство...

— Пожалуйста! — молила она. — Пожалуйста!!!

Зейнаб опоясала его ногами — и он проник в ее тело еще глубже, еще...

— О Аллах! О Аллах! — стонал Карим, теряя голову... Как обходился он без нее все это время? И как будет жить, расставшись с нею, своими руками отдав ее другому? ..Он проникал в нее все глубже и глубже. Они были единым существом, которое было не что иное, как воплощенный неутоляемый голод, всепожирающая страсть!

...Вместе они достигли вершин райского блаженства и, задыхающиеся, жаждали повторить путь еще и еще раз... Не выпуская ее из жадных объятий, он принялся покрывать ее лицо благодарными поцелуями. Оба они трепетали от желания.

— Ты удивительна! — наконец выговорил он. — Ты рождена, чтобы любить и быть любимой, Зейнаб, цветочек мой...

Он все еще был в ее теле, она ощущала внутри сладкую дрожь.

— Мне нельзя любить тебя, ведь так? — тихо спросила она.

Волосы на его груди щекотали ее чувствительные соски.

— Нет, — с грустью отвечал он. — Нельзя. Ты не должна...

— А ты.., мог бы полюбить меня? — она напряженно вглядывалась в его лицо.

— Кто из мужчин, обладающих силой и здоровьем, а также зрением и рассудком, смог бы устоять? — прошептал он, умело уходя от прямого ответа, силясь, чтобы ни единый мускул на его лице не дрогнул, а глаза оставались бесстрастными. Мог ли он полюбить ее! Да он никогда не полюбит ни одну другую женщину в мире! Объятие из страстного

сделалось вдруг бесконечно нежным, желание мгновенно ушло. Он выскользнул из нее и ласково уложил девушку на подушки.

— Я разбудил тебя... — с улыбкой извинился он.

— Но я ничуть не огорчена, мой господин, — ответила она и, опрокинув его на спину, нежно поцеловала в губы... Она не помнила, чтобы когда-нибудь возносила молитвы Небу, даже в детстве, но сейчас она молилась. Она молила Небеса послать смерть калифу Абд-аль-Рахману, сделать хоть что-нибудь, чтобы ей не пришлось отправиться к нему... Тогда она могла бы остаться с Каримом навеки. Лучше она будет последней рабыней в его доме, чем любимицей великого князя... О, если бы только это было возможно...

...Голова его лежала у нее на груди. Она поглаживала его темные волосы. Он любит ее. Она это чувствует, пусть даже он ни разу не обмолвился об этом... И она все понимает. Он — человек чести. Впрочем, как и она сама... И она не допустит, чтобы бремя ее любви тяготило его душу — что ж, если нет выбора, то она бестрепетно уедет к калифу. Карим сможет гордиться ею. Она прибавит славы имени Карима-аль-Малики, великого Учителя Страсти! И пусть сердце ее будет разбито. А именно так оно и будет...

Сколько всего предстояло еще постичь Зейнаб!.. Прежде она не вполне понимала, что имел в виду Карим, когда говорил, что сделает из нее самую искусную Рабыню Страсти... Раньше она считала, что вполне довольно красоты и искусной игры на любовном ложе, но это оказалось совсем не так. Мужчины, как выяснилось, любят интересных женщин. Карим рассказал ей, что есть даже специальные школы в городах Мекка и Медина, где образуют женщин в области изящных искусств.

...Уроки, уроки, уроки... Дни ее были заполнены до отказа. Прежде, дома, ее наставляли лишь в хозяйственных делах, да и то спустя рукава: ведь она должна была стать монашкой, а вовсе не хозяйкой дома.

Маленькая старушка каждый день приходила и давала Зейнаб уроки каллиграфии. Сперва Зейнаб отчаивалась — казалось, никогда не удастся ей совладать с бамбуковым стилосом... Но умение постепенно пришло. В один прекрасный день неуклюжие, словно курица лапой нацарапала, штрихи, словно по мановению волшебной палочки, превратились, к восторгу девушки, в изысканную вязь. В совершенстве овладев округлым арабским курсивом, Зейнаб принялась за куфические письма... Одновременно девушка училась читать. А потом наставница начала учить ее искусству сочинять стихи...

Сам Карим преподавал ей историю Аль-Андалус и других известных ему стран, а также и географию. Престарелый евнух был приглашен в качестве учителя музыки, к чему у девушки обнаружился удивительный талант. Зейнаб обладала от природы редчайшим голосом и слухом и вскоре научилась аккомпанировать себе на трех инструментах: на ребенке, звуки из которого извлекались при помощи смычка, изогнутого в форме лука, на лютне, и, наконец, на кануне — струнном щипковом инструменте.

Еще один старый евнух учил девушку логике и философии. Третий наставлял ее в математике, астрономии и астрологии. Еще одна, неопределенного возраста женщина, читала Зейнаб целые лекции об ароматах, благовониях и о том, как ими правильно пользоваться. Потом она научила девушку подкрашивать лицо и искусно выбирать одежды к особым случаям — это оказалось целым искусством! А строгий молодой имам с фанатичным огнем в очах просвещал девушку в вопросах восточной религии — ислама.

— Тебе не обязательно менять веру, — предупредил ее Карим, — но тебе было бы много проще, если бы ты на это решилась или, подобно многим, сделала бы вид...

— У меня вообще нет веры... — тихо промолвила Зейнаб.

— Как? Разве ты не христианка? — Еще раз девушка изумила его.

Она с минуту поразмыслила, а затем сказала:

— Я знаю, что младенцем была крещена, но священник из Бен Мак-Дун умер, когда я была еще очень мала. Порой в замок забредал священник или монах, ища приюта, и просвещал нас... У Мак-Фергюсов был, правда, священник — я видела, как он колдовал над брачным контрактом моей сестры и венчал молодых... Но в Бен Мак-Дун мы годами не совершали Таинства Причащения — и не думаю, чтобы это нам сильно навредило. А вы верите в Единого Господа?

— Да, — отвечал Карим. Девушка пожала плечами:

— Я с радостью изучу ислам. Ведь узнавать новое вовсе не вредно, мой господин.

— А потом.., ты переменить веру?

— Я буду внимательно слушать, — серьезно ответила девушка. — И хорошенько разберусь в новом вероучении. Но то, что таится в глубине моего сердца, — только мое, господин мой. Те начатки христианства, что я впитала ребенком, — это ведь все, что осталось от меня прежней... И я не хочу изменять этому теперь, мой господин, и, думаю, не захочу никогда.

Карим понимающе кивнул... Теперь, когда он было решил, что ему все о ней известно, эта непостижимая женщина снова поразила его. Каких

высот достигла бы она, будь калиф хотя бы лет на десять моложе! Сейчас же лучшее, на что она могла надеяться, — это родить ему дитя и стать таким образом почти что членом семьи могущественного Абд-аль-Рахмана... Калиф к тому времени был уже отцом семи сыновей и одиннадцати дочерей, что, в сравнении с выводками других подобных ему владык, было более чем скромным достижением. Прочие великие князья имели от двадцати пяти до шестидесяти отпрысков...

...Настала осень, и зарядили дожди. Они будут идти всю зиму, объяснил девушке Карим. В остальное же время года здесь стоит сушь, тогда и возникает нужда в оросительных каналах, сообщающихся с рекой. Дожди принесли холод, который тем не менее ни в какое сравнение не шел с пронизывающим ветром и морозом зимней Аллоа.

Через два месяца к Зейнаб впервые явилась гостя... Госпожа Алима заранее предупредила сына, что посетит юную невольницу, но время она выбирала тщательнейшим образом. Карим на некоторое время отбыл в горы в поисках племенных лошадей, которых он должен был преподнести калифу Кордовы от имени Донала Рая. Ему необходимо было наблюдать за животными несколько месяцев, чтобы убедиться, что те вполне здоровы. Он не мог допустить, чтобы уже в конюшнях владыки выяснилось, что кони страдают одышкой или каким-либо иным недугом...

Мать Карима прибыла в тех самых крытых носилках, которые в свое время предоставлены были в распоряжение Зейнаб и Омы. Мустафа поспешил навстречу госпоже, чтобы почтительно приветствовать ее.

— Добро пожаловать, добрая госпожа! Какая досада, что вы заранее не предупредили о своем визите! Господина Карима нынче нет дома — он в отъезде, выбирает коней...

Алима грациозно вышла из крытых носилок. Ее волосы, когда-то совсем светлые, с возрастом слегка потемнели. На голове у нее была изящная диадема, с которой ниспадала темно-синяя вуаль, шитая серебром. Ее утепленный кафтан был из шелка того же цвета с серебряной вышивкой, со скромным округлым вырезом и длинными рукавами, у запястий отороченными мягким белым мехом. На ней были также алые шелковые панталоны, присобранные у щиколоток серебряными витыми шнурками с золотыми бусинами. Вокруг стройной шеи посверкивала золотая цепочка с округлым медальоном, оправленным в золото и украшенным бриллиантами. Бриллиантовые же серьги и несколько изысканных колец на изящных пальцах довершали впечатление. На маленьких ножках красовались арабские туфли с золотым и серебряным шитьем.

— Я знаю, где мой сын, Мустафа. А приехала я, чтобы без помех

повидаться с Рабыней Страсти. Расскажи мне, какова эта девушка? — Синие глаза Алимы сверкали любопытством. — Говори только правду!

— Она странная, госпожа. Не похожа ни на одну из своих предшественниц — но мне она нравится. — Мустафа говорил неторопливо, взвешивая каждое слово, И все же замялся...

— Странная? В чем же ее необычность, Мустафа? — Алима заинтересовалась еще больше. Ведь Мустафа, в отличие от большинства евнухов, был предельно откровенен и честен. Такая расплывчатость формулировок была ему несвойственна. — Говори же!

— Она покорна, госпожа, но мне кажется, что она идет на это вполне сознательно... — выговорил наконец Мустафа. — Увольте, госпожа, я не умею объяснить...

— Она» не уронит престиж моего сына и Донала Рая в глазах владыки? — спросила Алима, глядя очень пристально на евнуха.

— О нет, госпожа! Зейнаб очень воспитанна и умна! Думаю, это лучшая Рабыня Страсти, которая когда-либо выходила из этих стен! — воскликнул Мустафа. — А ее красота... Словно само солнце!

— Что ж, прекрасно, — отвечала Алима. — Проводи же меня к этому чуду, добрый мой Мустафа. Постой-ка, Расскажи прежде, чем занимается она в отсутствие Карима?

— Она учится, госпожа.

— О, она такая прилежная ученица? А каковы ее успехи?

— Все учителя довольны ею — и даже имам Гарун, — отвечал Мустафа, ведя Алиму по коридору, ведущему на женскую половину.

Зейнаб сидела подле бассейна с рыбками, держа на коленях канун. Она задумчиво напевала. Алима жестом удалила евнуха и прислушалась. Девушка одарена чистым и нежным голосом — это наверняка понравится калифу. И на кануне играет она прелестно. Нет, голос ее не просто хорош — он удивителен... Вот так редкая удача! Ведь наложницы калифа должны быть не просто хороши собою и искусны на ложе страсти. Они должны обладать массой прочих достоинств. А эта девушка бесспорно обладает редчайшим даром, который поможет ей занять достойное положение при дворе...

— Какую песню ты поешь? — спросила, наконец, Алима, выступая из своего убежища.

Девушка вздрогнула и чуть не уронила инструмент.

— Это песня моей родины. — Зейнаб почтительно встала и склонилась перед величавой и красивой женщиной. — В ней поется о красоте гор, озер и северного неба, госпожа. Я люблю порой петь на

родном своем наречии — в гареме это наверняка будет величайшей редкостью и поможет мне, недостойной, обратить на себя внимание калифа. Это также поможет мне не позабыть родной язык, а сохранить его в памяти я желаю всем сердцем...

— Я госпожа Алима, мать Карима-аль-Малики, — представилась Алима девушке...О Аллах, как прекрасна эта чужеземка! Золотые косы, аквамариновые очи, светлая прозрачная кожа... Она даже светлее дочерей Галатии!..

— Не выпьете ли со мною мятного чаю, госпожа? — вежливо спросила Зейнаб, предлагая высокой гостье присесть...Как же красива мать Карима!

— С радостью, дитя, — отвечала Алима. — И непременно с отменными медовыми пирожками с миндальной начинкой! Если они есть у тебя...

Глаза Зейнаб засияли:

— Наверняка есть, госпожа! Ома, иди сюда! Когда служанка явилась на зов, Зейнаб отдала ей краткое и толковое распоряжение. Ома почтительно склонилась:

— Да, госпожа. Тотчас же все будет готово, — ответила она и поспешила вон.

— У тебя есть собственная прислужница? — На Аллоа эта краткая сцена произвела сильное впечатление. Ах да. Карим же говорил, что эта невольница благородных кровей!

— Ома — моя соотечественница. Мы обе — дочери Альбы, земли, населенной пиктами и кельтскими племенами.

— Сын говорил мне, что у тебя интересная судьба. Не поведаешь ли мне свою историю, Зейнаб?

На прекрасное лицо девушки легла мгновенная тень, но она послушно заговорила, и Алима была до глубины души растрогана услышанным.

— Эта жизнь мне куда более по душе, нежели моя прежняя, — закончила девушка свой удивительный рассказ.

— Когда-то я тоже была пленницей, — вырвалось у Алимы. — Отец мой был зажиточный земледелец. Однажды в наш фьорд нагрянули даны на ладье. Они убили родителей и двоих старших братьев. А моих трех сестер, двух младших братьев и меня забрали в плен. Как я боролась тогда,.. Меня, как и тебя, отвезли в Дублин. Там торговец-мавр купил меня с сестрою, чтобы после выгодно перепродать на невольничьем рынке в Кордове. Я ничего не знаю о дальнейшей судьбе Карен — меня купили первой... В Аль-Андалус у торговцев есть обычай выставлять на продажу

по одной пленнице. Остальные ожидают своей участи за занавеской... Мне в тот день сияла счастливая звезда, дорогая, — меня купил мой возлюбленный Хабиб, будущий отец Карима, и сделал своей второй женой. Я родила ему троих детей. Желаю тебе такого же счастья, дитя мое. Пусть калиф оценит тебя по достоинству, а ты роди ему прекрасного сына!

— Вы очень добры, госпожа. От всего сердца благодарю вас за добрые слова... — потупившись, отвечала зардевшаяся Зейнаб. — Ах, вот и угощение!

— Тебе понравилось в Ифрикии? — спросила Алима, откусывая кусочек медового пирожка с орехами. Сладкий мед защекотал ей горло, и она тихонько кашлянула.

— Я еще так мало видела, госпожа, — слишком занята уроками... Я должна быть искусницей во многом, если, конечно, хочу добиться в Кордове успеха. А я непременно этого добьюсь, и мною будет гордиться Донал Рай, пославший меня, и господин Карим, меня обучивший, — девушка отхлебнула мятного чаю.

Что-то не так... В уме Алимы промелькнула смутная догадка, но безмятежное спокойствие девушки развеяло возникшее было сомнение. Глупости, решила Алима. Все в порядке. Показалось... Девушка красива. И действительно кажется совершенством во всех отношениях. Это будет настоящий шедевр Карима-аль-Малики, наивысшее достижение мастера...

...Независима! Вот в чем секрет! Зейнаб в глубине души независима! Мустафа просто не привык к подобным женщинам, потому и не смог подобрать нужное слово... И я была такой когда-то, вспомнила Алима, но любовь к мужу переменяла все. И если кто-нибудь всем сердцем полюбит Зейнаб, она счастливо переменится, смягчится. Так думала опытная женщина...

— Хочешь, чтобы тебя посетила твоя ровесница? — поинтересовалась Алима. — Сестра Карима Инига сгорает желанием познакомиться с тобою. Она годом старше тебя, но я уверена, вы друг другу понравитесь. Весной она выходит замуж за друга нашей семьи. Ты уже научилась играть в шахматы? Нет? Это замечательная игра, игра для умниц... Надо передвигать фигуры по доске. Впрочем, лучше Инига научит тебя, а ты потом бросишь вызов моему сыну. Он прекрасный шахматист. И, если ты к его возвращению хорошо выучишься играть, он будет доволен.

— Благодарю тебя, госпожа, за добрый совет, — сказала Зейнаб.

Алима поднялась. Она увидела то, что хотела. Узнала все, что хотела знать. Она простилась с Рабыней Страсти и покинула виллу сына.

— Теперь мне понятно, откуда взялась красота господина Карима... —

заметила Ома, когда гостя удалилась. — Не могу поверить, что она родила троих и что одному из них уже почти тридцать! Она выглядит такой молодой и свежей!

— Думаю, все дело в образе жизни. Здесь жизнь женщины — совсем не то, что в Аллоа... Женщины высокого положения в этих краях изнежены и праздны. Они не делают тяжелой работы, подобно нашим соотечественницам — и аристократкам, и крестьянкам... Главная цель их жизни — ублажать господина. Теперь, когда для меня это стало очевидно, мне еще сильнее жаль мою Груочь: она состарится до срока...

Карим возвратился с высокогорных пастбищ с великолепной покупкой — десятью изумительными арабскими скакунами: девятью кобылами и жеребцом. Животным предстояло провести зиму на пастбищах и в конюшнях, в тепле и холе, чтобы забота конюхов и прекрасный корм сделали их еще лучше. Скотоводы обычно недокармливали лошадей, руководствуясь лишь им понятными соображениями...

Были куплены также слоны, об этом хлопотал приятель Айюба. По условиям сделки, прежний владелец обязался продержать их у себя до весны, а потом перегнать на север, в Алькасабу Малику.

Покуда Карим был в горах, Аллаэддин-бен-Омар надзирал за строительством нового корабля. Это был близнец «И-Тимад». Корабль должны были назвать «Инига», в честь сестры Карима. Девушка просто сияла от гордости.

— Я всегда знала, что он лучший брат на всем свете! — вздохнув откровенничала она с Зейнаб. — Совсем не такой бука, как Джафар или Айюб. Им вовсе нет дела до родной сестренки, а Карим совсем другой!

Инига посетила Зейнаб через два дня после визита Алимы. И вскоре три юных девушки (включая Ому) стали подругами.

Инига быстро научила девушек игре в шахматы. — Братья мои возомнили, будто играют лучше всех на свете, — говорила она. — Они играют только между собой, но я-то знаю, что могла бы разбить любого из них в пух и прах! Но вот мама говорит, что я не должна так поступать — ведь мужскую гордость столь легко уязвить! Вот и приходится мне, бедной, нарочно поддаваться, когда кто-нибудь из братьев соизволит снизойти до меня... Они совершенно счастливы!

Зейнаб рассмеялась. Хоть она и была моложе Иниги, но жизненный опыт сделал ее куда более зрелой.

— Твоя мать права, Инига, — заверила она новую подругу. — Женщины и вправду сильнее во всем. Думаю, именно поэтому Аллах предназначил им участь продолжательниц рода людского. Подумай, разве

можно представить себе мужчину, рождающего дитя? — Она захихикала.

— А ты когда-нибудь видела, как рождается младенец? — Глаза Иниги от любопытства стали совершенно круглыми.

...Осторожней, сказала себе Зейнаб. — Инига — дочь богатых родителей, притом непорочна. По-видимому, она знает лишь приблизительно о том, что бывает между мужчиной и женщиной.

— Моя сестрица-близнец и я были старшими у матери, — уклончиво сказала она. — У матери после нас появилось много детей. До пятилетнего возраста мы с Груочь ничего не знали о том, как это бывает... Богатые дома в Аллоа — совсем не то, что здесь. Мы жили в каменной башне, на каждом этаже которой было по одной комнате. У нас не было своего уголка. Было всегда холодно и сыро, часто шли дожди. Тогда мне это казалось обычным, но теперь мне вовсе не хочется домой, в эту сырость... Фу! Я полюбила жаркое солнце и гостеприимное тепло вашей земли. А Кордова тоже такова?

Инига кивнула — Зейнаб этой немудреной хитростью удалось на время усыпить неумное любопытство девушки.

— Да, а дворец калифа, как мне рассказывали, — одно из величайших чудес света! Говорят, что, когда владыка переезжает из Кордовы в Мадинат-аль-Захра, всю дорогу от города до города устилают коврами! И еще по ночам освещают ее масляными светильниками на высоких столбах. Шесть фонарщиков следят за тем, чтобы ни один не потух, представляешь? Нет, ты только вообрази: ночная дорога, ярко освещенная! Как бы хотелось мне поглядеть на это чудо! Но мне, видно, придется всю жизнь безвыездно провести в Алькасабе Малике... Когда я выйду замуж, моим долгом жены будет рожать мужу детей. — Девушка улыбнулась и пожала плечами:

— Но для чего тогда Аллах сотворил женщину, как не для этого? И все же я чуть-чуть завидую тебе, Зейнаб... — вздохнула Инига. — Но не слишком сильно. Ты и вправду на редкость красива, милая. Думаю, калиф прикипит к тебе всем сердцем, но другие обительницы гарема восплают к тебе жгучей завистью. Берегись этих женщин, Зейнаб! Не доверяй никому, кроме твоей Омы, и удостоверься, что евнух-прислужник предан тебе одной. Преданность и расположение евнуха обычно легко купить... Ты всегда должна быть уверена, что никто кроме тебя не распоряжается твоими слугами! Но ты мудра, я вижу, и сердце подскажет тебе, кому можно довериться...

— А за кого ты выходишь? — спросила Зейнаб.

— Его зовут Ахмед-ибн-Омар. Он приходится племянником госпоже Музне — старший сын ее родной сестры. Я знаю его всю жизнь. Всегда

само собой разумелось, что мы когда-нибудь поженимся. Волосы у него черные, словно вороново крыло, и ласковые карие глаза...

— Ты его любишь?

Инига надолго задумалась. Потом сказала;

— Думаю, люблю... Я никогда не мечтала ни о ком другом. Ахмед добр и весел. Говорят, что он ни разу в жизни не разгневался... Я с радостью приветствую выбор моих родителей.

...Зейнаб даже в чем-то завидовала девушке. Любовь причиняет боль — это она уже испытала. И, верно, гораздо лучше просто приветствовать чей-то выбор, подобно Иниге. В покорности нет страдания. Ее же собственная мать так никогда и не покорила... Ведь невзирая на страстную и кипучую ненависть к Мак-Фергюсу Сорча Мак-Дуфф по-своему все же любила его, и он отвечал ей взаимностью... Сколько горечи было в этом чувстве для обоих! Да, любовь — это беда, это кара... Но, понимая это, Зейнаб не знала, как можно убить любовь, уже угнездившуюся в сердце...

Вполне удовлетворенный успехами ученицы во всех сферах, Карим-аль-Малика решил, наконец, продолжить с нею путешествие в мир чувственных наслаждений. Придя в ее спальню однажды вечером, он показал ей золотую корзиночку изящного плетения.

— Это тебе, — сказал он, протягивая ее Зейнаб. Девушка приподняла салфеточку персикового шелка и, озадаченная, уставилась на содержимое.

— Это набор «любовных игрушек», — ответил Карим на безмолвный вопрос. — Ими может пользоваться и твой господин, и ты сама.

Медленно, один за другим извлекала Зейнаб из корзиночки странные предметы и раскладывала на полированном, черного дерева, столике у постели. Был тут хрустальный флакон с серебряной крышечкой, наполненный до краев какой-то прозрачной жидкостью, и алебастровый сосуд, полный красноватой маслянистой мази с запахом гардении... Были здесь также и два золотых браслета, соединенных между собой короткой цепочкой. Внутренность широких запястий была выложена молодым каракулем в мелких завитках. А какие-то два предмета были упакованы в пурпурные бархатные мешочки. Зейнаб развязала один — и на ее ладонь выкатилась пара серебряных шариков.

— Почему они такие..., такие странные на ощупь? — спросила она Карима.

— Внутри одного перекачивается капелька ртути, а в другом — маленький серебряный язычок, как у колокольчика.

— А для чего они?

— Для наслаждения, — отвечал он. — Вскоре я все тебе покажу. Но сперва, Зейнаб, открой другой мешочек.

Она покорно извлекла на свет предмет, от одного вида которого краска смущения залила ее щеки.

— Что это, мой господин? Очень уж похоже на член, и все же...

Карим тихо рассмеялся:

— Это называется «дилдо». Сей предмет — точная копия мужского достоинства калифа Абд-аль-Рахмана. Искусный резчик изваял его из слоновой кости, не упустив ни единой детали. Видишь, ручка его вызолочена и украшена самоцветами — в полном соответствии с высоким достоинством твоего господина. Если заскучаешь по владыке в разлуке с ним, можешь позабавиться с дилдо. Также калифу может быть приятно, если ты воспользуешься этой игрушкой в его присутствии. Но теперь мы займемся другим — ты должна овладеть еще одним способом дарить мужчине наслаждение. У тебя есть еще одно девственное отверстие — но этой девственности я уничтожить не вправе. Поэтому я воспользуюсь этим вот дилдо, дабы приготовить тебя к ласкам господина — ласкам несколько иного рода... Этим входом калиф должен воспользоваться первым — по законному праву. Но ты должна подготовиться. Для этого нам и понадобится дилдо.

Она кивнула, не вполне еще понимая смысл его слов, но по опыту зная, что он со временем все ей объяснит. Она отвинтила серебряную крышечку и понюхала содержимое хрустального флакона. Пахнуло свежими розами.

— Что это?

— О, это особенная жидкость! Я дам Оме рецепт. Снадобье это будит страсти, разжигает кровь — разумеется, когда в этом есть необходимость. Ведь калиф уже не юноша, Зейнаб... Посмотри, в корзинке должна быть чашечка. Так, а теперь налей себе глоточек. Думаю, тебе это вряд ли понадобится, но я хочу, чтобы ты на себе испытала его действие.

Она послушно выпила.

— Хорошо. А теперь достань то, что на самом дне корзинки.

Зейнаб держала в руках черный кувшинчик из оникса, наполненный густым кремом без какого-либо запаха. Девушка отставила его:

— Странная мазь... Скажи лучше, что это там, розовенькое в алебастровом сосуде? Пахнет моими любимыми гардениями...

— Это для того, чтобы кожа стала еще чувствительнее к ласкам, — ответил Карим. — Дай-ка я разотру тебя немного, цветочек мой. Калифу приятно будет умищать твое нежное тело — одновременно он сам будет

распаляться страстью. Видишь, запах нежный, но средство очень эффективное. В его состав входят особые травы, потом я скажу Оме, какие именно, чтобы она смогла постоянно тебя ими снабжать.

Он принялся растирать бледно-розовый крем по светлой, словно светящейся изнутри, коже — Зейнаб чуть не замурлыкала от удовольствия.

— А тот, другой крем? Ну, в черном кувшинчике? — томно спросила она.

— А, там просто смазка для дилдо. Она помолчала, наслаждаясь касаниями его сильных рук, а потом поинтересовалась:

— А для чего эти изящные цепочки, мой господин?

— Для игры, — спокойно объяснил Карим. — Калиф — большой охотник до любовных игр. Вскоре я начну учить тебя их правилам. Может быть, калифу захочется разыграть спектакль, будто он захватил тебя в плен в битве. Ты должна будешь сопротивляться, бороться, но он опутает тебя цепями и силою принудит отдаться ему. А может, в роли пленного раба захочет выступить он сам... Мужчины в возрасте особенно любят такие представления. Это помогает им не утратить любовного аппетита, Зейнаб.

Он перевернул девушку на спину и, налив еще немного розовой жидкости себе на ладонь, принялся нежно массировать ее грудь и живот.

— Тебе приятно?

— М-м-м-м-м-м, я чувствую покалывание и тепло, мой господин...

— Во всем теле? — шепнул он, поглаживая ее стройные ножки.

— Да, во всем теле! — согласилась она, слегка поеживаясь, — прикосновения его рук отчего-то стали невыносимо сладкими.

— Перевернись на животик. Так. А теперь подожми ножки. Хорошо. Выгни спинку. Глубже, Зейнаб! Плечи должны быть как можно ниже. Голову положи на сложенные руки. Великолепно! Вот в таком положении ты должна находиться, когда калиф захочет войти в твое тело через Содомские Врата. А теперь не двигайся — я подготовлю дилдо.

Он окунул инструмент в кувшинчик со смазкой, и, встав на колени, приготовился его ввести.

— Не пугайся. Ощущения будут совершенно другими. Если станет неудобно, просто выгнись сильнее.

Он решительно раздвинул двумя пальцами дивно очерченные ягодицы, обнажив маленькую розовую розеточку. Головкой дилдо осторожно надавил — и почувствовал, как поддается нежная плоть его усилию. Головка слегка углубилась в напряженное тело девушки.

Зейнаб ахнула. Нет, дело было не в боли. Какое же неприятное ощущение — просто на редкость! Так она ему и сказала, как всегда,

напрямик:

— Зачем ты делаешь это со мною, господин мой? Это.., это же неестественно!

— Для некоторых, сокровище мое, но не для всех, — сказал он. — Рабыня Страсти должна уметь доставить господину все возможные наслаждения. Ты уже научилась принимать мужскую плоть в два из трех отверстий твоего тела. В гареме для тебя не должно быть ни сюрпризов, ни откровений. Ты должна стать совершенством во всем, Зейнаб! — Он ввел дилдо еще глубже, но тут девушка попыталась вырваться, и Кариму пришлось одной рукой крепко схватить ее за шею.

— Послушание во всем! — сурово напомнил он.

— Отвратительно! — закричала она. — Омерзительно! Железная ладонь давила на ее шею, а дилдо вошел в нее уже на всю глубину. Тогда Карим наполовину извлек его, но лишь затем, чтобы втолкнуть снова. Он начал двигать игрушкой в резком отчетливом ритме...

Бороться с ним было девушке не под силу. Ей омерзительно было то, что делает он с нею, и вдруг, к величайшему своему ужасу, она почувствовала, как истома наслаждения постепенно охватывает ее напряженное тело. Теперь она сама делала задом встречные движения...

— Ненавижу тебя за это! — воскликнула она, но тело ее уже извивалось в пароксизме страсти несмотря на то, что Карим уже извлек игрушку...

— Сам я не люблю подобных забав, — сказал он равнодушно. — Но ты не должна забывать, что я тренирую тебя для калифа, а не для себя. А, как мне известно, Абд-аль-Рахман время от времени предается таким утехам. И когда он пожелает тебя так, ты должна быть готова его удовлетворить. Дважды в неделю твое тело будет принимать дилдо таким манером, чтобы вполне подготовиться.

Зейнаб не отвечала. Перевернув девушку на спину, Карим увидел, что щеки ее мокры от слез — а ведь она не издала ни стога! Он принялся нежно целовать каждую слезинку, затем ласково заключил ее в объятия. И она не вынесла...

— Как это ужасно! — зарыдала она. Гнев охватил ее, она закричала:

— Ненавижу тебя! — и принялась изо всех сил молотить кулачками по его груди:

— Ты сделал мне больно!

— С каждым разом боль будет все слабее, — он обхватил ее запястья, лишив возможности драться. — А со временем тело твое настолько расслабится, что примет дилдо без труда.

Его могучее тело придавило девушку к матрацу, он искал ртом ее губы, лишая дыхания, возбуждая еще пушую злость...

— Больно — не больно, наплевать! Не в этом дело?

Это омерзительно! — завизжала она, оскалив в гневе острые зубки, И он потерял контроль над собой... Впился в этот оскаленный рот жгучим поцелуем. Будь она проклята! Будь проклята! Такой потрясающей женщины во всем свете не сыщешь — и он любит ее! Но не должен... Не смеет... Не имеет права!

Зейнаб почувствовала, что его напряженный член уперся ей в бедро. Поцелуй становился все нежнее, и злость сама собою улеглась. О, почему она так любит Карима-аль-Ма-лику? Он же всего-навсего холодный, жестокий и бесчувственный дрессировщик, обучающий ее, словно какое-нибудь животное, удовлетворять чувственный аппетит великого владыки! ..Она прерывисто вздохнула, отвечая на его поцелуи...Все равно! Если Судьба подарила ей столь краткое счастье — что ж, она своего не упустит, она вцепится в него со всею силой! Какая разница? Такого никогда не было у Сорчи Мак-Дуфф. А у Груочь и подавно никогда не будет!..

Руки Зейнаб обхватили любимого, прижимая его все крепче... Губы ее раскрылись ему навстречу, язык жадно искал встречи... Ладони ее ласкали тело Карима, пальцы запутались в мягких его волосах, пробегали по мускулистой спине, разжигая страсть в его чреслах... Горло все напряглось в безмолвном крике, когда он стал покрывать ее благоухающую шею горячими поцелуями. Склонившись над нею, он принялся играть с ее грудями, покуда они не отяжелели от желания, а соски не превратились в твердые розовые ягодки, словно молящие о поцелуях... Повинуясь их безмолвному, но страстному призыву, губы его сомкнулись вокруг одного соска, затем скользнули к другому. Ласки его жадного языка пробудили потаенную жемчужину страсти меж ее бедер. Зейнаб застонала, когда плоть его жадно скользнула в ее изнывающее от любовной истомы тело.

— Нетерпелива, как всегда! — все же поддразнил он ее. г — Ты лишь пробудил мой аппетит. — Ноготки ее скользнули по спине возлюбленного, заставив его содрогнуться всем телом. — Теперь ты прочно сидишь в седле, мой господин, — посмотрим, «как удастся тебе скачка. Сладишь ли ты со мною, как с тем арабским скакуном, которого ты привез с горных лугов!

Он крепко обхватил ее ногами. Поначалу медленно, а затем все быстрее и быстрее плоть его вонзалась в ее распаленные недра. Он не знал жалости. Один взрыв, затем другой, третий... Теперь ногти ее беспощадно вонзались в его тело, вся она содрогалась, прильнув к нему, пока, наконец,

обоих не сотрясла сладкая судорога... Опрокинувшись на ложе, он заключил ее в объятия.

— Если бы ты принадлежала мне, Зейнаб, я никогда не допустил бы, чтобы ты была несчастна, — нежно произнес он. Большого он не смел ей поведать...

— Если бы я принадлежала тебе, господин мой Карим, я никогда не была бы несчастна! — эхом откликнулась девушка. И она не смела открыть ему большего...

Но он все понял, как и она, и боль становилась невыносимой...

— Я человек чести, мое сокровище. Весною я отвезу тебя к калифу Кордовы.

— И для меня честь превыше всего, господин мой Карим. Я покорно отправлюсь туда — и принесу славу тебе и Доналу Раю...

Больше не о чем было говорить. Так мало времени им оставалось... И оба молча поклялись не тратить его попусту.

— По-моему, я отыскал для тебя подходящую невесту, сын мой, — объявил Кариму Хабиб-ибн-Малик. — Ее зовут Хатиба.

— Ну, если вы считаете, что она мне подходит — что ж, пусть так оно и будет, — отвечал Карим. А в самом деле, какая разница? Ведь он никогда не полюбит ее, как свою Зейнаб...

— Она прелестна, — добавила Алима, заметив, что с сыном что-то творится. — А ты вполне уверен. Карим, что хочешь создать семью именно сейчас? Может, сходишь еще в одно плавание на своей» И-Тимад «?

— Последним плаванием будет путешествие в Кордову с Зейнаб и подарками для калифа, — ответил он. — Потом я заверну в Эйре, чтобы передать Доналу Раю, произвели ли его дары должное впечатление на владыку. Самое время мне жениться... Назначьте свадьбу на следующую осень.

— Но позволь хотя бы рассказать тебе про Хатибу. — Отец Карима не обладал интуицией, присущей его супруге. — Она дочь Гуссейна-ибн-Гуссейна.

— Она из племени берберов? — О Аллах, смилуйся! Берберийские девы славятся добрым нравом. А это значит, что она будет послушна, ласкова — и невыразимо скучна. Но, может быть, это ему сейчас и надо? Ведь никто не может сравниться с Зейнаб. Зейнаб. Его золотоволосая возлюбленная...

— Я все наилучшим образом продумал, — продолжал отец. Гуссейн-ибн-Гуссейн знатен и очень богат — он занимается разведением арабских скакунов. Уверен, что лошади, купленные тобой для калифа, из его табунов.

Он дает за Хатибой приданое: сотню кобылиц и двух молодых жеребцов в расцвете сил. Ну, как тебе это, сынок? Разве ты не доволен? — Сам Хабиб-ибн-Малик весь светился от гордости — еще бы, такой удачный брак! Престиж семьи повысится, доходы возрастут...

— Вполне доволен, отец. А что, невеста столь же нехороша собой, сколь богато ее приданое?

— Я видела Хатибу — она очень мила, — ответила мать. — У нее бледно-золотистая кожа, которая вся сияет здоровьем. Волосы шелковистые и блестящие, цвета черного дерева. Серые глаза и милое ласковое лицо... А щедрость ее отца объясняется просто: Хатиба младшая в семействе, дочь его любимой жены. Я имела беседу с ее матерью. Госпожа сказала, что Гуссейн-ибн-Гуссейн не надышится на дочку. Поэтому он сколько мог тянул со свадьбой, но девушка уже давным-давно созрела для супружества, и он в конце концов согласился.

— И сколько же ей лет? — спросил Карим.

— Пятнадцать, сынок, — ответил отец.

— Ровесница Зейнаб... — сказал Карим тихо, но Алима прекрасно расслышала.

А позднее, когда супруг удалился, она усадила сына рядом с собой и учинила ему допрос с пристрастием.

— Уж не влюбился ли ты в свою ученицу. Карим? — Ее нежное лицо выражало живейшее участие.

— Я люблю ее, — ответил он напрямик. — И она любит меня.

Алима прижала руку к сердцу:

— Она сама тебе об этом сказала?

...Во всем виноват отец. Когда Карим в ранней юности обнаружил редчайшую чувственность и любвеобильность, Хабиб, послушав дурацкого совета Джафара и Айюба, отослал сына в самаркандскую Школу Учителей Страсти. Сыновья просто решили сыграть с ним шутку, а старик все принял за чистую монету. Карим преуспел в занятиях, а потом стал большим специалистом в своем деле. Но у Карима нежная душа, хотя для мужчины это большая редкость... Как терзался он после гибели несчастной Лейлы, злополучной своей ученицы! Алима вздохнула с облегчением, узнав, что сын решил прервать карьеру Учителя Страсти. И вновь заняло ее сердце, когда она узнала, что он взялся вышколить Зейнаб, оказывая услугу другу отца... И вот, получите!

— Ни Зейнаб, ни я не признавались друг другу в любви, я имею в виду вслух, мама... Но что это меняет? Боль все равно невыносима....

— Тотчас же отошли ее в Кордову! Пусть Аллаэддин отвезет ее! —

взмолилась Алима.

Но Карим отрицательно покачал головой:

— Она поедет туда весной — и не ранее. Она не вполне еще готова, мама. К тому же Аллаэддин поплывет капитаном на моем новом корабле» Иниге «. Чтобы доставить щедрые дары Донала Рая калифу, одной» И-Тимад» мало...

— Я сочувствую вам обоим, — тихо сказала Алима. — К сожалению, сердцу часто недостает мудрости... Порой оно не повинуется рассудку. Возможно, ты никогда не полюбишь ни одну женщину столь страстно, как любишь Зейнаб, но поверь, со временем боль уляжется, и в твое сердце снова постучится любовь. И она также полюбит другого. Может быть, не так, как тебя, но все же... Ты ведь не хочешь, чтобы девушка была несчастна?

— Нет, — с грустью отвечал он. — Этого я не хочу... Мать погладила руку сына:

— Хатиба понравится тебе, обещаю. Будь добр к ней — ведь девушка ни в чем не виновата...

— А когда я не был добр с женщиной, мама? — с горечью спросил Карим. — Мало кого из мужчин учили уважать и любить женщин, а я прошел эту школу. Хатиба-бат-Гуссейн станет моею первой женой. И будет пользоваться всеми привилегиями таковой...

— Тогда я скажу отцу, что можно вплотную заняться брачным контрактом, сынок?

— Да. Кстати, сколько я должен уплатить за невесту? — вяло поинтересовался Карим. Если за невестой давали приданое, то жених должен был уплатить выкуп — таков обычай. Ислам защищает права женщин — в будущем, если бы Карим вдруг развелся с Хатибой, ей возвратили бы все ее приданое, а также цену выкупа. Но дети, рожденные в браке, были бы отданы на попечение их отца...

— Сумма выкупа три тысячи золотых динаров. Эта сумма вполне соответствует достоинству и отца, и дочери, — ответила Алима.

Карим кивнул:

— Это высокая, но справедливая цена. Скажи отцу, что я уплачу все из собственного кармана. Я вполне могу себе это позволить. А когда явится кади, чтобы подписать контракт?

— Брачный контракт будет подписан обеими сторонами в день свадьбы Иниги. Гуссейн-ибн-Гуссейн приглашен. Но он настаивает, что ты не должен видеть лица Хатибы до самой свадьбы, — объяснила Кариму мать. — Знаю, что это старомодно, но следует уважить просьбу отца.

— А Хатиба наверняка послушная дочь, — сухо отвечал Карим. — Надеюсь, это обещает мне счастливое супружество с нею. Попробуй представить, что случилось бы с Инигой, объяви ей отец, что она должна выйти за незнакомца, которого увидит, только когда брак будет уже заключен?

Алима, не выдержав, рассмеялась:

— К счастью, с Инигой у нас нет такого рода проблем. Ведь они с Ахмедом знают друг друга всю жизнь. Они прекрасная пара.

— Зейнаб подружилась с Инигой...

— Знаю... — сердце Алимы снова сжалось. — Полагалось бы сказать, что я этого не одобряю, но не могу... Зейнаб очаровательна и прекрасно воспитана. Они с Инигой друг в друге души не чают. К тому же, кто знает, какая судьба ожидает Зейнаб? Если она покорит сердце владыки, то у Иниги будет могущественная покровительница при его дворе...

— А ведь тебе она самой по сердцу... — ласково заметил Карим.

— Да, — искренне призналась Алима. — Зейнаб мне по нраву. Она ко всему прочему еще и умница...

— Инига пригласила ее на свадьбу. Я сам привезу их вместе с Омой. Ни та, ни другая, в сущности, не имели семьи. Они отогреваются в тепле нашего дома. А когда прибудет свадебный поезд Ахмеда, чтобы отвезти молодую жену в дом тестя, я отвезу девушек на виллу.

— Вот и хорошо. Ничего не имею против, — сказала Алима. — Инига не хочет пышных свадебных торжеств, так что все празднество пройдет в нашем саду.

— А через месяц после свадьбы я отправлюсь в Кордову, — сказал Карим. — Потом поплыву в Эйре, но надолго там не задержусь. Только сообщу Доналу Раю, что выполнил его поручение, — и тотчас же назад. Пополню там запасы продовольствия, пресной воды, кое-что закуплю...

— И приедешь домой к собственной свадьбе, — договорила за сына Алима.

— Да... — согласился он... Он женится на этой незнакомке по имени Хатиба. Она никогда не сможет завоевать его сердца, как бы ни старалась, но бедняжка об этом никогда не узнает. Он будет добр и нежен с Хатибой, своей берберийской невестой, и не позволит ей даже заподозрить, что любит другую всей душой... И будет любить вечно. И не полюбит никого, кроме своей златокудрой Зейнаб...

Карим нашел время показать Зейнаб и Оме город — ведь после того, как «И-Тимад» причалила к берегу, они почти ничего не видели. Молодые женщины, облаченные в свои черные яшмаки, оставляющие открытыми

одни глаза, выбрались из носилок и направились вслед за Каримом на базар. Зейнаб и Оме показалось, что здесь продается все на свете и многое другое, чему они не знали даже имени... Крытые навесами прилавки просто ломились. Повсюду были вывешены яркие, радующие глаз ткани — шелка, лен, парча... Они развевались на ветру, словно знамена некой сказочной страны. Были здесь и причудливые изделия из кожи, и творения гончаров, и медников. Радовали глаз и чудесные резные шкатулки из слоновой кости и странного мягкого камня — они соседствовали с ларчиками черного лака, расписанными яркими красками, ничуть не уступающими по красоте и изяществу своим резным соседкам.

Один торговец продавал живых птичек — повсюду развешаны были клетки с крылатыми пленницами. Одни сладко пели, а другие просто чирикали, прыгая по жердочкам и косясь на прохожих блестящими черными бусинами глаз. Далее расположились бок о бок мясник и торговец домашней птицей. Здесь на крюках развешано было свежее мясо, а мальчики с пальмовыми листьями в руках отгоняли от него мух. Попискивали цыплята, квохтали куры, крякали утки, ворковали голуби в своих деревянных клетках... И буквально повсюду сновали продавцы украшений, предлагая любопытным покупательницам разнообразнейшие изделия — от самых дешевых медных серег до драгоценных украшений из чистого золота, сияющих в лучах жаркого солнца.

Завернув за угол, они наткнулись на работорговца. Сильные чернокожие рабы один за другим проходили по помосту — этот товар прекрасно раскупался. Но вот из-за занавески появилась красивая темноволосая девушка, совсем еще юная. Она пыталась прикрыть руками наготу, но работорговец что-то отрывисто приказал ей, и она неохотно выпрямилась и принялась демонстрировать свои прелести торгующимся. Цены взвинчивались на глазах. Девушка, освидетельствованная медиком как девственница, ушла к новому владельцу за триста тридцать золотых монет...

— То же случилось бы и с нами, если бы нас не купил Донал Рай? — робко спросила Зейнаб у Карима. Он кивнул:

— Да, мое сокровище. Законы невольничьего рынка жестоки...

И в который раз Зейнаб осознала, сколь милостива Судьба к ней и Оме... Разумеется, обе они множество раз слышали об этом, но, лишь увидев эту перепуганную насмерть нагую бедняжку на помосте, можно было вполне понять свою удачу... Если бы мужчины не почитали меня красавицей, думала Зейнаб, я сейчас стояла бы нагишом перед толпой, и Ома тоже... Ее всю передернуло — но спутники ничего не заметили.

Придерживая Зейнаб за локоток. Карим поспешно повел ее в другую часть рынка — там их взорам предстали прилавки торговцев фруктами, цветами и овощами. Один торговец продавал гвоздики, жасмин, мирт, розы... Другой шумно предлагал покупателям корзины, наполненные огурцами, грушами, бобами, спаржей, баклажанами и луком. Особый прилавок отведен был для всевозможных пряностей: всяческих трав, мяты, майорана, душистой лаванды. Тут же стояли кувшинчики с желтым шафраном. Фруктовщик продавал апельсины, гранаты, бананы, виноград и миндаль...

Карим, купил девушкам по чашечке воды с соком лимона, чтобы освежить горло: день выдался на редкость жарким, особенно для начала зимы.

— Пейте через вуаль! — предупредил он спутниц. — Никогда и ни при каких обстоятельствах не должны вы показывать лица на улице, чтобы не уронить вашего достоинства.

Они продолжили прерванный путь, но тут взгляд Зейнаб упал на маленький лоточек серебряных дел мастера:

— Остановимся на минутку, мой господин?

— Пожалуй, — согласился Карим. — Пусть каждая из вас выберет себе подарок.

Служанка остановила свой выбор на изящной серебряной цепочке, украшенной синим персидским ляписом, — и Карим тотчас же купил украшение в подарок Оме. Зейнаб же очаровала серебряная чашечка. Она похожа была на маленький кубок, только без ножки, округлой формы, как раз в размер девичьей ладошки. Чашечка украшена была изысканным узором: лилия, вокруг которой вьется колибри. Лепестки цветка были вызолочены, а эмалевая птичка с переливами ярко-зеленого и фиолетового словно подмигивала рубиновым глазком...

— Как бы мне хотелось иметь вот это, мой господин! — тихонько сказала Зейнаб. И чашечка тут же была куплена.

— Будешь вспоминать меня всякий раз, как отхлебнешь из нее... — сказал Карим, ведя ее к носилкам.

— Я не смогла бы тебя забыть, если бы и хотела...

— Серебро добывается в горных шахтах неподалеку от Алькасабы Малики. — Карим попытался переменить тему. — Отчасти этим залежам серебра обязан город своим процветанием.

... Она не могла смотреть на Карима. Отвернувшись, она откинулась на подушки и сделала вид, что дремлет. Всего через несколько недель выходит замуж Инига, а через месяц Карим отвезет ее в Кордову. Она

никогда больше не увидит его...Словно острый нож вонзался ей прямо в сердце всякий раз, когда она думала об этом... Впрочем, женская доля горька. Сестру ее выдали замуж по расчету. Зейнаб задумалась... Родила ли Груочь долгожданного сына? Если это мальчик, то месть, коварно задуманная Сорчей Мак-Дуфф, совершилась. — Истинный Мак-Дуфф унаследует Бен Мак-Дун и все имения Мак-Ферггосов. Но Зейнаб ничего об этом никогда не узнает...

Настал день свадьбы Иниги. Зейнаб с пристрастием пыталась Карима, что ей надеть на торжество.

— Я хочу оказать честь твоей сестре, но вовсе не желаю затмить ее в такой торжественный день.

— Если ты даже обернешься дерюгой, то все равно затмишь любую красавицу мира, так что не старайся, — галантно отвечал Карим. — Единственное, что могу посоветовать тебе, так это не надевать розовых одежд. Сестра будет в розовом свадебном платье.

— Надень что-нибудь простенькое, но элегантное. — Ома вынула из сундука кафтан аквамаринового шелка. Округлый вырез украшен был серебряной вышивкой. Так же отделаны были и рукава. — А вот шелковые шальвары в тон, моя госпожа. Наденьте золоченые шлепанцы. Простенькие, без камушков...

Карим согласно кивал:

— А из украшений только серьги. Вот эти маленькие золотые полумесяцы. Ну, может, еще один-единственный браслет, но не больше...

Ома одела госпожу и принялась за ее прическу. Она заплела густые золотые пряди в толстую косу, вплела в волосы аквамариную шелковую ленту, расшитую жемчугом. Обвив косой головку Зейнаб, словно венчиком, она укрепила сверху прозрачную бирюзовую вуаль, прошитую золотыми и серебряными нитями. Одевание самой служанки напоминало наряд госпожи, но было куда скромнее, да и цвет был иным — нежно-зеленым. На стройной шейке Омы красовалась серебряная цепочка с ляписом — дар Карима. К величайшей досаде принаряженных дев, всю эту красоту пришлось спрятать под черные яшмаки, надетые специально для путешествия.

Прибыли носилки, чтобы отвезти девушек в город. По обычаю. Карим ехал рядом с носилками верхом. Когда они достигли дома Хабиба-ибн-Малика, носилки остановились у ворот, ведущих в сад. Спешившись, Карим отпер ворота собственным ключом.

— Я должен войти в другие двери, — сказал он. — Идите в сад, там женщины уже всю веселятся.

— А мужчины? — спросила изумленная Зейнаб.

— Они развлекаются отдельно, — объяснил Карим. — Таков наш обычай. А теперь идите и отпразднуйте свадьбу на славу! Мать шепнет вам, когда пора будет возвращаться. Вы выйдете через эти же ворота, я уже буду вас поджидать. Доброго вам праздника!

Девушки вошли в изумительной красоты сад. Повсюду росли стройные высокие деревья, в бассейнах цвели водяные лилии, а фонтаны выбрасывали в воздух кристальные струи. Привлекаемые звуками музыки, девушки пошли по дорожке и тут увидели гостей. Они тотчас же направились к госпоже Алиме и почтительнейше приветствовали ее.

Мать Карима в этот день была особенно красива и вся сияла от счастья.

— Видите невесту? — гордая мать указала девушкам на Инигу.

В самом центре садика Инига сидела на золотом троне в нежно-розовом наряде, сплошь расшитом хрусталиками и бриллиантами. Волосы девушки были распущены и щедро посыпаны золотой пудрой, но тонкая розовая вуаль скромно прикрывала все это великолепие. К девушкам приблизились рабыни и помогли Зейнаб и Оме освободиться от дорожного платья. Те тотчас же оправили и разгладили наряды. Алима одобрительно оглядела девушек.

— Как вы обе прелестны! — сердечно произнесла она. — Ну, идите поприветствуйте мою дочь...

Зейнаб и Ома поспешили к Иниге, сидящей на своем троне в окружении сундуков с приданым и подарками. Она лукаво хихикнула:

— И что вы обо всем этом думаете? Похожа я на раскрашенного идола?

— Ты просто изумительна сегодня! — сказала Зейнаб. — Но неужели ты целый день вот так восседаешь? Или тебе все же дозволено двигаться?

— Я должна сидеть здесь в одиночестве и наслаждаться собственным величием, — хихикнула Инига. — До самого вечера, пока не придет Ахмед с друзьями. Тогда меня отвезут в дом его отца, где мы и станем с ним жить. Там празднество продолжится, на мужской и на женской половине отдельно. Ну, а потом, наконец, мы с молодым супругом удалимся в спальню... Затем никто не увидит моего светлого лица до того дня, когда я с радостью объявлю, что жду ребенка. Ну, а после, естественно, я буду с каждым месяцем расцветать, покуда не подарю мужу желанного наследника.

— А если родится дочка? — спросила Зейнаб.

— Все надеются, что первым будет сын, но девочке тоже будут рады.

До того как явился пророк и просветил невежественные души наши, многие убивали младенцев женского пола. Коран учит: «Не умерщвляйте детей из боязни нищеты. Аллах пошлет вам пищу. Убийство же новорожденных — страшный грех». — Инига улыбнулась. — Ведь женщина — дарительница жизни. Не может же она становиться убийцей!

В саду было весело. Играли музыканты — тоже сплошь женщины, а некоторые из подруг невесты плясали, услаждая взор новобрачной. Грациозные рабыни скользили по дорожкам, разнося на подносах напитки, пирожки, засахаренные фрукты и прочие сласти. Наконец, Алима подала девушкам условленный знак. Девушки тотчас же подошли проститься с сидящей на троне невестой.

— Приезжай навестить меня до нашего отъезда в Кордову, — сказала ей Зейнаб.

— Когда ты едешь? — спросила Инига.

— После Рамадана — так сказал Карим...

— Непременно приеду, — пообещала подруге Инига. — Наверняка он не уедет прежде, чем закончится Ид-аль-Фитр.

Девушки крепко обнялись. И Зейнаб, сопровождаемая верной Омой, поспешила к маленьким воротцам в стене.

Карим уже ждал их около носилок. Заботливо усадив девушек, он объявил:

— Я должен остаться здесь до конца свадебных торжеств. Я приду к тебе поздно, сокровище мое... Жди меня. Он задержнул шелковые занавески, и носилки тронулись.

— Как забавно, — разглагольствовала Ома. — Мужчины и женщины веселятся врозь! Я так надеялась повидать Аллаэддина-бен-Омара, но если он даже и был здесь, то я узнаю об этом, только если он соизволит мне сказать... Он был так занят последние месяцы — я его почти что и не видела. Думаю, что ему нет до меня ровным счетом никакого дела — хотя он и из кожи вон лез, пытаюсь соблазнить меня на корабле, по дороге из Эйре...

— И преуспел? — лукаво спросила служанку Зейнаб.

— Нет, — твердо отвечала Ома. — Но не потому, что плохо потрудился. — У нас с ним нет и не может быть будущего, госпожа, ведь несмотря на то, что я изрядная болтушка, мне не по душе легкий флирт и мимолетная интрижка. Калиф заметит и полюбит тебя, госпожа. Ты родишь дитя, и оно будет свободным. Это будет настоящий принц... А мое дитя было бы рабом, подобно мне. Может быть, если бы я сама была рождена в рабстве, это не имело бы для меня значения, но ведь я свободнорожденная!

— Если калиф будет доволен мною, — заговорила Зейнаб, — в моей власти будет даровать тебе свободу, моя Ома. Я могу устроить так, чтобы ты ворочилась в Аллоа. Это обрадовало бы тебя?

— Госпожа, я предпочла бы остаться с тобою! — сказала Ома. — Что ждет меня в Аллоа? У меня нет семьи, нет дома, единственным приютом моим был монастырь. Туда вернуться я не могу, — она слабо улыбнулась. — Вообрази, какое лицо будет у матери Юб, когда я постучусь в ворота обители?

— Я могла бы послать тебя к моей сестре в Бен Мак-Дун...

— Что-о-о-о? — Ома даже подпрыгнула. — Так ты хочешь во что бы то ни стало избавиться от меня, госпожа? Ведь ты даже не знаешь, выжила ли сестра во время родов, да к тому же как бы я объяснила им, что с нами случилось? Думаешь, твоя сестра и Фергюсоны поверили бы мне? Да они собаками бы меня затравили! Не отвергай меня, госпожа моя добрая! — В глазах Омы уже стояли слезы.

— Я вовсе не хочу избавляться от тебя, — Зейнаб ласково гладила руку служанки. — Но ты показалась мне только что такой несчастной...

— О-о-о, во всем виноват этот Аллаэддин-бен-Омар!

— Может быть, тебе лучше уступить ему, — предположила Зейнаб. — То, что ты моя прислужница, вовсе не лишает тебя права на собственное счастье...

— Я не хочу ребенка. — Ома твердо сжала губки.

— Тебе вовсе не обязательно иметь детей. Ты никогда не удивлялась, как это я за все эти месяцы ни разу не понесла? Разве не давал тебе Карим бутылочки с эликсиром еще в Дублине с подробнейшими инструкциями? Ты ведь даешь мне его каждое утро, разводя в воде! Разве он не дал тебе рецепта этого эликсира? Не ты ли сама готовишь его для меня?

— Да, — медленно проговорила Ома. — Я не знала, для чего он надобен, но не сомневалась, что господин не желает причинить тебе вреда...

— Эликсир я пью, чтобы не зачать. Есть, правда, еще один метод, но я не уверена в его эффективности. Инига шепнула мне, что обитательницы гарема вводят себе внутрь какие-то маленькие спиральки, глубоко, до самой шейки матки. Вроде бы это не дает семени мужчины проникнуть в их лоно и там прорасти... Знаешь, выпей моего эликсира. Ома, а потом, если хочешь, прими ласки Аллаэдина-бен-Омара. Думаю, ты станешь куда счастливее...

— Благодарю тебя, госпожа, — глазищи Омы благодарно сверкнули. — Признаюсь, этот чернобородый хулиган возбудил во мне

желание, но ни один мой ребенок не должен стать рабом! — Девушка вдруг задумалась:

— А сколько времени я должна принимать снадобье, прежде чем снизойти к мольбам Аллаэddина?

— Прими одну дозу нынче же вечером, — сказала Зейнаб. — После того как ты примешь эликсир еще раз завтра, ты будешь в полнейшей безопасности. Но нельзя пропускать ни единого дня! Сама я по прибытии в Кордову не выпью более ни капли, ведь, если я рожу калифу дитя, моя ценность в его глазах лишь возрастет, да и мое положение в гареме упрочится...

— Знаешь, мне грустно уезжать отсюда... — сказала Ома. — , Здешняя земля столь прекрасна, а господин Карим так добр... А когда мы едем, госпожа? Ты уже знаешь?

— Через два дня по окончании Рамадана, — сказала Зейнаб. — Все это время мы должны будем воздерживаться от пищи от восхода солнца до заката. В конце же месяца последуют трехдневные торжества. А сразу же после праздников мы немедленно отплываем...

На следующее утро Зейнаб приступила к занятиям с необычайным усердием. Зная, что остается мало времени, учителя взяли ее в оборот, добиваясь от нее совершенства во всем. Ведь ее успех в Кордове — это и их успех...

К вечеру явилась Ома, неся странный белый наряд с капюшоном.

— Господин Карим велит тебе надеть это и следовать за мною, госпожа. — Затем служанка понизила голос, чтобы не услышал имам:

— С ним явился Аллаэddин... Могу я остаться с ним?

— Конечно! — великодушно сказала Зейнаб. — Если я не в состоянии один вечер сама о себе позаботиться — значит, я чересчур изнежилась и разбаловалась. Я не жду тебя до утра, моя Ома, — госпожа подмигнула. — Надеюсь, ты ж ослушаешься меня?

Ома радостно улыбалась, ведя госпожу во двор, где ее уже поджидал Карим верхом на великолепном белоснежном жеребце, купленном для калифа. Он знаком велел ей приблизиться.

— Господин мой... — озадаченная Зейнаб подняла на него глаза.

Сильные руки подхватили Зейнаб — и вот она уже сидит в седле впереди Карима. Конь тронулся.

— Тебе удобно? — заботливо спросил Карим. — Нам предстоит путь длиною в несколько миль.

— Куда мы направляемся, господин мой? — Ей было так удобно и покойно в его объятиях... Он был с ног до головы одет в белое, на его

темных волосах красовался белый тюрбан. Девушка прижалась к его груди, вдыхая пряный мужской аромат, исходящий от его одежд и тела, замирая от счастья.

Он улыбнулся, подумав, насколько она свободна в проявлениях чувств. Она была абсолютно чужда хитрости, притворства... Какой свежестью пахнет на калифа, когда это чудо войдет в его жизнь! Улыбка исчезла с его лица. Через несколько недель она станет собственностью калифа, но сейчас она принадлежит ему...

— Мы едем в мой домик, — сказал он. — Это в горах, у озера...

Зейнаб ничего не ответила. Склонившись светловолосой головой на сильное плечо любимого, она любовалась окрестностями. Ведь она совершенно ничего не видела — ну, кроме дороги, ведущей от города к вилле Карима. Горы, обрамляющие равнину, сверкали в отдалении снеговыми шапками. На полях зеленели щедрые молодые всходы. Они проезжали мимо виноградников, на лозах уже зеленела юная листва. Миндальные сады были все в цвету, а серебристой листвой оливковых рощ играл свежий ветерок...

— И это все твое? — спросила Зейнаб.

— Да, — с улыбкой отвечал он.

— Как ты богат... — робко проговорила она, заставив Карима рассмеяться. — В Аллоа такие земли почитали бы раем земным! Наша земля камениста... Трудно добиться урожая — а тут земля сама родит...

— Малика — необыкновенная земля, — согласился Карим. — Почва здесь плодородна, а климат благоприятствует земледелию.

— А в Аллоа, — продолжала она, — всегда холодно и пасмурно... Иногда за все лето выдается всего пара погожих недель — вот и все. Тогда мужчины охотятся на куропаток. А дожди... Там почти все время дожди. Я успела полюбить здешнее солнце...

Теперь они ехали по холмам, сплошь покрытым алыми анемонами. Наконец, он свернул на пологую дорогу, спускающуюся к рощице, — взору Зейнаб открылось маленькое озерцо, словно слезинка на щеке склона. Какая неожиданность! Прямо на берегу озера высилась изящная мраморная постройка, окруженная цветущим садом — деревья и кусты усыпаны были желтыми, белыми и голубыми цветами. Карим остановил коня у дверей, спешил и протянул Зейнаб свои сильные руки.

— Я зову это место Убежищем. Сюда я всегда приезжаю, когда хочу побыть один. Я отыскал это озеро еще мальчишкой, когда однажды во время охоты заехал в эти горы. А когда я возвратился из Самарканда, отец подарил мне эти земли. Я выстроил сперва свою виллу с видом на море, а

затем — Убежище. Именно здесь, чтобы никто не вторгся и не нарушил моего уединения, Он взял Зейнаб за руку — так, рука об руку, и вошли они, миновав портик, в дом.

Она оглядела единственную просторную комнату: в дальнем конце виднелась дивная галерея, вся увитая розами. В углу комнаты журчал фонтан черного мрамора, из золотого носика изящного кувшина струилась прохладная чистая вода... В самом же центре покоя на возвышении находилось ложе; перьевой матрац, покрытый черным шелком, по которому живописно были разбросаны подушечки того же цвета с золотым шитьем. Подле ложа на столике стоял поднос с жареным цыпленком, блюдом плова и вазой с гранатами и бананами. Тут же стоял и хрустальный графин с вином. Пол покоя устилали толстые ковры, алые с голубым. И ничего более...

Карим разлил вино в два серебряных кубка и протянул один Зейнаб.

— Имам говорит, что вино запрещает Коран... — робко сказала Зейнаб.

— Аллах создал землю, виноградные лозы, а значит, и вино. Созданное Аллахом не может причинить вреда. Вредны лишь предрассудки и мракобесие, мой цветочек. При дворе калифа Кордовы вовсе употребляют вино. Смело пей!

Он поднял свой кубок и залпом осушил его. Затем налил его снова до краев и выпил, на этот раз уже медленно.

Удивленная Зейнаб наблюдала за ним. Карим-аль-Малика сам на себя непохож...

— Зачем мы приехали сюда, мой господин? — девушка так и не притронулась к вину.

— Скажи, что любишь меня, Зейнаб, — неожиданно произнес Карим. — Я хочу услышать эти слова от тебя, хочу видеть твои губы, произносящие признание... — В глазах его была отчаянная мольба.

— Мой господин, ты обезумел! — воскликнула она. Сердце ее бешено колотилось. Она стремительно отвернулась, чтобы ее не выдали глаза.

Но не тут-то было! Он повернул ее лицом к себе, не сводя с нее горящего взора. Тогда она опустила золотые ресницы...

— Судьба жестока к нам: мы полюбили друг друга — и должны расстаться, — сказал он. — Я люблю тебя, Зейнаб, и ты меня любишь. Почему ты таишься?

— Разве не ты сам учил меня, что не подобает Рабыне Страсти привязываться душою к своему учителю? Боюсь, вино ударило тебе в голову. Присядем спокойно, поедим чего-нибудь! — умоляла Зейнаб...

Зачем, зачем он так терзает ее? А вдруг это жестокое испытание? Она должна во что бы то ни стало сохранять спокойствие...

Карим же вместо ответа привлек ее к груди и хрипло вымолвил:

— Я люблю тебя, Зейнаб. Я не имею на это права, я круглый дурак, но когда, во имя Аллаха, сердце человеческое было мудрым и расчетливым, любимая моя? — Рука его нежно гладила золотистые волосы. — И Аллах, наконец, жестоко наказал меня. Ведь так самонадеянно было думать, что один человек может научить другого искусству любви...

— Ты учил меня не любить, а дарить наслаждение, мой господин, — тихо отвечала девушка.

— Скажи, что любишь меня! — голос его прервался.

— У этой любви не было бы будущего, — холодно сказала она. — Разве ты с самого начала не разложил все по полочкам? Не объяснил мне, что я собственность кордовского калифа? Я не могу быть его Рабыней Страсти — и при этом любить тебя, Карим.

— И все же ты любишь... — настаивал он, глядя девушку по щеке.

— Не делай этого! Не терзай нас обоих! — молила она. От его прикосновений она теряла силы. — Если бы я любила тебя, как могла бы через месяц расстаться с тобой? Если бы я любила тебя, как смогла бы я прожить остаток дней моих вдали от тебя? Если бы я любила тебя, как могла бы принадлежать другому. Карим, господин мой? — Нет, он вовсе не пьян — она это видит...

— Твое тело будет принадлежать другому, но сердце — только мне, мне одному, навсегда! — откликнулся он. — Я не шучу с тобой, не испытываю тебя, Зейнаб, любимая! Мое сердце за меня произносит слова, на которые я не имею права! Если бы я мог молчать! Любовь к тебе поработила меня. Я люблю тебя — и буду любить вечно...

И тут девушка злобно оттолкнула его:

— Что мне в твоей любви, Карим-аль-Малика? Я не твоя! Я никогда не стану твоей! Как смеешь ты так безжалостно терзать мое сердце? О-о-о, как же ты жесток! Жесток! Я никогда не прощу тебе этого!

— Так ты любишь меня! — торжествующе вскричал он.

Она с тоской глядела на него. Прекрасное лицо было залито слезами.

— Да, будь ты проклят, я люблю тебя! Ты доволен? Твое тщеславие удовлетворено, мой господин? А я ведь поклялась себе, что никогда уста мои не произнесут этих слов — но ты силой принудил меня к признанию! Как теперь смогу я стать наложницей калифа? Теперь, когда мы оба знаем все! Что же ты наделал, Карим-аль-Малика! Мы обесчестили тех, кто положился на нас!

Карим вновь заключил девушку в объятия:

— Нет, этого не будет. Мы сделаем все то, что велит нам наша честь. Ты уедешь к калифу, а я женюсь на этой берберийской девочке по имени Хатиба. Но прежде.., прежде мы с тобою проведем целый месяц здесь, в Убежище — мы вдвоем, только ты и я. И, что бы ни уготовила нам жестокая Судьба, нам теперь будет что вспоминать, чем утешиться. Моя златокудрая Зейнаб! Ну как мог я отпустить тебя, так и не узнав правды?

— Может быть, без этого было бы легче... — тихо сказала она. — Не знаю, смогу ли я проявить подобное благородство и силу духа, Карим... Ведь я простая девушка из дикой страны. Мы, кельты из Аллоа, ничего не знаем, кроме страсти и мести... Я думала, что на свете ничего больше не существует, а ты открыл мне Красоту, Свет... Ты дал мне увидеть семью, в которой царит любовь, Карим-аль-Малика! Если бы Бог предложил мне исполнить единственное мое желание — я стала бы твоей до конца дней моих... Рожала бы тебе сыновей, дочерей... Стала бы счастливой и довольной жизнью, подобно твоей матери. Но ты сказал, что любишь меня, и вынудил признаться тебе в любви. Теперь я никогда не буду довольна жизнью, мой господин! И если мне предстоит страдать от сознания, что ты любишь меня, страдай и ты. Карим! Страдай, зная, что отныне никогда, ни единой секунды не буду я счастлива вдали от тебя! А могла бы быть, если бы не твое упорство!

— Ты не будешь счастлива, увозя с собою мое сердце? Девушка отрицательно покачала головой:

— Мне не быть теперь счастливой без тебя...

— О, Зейнаб, что же я натворил! — вскричал он.

— Как бы я ни злилась. Карим, — знай, я не жалею... — отвечала она. — Я люблю тебя.., а у нас так мало времени... Не надо отравлять его взаимными упреками! Ты разбил мое сердце, но все равно я обожаю тебя! — Тонкие руки сомкнулись вокруг его шеи, и Зейнаб страстно поцеловала любимого:

— И буду любить до скончания века!

Подхватив Зейнаб на руки, Карим уложил ее на постель и ласково снял с нее одежды. Затем, раздевшись, лег рядом с нею. Руки их соприкоснулись, пальцы переплелись. Так лежали они долгое время, молча, пока он, приподнявшись, не поцеловал ее в губы... Ее аквамариновые глаза были полны жгучей тоски, она медленно закрыла их, желая всем существом своим отдаться блаженству. Руки его касались ее так, как никогда прежде, с невероятной и невыносимой нежностью...

Губы его ловили каждую ее слезинку, ладони обхватили дрожащее

лицо, губы касались губ, щек, трепещущих век...

Ладонь ее заскользила по любимому лицу, запоминая навек каждую черточку, складочку... Что же сделала она такого, что заслужила эту радость и эту боль? Ведь любовь — это величайшая мука... Она с радостью уедет в Кордову. С радостью освободится от этой боли. Ведь она наверняка утихнет со временем, она всецело сосредоточится на том, чему он так долго ее учил. Она станет славнейшей Рабыней Страсти! А что ей еще остается?..

— Я люблю тебя, мой цветочек, — прошептал он ей на ушко. Теплое дыхание ласково согревало ее шею. Он слегка прикусил мочку уха.

Потянувшись к нему, она утратила твердость — на мгновение ей показалось, будто сердце в груди разорвалось... Это несправедливо!

— И я люблю тебя, Карим-аль-Малика... Люби меня, мой дорогой! Я хочу быть твоей..., сейчас...

Он всем существом своим откликнулся на страстный ее призыв, а потом они лежали, сплетенные, в изнеможении... Молодой месяц посеребрил озерную гладь за стенами обители этой горькой любви, а невидимая ночная птица все пела свою пронзительно-сладкую песню...

ЧАСТЬ III. Аль-Андалус, 945 год

Абд-аль-Рахман, калиф Кордовы, раскинулся на огромной своей постели. За окнами занимался рассвет. Слышны уже были птичьи голоса. Никогда пение их не бывает так прекрасно, как весной, подумалось калифу. Скорее всего, это оттого, что весна — время любви. Любовь волшебным образом преображает все. Калиф улыбнулся. Уже долгое время он не любил... Пожалуй, несколько лет. Всей душой он был готов отдаться новому чувству, несмотря на то, что ему уже перевалило за пятьдесят...

...Ему прекрасно известно, что о нем все думают. Слухи эти искусно питает его любимица Захра. Захра... Руководимая неумным тщеславием, она забивает головы молодых наложниц всякими нелепицами. Дескать, калиф уже девятнадцать раз стал отцом... Да он к тому же еще и дедушка! Невзирая на недурной любовный аппетит, который со временем несколько ослабел — это калиф признавал и сам, — он так долго правит, что многим подданным представляется уже глубоким старцем... А вот и не правда! У него сильное и здоровое тело, почти как у двадцатилетнего, а в волосах, все еще светлых и чуть рыжеватых, не видно седины. На дворе весна, и сердце его готово вновь полюбить!

Он сладко потянулся, полной грудью вдыхая свежую утреннюю прохладу. Что предстоит ему нынче? Ах, да, сегодня же именно тот день, когда обычно благодарные друзья, подданные и те, кто только еще желает снискать благосклонность владыки, преподносят ему дары! Возможно, среди них будут и хорошенькие невольницы. Может статься, одно из этих созданий пробудит в нем нечто большее, нежели похоть... Сомнительно, но все же надежда есть. Да!

Это лишний раз доказывает, что сердце владыки готово вновь любить...

Двери спальни бесшумно раскрылись, и вошел раб-постельничий. День владыки начался. Калиф легко спрыгнул с постели. Первым делом искупаться... Затем легкий завтрак: пиала свежего йогурта, чашечка мягкого чая. Ополоснув ароматной водой руки и лицо, он отдал себя во власть проворных рук раба, тщательно обработавшего ногти калифа и причесавшего его. Затем владыка позволил облачить себя. Для сегодняшнего дня избраны были зеленый и золотой цвета — «цвета пророка». Шелковые шальвары, простая парчовая туника, широкий кушак с россыпью драгоценных камней и столь же богато расшитый халат с

широкими рукавами, сияющими парчовой подкладкой. Золотая рукоять кинжала с крупными изумрудами виднелась из-за кушака. Парчовый тюрбан с крупным сверкающим бриллиантом украшал величественную голову владыки. Теперь калиф вполне готов принять посетителей с богатыми дарами.

Тут явилась любимая жена его Захра, дабы пожелать господину доброго утра. Это была благообразная женщина, лет эдак под сорок, с изумительными каштановыми волосами и глазами цвета старого серебра.

— Не позволяй чужеземным гостям утомлять тебя бесконечными беседами, господин мой. Ты должен бережно относиться к своему здоровью — ради нас всех... Хотя я и люблю нашего сына, но ему никогда не быть столь могущественным правителем, как ты, мой дорогой господин! — она улыбнулась калифу улыбкой, полной любви.

Калиф ощутил приступ раздражения. Захра — воистину изумительная женщина... Да, он любит ее, почитает, но в последнее время она чересчур назойливо заботлива, и вообще обращается с ним словно с каким-нибудь седобородым старцем. Она мешает ему, словно песчинка, попавшая в раковину устрицы, раздражает нежное тело моллюска...

— Мне приятны визиты чужеземных послов, дорогая, — отвечал он. — К тому же, кто знает, какую диковину мне преподнесут нынче? А вдруг это будет красавица-рабыня, которая похитит мое сердце? — Он улыбнулся жене и удовлетворенно отметил злобный огонек в ее глазах. Пора, пора ей понять, что он не старец, всецело принадлежащий ей и их сыну Хакаму...

Хакам... Еще одна проблема... Нет, он замечательный молодой человек, но больше похож на ученого, нежели на будущего правителя. Он испытывает куда больший интерес к книгам, нежели к красавицам. И детей у него нет — а все потому, что он редко посещает свой гарем. Абд-аль-Рахман обвинял в этом лишь Захру. Светлая голова сына была предметом ее гордости, она поощряла его интерес к учебе, приговаривая, что заняться женщинами никогда не поздно — но как она ошибалась! Привело все это лишь к тому, что, когда в руки Хакама попадала новая книга, женщины вовсе переставали для него существовать. И все же в последнее время принц Хакам обнаружил некоторый интерес к государственным делам Аль-Андалус. Калиф добился этого, заставив сына понять, что у него есть целых шесть младших братьев, причем весьма честолюбивых... Но, невзирая ни на что, отец и сын любили друг друга и были очень близки.

Калиф в сопровождении телохранителя проследовал в главный зал Калифата. Огромный зал венчал сводчатый потолок, поддерживаемый

стройными колоннами розового и голубого мрамора. Стены и потолок выложены были листовым золотом. В самом же центре потолка красовалась огромная жемчужина — дар византийского императора Льва. В зал вели целых восемь дверей из черного дерева, золота и мрамора, словно парящие в воздухе меж глыб прозрачного хрусталя.

В самом центре зала располагался большой хрустальный резервуар, наполненный ртутью, добытой в шахтах Аль-Мадана. По сигналу калифа рабы раскачивали резервуар — и зал пронизывали яркие лучи, создававшие полную иллюзию полета в каком-то неведомом пространстве... На неподготовленных гостей эффект сей производил ошеломляющее впечатление — некоторые даже теряли равновесие и падали. Но и тот, кто множество раз любовался этим волшебным зрелищем, всякий раз бывал потрясен... Ослепительные парчовые полотна, растянутые между колоннами, и прекраснейшие ковры, устилавшие мраморный пол, довершали впечатление.

Утро шло своим чередом, послы иностранных держав один за другим входили в зал, почтительно склонялись, предъявляя верительные грамоты и предлагая благодарственные дары. Но среди всей этой роскоши не было ничего необыкновенного для пресыщенного взора калифа... Абд-аль-Рахман начинал скучать. Рядом с ним безотлучно находились принц Хакам и любимый врач калифа Хасдай-ибн-Шапрут.

...Еврей Хасдай-ибн-Шапрут был не простым медиком. Он привлек к себе внимание владыки года два тому назад, открыв универсальное противоядие. Яд был излюбленным орудием наемных убийц, посему открытие молодого медика представлялось поистине бесценным. Калиф к тому же быстро обнаружил, что его новый друг еще и непревзойденный дипломат. А в Аль-Андалус религиозные убеждения человека, каковы бы они ни были, не могли служить препятствием на его пути к вершинам карьеры.

Абд-аль-Рахман восседал под парчовым балдахином, скрестив ноги, на широком, украшенном самоцветами золотом троне, среди множества алых шелковых подушечек. Когда посол Персии, почтительно согнувшись и пятясь, покидал зал, калиф зевнул, прикрывая рот ладонью. Прием продолжался к тому времени уже часа три, не меньше. Ни один подарок не удивил калифа — большей частью это были неизменные ездовые верблюды, рабы, драгоценности и экзотические животные для зверинца владыки. Утреннее радостное настроение безвозвратно улетучилось... Не поехать ли нынче, когда все это закончится, на соколиную охоту?

Раздался голос распорядителя:

— О владыка! Прибыли дары от купца Донала Рая из Эйре! Поезд сопровождает Карим-ибн-Хабиб-аль-Малика!

Рабы распахнули двери, и в широком проеме показалась пара слонов. Абд-аль-Рахман выпрямился, и в глазах его мелькнул интерес. Животные входили парами, тяжело ступая под тяжестью несомых колонн из зеленого агата, украшенных затейливой резьбой. Каждую пару сопровождал раб, одетый в синие и оранжевые шелка. Двадцать четыре гиганта свободно поместились в просторном помещении. По сигналу рабов звери, подняв хоботы, приветствовали калифа громкими трубными звуками — и величественно вышли через противоположные двери.

— Великолепно! — вырвалось у калифа. Сын и медик кивнули, соглашаясь.

— Интересно, чем еще умудрится удивить нас этот торговец из Эйре? После того, что мы только что видели, это представляется маловероятным... — заметил вполголоса Хасдай-ибн-Шапрут. Он был высок и строен, не старше тридцати с небольшим, темноволосый, с ласковыми янтарными глазами. Подобно владыке, он был гладко выбрит.

— Воистину, отец, что бы ни последовало далее, оно не сможет затмить уже виденного, — сказал принц Хакам. Серьезный юноша был моложе врача, а чертами и цветом волос и глаз походил на мать.

— Увидим, увидим... — произнес калиф. Вслед за слонами появились рабы, несущие разноцветные шелка, рулоны разворачивали, демонстрируя владыке их блеск и великолепие. Затем внесли три алебастровых вазы, полные благоуханной амбры, потом два ларца из золота и слоновой кости — первый был до краев полон жемчугом, второй — луковками тюльпанов (и то и другое считалось равно драгоценным). Потом внесли сотню огненных лисьих шкур, потом сотню сибирских соболей... Ввели десять арабских скакунов с золотыми уздечками и парчовыми седлами дивной красоты. Разложили на ковре в ряд пять слитков золота и пятнадцать — серебра. Затем ввели на алых кожаных поводках двух великолепных пятнистых охотничьих леопардов.

Но вот появились крытые носилки, сопровождаемые лично Каримом-аль-Маликой. Их поднесли к самому подножию трона властелина и поставили на дивный ковер. Капитан выступил вперед и низко склонился перед Абд-аль-Рахманом. Юная служанка, сопровождавшая носилки, последовала его примеру.

— Великий калиф! — заговорил Карим-аль-Малика. — Год тому назад Донал Рай из Эйре обратился ко мне с просьбой. Я обязался доставить тебе эти знаки его признательности и преданности, а также вышколить для

твоего гарема невольницу по имени Зейнаб. Я последний в Аль-Андалус Учитель Страсти из самаркандской школы. — Карим протянул руку к задернутым занавескам носилок. — И я дарю тебе, могущественный калиф. Рабыню Страсти по имени Зейпаб.

Тонкая белая ручка незамедлительно легла на сильную ладонь Карима. Калиф и два молодых человека подались вперед, движимые любопытством.

Ома осторожно отдернула шелковую занавесочку, и из носилок выступила укутанная в покрывала фигурка. Носилки немедленно унесли, дабы они не мешали калифу лицезреть новый дар. Служанка грациозно освободила госпожу от шелковых покровов и отступила.

Зейнаб стояла не шевелясь, склонив голову, как ей и было приказано. Платье подбиралось тщательнейшим образом. На девушке было некое подобие юбки, состоящей из ниток отборного жемчуга, свешивающихся с золотого, украшенного самоцветами пояса, обхватывающего бедра ниже талии и оставляющего открытым нежный живот. Облегающая парчовая безрукавка почти не скрывала дивные груди. Девушка была боса, но прозрачная нежно-розовая вуаль наброшена была на голову, скрывая лицо и волосы.

Карим-аль-Малика совлек с головы рабыни вуаль, а Ома одновременно одним движением распустила волосы госпожи. Они рассыпались по плечам во всей своей неземной красоте. Но лицо девушки, как оказалось, скрыто было еще одной вуалеткой.

У Абд-аль-Рахмана зашумело в ушах от необъяснимого волнения. Он сам поднялся с трона и спустился по ступеням. Словно замороженный, он двумя пальцами приподнял с округлого плеча нежный золотой локон — и ощутил шелковистую мягкость... Протянув руку, он отстегнул вуалетку и приподнял подбородок девушки, чтобы рассмотреть ее черты. Золотые ресницы лежали на щеках — веки были целомудренно опущены.

— Подними глаза, Зейнаб, — тихо произнес калиф. Повинуясь, она впервые взглянула в лицо владыки. Он был едва ли многим выше ее, но крепкого сложения. Она увидела сосредоточенные и пронизательные голубые глаза. Она почти успокоилась, но и теперь на ее прекрасном лице не дрогнул ни единый мускул.

Калиф же был потрясен увиденным. Да, эта красивейшая женщина из всех, кого ему когда-либо приходилось видеть! Сколь совершенны черты: миндалевидные глаза, прямой носик не слишком длинен и не слишком короток, лоб чист и высок, скулы прекрасно очерчены. Твердый очерк подбородка изобличает упрямство. Хорошо! Калиф не любил безвольных женщин. Удовлетворенный, калиф улыбнулся. Интересно, какова эта дева,

когда улыбается? Но сейчас, как он предполагал, она до смерти перепугана, хоть прекрасное воспитание не позволяет ей этого обнаружить. Он вновь закрепил вуалетку — девушка тотчас же опустила глаза. Медленными шагами калиф вновь взошел на трон.

— Донал Рай превзошел самого себя, Карим-аль-Малика, — сказал Абд-аль-Рахман. — Будь до утра моим гостем здесь, в Мадииат-аль-Захра. Распорядитель прекрасно тебя устроит. А поутру я призову тебя и скажу, остался ли я доволен Рабыней Страсти по имени Зейнаб.

Карим-аль-Малика низко склонился перед калифом и, пятась по обычаю, покинул зал Калифата. Лишь на краткое мгновение глаза его встретились с аквамариновыми очами Зейнаб, и сердце пронзила острая боль... Он никогда больше ее не увидит. Аллах да пребудет с тобою, любимая... Но Зейнаб уже выводили из парадного зала.

Зейнаб и Ома молча покинули зал. А что можно было сказать? Сердце ее навек разбито, она больше никогда не испытает любви. Что ж, тем лучше... Пусть она молода, но больше не питает иллюзий. Карим ушел из ее жизни. Отныне их с Омой жизнь и благополучие зависят от благосклонности этого голубоглазого человека по имени Абд-аль-Рахман.

В его внешности, правда, нет ничего отталкивающего, но все же она представляла себе его другим...

Калиф явно не вышел ростом. Зейнаб была высока для женщины, а он едва ли был много выше. Правда, одеяние его роскошно... Но что под ним скрывается — пока неясно. Очевидно лишь, что он коренаст. Брови у калифа с рыжинкой. Интересно, волосы у него такие же? Вскоре она это узнает — ведь когда он взглянул на нее, в его глазах сверкнул огонек вожделения...

Их привели на женскую половину дворца, которая представляла собою отдельную роскошную постройку.

— Эта рабыня вкупе с личной прислужницей нынче утром была подарена калифу, — кратко объяснил сопровождавший их раб евнуху, встретившему их в дверях. И удалился с сознанием исполненного долга.

— Входите, входите! — поманил их евнух. — Сейчас позову Распорядительницу Гарема. Она подыщет тебе и твоей девушке постели. Ждите тут.

Зейнаб и Ома огляделись. Роскошный зал со стройными колоннами и несколькими фонтанами тут и там был полон женщин самой разнообразной внешности, возраста и цвета кожи. Их неумолчный щебет делал их, ярко разодетых, похожими на диковинных птиц, запертых в позолоченную клетку.

— Что-о-о-о? Еще одна девушка? — заворчала Распорядительница Гарема, окидывая Зейнаб критическим взором. — Да здесь и так более четырехсот человек! Куда прикажете мне запихнуть эту, скажите на милость? Конечно, ты милашка, но ведь калиф далеко не юноша. Думаю, ты постареешь и растолстеешь в одиночестве, подобно многим... Дай мне подумать, куда же тебя девать...

— Мне необходимы личные апартаменты, — тихо произнесла Зейнаб.

Распорядительница Гарема, пожилая женщина по имени Баллада, ошеломленная, уставилась на девушку, а затем неудержимо расхохоталась:

— Личные апартаменты??? Ха-ха-ха! Ты что — какая-нибудь принцесса? Да если я вообще найду тебе постель, считай, что тебе крупно повезло! Ха-ха-ха!

— Послушай, — госпожа, — продолжала Зейнаб так же тихо, но очень решительно и твердо. — Я не простая галатская или баскская девушка с перекрашенными косами. Я не пугливая девственница, просящая Бога даровать ей милость владыки. Я Зейнаб, Рабыня Страсти, ученица великого Учителя Страсти Карима-ибн-Хабиба-аль-Малики. И должна быть устроена здесь в полном соответствии с моим положением. Если ты, госпожа, не веришь моим словам, пошли слугу к самому калифу за подтверждением. Я покорюсь его воле, чего бы он ни пожелал для меня.

Валлада мучительно соображала. В ее обязанности входило благоустраивать всех обитательниц гарема. Она приходилась калифу какой-то дальней родственницей. Валлада рано овдовела, а больше ее никто так и не пожелал... И лишь родственным связям с калифом была обязана она столь высоким положением во дворце. Только это стяжало ей богатство и уважение. И она вовсе не собиралась в один прекрасный момент все это утратить...

— Решай сама, госпожа. — Зейнаб была вежлива, но настойчива. — Скоро придут рабы с моими вещами. При мне несколько сундуков с нарядами и пара ларцев с драгоценностями, которые должны быть в полнейшей сохранности. Я не могу позволить простым наложницам и рабыням рыться в моих вещах. Это решительно невозможно, госпожа. Помни, кому все мы служим. Меня прислали сюда с одной-единственной целью. И цель эта — дарить наслаждение великому калифу. А делать этого я не смогу, если у меня не будет надлежащего места или если украшения и наряды мои растащат вороватые наложницы низшего ранга.

Валлада пристально посмотрела на Зейнаб. Юная женщина, стоящая перед нею, была, вне сомнения, дивной красавицей, весьма в себе уверенной — и, тем не менее, изысканно вежливой. Чуть высокомерной,

может быть, но вежливой...

— Хорошо... — выдавила из себя Распорядительница. — Возможно, мне удастся разыскать для тебя маленькую комнатку, но учти: если ты сразу не полюбишься владыке, то вскоре будешь спать на соломенном матрасе вместе со своей служанкой!

Зейнаб рассмеялась, давая понять, что сие просто немыслимо. Потом отвечала:

— В моих покоях непременно должен быть маленький садик. Чтобы дышать воздухом, мне необходимо уединение.

Валлада поперхнулась от ярости. Ах, дерзкая девчонка! И все же приходится признать, что это не простая рабыня.

— Думаю, у меня есть подходящие покои — как раз для тебя, Зейнаб. Теперь же благоволите обе следовать за мной!

Покои, предназначенные Балладой для девушек, находились в самом отдаленном конце гарема. Был тут и садик — но совсем крошечный, а прямо за стеной располагался зверинец калифа. «Что ж, — думала Валлада, — девушка получает именно то, о чем просила, а, уж хорошо ли это, плохо ли — дело десятое... Позднее, если этой нахалке и впрямь удастся покорить сурового владыку, можно будет приискать ей кое-что получше. Но лишь если она преуспеет... Ха-ха!»

Ома задыхнулась от возмущения, когда Валлада распахнула перед ними двойные двери. Как смеет эта женщина так оскорблять госпожу? Она собиралась было высказаться по этому поводу решительнейшим образом, но Зейнаб жестом остановила ее и заговорила сама:

— Комната мала, госпожа Валлада, но, по-моему, ее вполне можно обустроить. Я никогда не забуду вашей доброты...

От тона Зейнаб Распорядительница Гарема поежилась.

— Тотчас же пришлю рабыню, чтобы прибраться тут, госпожа.

— Прекрасно, — проворковала Зейнаб. — Я хочу видеть евнухов как можно скорее. Необходимо выбрать подходящего. И мне нужно поскорее искупаться. Нынче же вечером я должна предстать перед калифом.

Баллада заспешила прочь, изумляясь на бегу, откуда у этой девчонки столь непоколебимая сила духа и самообладание. Что ж, придется сделать все возможное, чтобы эта Зейнаб ни в чем не испытывала недостатка. А потом... потом она доложит обо всем подробнейшим образом госпоже Захре, любимой жене калифа. Наверняка госпожа горит желанием разузнать о новой наложнице как можно больше...

— Даже если бы нас отослали назад, в Алькасабу Малику, — говорила возмущенная Ома, — вряд ли мы оказались бы в большей глуши... Всего

две комнатки — и каждая подходит разве что для кошки, госпожа! Зейнаб рассмеялась, закрывая двери:

— И все же это куда лучше, чем спать в компании прочих наложниц, которые тотчас же растащили бы у нас все, что можно и нельзя! Возможно, эти покои действительно чересчур малы, но все же это привилегия! А уж наше дело сделать из них изящную шкатулочку, приличествующую истинному сокровищу! — Зейнаб хихикнула. Ома еще раз осмотрелась.

— Ну-у-у... — протянула она. — Возможно, когда здесь все вычистят и отмоют, а потом расставят паши вещи, здесь и можно будет жить... А что у нас там, в саду?

Они вышли в садик, посредине которого располагался круглый мраморный бассейн. Из фонтанчика в виде бронзовой лилии била в воздух тонкая струйка. В саду вовсе не было растений, лишь вскопанные квадратные клумбы.

— Розы, лилии и никоциана! — перечислила Зейнаб. — Вот что мы тут посадим. Еще душистые травы... А в бассейне непременно должны быть живые лилии, как ты считаешь, Ома? А в воду добавим благовония — для пущего эффекта...

Тут явилась рабыня-уборщица, и вскоре две крошечные комнатки засияли.

Воротилась Баллада, одобрительно огляделась и слащаво осведомилась:

— Какую мебель желает иметь госпожа Зейнаб?

— Ома все знает и пойдет с тобой, чтобы выбрать, — в тон ей ответствовала Зейнаб. — А где евнухи, из которых я должна выбрать себе слугу?

— Они уже ожидают за дверью, госпожа. Пригласить их войти? — спросила Баллада, и легкая улыбка заставила дрогнуть уголки ее тонких губ. С госпожой Захрой она успела уже переговорить. И евнухов отобрали они сообща... Только один был подходящим, прочие были лишь для отвода глаз. Эта Зейнаб в порыве юной гордости наверняка выберет именно того, кого они и предназначили. Баллада открыла дверь и приказала шестерым евнухам войти.

— Вот кандидаты, которых я отобрала для тебя, госпожа. Кого из них вы изволите предпочесть?

Зейнаб внимательно глядела на этих шестерых. Двое старики. Так... Один средних лет, но выглядит слабоумным. Один — совсем мальчик. Следующий толст и огромен, и какой-то полусонный... Шестой — смуглый человек средних лет довольно благородной наружности. Пятеро настолько

откровенно никуда не годились, что Зейнаб тотчас же поняла, кого она должна была выбрать. Наверняка это шпион Валлады... Зейнаб еще раз придирчиво оглядела шестерых евнухов. Самый юный, светлокожий и черноволосый, казался обеспокоенным и крайне опечаленным... Пальчик Зейнаб требовательно указал на мальчика:

— Хочу вот этого!

— Но, госпожа... — запротестовала Баллада. — Он чересчур молод, а миссия очень ответственна...

— Ты хочешь сказать, что выбрала для меня неподходящих слуг? — лукаво спросила Зейнаб. — Я выбираю этого юного евнуха потому, что его проще будет заставить повиноваться, нежели более старших его товарищей. — Потом повернулась к мальчику:

— Как тебя зовут?

— Наджа, госпожа моя.

— Но он не пользуется уважением среди евнухов! — настойчиво канючила Баллада. — Он будет тебе совершенно бесполезен!

— Пока нам это и не требуется. — Зейнаб была спокойна и непоколебима. — Когда я заслужу благоволение калифа, тогда и евнухи зауважают моего Наджу, госпожа Баллада. А теперь позволь Оме пойти с тобой и выбрать мебель для меня.

Побежденная Баллада удалилась, уводя с собою пятерых отвергнутых евнухов. Усмехнувшись и довольно подмигнув госпоже, Ома последовала за ними.

Оставшись наедине с мальчиком, Зейнаб сказала ему:

— Ты можешь довериться мне. Я не бросаю слов на ветер — калиф вскоре сделает меня жемчужиной гарема. Ведь я не простая наложница — я Рабыня Страсти. Ты понимаешь, что это значит?

— Да, госпожа, — отвечал Наджа.

— Валлада хотела, чтобы я выбрала того, высокого и смуглого, а ведь он наверняка ее шпион. А я выбрала тебя потому, что надеюсь на твою преданность и верность, Наджа. И, если я вдруг обнаружу, что ты предал меня, ты умрешь самой ужасной смертью, и никто не сможет тебя защитить от моего гнева. Ты веришь мне?

— Да, госпожа, — ответил мальчик.

Потом добавил:

— Наср, евнух, который тебе предназначался, на самом деле шпион самой госпожи Захры, а вовсе не Валлады. Хотя разница невелика...

Зейнаб понимающе кивнула... Так, значит, любимая жена калифа уже в курсе дела. Это серьезный противник, но от противостояния нужно уходить

всеми возможными способами. Разумеется, подругами они никогда не станут — но ведь необязательно враждовать!

— Госпожа Захра напрасно потеряет время, шпионя за мною, Наджа. Я не желаю занять ее место в сердце владыки. Да и не смогла бы, даже если бы захотела... Как можно затмить женщину, в честь которой выстроен и назван целый город? — Зейнаб рассмеялась. — Я хочу лишь доставить удовольствие калифу. Этому меня и обучали — дарить наслаждение. — Хоть Зейнаб и надеялась на преданность Наджи, но она вполне отдавала себе отчет, что он, подобно всем остальным, может быть подкуплен. Посему ей надлежало позаботиться, чтобы все, что дойдет до ушей госпожи Захры, успокоило ее, а вовсе не встревожило...

Воротилась Ома с несколькими рабами, несущими мебель, выбранную ею для госпожи.

— Эта старуха Валлада хотела заставить меня взять какую-то рухлядь... Но я победила, госпожа! — Заслышав за спиною шум, она обернулась:

— Поосторожней с диваном! Поставьте его вон там! — Затем вновь повернулась к хозяйке:

— Я подумала, что калифу должно быть удобно сидеть, пока мы будем развлекать его.

Ома и впрямь отыскала среди всяческого барахла несколько изысканных вещичек. Обивка дивана была голубой, с узором в виде павлиньих перьев. Гнутые ножки его были изящно вызолочены. Выбрала Ома также и несколько маленьких столиков, круглых и квадратных. Один из них, черного дерева, инкрустирован был отборным перламутром, медная узорная столешница другого покоилась на изящных ножках из слоновой кости, третий был украшен синими и белыми плитками... Рабы притащили также несметное множество ярких подушек — цвета изумруда, рубина и сапфира. Отыскалась и изящная лампа из позеленевшей бронзы, и несколько висячих светильников со стаканчиками для курения благовоний... Удостоился внимания лишь один стул с сиденьем, обтянутым мягкой кожей. Внесли несколько бронзовых жаровен, чтобы обогревать комнаты в прохладные дни. Собственно, больше ничего и не требовалось... Кровать для Зейнаб уже стояла на своем возвышении, а вокруг примостились ее сундучки с нарядами. А в крошечной комнатухе, смежной со спальней, Ома расстелила свой тюфячок. Надже полагалось спать в коридоре, у дверей госпожи.

Когда девушки остались вдвоем. Ома принялась распаковывать поклажу госпожи.

— Что ты наденешь нынче вечером?

— Что-нибудь простенькое... — отвечала Зейнаб. — Но сперва с удовольствием выкупаюсь. Наджа, баня действует все время?

— Да, госпожа, но обитательницы гарема обычно купаются по утрам. Тогда же и вволю сплетничают...

— Я купаюсь дважды в день, — сообщила ему Зейнаб. — Утром и поздно вечером. По вечерам к моим услугам должна быть массажистка. Каждый день! Мой аромат — гардения. Никаким другим я не пользуюсь. Проследи, чтобы банщицы это усвоили.

Она распустила золотой пояс — и юбка с шелестом упала к ее ногам. Изящно выступив из жемчужного одеяния, она расстегнула парчовую блузку и стянула ее.

— Ома, подай халат, пожалуйста! — Зейнаб передала блузку Надже, а Ома помогла госпоже облачиться в белоснежный шелк.

— Проводи меня в баню, Наджа, — приказала мальчику Зейнаб.

Юный евнух передал блузку Оме и повел свою новую госпожу по коридорам. Зейнаб, провожаемая любопытными взглядами множества женских глаз, шла вперед и вперед, гордо неся прекрасную голову. Баллада наверняка уже распускает сплетни... Когда они вошли в баню, Наджа почтительно представил госпожу Главной Банщице по имени Обана.

— Ну что же, — сурово сказала Обана. — Разоблачись. Посмотрим, над чем нам предстоит работать.

Обана была важной персоной в гареме и подчинялась лишь самому калифу. Она слыла неподкупной, к тому же не боялась никого, даже Захры. Красота и ухоженность девушки принесут Обане славу и почет, если калиф останется доволен новой своей наложницей. Если останется доволен... Калиф частенько щедро награждал Обану. Счастлива была та наложница, которой удавалось снискать благосклонность Главной Банщицы...

Наджа осторожно совлек с тела Зейнаб белоснежный шелк, и девушка, совершенно нагая, предстала перед критическим взглядом Обаны.

— Покажи мне руки, госпожа. — Обана внимательнейшим образом обследовала ручки Зейнаб с той и с другой стороны, ощупав каждый пальчик. — Теперь ноги, одну за другой. — Зейнаб покорно повиновалась. — Раскрой рот. — Женщина рассмотрела белые зубки и принялась. — Зубы здоровы, а дыхание чисто, — прокомментировала она.

Ладони Обаны быстро ощупали тело Зейнаб. В этом жесте не было ничего непристойного или бесстыдного — Обана осматривала Зейнаб подобно тому, как покупатель на рынке изучает племенную кобылицу,

которую вознамерился купить.

— Твоя кожа на удивление мягка и упруга. Ты непохожа на типичных красавиц, которые, попав в гарем, быстренько заплывают жирком. — Пальцы Обаны придирчиво ощупали золотые локоны. — Мягкие как пух... Но это тебе наверняка прекрасно известно. Ты пользуешься соком лимона при мытье волос?

— Да, госпожа Обана. Меня этому научили, — нежным голосом отвечала Зейнаб. Взгляд ее был открытым, а выражение лица дружелюбным, но без тени фамильярности.

— Прекрасно! — одобрительно сказала Обана. — Скажу тебе честно, госпожа, что еще не видала в нашем гареме подобной тебе красавицы! Ходят слухи, что ты Рабыня Страсти. Это правда?

— Да, госпожа Обана. Слухи на этот раз верны. — Зейнаб не удалось остаться вполне серьезной. Да Обана и сама хихикнула:

— О тебе уже всю судачат... Ты ведь только что приехала в Мадинат-аль-Захра, а твое имя уже у всех на устах. Мне это показалось удивительным...

— Я — развлечение на один денек, госпожа Обана. Завтра сплетницы станут перемывать косточки кому-нибудь другому... — Губы Зейнаб тронула усмешка.

— Ну да Бог с ними... — Обана махнула рукой. — Когда ты купалась в последний раз, госпожа?

— Нынче поутру, — отвечала Зейнаб. — Я привыкла мыться дважды в день. Наджа уже в курсе всех моих привычек и расскажет все.

— Изумительно! — откликнулась Обана, но про себя решила, что лично будет присматривать за омовением Рабыни Страсти. Ведь эта дева наверняка околдует калифа... Как надолго — это уже другой вопрос. Обана не завидовала господам Захре и Таруб, двум любимым женам властелина. Они обе искренне любили мужа, а позволить вытеснить себя из его сердца такому юному и прекрасному созданию, как эта Зейнаб, пусть ненадолго, но все равно больно... Но не в обычае этих воспитанных женщин было выказывать недовольство, когда их господин уходил «попасться на зеленый лужок». Их места в сердце калифа никто занять не мог — обе они подарили калифу сыновей, и к тому же с мужем их связывали длительные и теплые отношения...

Выкупавшись и позволив проворным рабыням обработать ногти на ее руках и ногах, Зейнаб уже набрасывала на благоухающее тело белый шелковый халат, благодаря Обану, как вдруг послышался испуганный вздох Наджи. Обернувшись к двери, Зейнаб увидела, что мальчик склонился

перед госпожою Захрой, входящей в комнату. Девушка тотчас же упала на колени — ее светлые волосы разметались по мраморным плитам.

На губах госпожи Захры заиграла усмешка:

— Тебе не нужно падать ниц передо мной, госпожа Зейнаб. Преклоняй колени лишь перед нашим владыкой и господином Абд-аль-Рахманом-аль-Назиром-аль-Дин Алла, великим и славным калифом Аль-Андалус.

Зейнаб тотчас же поднялась:

— Я лишь отдаю дань госпоже Захре, владычице сердца калифа, матери его наследника и той, в честь кого назван целый город. Я вовсе не слабое и покорное создание, но твое положение при дворе обязывает меня быть почтительной. Иначе осрамила бы я тех, кто послал меня в дар калифу и вышколил...

Раздался серебристый смех Захры:

— Да ты умна! Это хорошо... Ты позабавишь мужа. Ему необходимо поразвлечься: в последнее время он заскучал. Что ж, весели его сколько сможешь, Зейнаб... — и величая женщина удалилась.

Ну-ну, думала про себя Распорядительница Бань. Да госпожа Захра боится этой..., этой... Она даже удостоила девушку визитом в первый же день. А ведь Захра никогда прежде не знала страха... Что особенного в этой юной деве? Интересно... И Обана приготовилась с удовольствием созерцать драму, которая будет разворачиваться перед ее глазами...

Зейнаб, гордо неся златокудрую голову, шла через весь гарем в свои покои. Теперь женщины глядели на нее не таясь: некоторые с завистью, другие с горечью — ведь потрясающая ее красота неминуемо заставит калифа позабыть их...

Когда двери ее покоев закрылись за нею, Зейнаб без сил рухнула на диван:

— Я виделась с госпожою Захрой, Ома. Она уже ревнует — впрочем, как и все остальные... Я всей кожей ощущала их ненависть!

Ома уже подогревала на жаровне мятный чай. Она насильно всунула в руки госпожи фарфоровую чашечку.

— Выпей. Тебе нужны силы, много сил, госпожа. У тебя был тяжелый день, и он еще не кончился... Наджа, мы уже целую вечность ничего не ели!

— Тотчас же принесу! — мальчик рванул к дверям.

— Наджа! — остановила его Зейнаб.

— Да, моя госпожа?

— Я уже сказала тебе, что если ты предашь меня, то я тебя уничтожу. Но не успела сказать, что щедро награжу за преданность... Ведь ты

наверняка родился свободным, подобно мне самой. Тебе повезло, что ты пережил операцию...

Юноша кивнул:

— Я из племени руми, с побережья Адриатики. Меня пленили пять лет назад, тогда мне было двенадцать... Двое моих братьев умерли под руками хирурга. Да и я, как мне потом сказали, с трудом избежал смерти... Мое имя переводится как «спасенный». А здесь я вот уже два года. Я понимаю, почему ты выбрала среди прочих именно меня, госпожа, но, сделав это, ты вознесла меня высоко. Одного взгляда на тебя достаточно, чтобы понять: калиф полюбит тебя. Твой успех — это и мой успех, добрая госпожа. Я стану служить тебе преданно и верно.

— Привлечь внимание мужчины под силу любой дурочке, — сказала Зейнаб. — А вот удержать мужчину способна лишь умная женщина, Наджа. Ты понимаешь меня?

Мальчик впервые улыбнулся.

— Я не подведу тебя, госпожа! — пообещал он и поспешил на кухню.

— Интересно, можно ли ему доверять? — спросила Ома. — Это совсем не то, что Мустафа...

— Он будет служить мне верно, пока я не перейду дорогу госпоже Захре... — сказала Зейнаб по-кельтски. — В гареме владычествует она, а вовсе не калиф, моя Ома. Мы не должны ни на секунду забывать об этом. Госпожа Захра — спутница калифа вот уже долгие годы, он любит ее и доверяет этой женщине. Если мне повезет, то на краткое время я привлеку внимание калифа, может быть, даже рожу ему дитя, но королевой останется госпожа Захра. Наджа станет преданным и верным моим слугой, но, если мальчику придется выбирать, он предпочтет Захру. Поэтому не распускай при нем язычок!

— Как ты думаешь, придет к тебе калиф нынче вечером? — спросила Ома. — Мне он показался лихим мужчиной...

— Он придет, — уверенно сказала Зейнаб. — Когда он снял с меня вуаль, я видела его глаза... А когда я повстречала Захру нынче в бане, она сказала, что владыка заскучал и нуждается в развлечении. Она сказала так, разумеется, чтобы меня унижить... Чтобы дать мне понять, что она — царица его сердца, а я — так, мимолетное увлечение...

— Это жестоко, госпожа... — сочувственно сказала Ома.

— Но это же сушая правда, маленькая моя! Вряд ли удастся мне снискать вечную любовь властелина, но, возможно, мне повезет, и я рожу от него. Тогда мы с тобою будем здесь в полной безопасности — и конец одиночеству! Уж я постараюсь на славу...

Воротился Наджа, неся поднос с блюдом дымящегося риса, смешанного с обжаренными аппетитными кусочками куриной грудки. Рядом стояла чаша нежного йогурта с плавающими в нем зелеными виноградинками. Здесь же был добрый ломоть теплого хлеба и ваза с фруктами. Наджа осторожно поставил свою ношу на медный столик, подле которого расположились девушки. Вытащив из необъятных своих одежд серебряную ложечку, юноша сперва отведал риса с цыпленком, потом йогурта... Удовлетворенно кивнув, он вручил девушкам по чистой ложечке и знаком объявил, что можно смело приступать к трапезе.

— Я обязан пробовать все, что тебе подается, госпожа Зейнаб, — сказал Наджа. — Здесь, в гареме, яд — излюбленное оружие. Хлеб я лично извлекаю из печи, и фрукты отбираю сам, а вот прочие блюда готовят повара на кухне... Мы не имеем права быть безоглядно доверчивыми — как, впрочем, и не можем обезопасить себя совершенно... Но даже в случае, если вам не посчастливится, знайте: лейб-медик калифа Хасдай-ибн-Шапрут знает универсальное противоядие. Маловероятно, что ты умрешь, госпожа, но можешь серьезно пострадать...

Зейнаб страдальчески сглотнула. Этого Карим не открыл ей... Карим... Она поклялась себе, что никогда больше не произнесет этого имени, никогда больше не вспомнит о нем, и вот, солнце еще не зашло, а она снова думает о Кариме... Каким волшебным был тот месяц в Убежище!.. Там были только он и она... Еда появлялась на столике, словно по мановению волшебной палочки. Графин с вином всегда был полон-до краев... Они беседовали, любили друг друга, совершали дивные прогулки в горы... Она желала всей душой, чтобы это блаженство никогда не кончалось. Зная, что это невозможно, она втихомолку призывала смерть, но та не приходила... Выбор оставался за ней, но Зейнаб не была слабовольной дурочкой, подобной несчастной Лейле. Выбирая между жизнью и смертью, она, не колеблясь, выбрала жизнь, пусть даже без Карима. Конечно, это выбор сильного — но в ее жилах течет кровь Сорчи Мак-Дуфф! И ни один мужчина, пусть даже это Карнм-аль-Малика, не стоит того, чтобы из-за него умирать. Она никогда не перестанет любить его, но всегда будет предана калифу, своему господину...

И все же Зейнаб глубоко и прерывисто вздохнула... В конце концов они с Каримом возвратились на его виллу, и оттуда все те же носилки отвезли ее на борт «И-Тимад». Они пересекли Кадикский Залив и всплыли в устье Гвадалквивира, а оттуда уже рукой было подать до Кордовы... Карим не касался ее с тех самых пор, как они покинули Убежище. И никогда больше не коснется, с грустью думала Зейнаб. Она заставила себя

встряхнуться. Все позади...

Кончено! Перед нею новая жизнь, а если ей повезет, то и новое счастье!

Она взяла из вазы какой-то фрукт и впилась белыми зубками в сочную мякоть. По ее подбородку тотчас же потек сладкий сок.

— Это что такое? — спросила она Наджу. — Вкусно...

— Да это же слива, госпожа! Разве в твоей стране они не растут?

— Нет, в Аллоа и в помине нету слив... Только яблоки, да кое-где растут груши. И все... — объяснила она.

Они закончили трапезу, и Наджа унес поднос. Потом принес чашу с благоухающей водой для омовения рук.

Зейнаб поднялась.

— А теперь мне необходимо отдохнуть, — объявила она и удалилась в спальню.

— Ты уже выбрала для госпожи наряд для сегодняшнего вечера? — спросил Наджа у Омы. Девушка кивнула:

— Но она настолько хороша, что вовсе не нуждается в украшениях. Наденем простой шелковый кафтан, надушим волосы гарденийей и распустим их... А кафтан я уже выбрала под цвет ее глаз.

— Замечательно, — согласился Наджа. Раздался стук в дверь. Юный евнух поспешил отпереть. В дверях стоял другой евнух, протягивая Надже шелковый пакетик. Наджа не мог сдержать волнения, передавая сверточек Оме.

— Что это? — спросила изумленная девушка.

— Подарок от калифа. Ома! Это означает, что владыка непременно посетит госпожу нынче же вечером! Вот она и привлекла его внимание — так скоро! О таком я еще не слышал! Ни одной невольнице подобное пока не удавалось... Быть ей последней любовью властелина, я предчувствую это, — возбужденно говорил евнух.

В шелковом свертке обнаружилась огромная, без единого изъяна округлая розовая жемчужина.

Темные глаза Наджи устремились на Ому. Это был знак!

В дверь никто не постучал. Она просто распахнулась — и вошел калиф. Ома и Наджа просто-напросто подпрыгнули, но тут же согнулись в три погибели.

— Где госпожа Зейнаб? — вежливо спросил калиф.

— Она уединилась в спальне, повелитель, — тихо отвечала Ома, опустив глаза.

Калиф кивнул. Затем открыл двери спальни и вновь без стука вошел.

...Она услышала, как он входил. Теперь стояла, почтительно склонившись и ожидая высочайших повелений. Калиф закрыл за собою двери и устремил на девушку долгий взгляд... Зейнаб не шелохнулась. Она едва дышала, вдруг ощутив, что по-настоящему напугана, но лицо ее ничего не выражало. Она застыла, словно прекрасная мраморная статуя.

— Я уж было подумал, что мне привиделась твоя сияющая краса, — наконец прервал калиф это тягостное молчание, — но ты живая, Зейнаб, ты настоящая! Ты существуешь! Разденься, моя красавица. Твое полуобнаженное тело нынче поутру возбудило во мне любопытство. Я желаю видеть тебя всю.

Тон владыки был весьма требовательным, и вместе с тем казалось, что он сдерживается изо всех сил. Властное лицо его красноречиво свидетельствовало, что калиф привык к немедленному повиновению. В этот момент, словно для того, чтобы ее приободрить, он улыбнулся, обнажив ровные и белые зубы. Теперь он был без тюрбана, волосы его и в самом деле оказались светлыми, слегка рыжеватыми, а глаза, осененные светлыми ресницами, сияли голубизной.

...Как странно, подумала она. Доселе она уверена была, что все мавры черноволосы и темноглазы, а вот же ведь... Пальчики ее принялись медленно расстегивать жемчужные пуговицы кафтана. И вот последняя жемчужинка легко выскользнула из шелковой петельки. Кафтан распахнулся.

Взгляд калифа словно загипнотизировал девушку, она едва дышала.

Прежде чем она успела сбросить с себя одежду, он своими руками распахнул шелковые полы. Кафтан легко соскользнул на пол с тихим шуршанием. Абд-аль-Рахман отступил на шаг и стал внимательно любоваться изгибами ее изящного юного тела.

— Где, во имя всех семи джиннов, этот пройдоха Донал Рай отыскал столь изумительное создание? — вырвалось у калифа.

— Меня привез к нему норманн, викинг, — отвечала Зейнаб, изумленная тем, что не потеряла дара речи. — Он совершил набег на обитель, куда меня отослали мои родичи...

— Так ты была христианской монахиней? — голубые глаза устремились на грудь девушки, калиф с трудом удерживался, чтобы не прильнуть лицом к этим нежным благоуханным холмам...

— Нет, мой господин. Должна была бы стать, но я успела лишь приехать туда. В тот же самый день я стала добычей северянина, — объяснила Зейнаб.

— Что за жестокое, слепое и бесчувственное существо измыслило для тебя такую участь? — в голосе калифа звучали злобные нотки. — Запереть столь прекрасную деву в монастырских стенах! Быть девственницей до конца дней своих! Но Аллах велик — ты попала на глаза Доналу Раю!

Зейнаб рассмеялась, не удержавшись, — настолько неподдельна была искренность калифа. Вне сомнений, он страстный человек...

— У меня есть сестра-близнец, мой господин, — принялась она рассказывать. — Мы похожи, словно две капельки родниковой воды, но она считалась старшей. Отец наш умер еще до нашего рождения. Мы были единственными его детьми. В силу обстоятельств было решено, что Груочь, сестра, выйдет замуж за сына правителя, нашего соседа, а меня отошлют в обитель. Так порешили в самый день нашего появления на этот свет, мой господин. Никто не в силах был изменить нашей доли...

— Но разве нельзя было подыскать и для тебя мужа? — изумился калиф... Аллах, какие волшебные волосы! Он жаждал ощутить их мягкость на своем обнаженном теле...

— Это создало бы проблемы. Муж мой вправе был бы потребовать половины отцовских угодий, мой господин. А лаэрд — наш сосед — хотел, чтобы все без остатка досталось его сыну и наследнику, Я не могу его винить... Наши семьи враждовали долгие годы. А свадьба сестры положила конец кровавой распре. Мне же самое место было в обители...

— Тебе самое место в моих объятиях, — твердо сказал калиф. — Ты принадлежишь мне, мне одному, моя красавица! — Он привлек девушку к себе. Приподняв подбородок двумя пальцами, калиф поцеловал девушку, впервые пробуя на вкус ее губы... Глаза его затуманились желанием, когда язык его скользнул по нежным губкам.

— М-м-м-м, ты — изысканное лакомство, — объявил он. — Ты создана лишь для наслаждения. Для этого Аллах сотворил тебя! Твое предназначение — дарить наслаждение и наслаждаться... Я искусный любовник — ты очень скоро это поймешь. — Одна рука его принялась ласкать ее левую грудь. — Я уже наполовину влюблен в тебя. Ты распалешь мою плоть так, как никому не удавалось вот уже многие годы... Сердце мое взывает к твоему, Зейнаб! — Ладонь его ласкала ее лицо, а чувственный низкий голос — мятежную душу:

— Ты страшишься меня, моя дивная? Не нужно! Покорись воле моей — и я буду благосклонен.

— Я страшусь твоей силы и власти, мой господин, — призналась она. — Но не думаю, что сам ты страшен...

— Ты достаточно мудра, чтобы уловить разницу, — с улыбкой отвечал

он. Руки его обхватили тонкую девичью талию. Рывок — и вот она уже на постели. Вновь отступив, он полюбовался ею.

— Покажись мне хорошенько, Зейнаб... Она медленно вытянулась, покорно позволяя ему любоваться своей наготой. Ее поразило, насколько этот страстный мужчина держит себя в руках... Она перевернулась на живот.

Рука его ласково скользнула по ее дивно очерченному задку.

— Словно прелестный юный персик, — сделал он девушке комплимент. — А отверстие между этими соблазнительными половинками еще девственно? — Ладонь владыки ласкала шелковистую кожу.

— Учитель Страсти сказал, что войти в него первым — твоя привилегия, мой господин, но я готова принять тебя. — Зейнаб изо всех сил сдерживалась, чтобы не задрожать. В движениях этих пальцев сейчас ощущалось нечто почти грязное, низменное...

— Хорошо! — отвечал он. — Теперь повернись ко мне лицом, моя прелестная. — Я знаю, что ты в состоянии дать мне во сто крат больше наслаждения, нежели любая из наложниц, но сегодня я хочу, чтобы ты была просто женщиной. Я буду любить тебя, а ты подчиняться мне во всем, и мы вместе насладимся... — Он помог ей подняться с постели.

— Ты не найдешь женщины более покорной и жаждущей усладить тебя, чем я, господин мой, — пообещала ему Зейнаб. Какая она глупая, что так занервничала! Калиф вовсе не чудовище. Он очень мил, а то, что он для нее чужой... Ну и что из этого? Она не просто его собственность. Она Рабыня Страсти, и помнит свято свой долг.

Он быстро разоблачился, кафтан его соскользнул на пол, туда, где уже лежала ее одежда. Затем отступил на шаг, предоставляя ей в свою очередь возможность рассмотреть его тело.

— Можешь глядеть на меня. Женщина должна знать тело господина так же хорошо, как и свое собственное.

Она изучала его с серьезным выражением лица. Да, первое впечатление не было обманчивым. Он не строен, как Карим, напротив, коренаст. И все же рельефная мускулатура не заплыва жирком. Она знала, что калифу за пятьдесят. Но это тело словно противоречило здравому смыслу... Он привлекателен и крепок. Кожа светлая, без всяких следов растительности. Торс короткий, а сильные ноги стройны и длинные. Мужской орган хороших размеров и приятен глазу. Зейнаб вновь взглянула в глаза калифу.

— Ты красив, мой повелитель... — сделала она ему комплимент в свою очередь.

— Мужские тела, — сказал он, вполне довольный услышанным, — лишены изысканной красоты, присущей женским, прекрасная моя. И все же когда они сливаются, то получается то, что нужно... — он заключил ее в объятия и принялся пылко ласкать нежные груди, словно мальчик, впервые в жизни коснувшийся запретных плодов.

Зейнаб на мгновение закрыла глаза. Не так, совсем не так касался ее тела Карим... Мысль эта, вместо того чтобы опечалить девушку, отрезвила ее. Да, их преступная взаимная любовь — величайшее несчастье, но ведь оба они знали, что добром это не кончится... И она не опозорит Учителя в глазах владыки. Она должна стяжать ему славу — ведь это он научил ее страстно отдаваться мужчине. Ради них обоих она должна быть выше всяких похвал. Ведь она не какая-нибудь девственная дурочка, мечтающая о чистой и вечной любви...

Она сосредоточилась всецело на прикосновениях его рук к своему телу. Возможно, они чересчур пылки, но тем не менее нежны. Губы его нашли ее рот — страстный и чувственный поцелуй заставил ее содрогнуться. Она инстинктивно ответила на лобзание — что ж, хоть он и чужой для нее, но сумел-таки распалить ее чувства! А она было подумала, что это невозможно... Похоже, кое-чему Карим все-таки ее не обучил — ничего, она сама до этого дойдет...

Она запрокинула голову — губы калифа заскользили по ее шелковистой шейке. Она чувствовала нежные касания горячего и жадного языка. Довольная, она тихонько замурлыкала, когда губы прильнули к ее юной груди. Он целовал и касался языком душистой кожи, теряя голову от аромата гардений и безумного желания... Губы его сомкнулись вокруг кораллового соска и принялись нежно сосать. Тело девушки выгнулось в его могучих объятиях. Он слегка прикусил напряженный сосок — Зейнаб тихонько вскрикнула, уже пылая ответным огнем, всецело захваченная ласками...

— Открой глаза, — властно скомандовал он. Глаза его страстно устремились на нее. Пальцы его скользнули по полуоткрытым ее губам — и один из них проник в рот. Зейнаб принялась нежно его посасывать, лаская его проворным язычком, нежно прижимаясь к гладкой и мощной груди властелина.

— Глаза у тебя — словно два аквамарина... — нежно сказал он. — Мужчина за такие глаза способен отдать жизнь... — Вынув палец изо рта Зейнаб, он провел им по ложбинке между ее грудей. Потом положил руки ей на плечи и заставил ее встать на колени.

Она поняла, чего он ожидает. Взяв в рот его член, она принялась

сосать... Его прерывистый вздох был свидетельством тому, что она преуспевает. Пальцы калифа запутались в ее волосах, а член начал твердеть и увеличиваться в размерах. Зейнаб нежно стиснула в ладони мошонку, лаская это средоточие жизни... Один пальчик скользнул вглубь, отыскал там чувствительную точку и нежно надавил... Калиф застонал, ощутив приступ острого желания. А проворный язычок продолжал порхать вокруг рубиново-красной головки члена, совершенно сводя его с ума...

— Остановись! — он рывком заставил ее подняться с колен. — Ты просто убьешь меня своими ласками, Зейнаб! Что ты за маленькая колдунья?

Он сгорал от страсти, но все еще владел собою: нет, он не накинется зверем на свою новую игрушку, он растянет удовольствие.., насколько сможет... Интересно, каков у нее темперамент? Ну а если он умрет сейчас, то, по крайней мере, от наслаждения.

— Сядь, — сказал он. Зейнаб присела на краешек постели, а калиф встал перед нею на колени. Взяв в руки ее ножку, он принялся внимательнейшим образом ее изучать... Так, ступня мала и узка, каждый пальчик совершенной формы, ноготки округлые и ухоженные...

Он поднес маленькую ступню к губам и поцеловал. Язык скользнул по гладкой подошве, потом принялся ласкать каждый пальчик... Потом калиф стал покрывать медленными жаркими поцелуями внутреннюю поверхность ноги, от щиколотки до самого бедра. Другая ножка тоже не была обижена. Зейнаб трепетала от прикосновений этих искуснейших губ...

— У тебя есть «любовные шарики»? — спросил калиф. Она кивнула. — Тогда давай их сюда, моя прелестная.

Протянув руку к золотой корзиночке, примостившейся на столике у постели, Зейнаб извлекла бархатный мешочек и вручила его калифу. Дернув завязку, он позволил обоим шарикам свободно выкатиться ему на ладонь, взвесил их в руке и удовлетворенно улыбнулся.

— Как раз то, что нужно — вес подобран идеально, — отметил он. — А теперь откройся мне, Зейнаб...

Она послушно приоткрыла свои недра его жадному взору, а палец калифа втолкнул шарики один за другим глубоко внутрь... Склонившись, раздвинул двумя пальцами ее потайные губки и стал жадно пожирать глазами влажную коралловую плоть. Язык устремился к потайной жемчужине...

— М-м-м-м-м-м... — промурлыкала она, слегка вздрагивая от упоения. Внутри у нее серебряные шарики слегка стукнулись друг о друга. Зейнаб ахнула — ощущение было необыкновенно острым, почти

болезненным. Карим однажды продемонстрировал ей эту забаву. Она успела уже позабыть то ощущение сладкой муки, которое эта игрушка может причинить женщине...

Теперь язык калифа занялся ею всерьез. Он скользил по ее мягким шелковистым потаенным губкам, порхал по ее тайному сокровищу — и вот Зейнаб кажется, что сердце ее вот-вот остановится... Она уже почти рыдала, а серебряные шарики снова и снова ударялись друг о друга у нее внутри, пронизывая все ее тело невыносимо сладостными спазмами...

И вот она уже вне себя:

— Пожалуйста!

Ни слова не говоря, он извлек орудия сладостной пытки из ее недр, раздвинул трепещущие бедра, склонился и провис горячим языком в ее нутро, извлек его, и снова проник... Зейнаб закричала от наслаждения. Она вся сочилась любовными соками, и, когда калиф рывком приподнялся и Страстно поцеловал ее в губы, она ощутила во рту свой собственный вкус... Теперь губы его блуждали по всему ее телу: по нежной впадинке на шее, по животу, по груди... Ее всю заливали горячие волны страсти...

Зейнаб уже задыхалась от желания. Она прильнула к Абд-аль-Рахману всем телом. Она и не заметила, как они оба оказались на ложе — теперь калиф находился уже меж ее страстно раздвинутых бедер. Улыбаясь, он глядел на пылающую страстью девушку, которая страстно двигалась в его объятиях, лаская головку его члена прикосновениями к своей потайной жемчужине.

— Взгляни на меня! — сдавленным от страсти низким голосом проговорил он. — Я овладею твоей душой, как только возьму тебя... Взгляни на меня, Зейнаб!

Рассудок ее мутился от страсти, но она отдавала себе отчет: если она потеряет сейчас голову, то потеряет все... Станет просто одной из множества наложниц. Золотые ресницы взметнулись, и она послала калифу сладострастный взгляд.

— О, какой вы волшебный любовник, господин мой! — Голос ее с легкой хрипотцой околдовывал калифа. — Не мучайте меня более ожиданием! Овладейте мною, молю! Заставьте меня страдать от наслаждения, которое никто, кроме вас, не может мне подарить!

Слова эти оказались последней каплей, переполнившей чашу терпения владыки. Член его вонзился в нутро Зейнаб. Как она горяча, как восхитительна! Он простонал:

— А-а-а-ах, Зейнаб, ты убьешь меня! Я не вынесу этой сладкой муки!

Член его двигался в ней размеренно и мощно. Восхитительные ножки

Зейнаб опоясали его чресла, две маленькие ладошки ласкали его лицо, вся она прижималась к нему...

— О, ты могуч, словно племенной жеребец, мой господин! — прорыдала она. — Терзай, терзай меня своими ласками! Я твоя!

Страсть его казалась неистощимой. Такого уже многие годы с ним не бывало. Вновь и вновь вонзался его член в эти дивные недра, ища и все не находя выхода своему упоению, а эта дивная дева уже дважды испытала блаженство... Наконец, он выскользнул из нее:

— Повернись задом, моя обворожительная... Распахни мне другие ворота.

Дважды повторять не пришлось. Он ничего не заметил — а она была охвачена ужасом перед тем, что сейчас должно было произойти... Ей отвратительна была эта разновидность любовных утех. Она содрогалась от омерзения, когда Карим вталкивал в нее дилдо из слоновой кости. И теперь ощущала отвращение. А она-то надеялась, что ею никогда так не воспользуются... Что ж, в будущем она всеми силами будет стараться увильнуть от подобных игрищ... Поджав под себя ноги, она выгнула спину и выпятила зад...

Тотчас же руки калифа горячо обхватили ее, раздвинули дивно очерченные половинки — и каменный член уперся в тесно сжатое отверстие... Толчок... Еще толчок... И вот плоть подалась. Головка проникла в нее... Мощные руки впились в нежные бедра, лишая ее возможности пошевелиться. Калиф, не обращая внимания на крик боли, вырвавшийся из груди девушки, грубо овладел ею, постанывая от удовольствия... Как упруго и тесно отверстие! Подобного калифу еще не приходилось испытывать. Он вонзал член в этот узенький проход с каждым разом все глубже и глубже... Зейнаб почувствовала трепет разгоряченной плоти в своем теле — и тут наступила разрядка...

Несмотря на то, что семя упало на почву, в которой не могло прорасти, калиф облегченно выдохнул и медленно ослабил объятие.

Позволив себе лишь минутную передышку, Зейнаб поднялась с ложа. Подойдя к двери, она распахнула ее и отдала приказания двум слугам, ждущим в коридоре. Возвратившись к владыке с серебряной чашей, полной благоуханной воды, и несколькими «платками любви», она принялась за дело. Владыка раскинулся на ложе в сладостном изнеможении. Зейнаб нежно омыла его, затем себя — и вот уже исчезли следы только что бушевавших тут страстей... Отставив чашу, девушка улеглась на ложе, прильнув к калифу.

Руки его сомкнулись вокруг ее тела, он нежно гладил ее по золотым

волосам:

— Я постараюсь никогда в дальнейшем не обходиться с тобою так. Ведь я понял, что тебе это было неприятно, но что поделаешь, нынче у меня просто не было выхода, дивная моя Зейнаб... Ведь ни одна женщина за всю мою жизнь — о, столь долгую! — не зажгла во мне такого огня! Ты волшебна... Ты воскресила мою давно ушедшую юность — и это столь же невероятно, сколь и великолепно...

— Я твоя раба, господин мой Абд-аль-Рахман. Твоя Рабыня Страсти. И никогда не откажу тебе в ласках, каких бы ты ни возжелал... — с тихой гордостью произнесла Зейнаб. — Ведь я не какая-нибудь глупенькая зеленая наложница. Я специально обучена дарить наслаждение и испытывать его. — Нет, она никогда не признается в том, что ненавидит эту извращенную форму любви! Рабыне Страсти под силу все. И она с радостью пойдет любой дорогой...

— Принеси мне вина, прелестная моя... Она выскользнула из его объятий и подошла к единственному в комнате столику. На нем стояло несколько графинов. Два были наполнены вином, а в третьем было средство для восстановления сил, данное ей Каримом. Налив из последнего графина несколько капель в серебряную чашу, она до — А-а-а-ах, Зейнаб, ты убьешь меня! Я не вынесу этой сладкой муки!

Член его двигался в ней размеренно и мощно. Восхитительные ножки Зейнаб опоясали его чресла, две маленькие ладошки ласкали его лицо, вся она прижималась к нему...

— О, ты могуч, словно племенной жеребец, мой господин! — прорыдала она. — Терзай, терзай меня своими ласками! Я твоя!

Страсть его казалась неистощимой. Такого уже многие годы с ним не бывало. Вновь и вновь вонзался его член в эти дивные недра, ища и все не находя выхода своему упоению, а эта дивная дева уже дважды испытала блаженство... Наконец, он выскользнул из нее:

— Повернись задом, моя обворожительная... Распахни мне другие ворота.

Дважды повторять не пришлось. Он ничего не заметил — а она была охвачена ужасом перед тем, что сейчас должно было произойти... Ей отвратительна была эта разновидность любовных утех. Она содрогалась от омерзения, когда Карим вталкивал в нее дилдо из слоновой кости. И теперь ощущала отвращение. А она-то надеялась, что ею никогда так не воспользуются... Что ж, в будущем она всеми силами будет стараться увильнуть от подобных игрищ... Поджав под себя ноги, она выгнула спину и выпятила зад...

Тотчас же руки калифа горячо обхватили ее, раздвинули дивно очерченные половинки — и каменный член уперся в тесно сжатое отверстие... Толчок... Еще толчок... И вот плоть подалась. Головка проникла в нее... Мощные руки впились в нежные бедра, лишая ее возможности пошевелиться. Калиф, не обращая внимания на крик боли, вырвавшийся из груди девушки, грубо овладел ею, постанывая от удовольствия... Как упруго и тесно отверстие! Подобного калифу еще не приходилось испытывать. Он вонзал член в этот узенький проход с каждым разом все глубже и глубже... Зейнаб почувствовала трепет разгоряченной плоти в своем теле — и тут наступила разрядка...

Несмотря на то, что семя упало на почву, в которой не могло прорасти, калиф облегченно выдохнул и медленно ослабил объятие.

Позволив себе лишь минутную передышку, Зейнаб поднялась с ложа. Подойдя к двери, она распахнула ее и отдала приказание двум слугам, ждущим в коридоре. Возвратившись к владыке с серебряной чашей, полной благоуханной воды, и несколькими «платками любви», она принялась за дело. Владыка раскинулся на ложе в сладостном изнеможении. Зейнаб нежно омыла его, затем себя — и вот уже исчезли следы только что бушевавших тут страстей... Отставив чашу, девушка улеглась на ложе, прильнув к калифу.

Руки его сомкнулись вокруг ее тела, он нежно гладил ее по золотым волосам:

— Я постараюсь никогда в дальнейшем не обходиться с тобою так. Ведь я понял, что тебе это было неприятно, но что поделаешь, нынче у меня просто не было выхода, дивная моя Зейнаб... Ведь ни одна женщина за всю мою жизнь — о, столь долгую! — не зажгла во мне такого огня! Ты волшебна... Ты воскресила мою давно ушедшую юность — и это столь же невероятно, сколь и великолепно...

— Я твоя раба, господин мой Абд-аль-Рахман. Твоя Рабыня Страсти. И никогда не откажу тебе в ласках, каких бы ты ни возжелал... — с тихой гордостью произнесла Зейнаб. — Ведь я не какая-нибудь глупенькая зеленая наложница. Я специально обучена дарить наслаждение и испытывать его. — Нет, она никогда не признается в том, что ненавидит эту извращенную форму любви! Рабыне Страсти под силу все. И она с радостью пойдет любой дорогой...

— Принеси мне вина, прелестная моя...

Она выскользнула из его объятий и подошла к единственному в комнате столику. На нем стояло несколько графинов. Два были наполнены вином, а в третьем было средство для восстановления сил, данное ей

Каримом. Налив из последнего графина несколько капель в серебряную чашу, она долила ее до краев сладким вином и почтительно поднесла калифу.

— Вот, мой господин, выпей — и оживи... — Он залпом осушил чашу и жестом потребовал еще. — Я знаю, что должна подчиняться тебе во всем, но молю, позволь мне восстановить твои силы моим особенным способом...

Вино сделало калифа податливее. Он кивнул, соглашаясь, и откинулся на подушки.

Зейнаб запустила руку в золотую корзиночку и извлекла оттуда алебастровый кувшинчик. Потом достала из него пригоршню розовой мази, она растерла ее вначале между ладоней, а затем принялась массировать грудь и живот калифа нежными чувственными движениями.

— Пахнет тобою... — полусонно пробормотал он.

— Но ведь ты не возражаешь, господин? — дразнящие руки ее двигались вкруговую по его широкой груди. — Ты был великолепен, мой повелитель, а в благодарность я хочу доставить тебе несколько иное удовольствие... — Тонкие пальчики шаловливо скользили по гладкой коже.

— А по-моему, ты хочешь распалить меня вновь, маленькая гурия! — глаза калифа блеснули. Он сам взял кувшинчик и принялся растирать розовую мазь по ее нежной груди. — У тебя дивные груди, Зейнаб. Увидев их, невозможно не коснуться! — Пальцы его нежно оттягивали и пощипывали соски.

— Почему ты не носишь бороды? — невинно спросила Зейнаб. — Ведь большинство мавров бородаты, а вот ты, мой господин... Это ведь неспроста? — Она ощутила, как он мало-помалу возбуждается вновь. Да, средство оказалось весьма мощным...

— Я ведь светловолос, — объяснил калиф. — Когда мои предки два века тому назад пришли в Аль-Андалус, они были типичными арабами из Багдада и Дамаска — черноволосыми, темноглазыми и очень смуглыми. Но слабостью их были нежные светловолосые женщины... Мои прадеды и деды женились только на таких — невольницах с севера.

Мать моя и бабка — обе галатианки. Цветом глаз и волос я пошел в них. Борода моя была бы светло-рыжей и сделала бы меня похожим на чужестранца. Поэтому я всегда бреюсь, черты-то у меня типично арабские... Ладонка ее скользнула по его лицу.

— Ты нравишься мне, господин мой... — мурлыкнула она и не покривила душой. Благородная голова, высокие скулы, тонкий и решительный нос, узкие чувственные губы...

— Ты маленькая ведьма, Зейнаб, — он поигрывал ее сосками. И вдруг быстрым движением опрокинул ее на ложе и оказался сверху:

— Да к тому же и своевольна, красавица моя! Придется дать тебе понять, кто тут господин. Ты заслуживаешь наказания... — Губы его прильнули к ее губам. Он целовал ее медленно, плавно переходя от губ к лицу и шее. Губы его обжигали шелковистую кожу. Он нежно прикусил ее мочку, шепча:

— Кажется, тобою я никогда не смогу насытиться, Зейнаб...

Он овладел ею медленно и очень нежно.

— Ты создана для любви, и я буду любить тебя. Ты подаришь мне наслаждение, какого ни одна женщина еще не дарила... А я дам тебе то, что не под силу ни одному юнцу...

Она не ожидала, что калиф так могуч. И, к собственному удивлению, поняла, что он и вправду дивный любовник... Может быть, это и не так ужасно — принадлежать ему. Ведь он не жесток, не суров... Даже пообещал больше не делать с нею того, что ей неприятно. Нежные мускулы ее влагища сжали его член, и калиф сладко застонал.

— Тебе это приятно, господин мой? — спросила она, заранее зная ответ. Он же просто ускорил ритм движений, и она прерывисто вздохнула.

— А тебе это приятно? — спросил он.

Так долгое время они соревновались на любовном ристалище, испытывая все новые и новые способы, пока наконец не рухнули в изнеможении на ложе. Но Абд-аль-Рахман так и не выпустил Зейнаб из объятий, счастливо смеясь. Как она великолепна! Нынче утром он всем сердцем приветствовал весну и мечтал о новом увлечении, даже о новой любви... И вот Небо подарило ему Зейнаб.

— Чему ты смеешься, господин мой?

— Просто я счастлив, моя прекрасная, — отвечал он. Счастлив впервые за долгие-долгие годы. И не позволяй никому даже заикнуться, что ты не снискала моей милости, Зейнаб! Завтра же ты переберешься отсюда в более просторные покои, как тебе и приличествует по положению.

— О нет, мой господин! Разреши мне оставаться здесь! — взмолилась она. — Эти уютные комнатки вполне устраивают меня! Вот если бы ты позволил мне воспользоваться услугами хорошего садовника, то вскоре тут был бы прелестный садик!

— Как? Тебе здесь и впрямь хорошо? — владыка был потрясен.

— Госпожа Валлада поселила меня здесь потому, что я попросила выделить мне отдельные покои, мой господин, но она выбрала этот укромный уголок, это, по ее мнению, захолустье, чтобы наказать меня за

высокомерие. И тем не менее мне здесь нравится. Тут тихо, и нелегко шпионить за мною... Если же ты повелишь мне переселиться в какие-нибудь роскошные покои в самом сердце гарема, ни у меня, ни у тебя не будет покоя, мой господин. Всякий раз, когда из твоей груди вырвется крик наслаждения, любопытные ушки услышат это, начнутся нескончаемые сплетни... Если же однажды ночью из покоев моих донесется хотя бы на один сладостный крик меньше, тотчас же заговорят о том, что я впадаю в немилость владыки. Нет, мой господин. Я предпочту эти уютные комнатки любым самым роскошным апартаментам.

Рассудительность девушки удивила калифа. Она стала его собственностью всего несколько часов тому назад, но успела уже тщательно взвесить и проанализировать все!

— Ты очень умна, — сказал он. — Что ж, оставайся здесь. Вскоре у тебя будет личный садовник.

Склонившись, она благодарно поцеловала его:

— У меня не будет времени налаживать отношения с обитательницами гарема, мой господин. Я здесь, чтобы ублажать тебя. И должна всецело этому отдаваться, а не отвлекаться на завистливых глупышек и их козни!

Абд-аль-Рахман оглушительно расхохотался, смех его разнесся далеко за пределы апартаментов Зейнаб. Те из женщин, кто еще не уснул в этот поздний час, многозначительно переглянулись и закивали с умным видом. Они были бы оскорблены до глубины души, если бы узнали причину веселья владыки...

Утром весь гарем уже знал, что калиф провел всю ночь с новенькой. Ранние пташки успели увидеть, как он покидал ее покои, и быстренько растрезвонили об этом. При этом калиф выглядел таким, каким его многие годы никто не видел. Впрочем, не многие годы, а никогда! Калиф выглядел счастливым. Упругая молодая походка, улыбка на губах... Он посвистывал!

Когда же Зейнаб и Ома появились поздним утром в бане, сопровождаемые принаряженным Наджой, наложницы разом перешли на шепот. На Зейнаб устремлены были тысячи жадных глаз. Она же с гордостью прошла меж оцепеневших кумушек, улыбаясь Обане, подобострастно кинувшейся навстречу новой фаворитке. Всем уже было известно, что калиф преподнес новой наложнице отборные меха и драгоценности — из тех, что прислал Донал Рай. О таком щедром подарке после первой же ночи в гареме не слыхивали... Женщины были потрясены.

— Доброе утро, госпожа Захра. — смело приветствовала Зейнаб любимую жену калифа.

— Доброго утра и тебе, госпожа Зейнаб, — отвечала женщина. — Насколько я понимаю, калиф весьма к тебе благосклонен?

— Мне на редкость посчастливилось, — скромно ответствовала Зейнаб. — Это словно улыбка Аллаха... Я благодарна, госпожа, но жажду большего.

— Жаждешь большего! — Захра вскинула соболиную бровь. — И чего же ты жаждешь?

— Я не буду довольна вполне, пока не заслужу и твою благосклонность, госпожа, — отвечала Зейнаб, глядя прямо в серебристые глаза Захры.

— Возможно, со временем... — Захра, не удержавшись, рассмеялась. Что же это, в самом деле, за дьяволица — красива и обольстительна настолько, чтобы завлечь в свои покои пресыщенного и немолодого калифа до утра! Пожалуй, она опасна... И пока Захра не уверится в обратном, не видать этой Зейнаб ее благосклонности, как своих ушей! — Если калиф будет и впредь столь же доволен тобою, если ты не посеешь семена раздора в цветнике владыки — тогда, и только тогда заслужишь ты мое благоволение! Время покажет, дорогая моя...

Захра вдруг поняла, что девушка по возрасту годится ей в дочери. Мысль эта больно обожгла ее...

Ах, если бы только Абд-аль-Рахман не был так околдован... Захра подумала, что тогда, возможно, ей удалось бы убедить мужа отдать прекрасную наложницу Хакаму. Для сына она вполне годилась, смогла бы родить ему много крепких сыновей. Самое время Хакаму оторваться от книг и обратить внимание на женщин! Но теперь поздно. Абд-аль-Рахман переспал с Рабыней Страсти и, несомненно, остался более чем доволен... И непохоже, чтобы что-либо смогло принудить его расстаться с нею. Какой позор...

— Пусть она говорит, что тебе лишь предстоит заслужить ее благосклонность! — тихонько шепнула ей Обана, когда никто не мог их слышать. — Пусть! Она удостоила тебя беседы, и многие решат, что она благоволит тебе. Все-таки ты поразительная женщина, госпожа моя Зейнаб! За один только день ты столь многого добилась! Большинство здешних женщин и мечтать о таком не смеют, хоть и провели здесь годы! Поручусь, сегодня ты приобрела массу недоброжелательниц!

Зейнаб звонко рассмеялась:

— Я не желала этого, поверь! Уверяю тебя, госпожа Обана! Я Рабыня Страсти и собственность калифа. Мое предназначение лишь в том, чтобы дарить владыке минуты наслаждения. Все остальное для меня равным

счетом ничего не значит. Тем паче женская глупость, цветущая здесь, как я уже успела понять, буйным цветом. Не хочу отвлекаться от того, что составляет мой долг.

— Ты права, конечно, — кивнула Обана, — и тем не менее не теряй бдительности, дитя мое. Среди здешних женщин есть и такие, которые годами лезли из кожи вон, чтобы привлечь внимание калифа — и нимало не преуспели!

— И не преуспеют, даже если исчезну я, — резонно заметила Зейнаб.

— Это правда, — кивнула Обана. — Но осторожность все же не помешает.

— Я буду осторожной, обещаю. — Зейнаб ласково погладила пожилую женщину по руке. Она уже знала, что Обана добра и что эта доброта всецело зависит от благосклонности калифа к ней, Зейнаб...

«...У меня уже не осталось иллюзий, — печально подумала Зейнаб. — Неужели вот так я и проживу до самой смерти своей? Постоянно на нервах, настороже?» Она вздохнула. В глубине ее сердца всегда жила мечта: быть просто женой любимого человека, и чтоб полный дом ребятишек... Но этого никогда не будет.

— Тебе надо как следует искупаться, — голос Обаны заставил ее вернуться к действительности. — Сегодня я сама займусь тобой.

Расставшись с Зейнаб, Абд-аль-Рахман напрямик направился в свою личную баню и теперь сидел в парной, отдыхая. Ночь выдалась утомительная... Уже лет двадцать не проводил он подобных ночей. И все же как это сладко... Зейнаб не просто искушенная в любовном искусстве женщина, она еще и великая умница! Как, должно быть, интересна история ее жизни. Непременно надо порасспросить...

Предвкушая захватывающий рассказ, он покинул баню и пошел одеваться.

— Не забудьте, мой господин, что вы обещали побеседовать нынче поутру с Каримом-аль-Маликой, — напомнил ему Али, постельничий.

— Ну так пошли кого-нибудь за ним. Мне нужно передать кое-что через него Доналу Раю.

— Госпожа Зейнаб понравилась вам? — осмелился спросить Али.

Абд-аль-Рахман от души расхохотался:

— Никогда, Али, ни разу за всю мою жизнь так не наслаждался я женщиной, как сегодня ночью моей новой Рабыней Страсти! И если Донал Рай вправду считал, что обязан мне — то стократ со мной расплатился!

Тотчас же послали за Каримом-аль-Маликой — молодой человек не замедлил явиться. Он спал отвратительно, И даже очаровательная

невольница, призванная поразвлечь гостя, не сумела рассеять его печали, хотя потом объявила, что в жизни не знала более потрясающего любовника... Зейнаб была для него навек потеряна, и единственное, чего он желал всем сердцем, это как можно скорее покинуть Мадинат-аль-Захра, этот проклятый город...

Калиф оторвался от завтрака и приветствовал почтительно склонившегося Карима. Тот пожелал владыке доброго утра.

— Утро воистину доброе, Карим-аль-Малика. Я провел такую дивную ночь, о какой не смел и мечтать! Ты хорошо поработал с Зейнаб. Она — само совершенство. Можешь передать Доналу Раю, что теперь я у него в долгу.

— Я передам ему все, мой господин, — голос Карима звучал безжизненно, но калиф был чересчур возбужден, чтобы обратить внимание на такую мелочь.

— Ну, в искусстве любви она весьма искушена, — сказал Абд-аль-Рахман. — А еще чему-нибудь ее обучали? Она кажется умной и образованной.

— Такова она и есть на самом деле, — отвечал Карим. — Все ее наставники остались удовлетворены ее успехами. Помимо всего прочего она поет как ангел. Моя мать говорила, что более дивного голоса она не слыхивала. Зейнаб также владеет игрою на трех музыкальных инструментах. Она безупречна во всем, мой господин.

— Ты можешь гордиться ею, Карим-аль-Малика. Ты возьмешь себе еще ученицу? — с любопытством поинтересовался калиф.

— Нет, мой господин. У меня никогда больше не будет учениц. Эта полоса моей жизни кончилась. Теперь я отплываю в Эйре, дабы засвидетельствовать Доналу Раю почтение и передать твои слова, а потом вернусь домой в Алькасабу Малику и женюсь, тем самым осуществив давнюю мечту моих домашних. Я сочетаюсь браком последним из всех в семье. Ведь моя сестренка уже несколько месяцев замужем...

— Да, для любого мужчины важно жениться, родить детей... — согласился калиф. — И чем их будет больше, тем лучше. Скажи, а сколько лет Зейнаб?

— Ей пятнадцать, мой господин. — «И она слишком юна для мужчины твоих лет», — подумал про себя Карим. Он сглотнул. Нельзя, никак нельзя обнаружить ревности. Ведь Зейнаб никогда ему не принадлежала. И не будет принадлежать. — Насколько я понял, день рождения у нее в самом начале зимы.

— Я буду хорошо заботиться о ней, Карим-аль-Малика, — сказал

калиф, вставая и протягивая капитану руку.

Карим почтительно преклонил колени и поцеловал перстень с огромным бриллиантом:

— Аллах да пребудет с тобою, повелитель! Выходя из покоев. Карим изо всех сил старался шагать размеренно — на самом же деле ему хотелось бежать, бежать без оглядки и отряхнуть самый прах этого города со своих одежд! Во дворе он вскочил на лошадь и пустил ее в галоп. Они отплывают немедленно. «Прощай, моя любовь.

Прощай... — беззвучно шептали его губы. — Аллах да пребудет с тобою...»

С трюмами, переполненными товаром, «И-Тимад» и «Инига» отчалили от берегов Кордовы. По пути они посетили несколько портов на бретонском и норманнском побережье, распродав там часть груза, а затем пересекли море, отделяющее Европу от Англии, где изысканные восточные товары вызвали всеобщий восторг. Ну а потом оба судна направились в Эйре, вошли в устье Лиффи и причалили к берегу. Была ранняя весна. Моросил дождь...

Донал Рай самолично взшел на борт «И-Тимад», дабы засвидетельствовать почтение капитану:

— Приветствую тебя, славный Карим-аль-Малика! Не томи меня ожиданием, мой молодой друг! Мое старое сердце этого не вынесет... Ну, как калиф? Он доволен?

— У тебя нет сердца, Донал Рай, — отвечал Карим. — Лишь бессердечный истукан мог бросить этот нежный юный цветок в ледяные объятия калифа! Что же до того, что так томит тебя и волнует, скажу: Абд-аль-Рахман весьма доволен твоими дарами, особенно же Рабыней Страсти по имени Зейнаб. За одну ночь девушка сумела завоевать его сердце — в этом он лично меня уверил. Сказал также, что теперь он в долгу у тебя, Донал Рай. Ты удовлетворен? Можешь торжествовать! Я сделал из Зейнаб совершенное орудие для утоления страсти. Абд-аль-Рахман будет вне себя от восторга!

— Если все, что ты говоришь, правда, то я обязан тебе много большим, нежели предполагал, Карим-аль-Малика! — Донал Рай был восхищен.

От слуха Донала Рая не ускользнули горькие нотки в голосе молодого человека, но он сделал вид, что ничего не заметил. «...Наверняка Карим-аль-Малика влюбился в Зейнаб. Да и могло ли быть иначе? Будь я моложе, я сам не избежал бы чар этой красавицы. Может, даже я и влюбился в нее.., немного. Ведь дева была обворожительна...»

— Так куда же ты теперь направляешься, юный мой друг? — невозмутимо спросил Донал Рай.

— Вот только загрузим трюмы тем, что ты приготовил для нас, — и тотчас же домой, в Алькасабу Малику. Вскоре я должен жениться. Конец плаваниям — ну, может, лишь изредка, для развлечения, стану я выходить в море... — И Карим принялся подробнейшим образом рассказывать о слонах, которых он взял на себя смелость купить вместо ездовых верблюдов, потом в красках описал торжественное шествие огромных животных через парадный Зал Калифата.

— Потрясающее это было зрелище, Донал Рай! Идея принадлежала моему старшему брату Айюбу, он надоумил меня купить этих толстокожих гигантов, сам выбирал...

— Превосходно! Восхитительно! — восклицал ирландский торговец. — Ты сделал мне честь, Карим! Мне вовек не рассчитаться с тобой! — Немного помешкав, спросил:

— Так ты женишься? И кто невеста?

— Ее имя Хатиба. Больше я ничего о ней не знаю. Таковы наши обычаи, Донал Рай. Я не увижу ее лица до самой свадьбы — покрывало я подниму лишь в спальне моего дома. Мать, правда, говорит, что она хороша собою, — мне остается лишь полагаться на нее... Отец мой вне себя от радости, что я наконец-то решил остепениться и подарить ему новый выводок внучат. Девушка вполне для этого годится. Мне же все равно. Я исполню долг по отношению к семье. К Хатибе же буду относиться с уважением, как к матери моих сыновей... — Лицо его было непроницаемо-равнодушным, словно маска.

В Эйре они пробыли недолго. Карим наотрез отказался посетить дом Донала Рая. Лишнее напоминание о Зейнаб было бы для него невыносимо. Образ ее и так навсегда запечатлен в его сердце. С Аллаэджином-бен-Омаром творилось нечто похожее, ведь он мечтал жениться на маленькой Оме. Зейнаб даже дала девушке разрешение на брак с избранником, ведь она вправе была распорядиться служанкой, как ей заблагорассудится. Ома сама отказала ему...

— Дело не в том, что я.., не люблю тебя, — говорила она Аллаэджину. — Но не могу же я оставить госпожу одну в незнакомой стране! Ведь она спасла меня от ужасной доли и скорой смерти! Я слишком многим ей обязана...

Зейнаб же, со своей стороны, убеждала подружку, что та имеет право на брак, но Ома была непоколебима. Расставаться с Зейнаб она не желала нипочем. И Аллаэджину-бен-Омару пришлось смириться: по законам

ислама для брака требуется обоюдное согласие и жениха, и невесты. Кто бы ни был против — делу конец...

«И-Тимад» и «Инига» отчалили от туманных берегов Эйре и угодили в самую непогоду. Карим с горечью вспоминал прошлогоднее плавание по спокойной водной глади под лазурными небесами... Когда же они наконец причалили к родному берегу, Карим прежде всего тщательно осмотрел трюмы — не подмок ли груз? — и лишь потом направился в отчий дом. И отец и мать тепло приветствовали его, радуясь, что сын цел и невредим.

— Твоя свадьба назначена в новолуние месяца Рабия, — объявил отец. — Поскольку Гуссейн-ибн-Гуссейн — житель гор, церемония состоится здесь, в Алькасабе Малике, в нашем доме. Отсюда ты и повезешь жену домой.

— И, разумеется, мы во всем будем держаться традиций, отец? Я не увижу лица невесты до тех пор, пока она не войдет в спальню, чтобы там отдаться мне? Бедняжка! Ведь девушку выдают замуж за незнакомца, да еще и за чужака, увозят из родного дома! Должно ли непременно так быть? Почему бы мне не встретиться с девушкой хотя бы разок — под присмотром обеих наших матерей? — спросил Карим.

— Поезд Гуссейна-ибн-Гуссейна прибудет в город лишь накануне церемонии, — отвечал сыну Хабиб. — Ты можешь насмеяться над обычаями, Карим, но мы подчиняемся им всю жизнь. Так уж заведено, таков порядок! И теперь, когда тебе предстоит стать почтенным женатым мужчиной, не худо бы подумать над жизнью, сынок. Как ты будешь воспитывать детей, если сам станешь попираť вековые традиции? Беззаботная юность миновала. Карим, пришла пора стать мужем и отцом семейства. А отнестись к этому нужно с превеликой серьезностью, — закончил Хабиб.

А позже, оставшись наедине с матерью. Карим сказал:

— Понимаю, почему я пространствовал все эти годы... Боюсь, я пошел не в отца. В моих жилах кипит кровь беспокойных моих предков-северян, мама! — Он с любовью поцеловал ее в щеку.

— Твой дед был почтенным землевладельцем! — возразила мать.

— Но ведь его брат, а твой родной дядя Олаф, ушел же в плавание, а? Настоящий викинг! Я же помню, ты рассказывала нам как-то о нем — мне и Джафару, когда мы были малышами, — напомнил ей Карим. — Ты же сама говорила, что ему не сиделось на земле и он выбрал море...

— Но прошло ведь так много лет... — уклончиво заговорила Алима. — Память моя уже не та, что прежде...

— С твоей памятью все в полном порядке, мама! Возможно, я

совершаю ошибку, решив жениться. Может, я вовсе не создан для брака!

— Может быть, — подхватила Алима, — ты не позабыл своей Зейнаб... А лучший и испытанный способ избавиться от старой любви — это полюбить вновь, сын. Ты опрометчиво позволил себе отдать сердце той, что принадлежит калифу, и даже если опозоришь семью, вернув данное слово Хатибе-бат-Гуссейн, Зейнаб все равно не станет твоею... — Она завладела руками сына, а глаза ее, синие, как у Карима, печально глядели на него:

— Карим, проснись! Ты должен покориться судьбе!

— Будь проклята такая судьба! — горячо воскликнул он.

Алима много лет не слышала такого отчаяния в голосе сына. Казалось, он ополчился против самих Небес! Сердце Алимы болезненно сжалось... Он и впрямь на удивление схож с дядей Олафом, которого, несмотря на то, что прошло так много лет, она великолепно помнила! Он когда-то любил, а избранницу отдал другому. Олаф так и не стал после этого счастливым... Таковы уж некоторые мужчины — любят лишь раз. В тот страшный день, когда были убиты родители, а она с братишками и сестрами пленена, дядя Олаф был далеко в море... Так и не узнала Длима, обрел ли этот неугомонный викинг счастье... А обретет ли счастье ее сын?..

— Жизнь не всегда дает нам то, чего мы желаем, — спокойно заговорила она. — Ты дал согласие на этот брак, Карим, и отец дал слово. Хатиба никогда не превратится в Зейнаб, но будет твоей женой. Ты решил это много месяцев назад. Ни отец, ни я тебя не принуждали. Это твое собственное решение. Тебе давно пора было жениться. Возможно, когда ты почувствуешь ответственность за жену и детей, ты перестанешь сам вести себя словно балованное дитя, Карим. А теперь оставь меня! Ты заставил меня разгневаться, и мне необходимо взять себя в руки прежде, чем меня увидит Хабиб, иначе он тотчас же поймет, что ты совсем не тот, кем он тебя считал!

Поднявшись, он покрыл поцелуями руки матери и тотчас же удалился. Горько улыбался он, уходя... Да, она совершенно справедливо отругала его! Он не помнил, чтобы прежде она так гневалась. Мать всю жизнь была самым яростным его защитником с самого раннего детства, но и суровейшим критиком. Он чувствовал, что она любит его сильнее, чем остальных своих детей, хотя Алима никогда бы в этом не созналась. И на этот раз мать совершенно права! Вне всяких сомнений! Он горько сожалел о себе самом, ни секунды не подумав о девушке, назначенной ему в жены... Она ведь готовится к свадьбе, питая надежды, подобно всем своим ровесницам, на семейное счастье, на везение, на милость Аллаха... Она

волнуется, переживает, — она даже, наверняка, трепещет от страха! И его мужской долг — успокоить ее, утешить, приветить, полюбить... Полно, да сможет ли он полюбить ее? А может, мать права, и он ведет себя подобно избалованному ребенку?

Карим направился навестить сестренку Инигу, которая носила уже под сердцем своего первенца. Юная женщина вся светила — такого безмятежного счастья он никогда прежде не видел на ее милом лице. Что случилось с его дорогой девочкой, с той Инигой, которую он помнил? Он почти не признал сестру в этой кроткой и женственной красавице.

— Ты опечален. Карим, — в голосе сестры звучали материнские интонации. — Твое сердце оплакивает Зейнаб, правда? — Нежные пальчики коснулись его щеки. И вдруг Карим чуть было не разрыдался. С превеликим трудом сдержавшись, он кивнул:

— Но у меня есть обязательство перед Хатибою-бат-Гуссейн. Дабы не запятнать честь семьи, я обязан выполнить обещание, но что, если мне так и не удастся полюбить ее, сестренка?

— Может, ты не полюбишь... — честно отвечала Инига, — но мой брат, которого я так люблю и кем всегда восхищаюсь, станет добрым мужем. Карим... Ежели тебе не суждено полюбить Хатибу, ты будешь нежен и добр с нею. Она никогда не будет чувствовать, что ею пренебрегают. Ну не думаешь же ты в самом деле, что Джафар и Айюб любят всех своих жен! Браки для того и заключаются, чтобы появлялись дети, а еще — чтобы укреплять связи между знатными семьями. Какой ты неисправимый романтик, Карим!

— А Ахмед любит тебя? — требовательно спросил он.

— Думаю, что любит, но ведь нам с ним на редкость повезло. Но это вовсе не значит, что в будущем он не полюбит другую женщину и не женится снова, — сказала разумная Инига.

— И отец любит мать... — продолжал гнуть свою линию Карим.

— А вот госпожа Музна ему всего лишь нравилась! На их браке настоял дедушка, Малик-ибн-Айюб, — методично добивала его Инига.

— Иными словами, — усмехнулся он, — брак — всего лишь дело случая. Кому-то везет, кому-то нет...

Инига заулыбалась:

— Вот именно, Карим! Но брак похож еще и на плавание по морю. Никогда ведь не знаешь, что тебя ждет... Если Хатиба окажется хорошенькой и добронравной, то плавание будет приятным, а море — тихим...

— Ну, а если у нее лицо точь-в-точь как у кобылицы из конюшен ее

отца, да к тому же верблюжий норов, то корабль разобьется в щепки! — Карим хмыкнул. — Да, утешила ты меня, сестренка, нечего сказать...

— Мама говорит, что Хатиба очень хорошенькая. Она же виделась с нею, когда сопровождала отца в гости к Гуссейну-ибн-Гуссейну в горы. Они же вместе договаривались о свадьбе! У невесты черные косы — и при этом светлые глаза...

— Матери не лучшие судьи сыновним невестам, малышка...

— Ну так, может, я шепну тебе словечко после «омовения невесты»? — хитренько прищурилась Инига. — Правда, тебе не станет легче, если у нее и вправду лошадиное лицо и нрав строптивой верблюдицы...

— Но ты даешь мне надежду, сестра! — И оба расхохотались. Но Карим все же переспросил:

— Так ты мне расскажешь о ней?

— Конечно! — пообещала хохочущая Инига. Ну, допустим, эта Хатиба и впрямь милашка... И что с того? Возможно, это несколько облегчит ему семейную жизнь, но не значит же это, что он ее полюбит? Бедняжка... Уж кто-кто, а она ни в чем не повинна. Она не виновата в том, что сердце его принадлежит Зейнаб. Может, именно это ему и надо: заполучить в жены неопытную и непорочную деву, которая станет считать его венцом творения лишь потому, что ей не с чем сравнивать? Забресжил луч надежды... Ведь если Хатиба не знала любви, то вряд ли будет страдать от того, что он ее не любит.

Карим болезненно поморщился: думать так было бесчестно, а Карим-аль-Малика ставил честь превыше всего... Но как стереть ему из своего сердца неизгладимую Печаль? Как позабыть золотые косы, аквамариновые очи и тело, делающее сильного мужа слабее дитяти? Немыслимо. Невозможно. Но Хатиба не должна страдать оттого, что он слаб душою...

Обряд «омовения невесты» совершили за день до бракосочетания. Женщины из обеих семей и несколько подружек невесты, приехавших с нею в город, собрались вместе, чтобы сообща выкупаться, умастить себя благовониями и поболтать... Это призвано было успокоить нервничающую невесту, убедить ее, что она среди тех, кто любит ее и всегда будет любить. Из бани Инига напрямик направилась в апартаменты брата: накануне свадьбы жених перебрался со своей виллы в отчий дом.

— Ты видела ее? — нетерпеливо спросил Карим, поджидавший сестру.

Инига кивнула с серьезным лицом.

— Ну и?..

— Она очень хорошенькая — мама была права, — медленно начала Инига. — Но... — она запнулась, не находя нужных слов.

— Что «но»? — Аллах, что еще такое? Карим был в полнейшем недоумении.

— Она какая-то мрачная... — наконец сказала Инига. — По-моему, она не слишком-то счастлива от того, что выходит замуж... Это не волнение, обычное для невесты, в этом я уверена. Карим. Она почти не улыбалась — только один раз за весь вечер. Тогда я успела заметить, что у нее здоровые зубки. По крайности, хоть это...

Итак, она мрачная, и у нее здоровые зубы... Не слишком-то утешительно.

— Она ведь дала согласие на брак, — сказал Карим, — иначе свадьба не могла бы состояться! Может, это все-таки страх, Инига? Ведь завтра в это же время она будет уже замужем за человеком, которого не знает, которого ни разу не видела...

— Да... — Инига задумалась. — Вот об этом я как-то позабыла. Ведь сама я выходила за того, кого прекрасно знала, и к тому же не покидала семью... Наверное, ты все-таки прав. Карим. Она просто боится, но ты сможешь ей отбросить пустые страхи, став ее мужем.

Однако в глубине души Инига не верила своим словам... Хатиба была сумрачна ликом, словно ее и впрямь принуждали идти за Карима насильно. Оставалось надеяться, что Карим сумеет справиться с этим — в чем бы ни была причина. И, возможно, им суждено обоим познать счастье...

День свадьбы выдался на редкость погожим. По крайней мере в этом новобрачным повезло — ведь со дня на день должен был начаться сезон дождей. Все мужчины семьи аль-Малика с приятелями сперва пошли в бани, а оттуда в мечеть, где имам придирчиво изучил брачный договор, составленный кади. Он спросил, рассчитались ли стороны друг с другом, и, узнав, что все взаимно удовлетворены, совершил обряд, соединивший Карима-ибн-Малику и Хатибу-бат-Гуссейн узами супружества. Отсутствие на церемонии невесты было в порядке вещей... Затем мужчины воротились в сады Хабиба-ибн-Малика, где сидела, поджидая жениха, Хатиба в своем алом с золотом свадебном наряде, окруженная подарками.

Карим подошел к ней, приподнял алое покрывало, скрывавшее лицо и волосы девы, — на него устремились холодные серые глаза. Ни тени улыбки на юном лице... Говорили, что ей пятнадцать, но она отчего-то казалась старше. Возможно, торжественность момента была этому виной, а может...

— Приветствую тебя, жена моя Хатиба! — почтительно произнес он.

— Привет и тебе, Карим-аль-Малика, — отвечала она. Голос ее был нежен и мелодичен, но начисто лишен каких бы то ни было чувств.

Затем мужчины и женщины разделились, и празднество началось. Рабы разносили вино, пирожки, фрукты и всевозможные изысканные сласти. Играл традиционный женский оркестр, девушки плясали, услаждая взор новобрачной... А мужчин, уединившихся в другой половине сада, развлекали наемные танцовщицы.

— А она миленькая... — сказал Кариму брат Джафар, не отрывая похотливого взора от извивающихся женских тел. — Берберийские девы тихи и покорны. Вот родит она тебе сына, и тотчас же выбери себе какую-нибудь обольстительную экзотическую невольницу, полную огня... Потом еще и еще — вот и будет гарем! А принимая во внимание твой богатый опыт, могу поручиться, что всем твоим женщинам крупно подфартит! — Он непристойно хихикнул и толкнул брата в бок.

— Ее глаза холодны, словно серебряные слитки, — отвечал Карим. — Я приветствовал ее как жену, но она не назвала меня мужем... Она не хотела за меня идти, что бы там ни говорил ее отец имаму. Моего тестя наверняка соблазнил богатый выкуп за невесту, но он все равно не получит ни динара. Я не стану жить с Хатибой...

— Да не отчаивайся ты так! — возразил брат. — Она просто трясется от страха, как и все девственницы на пороге супружества! К утру она отогреется и успокоится в твоих объятиях. Карим. Ну не мне же, в самом деле, учить тебя, как обращаться с непорочными девами, братишка! — Джафар потянулся к кубку и залпом выпил его, не отрывая глаз от пышногрудой танцовщицы.

Еще не начинало темнеть, когда невесту усадили в крытые носилки и торжественно препроводили в загородный дом ее супруга и господина. Карим открывал шествие верхом на дивном белом жеребце — свадебном подарке тестя. Копыта коня ступали по дороге, усыпанной лепестками роз. Процессию сопровождали музыканты. Жених разбрасывал вокруг себя золотые динары, зеваки стремглав бросались подбирать деньги, выкрикивая пожелания счастья молодым. На вилле Карима рабы под присмотром Мустафы подали гостям угощение. Но краткое время спустя гости удалились, давая новобрачным возможность лучше познакомиться друг с другом.

Карим помешкал еще около часа и лишь затем вошел в опочивальню молодой жены. За окнами виллы разворачивалось дивное зрелище: солнце медленно опускалось в сияющие воды моря.

— Можете идти, — сказал Карим рабыням, жмушмя к новобрачной.

— Всем остаться! — повелительно бросила Хатиба. Рабыни заматались, выказывая недоумение и беспокойство. Карим прищелкнул пальцами:

— В этом доме я хозяин, Хатиба. Рабыни вереницей устремились прочь из покоев молодой.

— Как смеешь ты приказывать моим слугам? — закричала она.

— Повторяю, Хатиба: я хозяин в этом доме! Не могу поверить, что отец позволял тебе вести себя в его доме подобным образом. Но будем считать, что все это от страха... Тебе нечего бояться. — Он сделал шаг к ней, но в руке у невесты, словно по мановению волшебной палочки, появился кинжал.

— Не приближайся — я убью тебя! — прошептала она.

Одним стремительным движением Карим перехватил тонкое запястье — оружие, звякнув, упало на пол. Подняв его и осмотрев, он пренебрежительно хмыкнул:

— Да им и апельсина не разрезать, Хатиба!

— Острие отравлено... — спокойно отвечала она. Внимательно изучив оружие. Карим заметил, что кончик кинжала и впрямь необычно темен. Карим глубоко вздохнул:

— Если ты не желала этого брака, то отчего, во имя Аллаха, ты пошла за меня? Или такова была воля твоего отца, Хатиба?

— Он соблазнился богатым выкупом, мой господин, — сказала Хатиба. — Он не получил и половины ни за одну из моих сестер... Но... — она запнулась.

— Так в чем же другая причина? — настаивал Карим.

— Неужели ты не понимаешь?! — взорвалась она. — Ты сын князя Малики, господин мой! Для отца великая честь отдать младшую дочь за сына правителя Малики! Ему уже мало богатства. Теперь он ищет славы и власти!

— Но мой отец вовсе не так уж влиятелен... — ответил Карим. — Да, он наследовал титул правителя, но лишь потому, что наш предок основал город. Он осуществляет управление при помощи Совета, а вовсе не единолично. И двора у нас нет, как в Кордове... Мы живем просто и без излишней роскоши, как большинство горожан. Мой отец стяжал уважение в Совете потому, что мудр и добр. Мы, свято чтим Аллаха и калифа... К тому же я младший в семье, Хатиба. Мне никогда не быть князем Малики. Да я этого и не желаю. Так чего же достиг твой безумный отец, принудив тебя к браку, которого ты не хотела?

— Весьма престижно в кругу друзей невзначай обронить, что его

младшенькая — первая жена сына князя Малики... Это великая честь. Он станет похвастаться тем, что у него и у князя Малики общие внуки! А кровная связь с вашей семьей придаст ему вес и в отношениях с соседями-горцами. Вот чего он хотел...

— Ты любишь другого? — Карим не хотел больше влиять.

Золотистая кожа Хатибы залилась краской, но девушка отвечала прямо:

— Да. И он должен был стать моим мужем, но тут подоспело предложение от вашего высокого семейства... Все бумаги, касающиеся нашего с ним брака, были тогда уже подписаны, и сумма выкупа за невесту оговорена, но деньги еще не уплачены. А тут приехал твой отец, ну и... Отец разорвал договор. А старый кади, составивший бумаги, внезапно скончался... Исчезло последнее доказательство существования договора. А поскольку обмен выкупом и приданым не состоялся, моему любимому пришлось безмолвно наблюдать за тем, как меня отдают другому... О-о-о, почему из всех девушек тебя угораздило выбрать именно меня? — Серые глаза наполнились слезами, но она поспешно отерла их.

— Я тебя не выбирал, — возразил он, решив ответить откровенностью на откровенность. — Я и не подозревал о твоём существовании до того дня, когда были подписаны бумаги. В прошлом году я попросил отца подыскать мне жену. Всю жизнь я был мореплавателем и торговцем. Я знал, как обрадует отца мое решение осесть и обзавестись семьей. А этой весной я отвез ко двору калифа Кордовы прекрасную рабыню, которую любил, да и она любила меня... Тебе рассказывали, что я был Учителем Страсти? Наверняка ты об этом знаешь. Девушку передал моим заботам друг отца. Я обучал ее искусству любви, но нарушил одно из главных правил наставника — позволил себе полюбить ее всем сердцем, и к тому же позволил ей полюбить меня. Ни у меня, ни у нее не было на это никакого права. В конце концов мы оба решили, что превыше всего честь, и выполнили обязательства, на нас возложенные. Зейнаб стала наложницей калифа и тотчас же стала его любимицей. А я воротился в Алькасабу Малику, чтобы жениться на тебе. Конечно, это великое несчастье, Хатиба, что наши с тобою сердца отданы другим, но мы не в силах изменить своей судьбы. Если бы я даже сегодня же отослал тебя назад, к отцу, это ровным счетом ничего бы не изменило. Я не обрел бы Зейнаб, а гордость не позволила бы твоему отцу отдать тебя любимому... Ты сама знаешь, что это правда. И пусть нам с тобою не дано полюбить друг друга, но обещаю, что стану относиться к тебе со всем мыслимым уважением — ведь ты мне жена. Большого я не могу тебе обещать. А будешь ли ты платить мне тем

же, Хатиба?

Его речь потрясла девушку. Вдруг вся ее холодность и отчужденность улетучились — теперь она была просто насмерть перепуганной девчонкой.

— Ты должен отослать меня домой... — почти беззвучно прошептала она. — Я не девственна... — И она разрыдалась, обуреваемая ужасом и отчаянием.

— Отвергнутый жених? — ласково спросил Карим. Она кивнула, устремив на него серые глазищи, полные слез и ужаса.

— Когда в последний раз вы были близки?

— Три дня тому назад...

— Твоя девственность ровным счетом ничего не значит для меня, Хатиба, — сказал Карим. — Но если ты беременна от этого человека, мне ничего не останется, как отправить тебя домой к отцу, покрытую несмываемым позором.

— Если.., если я беременна, то могу сказать, что от тебя... — возразила она. — Никто ничего не докажет, мой господин!

— Я не лягу с тобою, Хатиба, по меньшей мере два месяца, — объявил он. — Сейчас я позову служанок, и ты проведешь ночь в их обществе. Какая жалость, что ты сглупила и поспешила, Хатиба! Я открыл бы тебе мир чувственных наслаждений...

Он покинул ее, безутешно рыдающую на руках рабынь, и вернулся к себе.

— Передай Мустафе, чтобы он тотчас же явился! — бросил он привратнику. Явился Мустафа, и хозяин объявил ему:

— Я должен тотчас же вернуться в Алькасабу Малику и переговорить с отцом. Следи за тем, чтобы ни моя жена, ни одна из ее служанок не покидали своей половины. Помни — никто, Мустафа!

— Да, мой господин! — лицо Мустафы оставалось невозмутимым. — Приказать оседлать для вас коня?

Карим кивнул — и несколько минут спустя уже скакал по темной дороге, ведущей в город. Войдя в дом, он убедился, что тут все спокойно, и у него отлегло от сердца.

— Карим?! — отец менее всего ожидал увидеть сына здесь в этот час.

— Что случилось? — спросила мать. На ее прекрасное лицо легла тень. — Ведь ты должен сейчас быть с Хатибой! Почему...

Карим в подробностях передал им разговор, состоявшийся в спальне новобрачной. Хабиб-ибн-Малик пришел в неопишемую ярость. — Ты должен немедленно развестись с нею! — , бушевал он. — Я найду для тебя порядочную девушку!

— Нет, — спокойно сказал Карим. — Во всем, что случилось, виноват отец девушки, но что сделано, то сделано. Я расстанусь с нею, только если она имела глупость забеременеть. Я не могу признать сына другого своим наследником. Нынче же вечером, отец, пошли своего врача осмотреть невесту — я хочу убедиться, что она не солгала мне. Потом я пошлю нарочного к ее отцу, он непременно должен узнать обо всем. Если девушку предстоит вернуть отцу, то старик должен знать причину и возратить мне выкуп за невесту до последнего динара! Берберийский разбойник не должен нажиться на нашем позоре!

Хабиб-ибн-Малик тотчас же послал за врачом — тот явился, был введен в курс дела и немедленно направился на виллу Карима освидетельствовать невесту. Двумя часами позже он воротился и объявил:

— Невеста не девственна, мой господин Хабиб. Она не солгала.

— Никому об этом ни слова! — сказал Хабиб-ибн-Малик. Возможно, позднее потребуется твое официальное заявление в присутствии кади, но до тех пор молчи, доктор Сулейман! И благодарю тебя.

Врач поклонился и вышел. А Хабиб-ибн-Малик подозвал раба:

— Тотчас же отправляйся к Гуссейну-ибн-Гуссейну и его жене! Они в комнатах для гостей. Скажи, что мне нужно видеть их как можно скорее! Проводи их сюда.

Гуссейн-ибн-Гуссейн со своей супругой Кабиной не замедлили явиться и выглядели изрядно перепуганными. Хабиб-ибн-Малик не стал тратить время попусту.

— Ваша дочь утратила девственность до свадьбы! — ледяным тоном объявил он. — Она призналась в этом моему сыну, а доктор Сулейман засвидетельствовал ее позор. Мне известно также, что дочь ваша прежде была помолвлена с другим.

— У вас нет доказательств! — вскинулся Гуссейн.

— Да, понимаю — ведь, на ваше счастье, кади, бывший в курсе этого дела, внезапно скончался, — сухо ответил Хабиб. — И тем не менее девушка опозорена.

Гуссейн злобно накинулся на свою любимую жену Кабину:

— Она твоя дочь! Почему ты не уследила?

— Да она же влюблена в Али Хассана с десятилетнего возраста! — страстно заговорила Кабина. — Они должны были пожениться еще три года тому назад, но ты огорошил жениха, потребовав от него огромный выкуп! Оба они молоды и горячи. Они не сомневались, что в один прекрасный день поженятся. Не могла же я три года держать ее взаперти! Не вини меня! Она и твоя дочь тоже, и куда больше похожа на отца, нежели

на мать!

— — Муж разведется с нею! Я должен буду вернуть три тысячи динаров, а деньги уже потрачены! — зашипел на жену Гуссейн, словно в комнате никого кроме них не было.

— Если Хатиба не зачала, — вмешался Карим, — я возьму ее в жены, Гуссейн-ибн-Гуссейн. Но если семя ее любовника прорастет, я вынужден буду возвратить вам дочь. Я не виню девушку в ее несчастье — во всем виновен ты! Понял ли ты меня, Гуссейн-ибн-Гуссейн? — Черты Карима исказились от злости.

— О господин! — Кабина горой стояла за дочь. — Хатиба хорошая девочка! Правда, она горяча и своенравна. А уж когда отец запретил ей и думать об Али Хассане, она стала сама на себя непохожа!

«...Как дочь походит на мать, — думал Карим, глядя на женщину, — только серые глаза Кабины кроткие и ласковые, а вот у Хатибы они холодны и неприветливы...»

— Ты проведешь со своей дочкой два месяца, — сказал Карим теще. — Надеюсь, хотя бы теперь ты станешь следить за ее поведением, а заодно втолкуешь ей, что входит в обязанности доброй жены. Если к концу этого срока я буду абсолютно уверен, что она не ждет ребенка от другого, то вернусь домой и начну с нею семейную жизнь. А ты уедешь к мужу.

Гуссейн-ибн-Гуссейн открыл было рот, чтобы возразить, но злобный взор жены остановил его. Челюсти его щелкнули.

— Ты более чем благороден, господин! — выговорил он, но в голосе его не слышалось благодарности.

— А тебе бы следовало воспользоваться отсрочкой, чтобы собрать три тысячи динаров, которые ты столь поспешно истратил. — Карим был неумолим. — Это золото — собственность Хатибы. Помни об этом, Гуссейн-ибн-Гуссейн! Эти деньги спасут ее от нищеты, если когда-нибудь она лишится мужа. Я лично прослежу за тем, чтобы в течение двух месяцев все было возвращено либо мне, либо моей супруге.

Тесть смущенно отвел глаза.

— Да, господин. — Он уже лихорадочно обдумывал, каким непостижимым образом удастся ему выкроить такую сумму...А вдруг его зятю не посчастливится и звезда его угаснет? Тогда молодая вдова воротится в отчий дом, приданое и выкуп останутся при ней, и можно будет подумать о новой свадьбе...

Карим наблюдал за тестем: глаза старика сузились и потемнели. Он что-то замышляет... Карим от души надеялся, что ему не придется отсылать жену отцу. Деле было вовсе не в каком-нибудь неожиданно

возникшем чувстве — нет, просто, узнав тестя поближе. Карим ощутил сострадание к девушке. Он повернулся к отцу;

— Ты проследишь за тем, чтобы госпожу Кабину препроводили к дочери?

— Тотчас же, — отвечал Хабиб.

И Кабина переселилась на время в дом зятя... Дочь мрачно сверкнула глазами на мать: она явно разозлилась, увидев ее. Кабина отвесила ей пощечину:

— Теперь некому тебя выгораживать, дрянная девчонка! Отец сколько угодно может уверять, что он тут ни при чем, но он прекрасно знал, чем ты занималась, когда ездила в горы! Прекрасно знал! И тем не менее продал тебя такую за три тысячи динаров, надеясь, что ему все с рук сойдет! Молись Аллаху, дочка, молись, чтобы не оказаться в тягости от Али Хассана! Тогда отец просто убьет тебя. И даже я не смогу тебя защитить. Посуди сама: что ему останется делать с опозорившей его дочерью, чтобы сберечь хоть каплю семейной чести? Тебе на удивление повезло с мужем, Хатиба, — если, конечно, он останется таковым. Если все обойдется... Какое великое благородство он проявляет, подумай только!

— Благородство! — оскалилась Хатиба. — Он любит другую, с которой никогда не сможет быть вместе, мама! Мою же утраченную добродетель он ни в грош не ставит! И если он не выгоняет меня, то лишь для собственного блага, а вовсе не ради меня. Он никогда меня не полюбит...

Дни летели. Карим с братьями и приятелями почти каждое утро выезжал на охоту в горы и поля за городом. Днем он обычно навещал Хатибу, но лишь в присутствии ее матери. Обнаружилось, что девушка поразительно невежественна. Она не умела ни читать, ни писать. У нее начисто отсутствовал музыкальный слух. Когда же он пригласил для нее учителей, она пришла в отчаяние, мгновенно уставала и принималась рыдать.

— Она на редкость невнимательна, — пожаловался Кариму самый уважаемый наставник, выражая общее мнение. — С нею невозможно заниматься: она не желает учиться, а хуже ничего не придумает...

Оставаясь в одиночестве, Карим чуть ли волосы на себе не рвал — в самом деле, о чем они станут беседовать, если она останется его женой? Обнаружилось, правда, что девушка азартна в любой игре. Она играла в шахматы и триктрак с ребячьей горячностью: когда ей случалось выигрывать, она бурно радовалась и хлопала в ладоши, а оставшись в проигрыше, бушевала. Это было хоть и слабое, но все же утешение...

Карим все чаще вспоминал совет брата Джафара — поскорее обрюхатить жену и подыскать себе занятную наложницу. Он с грустью вздыхал. Он не хотел ни гарема, полного луноликих красавиц, ни жены по имени Хатиба, которая за столь короткое время успела уже доставить ему массу хлопот. Он желал лишь Зейнаб, а ею ему никогда не обладать. Она ушла от него навсегда...

Наконец период ожидания истек. У Хатибы дважды показались крови, и врач Сулейман, тщательно осматривавший девушку во время регулярных истечений, объявил, что беременности опасаться не следует.

— Ты можешь войти без опаски, мой господин. Если она через положенное время родит, можно будет не сомневаться, что это твое дитя. Она здорова, ничем не заражена. И, похоже, с родами проблем не возникнет.

Карим тотчас же отослал тещу домой в горы и распустил на несколько дней всех прислужниц. С тяжелым сердцем вошел он в покои своей жены. Путь назад был отрезан. Поводов оттягивать неминуемое больше не было. Самое время начинать новую жизнь...

— Выпей это, госпожа Зейнаб, — говорил врач Хасдай-ибн-Шапрут, одной рукой обнимая девушку, а другой поднося к ее губам чашечку.

— Что это? — слабым голосом спросила она. — Как болит голова...

— Еще глоточек универсального противоядия. Оно называется «териака». Уверяю тебя, все обойдется, — приговаривал врач. — Тебе необыкновенно посчастливилось, что организм отреагировал на яд мгновенно. Это позволило вовремя поставить диагноз и спасти тебя.

— Яд?! — На ее прекрасном лице отразилось изумление. — Я была отравлена? Ничего не помню... Кому понадобилось меня... — Зейнаб смутилась. Что такого она сделала, что приобрела столь непримиримого врага за такое короткое время?

— Преступница пока не найдена, — отвечал калиф, находящийся тут же. — Но как только я найду ее, она умрет той самой смертью, которую избрала для тебя, моя любовь. — Лицо его было сумрачно. В гареме было около четырех тысяч женщин — его жены, наложницы, рабыни, которые еще только надеялись привлечь его внимание, его родственницы, служанки... Немыслимо подвергать допросу всех. Злоумышленник очень хитер. И похоже, что так никогда и не будет найден...

— Как.., как была я отравлена? — спросила Зейнаб Хасдая-ибн-Шапрута. — А что мой бедный Наджа? С ним все в порядке? Ведь он пробует все, что мне подадут...

— Твой евнух всего лишь вне себя от волнения и страха за тебя, госпожа. В остальном же вполне здоров, — уверил ее врач. — Отравой была пропитана одна из твоих шалей. Так яд проник в кожу. Ты должна была умирать постепенно, но как только ты накинула шаль, наступила немедленная И бурная реакция. Ты несомненно весьма чувствительна к любым посторонним веществам — и это хорошо, госпожа. — Врач повернулся к своей помощнице:

— Ревекка, покажи госпоже Зейнаб злополучную шаль.

Пожилая женщина открыла металлический ящичек и продемонстрировала содержимое.

— Кто дал тебе эту шаль, госпожа? — спросил Хасдай-ибн-Шапрут. — Если ты вспомнишь, то, возможно, мы скорее найдем преступника..., преступницу. Не прикасайся, умоляю! Шаль смертоносна, и ее надлежит немедленно уничтожить. Просто гляди.

Зейнаб посмотрела на шаль. Прелестная ткань — легчайшая мягкая шерсть ярко-розового цвета, а роскошная бахрома еще ярче. Приметная вещьца... Тем не менее Зейнаб напрочь не помнила, откуда она взялась. Она посмотрела на Ому, но та лишь недоуменно покачала головой.

— Этой вещи не было среди нарядов, привезенных нами из Алькасабы Малики, — сказала Ома. — Я помню лишь, как однажды поутру мы рылись в сундуке в поисках какой-нибудь теплой шали: день обещал быть прохладным. Вот эта просто-напросто лежала поверх прочих тряпок. Мне и в голову не пришло поинтересоваться, откуда она взялась. Я подумала, что это подарок господина калифа...

— Госпожа, я обязан задать один вопрос, — сказал врач. — Ты вполне доверяешь своей прислужнице? Зейнаб пришла в неистовство.

— Как ты смеешь? — Она с величайшим трудом овладела собою и заговорила ледяным тоном. — Я верю Оме, как самой себе. Она со мною по собственному выбору. Я предлагала даровать ей свободу и отослать домой, в Аллоа. Она отказалась. Она отказалась даже стать женою Аллаэддина-бен-Омара, которого любит всем сердцем, и все ради того, чтобы не покидать меня! — Зейнаб протянула руку подруге, и Ома благодарно сжала ее. Глаза служанки были полны слез. — Ома верна... Никогда она не причинит мне зла.

— Госпожа, прошу простить меня, но я обязан был спросить... — врач был искренен.

— Путешествие не повредит госпоже? — спросил калиф. Вопрос этот изумил всех.

— Куда ты хочешь увезти ее, мой господин? — спросил Хасдай.

— Во дворец Аль-Рузафа. Она будет там в безопасности, покуда не оправится совершенно, — отвечал калиф. — Мы поедем с остановками: сперва доедем до Алькасара, что в Кордове, передохнем, а потом спокойно доберемся до Аль-Рузафы.

— Да... — врач задумался. — Пожалуй, это недурная мысль, мой господин. В Аль-Рузафе ситуацию можно держать под контролем, не то что в этом курятнике... А дворец все еще обитаем? Ты не был там с тех самых пор, когда двор переехал в Мадина-аль-Захра...

— Я поселю се в прелестном летнем домике среди тамошних дивных садов, там уютно и вполне можно жить. Не впервые мне возить туда красавицу... — В глазах Абд-аль-Рахмана сверкнули шаловливые огоньки. — Там покойно, — закончил он более серьезно.

— Все одежды госпожи необходимо предать огню, — продолжал врач. — А драгоценности — прокипятить в уксусе. Мы не можем исключить проникновение яда во все вещи, которых касалась отравленная шаль.

Калиф заметил, что глаза бережливой Зейнаб темнеют, и поспешно сказал:

— Я тотчас же прикажу сшить тебе новые наряды — самые лучшие, моя любовь! Но воспользуюсь случаем и признаюсь тебе, красавица; ты нравишься мне более всего в естественном своем виде... На свете нет женщины прекраснее тебя, Зейнаб! Я ежечасно благодарю Аллаха за то, что он не отнял тебя у меня.

— О, как ты добр, господин мой... — ласково ответила она, тщательно скрывая злость и испуг. Да, Инига предупреждала ее, что подобное случается в гаремах, но, надо признаться, Зейнаб не восприняла ее слов всерьез...

А Хасдай-ибн-Шапрут тем временем думал о том, что калиф, похоже, всерьез влюбляется — или уверяет в этом сам себя. За те несколько лет, что он знал Абд-аль-Рахмана, он ни разу не видел, чтобы владыка был таким с женщиной... То, что началось как приступ бешеной страсти, возбуждаемой цветущим и на редкость совершенным телом, обогатилось совершенно иными симптомами по мере того, как калиф лучше узнавал свою Рабыню Страсти... Что же до самой Зейнаб, то врач ни секунды не верил в ее ответную любовь к калифу. Да, девушка почитает его, возможно, немного боится — ладно, пусть даже слегка привязалась к владыке, но при чем тут любовь? Нет. Едва зная девушку, он не был даже вполне уверен, что она способна любить. Ужели женщина, специально натасканная для наслаждения и ведущая столь неестественный образ жизни, знает, что такое

любовь?... Нет, положительно это загадка...

Правда, врач вынужден был признать, что более красивой женщины он в жизни не видывал. Посему вполне понимал калифа — ведь она к тому же еще и молода, и образованна... Зейнаб — последняя любовь калифа, ярчайшая звезда на закатном его небосклоне, подобно тому, как Ависага-сунамиянка была усладой старости царя Давида... Вероятно, ребенок от нее будет последним отпрыском владыки. И пусть ему за пятьдесят — но на это он вполне еще способен, что доказывает существование двоих младших его детей...

— Как она? — спросила госпожа Захра Хасдая-ибн-Шапрута. Она специально потребовала, чтобы он явился в ее покои перед тем, как покинуть гарем. — И что с нею приключилось? Она что, забеременела?

— Кто-то пытался ее отравить, — спокойно отвечал доктор. — Калиф вне себя. К счастью, мне удалось ее спасти. — С какой стати первая жена калифа спрашивает об этом? Захра обычно не удостоивает своим вниманием тех, кого считает низшими...

— Тогда, я уверена, она будет жить, — безмятежно ответствовала Захра. — Конечно, калиф стар для такой цацки, но станет ли он меня слушать? Никогда! Ах, насколько было бы разумнее отдать эту красотку Хакаму! А ты какого мнения как врач?

— Я вижу лишь, что господин мой калиф счастлив с госпожою Зейнаб. Я считаю его достаточно крепким и телом, и духом, чтобы предаваться страсти с этой красивой девушкой, — отвечал Хасдай-ибн-Шапрут, прежде ему не приходилось видеть госпожу Захру в такой ярости. Что ее так волнует? Ее положение при дворе незыблемо, и сыну ее ничто не угрожает...

— О, мужчины! — говорила позже Захра второй жене калифа по имени Таруб, галатианке, чьи когда-то роскошные рыжие волосы с возрастом утратили яркость. — Все они из одного теста! Наш господин рискует здоровьем, забавляясь с юной наложницей! Он совсем не думает о том, как нуждается в нем Аль-Андалус!

— Если он счастлив, — рассудительно заметила Таруб, — разве от этого не выиграет Аль-Андалус? Что ты имеешь против этой Зейнаб? Почему вся пылаешь ревностью? Сколько наложниц прошло через спальню владыки — а ты прежде и бровью не вела! С самого начала девушка вела себя достойно, а с тобою была крайне почтительна! Она не сеет смуты среди наложниц. Она добропорядочнее всех, кого я до сих пор знала... Ни одна душа на нее ни словом не пожаловалась! Отчего же ты так ее невзлюбила?

— При чем тут «невзлюбила»? — возмутилась Захра. — Просто я пекусь о здоровье нашего дорогого господина. — Первая жена владыки была по рождению каталанкой — а женщины этой страны славятся острым умом. Именно это и очаровало в ней когда-то Абд-аль-Рахмана...

— Но сейчас-то речь вовсе не о его здоровье! — слегка улыбнулась Таруб, — Ведь это бедняжка Зейнаб чуть было не умерла.

— Он любит ее... — почти беззвучно прошептала Захра.

— Ах, так вот в чем твоя печаль! — отвечала подруга. — Ох, Захра, ну и что тут такого? Ведь он любит и меня, а ты ничуть не ревнуешь. Он любит всех очаровательных своих наложниц — и даже не очень очаровательных, особенно тех, кто подарил ему детей. В особенности Бацею и Кумар. Ведь ты и к ним не ревнуешь мужа! Если даже он любит эту Зейнаб, то любовь его к тебе все равно сильнее! Ты у него самая любимая жена! И таковой останешься. Разве не назвал он в твою честь город? Как красиво — Мадинат-аль-Захра... Просто прекрасно, что мужчина в его возрасте способен еще полюбить! — Она рассмеялась. — Так возблагодарим же за это Аллаха! Ведь мы с тобою попали во дворец Абд-аль-Рахмана одновременно. Помнишь? Мы были совсем юными девушками. Твой сын родился за два месяца до появления на свет моего малыша. И я не гневлю Аллаха, что вышло, то вышло... Я обожаю моих детей и внуков. Это мое утешение. Я не убиваюсь оттого, что время страсти миновало. А ты вот, похоже, не можешь смириться... И с каждым годом тебе все тяжелее. Думаю, причина твоей ревности вовсе не в любви Абд-аль-Рахмана к Зейнаб, а в ее юности и поразительной красе! Этого ты все равно не сможешь изменить — как, впрочем, и не сумеешь сама помолодеть. Тебе ведь уже за сорок...

— Как ты безжалостна! — из глаз Захры брызнули слезы.

— Я просто честна с тобою, — как всегда, дражайшая моя подружка! — отвечала Таруб. — Но заметь, я сказала тебе, что наш муж всегда будет сильнее прочих любить именно тебя, и неважно, кто еще взволнует его сердце... Прими это и умертви в своем сердце злость и ревность, иначе они убьют тебя или, что еще хуже, любовь к тебе Абд-аль-Рахмана. Неужели ты хочешь перечеркнуть все эти годы безмятежного счастья?

Захра молча отвернулась. Права ли Таруб? Или подруга просто-напросто хочет ее утешить? Абд-аль-Рахман с нею уже совсем другой...

Она вдруг вспомнила тот день, когда умерла старейшая наложница калифа. Госпожа Айша была первой женщиной, которую познал Абд-аль-Рахман. Она была старше владыки...

...Айшу подарил калифу его дед, старый эмир Абдаллах, воспитавший его. Абд-аль-Рахману она очень понравилась. Она обучила его искусству любви и всем ухищрениям страсти, но кроме того стала близким его другом и доверенным лицом. И долгое время, уже после того, как страсть его к ней угасла, он навещал Айшу в ее покоях и очень почитал до самой ее смерти. Когда же Айша скончалась и вскрыли ее завещание, то обнаружилось, что благородная женщина просила употребить все ее немалое состояние, чтобы выкупить мусульман, томящихся в христианском плену... Но уцелели и освобождены были столь немногие, что Абд-аль-Рахман пребывал в полнейшей растерянности: как распорядиться оставшимися деньгами покойной? И вот в память о ней он решил сделать что-нибудь, что одобрила бы Айша, будь она жива. И именно Захра тогда предложила ему выстроить новый город...

Город был выстроен — небольшой, обнесенный высокой стеной. Место для него было выбрано на пологом склоне Сьерра-Морена, к северо-западу от Кордовы, откуда открывался прелестный вид на реку Гвадалквивир.. Строительство началось около десяти лет тому назад, и все еще не было завершено... Было задумано, что город будет состоять как бы из трех ступеней. Первая, самая высокая, предназначалась для дворца, который был уже вполне готов. На строительстве в поте лица трудились десять тысяч строителей, да к тому же здесь было еще около полутора тысяч тягловых скотов — мулы, ослы, верблюды... Каждый день укладывали около шести тысяч новых камней. Кровли покрывали золотым и серебряным листом...

С каждой из гигантских ступеней открывался по-своему красивый вид. Ниже резиденции владыки раскинулись прелестные сады и вольеры для экзотических животных и птиц. Еще ниже должны были располагаться государственные учреждения, жилища придворных, общественные бани, торжище, мастерские ремесленников, монетный двор, казарма для многочисленной стражи и мечеть.

Хоть Захра и сопровождала владыку в его поездках туда в первые годы строительства, он изумил ее несказанно в день всеобщего переселения в новый дворец из Кордовы.

Когда они приблизились к городским воротам, он попросил ее поднять глаза. Она увидела собственный мраморный бюст прямо над огромными воротами. Она безмолвно устремила глаза на мужа, а он объявил ей, что город отныне именуется Мадинат-аль-Захра — «Город Захры».

— Не лучше ли будет назвать его Мадинат-аль-Айша — в память о давней твоей подруге, на чьи деньги и ведется строительство? — сказала

она, прижав руку к бешено бьющемуся сердцу. Она знала, что он откажется — ведь именно ее, Захру, он любил больше всех. Но она чувствовала себя обязанной хотя бы предложить ему — это была дань памяти Айши... О, Аллах! Какая же это честь для женщины! Кто еще удостоился подобного?..

...А вот теперь у Абд-аль-Рахмана новая страсть. Рабыня Страсти Зейнаб всецело захватила его. Захра вздохнула... В душе у нее вновь вспыхнула ревность. Права ли Таруб? Эта женщина никогда не лжет, даже самой себе. Она добра, рассудительна и предельно честна.

Но всякий раз, глядя на Зейнаб, Захра чувствовала неудержимую черную злобу. Похоже, справиться с этим она не сможет. Какое право имеет эта девчонка похищать у нее калифа, любимого мужа?.. А что, если Зейнаб родит? Прежде она никогда не беспокоилась, что дитя какой-нибудь наложницы поколеблет незыблемое положение ее сына. Ведь Абд-аль-Рахман раз и навсегда решил, что Хакам наследует его престол! А что, если он вдруг передумает? Что, если любовь к Зейнаб лишит его разума? Захра лихорадочно рассмеялась...Зря она так отчаивается. Ничто не угрожает ни ей, ни сыну... И все же, все же... Седина в бороду — бес в ребро. Вдруг...

Ее пылающего гнева не уредило известие о том, что Зейнаб со слугами перевезли в Аль-Рузафу.

— От кого это ее так оберегают? — с горечью говорила она Таруб. — Это смешно! Просто нелепо!

Светло-карие глаза Таруб светились искренним участием, когда она успокаивала подругу:

— Не терзай своего сердца, Захра. Калиф просто играет роль озабоченного любовника — ему это приятно. К тому же просто хочет на время уединиться с новой игрушкой. Это вполне естественно. Разве ты не помнишь, как в юности он перевозил нас с тобой в летнюю резиденцию? Когда Зейнаб поправится, он привезет ее назад. Кстати, помни, что Аль-Рузафа находится северо-западнее Кордовы, а Мадина-аль-Захра, напротив, к юго-востоку от города. Так что калиф будет больше времени проводить в седле, нежели в жарких объятиях Рабыни Страсти. — Таруб хихикнула. — Зейнаб молода и наверняка насмерть перепугана случившимся. Какими бы баснями ни утешал ее калиф, она далеко не глупышка и прекрасно понимает, что шансы отыскать злоумышленника ничтожно малы. Так что он увез ее в Аль-Рузафу отчасти для того, чтобы утешить и успокоить бедную девочку...

Но Зейнаб вовсе не была напугана. Она отчаянно злилась на то, что кто-то осмелился решиться на отравление. А ведь она была уверена, что у нее нет врагов! Наверняка это какая-нибудь глупенькая девчонка, искренне

верящая в то, что если она уберет с пути Рабыню Страсти, то владыка снизойдет до нее! Непохоже было, что она когда-нибудь узнает имя отравительницы, но теперь придется всегда быть настороже. В гневе сверкала она глазами, глядя, как ее одежду выносят из комнаты, чтобы спалить, — Хасдай-ибн-Шапрут был неумолим.

— Это смешно! — бушевала она. — Не могут же все мои платья быть пропитаны ядом! И считай, что все мои драгоценности пропали: уксус испортит их! Да провались он, этот въедливый лекаришка, со своими советами!

— Он спас тебе жизнь, госпожа, — резко бросила Ома. — И что в сравнении с этим какие-то тряпки и побрякушки? Кстати, калиф клятвенно пообещал одеть тебя как принцессу крови! Весь шелк, присланный Доналом Раем, уйдет на новые наряды для тебя.

— А ты откуда об этом узнала? — придиричиво спросила Зейнаб.

— Наджа рассказал. А он знает обо всем, что происходит во дворце. Он знает даже, что госпожа Захра бешено ревнует к тебе калифа. Наджа в дружбе с одной из ее прислужниц.

— Так ты думаешь, что это она покушалась на мою жизнь? — спросила Зейнаб.

— Возможно всякое, — отвечала Ома, качая головой. — Но все же я так не думаю. Ведь несмотря на то, что шансы попасться невелики, злоумышленница наверняка знает, что это может стоить ей жизни. Сомнительно, чтобы госпожа Захра подвергала такой опасности свое положение и саму жизнь просто из-за глупой ревности и зависти к твоей юности. Нет, скорее всего, на это отважилась какая-нибудь мелкая сошка и круглая дура...

Они отправились в Аль-Рузафу через Кордову и ехали по той самой знаменитой ковровой дорожке, соединявшей Мадинат-аль-Захра со столицей. Зейнаб поразило величие Кордовы, и она принялась умолять калифа позволить ей поглядеть город.

— Что ж, можешь отправляться с Наджей и вооруженным стражником, — разрешил Абд-аль-Рахман. — Если я собственной персоной появлюсь на улицах, сбежится весь город. Я всегда соблюдаю дистанцию, иначе народ не будет меня почитать.

— Тогда Расскажи мне об истории города, — взмолилась она столь страстно, что калиф расхохотался.

— Любая другая на твоём месте попросила бы меня указать ей кратчайший путь к базару, где она могла бы закупить себе всяких побрякушек! А ты, удивительная женщина, желаешь узнать историю

Кордовы! Хорошо, моя радость, я расскажу. Город основало племя, именуемое карфагенянами, позднее его завоевали румийцы. Затем наступило царствование визиготов, ну а через две сотни лет на смену им пришли мы, мавры. Население здесь составляет около миллиона человек. В Кордове шестьсот мечетей, восемьдесят школ, где можно получить прекрасное образование, и еще публичная библиотека, где собрано около шестисот тысяч томов. Хасдай мечтает, что когда-нибудь здесь будет основан медицинский университет, и со временем так оно и будет, ибо я всецело согласен с моим лекарем. Ведь все наши врачи до сих пор ездят учиться в Багдад...

— Что это за цифра такая — шестьсот тысяч? Это больше миллиона? — растерянно спросила Зейнаб, и он снова рассмеялся.

Зейнаб ехала по городу в компании Омы и Наджи в крытых носилках, окруженных вооруженной стражей, закутавшись в черный яшмак до самых глаз. У нее просто разбегались глаза — настолько здесь все было удивительно, потрясающе... Когда «И-Тимад» причалила к гавани Кордовы, ее тотчас же препроводили на борт более легкого суденышка, на котором по реке она доплыла до Мадинат-аль-Захра. Тогда у нее не было возможности осмотреть город, да и не до того ей было...

Похоже, торговля здесь процветала — ведь Кордова славилась мастерством серебряников, шорников, да к тому же здешние женщины владели удивительным искусством вышивки по шелку. По улицам Кордовы расхаживали люди со всех концов света. Чужеземные лица и удивительные одежды поразили Зейнаб. Она уже знала, что калиф тратит ежегодно около трети государственного дохода, то есть порядка шести миллионов динаров, на строительство и реконструкцию каналов и ирригационных систем. Об этом ей с гордостью рассказывал Наджа.

— Кордова, — похвалялся он, — самый дивный город в мире и самый процветающий!

— Ну и как тебе понравился город? — спросил калиф, когда они, до смерти уставшие, воротились во дворец Альказар.

— Кордова прекрасна, — честно сказала Зейнаб. — Но все же я не хотела бы жить в столь огромном городе. Мадинат-аль-Захра в сравнении с Кордовой кажется маленькой и уютной. И никогда прежде мне не приходилось видеть сразу столько иностранцев!

На следующий день они продолжили путешествие в Аль-Рузафу. Дворец, бывший когда-то летней резиденцией правителя, был практически в запустении — косвенно виной тому был новый город Мадинат-аль-Захра. И тем не менее место было весьма романтическое: на берегу реки, где

раскинулись роскошные сады... Дворец был построен первым правителем из рода Абд-аль-Рахманов — и это была точнейшая копия первой Аль-Рузафы, дворца, возведенного калифом Хишамом на берегах Евфрата в окрестностях Багдада. Воды реки питали пышные сады. Зейнаб была просто очарована.

Она обосновалась в маленьком мраморном строении дивной красоты в самой середине сада на берегу искусственного озера. В самом же центре озера на островке стоял сказочно прелестный летний павильон. Калиф пообещал Зейнаб, что они непременно посетят его...

Новое жилище полюбилось Зейнаб. В нем была просторная и светлая комната для дневного отдыха — там можно было играть в шахматы или петь, подыгрывая себе на ребеке. Была здесь и спальня, и маленькая баня, и две уютных комнатки для Наджи и Омы, и кухонька, где Наджа ловко стряпал изысканные кушанья. Зейнаб просто в ладоши хлопала от удовольствия.

— И здесь никого кроме нас не будет! — радовалась она.

— Тебе так не по душе гарем? — спросил калиф, поглаживая ее золотые косы. — Тебе настолько неприятно общество прочих женщин?

— Если бы ты знал, в какой обстановке я воспитывалась, ты прекрасно понял бы меня, — отвечала Зейнаб. — В Бен Мак-Дун кроме пары служанок, матери да нас с сестрою женщин не было. Мать моя занималась только сестрой, а я была предоставлена себе самой большую часть времени. Ома — первая моя подруга в жизни. И, наверное, поэтому мне не нравятся женщины: они все время сплетничают, а порой могут быть и жестокими. Мой характер таков, что мне доставляет куда больше удовольствия познавать мир, нежели часами прихорашиваться. А женщины в гареме пребывают в праздности и лени. Я же почти ничего не видела, пока не прибыла в Аль-Андалус. А здесь столько всего! И сколькому можно научиться! Из меня сделали Рабыню Страсти, умеющую лишь дарить и испытывать наслаждение — но ведь это неестественно, особенно теперь, когда глаза мои открылись на мир! Надеюсь, я не слишком расстроила тебя, добрый мой господин, поверь, я вовсе этого не хотела! Ты так ласков со мною!

...Она воистину чудо, думал Абд-аль-Рахман, лежа рядом с нею на широком ложе. Сперва она лишь распалила его страсть, как ни одна женщина прежде, да и теперь нет ему от нее ни в чем отказа. Но сколько еще скрыто в этой девочке-женщине, волею судьбы ставшей его собственностью! Каждый день она чем-нибудь изумляла его. Как жаль, что она вошла в его жизнь на ее закате! Найди он такое чудо в юности, какой

великой расе положили бы они начало!..

— Ты никогда не расстроишь меня, Зейнаб, — чистосердечно ответил он. Помолчав, вдруг сказал:

— Я слышал об одной игре, которой якобы обучают Рабынь Страсти. Она называется «Роза в Оковах». Учил ли тебя этому твой наставник Карим-аль-Малика? — Голубые глаза владыки пристально изучали Зейнаб.

Девушка кивнула. Да, это была потрясающая игра, одна из самых сладких любовных пыток. Но она была не вполне уверена, что калифу это под силу, невзирая на его отнюдь не слабое здоровье.

— Хорошо, давай поиграем, мой господин, прошу лишь позволить мне верховодить в игре. Понимаешь, это может быть опасно... Ты уже пробовал раньше?

— Только в юности, — признался он. — Я согласен на твои условия.

— Тогда приготовлю все... — она поднялась с ложа. — Очень скоро, мой господин, я буду в полной твоей власти.

Он наблюдал за нею исподтишка из-под полуопущенных век. Она воротилась, неся золотую корзиночку, в которой лежали «любовные шарики», четыре шелковых шнура, неширокая белая шелковая лента, огромное пышное перо и еще одно длинное, заостренное перо белой цапли. Поставив корзиночку подле ложа, она легла, раскинув в стороны руки и ноги, произнеся с обворожительной улыбкой:

— Молю о пощаде, мой господин. Связанная, я буду совершенно беззащитна, и ты сможешь сделать со мною все, что тебе заблагорассудится. Я не смогу воспротивиться...

Глаза калифа чуть расширились. Она ни разу не отказала ему ни в чем — и тем не менее он никогда не ощущал полной власти над ее телом и душой. Что-то неуловимое всегда тревожило его, подобно тому, как песчинка щекочет устрицу, попав между створок... Она была его рабыней, к он жаждал осязаемого доказательства тому, что может и вправе распорядиться ее жизнью. К собственному изумлению, он полюбил эту деву — ну что ж, если она и не отвечает ему взаимностью, ей придется признать его своим властелином!

Он извлек из корзиночки шелковые шнуры и крепко, хотя и нежно, привязал ее запястья к изголовью, а щиколотки — к изножью постели: он просто сделал четыре петли, которые и накинул на резные столбики, которыми было украшено ложе. Такие же петли он затянул вокруг тонких запястий и щиколоток.

— Сопровивляйся! — отрывисто приказал он. — Я должен убедиться, что веревки крепко держат тебя, не причиняя при атом боли, моя

красавица!

— Кто обучил тебя этой игре? — спросила калифа Зейнаб. Она натянула веревки — нет, высвободиться самостоятельно ей не под силу:

— Я накрепко привязана, мой господин! — она слабо улыбнулась.

— Много лет назад, когда я был совсем еще юным принцем, — поведал калиф, — у одного из друзей отца была замечательная Рабыня Страсти. Однажды мы с ним поехали поохотиться, потом я у него заночевал, и гостеприимный хозяин предоставил мне на одну ночь свое сокровище.

Он посмотрел на груди Зейнаб, устремленные вверх, на все ее напряженное тело, и ощутил небывалое волнение.

Она наблюдала за сменой выражений на его лице. Какие же все-таки дети эти мужчины... Но разве не предупреждал ее Карим, что многим по вкусу эти чувственные забавы? Ей еще повезло: некоторым нравится причинять женщине в порыве страсти боль...

— Я завяжу тебе ротик, но лишь на время, красавица моя, — предупредил ее калиф. — Вскоре я найду твоим губкам гораздо лучшее применение... — Он осторожно завязал рот Зейнаб белой шелковой повязкой. — Ты можешь свободно дышать? — заботливо спросил он, склонившись над нею.

Зейнаб закивала. Крайне важно было сохранять полнейшее спокойствие, всецело отдаваясь на милость партнера, — так гласило главное правило игры.

Калиф достал из корзиночки бархатный мешочек, дернул тесемочку, и на ладонь его выкатились серебряные шарики. Затем он медленно ввел их один за другим в ее сладкие недра. Потом какое-то время просто любовался прекрасной своей пленницей. Да, она совершенно беззащитна сейчас! Это еще сильнее возбудило калифа. Скоро, о, очень скоро это дивное тело забьется в пароксизме страсти!

Зейнаб же крайне интересовало, что предпримет он дальше. Она лежала тихо как мышка — ведь малейшее движение заставило бы серебряные шарики пронзить все ее тело сладкой мукой. Как жестоко с его стороны так мучить ее!

Калиф принялся медленно ласкать ее одной рукой. Касания были очень легкими и нежными — ладонь просто лениво скользила по ее шелковистой коже. Он проводил пальцем вокруг сосков — губы калифа тронула улыбка, когда они напряглись и затвердели, подобно розовым бутонам, прихваченным морозцем. От его прикосновений на животе Зейнаб появилась гусиная кожа... Потом рука коснулась венерина холма, затем

скользнула в ложбинку между ним и левым бедром, потом погладила округлый зад девушки, прежде чем пропутешествовать вниз по стройной ножке...

Стон девушки заглушила шелковая повязка: шарики все-таки ударились друг о друга в ее недрах, вызвав приступ болезненного наслаждения.

Глаза владыки, полные торжества, устремились на девушку. Взор был красноречив: видишь, милая, ты моя, и я могу сделать с тобою что угодно! Он обхватил ладонями ее маленькую ступню и нежно погладил ее:

— У тебя прелестные ножки...

Губы его прильнули к крошечной ступне, горячий язык принялся ласкать тонкую щиколотку, затем округлое колено, дивное бедро... Язык скользнул было в пах..., но вот калиф уже наслаждается нежным животиком. Потом язык заскользил по нежной ложбинке между грудей — время от времени калиф тихонько дул на разгоряченную кожу...

Тело Зейнаб вытянулось в струночку, шарики внутри нее все ударялись друг о друга, терзая девушку ощущениями необычайной силы. Она снова прерывисто застонала...

Калиф взял со столика пышное перо и принялся водить им по юному телу.

— Приятно тебе, моя красавица? — шепнул он. Роскошное перо скользило вокруг ее грудей ласковыми, дразнящими движениями, затем по животу, потом по ногам... Поводив пером по гладкому венерину холму, калиф внезапно отложил игрушку и довольно сильно нажал всей ладонью на пышный холмик — глаза Зейнаб расширились, она сдавленно вскрикнула от изумления: давление его ладони вызвало новый приступ желания.

Склонившись, Абд-аль-Рахман принялся посасывать по очереди соски — и вот она вся выгибается, и повязка не может уже заглушить страстных стонов... Он стремительно укусил нежный сосок, но тут же лизнул, заглушая боль. Ритм ее дыхания резко участился, калиф этим вполне удовлетворился. Он извлек шарики из ее пылающих недр и, не давая ей опомниться, уселся меж ее раздвинутых ног. Затем, взяв заостренное перышко, он склонился, раздвинул двумя пальцами ее потайные губки — и вот обнажилась жемчужина любви. А мучитель стал самым кончиком пера касаться нежного сокровища, подыскивая нужный ритм касаний, прислушиваясь к дыханию девушки и пристально следя за страстными судорогами дивного тела.

Зачарованный, он глядел, как темно-розовая плоть сочится

жемчужным соком, а жемчужина любви набухает на глазах... Но он продолжал водить концом пера вниз и вверх, покуда все тело Зейнаб не выгнулось, не содрогнулось, а потом не рухнуло на ложе в полнейшем изнеможении.

Калиф тотчас же отложил перышко и сорвал повязку с лица Зейнаб, нежно ее целуя и одновременно начиная новую любовную пытку. Язык раздвинул горячие и нежные губы, и она принялась жадно сосать его, одновременно приходя в себя. Но весь он уже был охвачен пламенем — страстные игры возбудили не только Зейнаб, но и его мужское естество. Он сел поверх нежной груди девушки и поднес к ее губкам свой каменный член. Одновременно одна рука его протянулась назад и принялась поддразнивать девушку.

— Развяжи мне руки, — сказала она.

— Нет.

— Ну хоть одну... — молила она.

— Работай лишь губами и язычком, моя красавица, — калиф был неумолим. — Помни, что я твой господин! Покорись воле моей, Зейнаб!

Она начала медленно и покорно вылизывать напряженную плоть, водя язычком вокруг рубиновой головки, а тем временем искусные ласки калифа подарили ей новое блаженство... Он с ума сводил ее дразнящими касаниями, и Зейнаб лишняя раз оценила опытность любовника: он был искусен в игре, пожалуй, не меньше, чем она сама... И вновь она содрогнулась всем телом. Какие дивные, подвижные пальцы...

Отпрянув от нее, он властно озирает свою рабу. Потом проник увлажненными пальцами в ее рот:

— Ты обильно истекаешь соками любви, моя красавица, я выполняю свое обещание. Я с радостью буду наслаждаться этим изысканным напитком, Зейнаб. Не родилась еще на свет женщина, подобная тебе, — и ты моя!

Теперь голова калифа покоилась меж ее бедер, а член его снова оказался возле самых губ Зейнаб.

От касаний его языка она страдала мучительно и сладко. Ее благодарные губы страстно ласкали его трепещущий член, язычок нежно скользил по пылающей коже... Обоих поглотили волны страсти. Она дарила калифу блаженство.., и испила восторг сама... Наконец, когда терпение владыки истощилось, он вновь переменяет положение и страстно, резкими толчками проник в ее недра, наслаждаясь ее отчаянными воплями.

Мужское естество калифа было больше и тверже, чем когда-либо прежде. Зейнаб ощущала в себе сладкий трепет — трепет неуголимого

голода. На мгновение аквамариновые глаза закрылись, она позволила страсти ослепить себя, канула в сладкую пучину... Рабыня Страсти никогда не позволяет себе забыться... И все же какое-то краткое мгновение Зейнаб себя не помнила, витая где-то в радужном сиянии и внимая голосам неземных птиц...

Но Абд-аль-Рахман также не мог больше выносить сладостной муки: он потерял голову, и сок любви обильно хлынул в жаркие недра... Он без сил рухнул на тело любимой, преисполненный горячей благодарности.

— Господин мой, освободи меня! — выдохнула Зейнаб, и калиф успел все же ослабить путы.

— Потрясающе! — сказал он наконец. — Это было просто потрясающе! Ты и впрямь самая искусная на свете Рабыня Страсти. Ты мне дороже всех, моих сокровищ! Я ежечасно благодарю Аллаха за то, что Донал Рай разглядел тебя и отдал в учение Кариму-аль-Малике! Он великий Учитель! Какая досада, что он бросил свое ремесло!

— Я счастлива, что ты доволен мною, мой господин! — нежно проворковала Зейнаб... Карим! Почему доселе при одном упоминании этого имени она мысленно уносится туда, в Аль-Малику, в те безвозвратно ушедшие дни счастья? Безвозвратно ушедшие... Она это знала. Он давно уже женат на другой. Судьба развела их. Навеки. Она не любит Абд-аль-Рахмана, но он добр, к тому же понимает и всецело поощряет ее тягу к учению. Никогда больше не станет она думать о Кариме-аль-Малике! Никогда! Никогда?..

Несколько недель Зейнаб блаженствовала в Аль-Рузафе. Днем калиф уезжал, но почти всегда возвращался на ночь. Ведь Абд-аль-Рахман был правителем и не пренебрегал своими обязанностями даже в угоду наслаждениям. Он не мог позволить чинушам из правительства править вместо него. Они, конечно, исправно выполняли свои обязанности, а он свои. Еще его дед вывез из северной Европы воинов-славян — их потомки и по сей день составляют личную гвардию владыки и его семейства. В случае необходимости они обязаны предотвращать дворовые мятежи. Сакалибы, как они гордо именовали себя, были преданы одному лишь калифу.

Абд-аль-Рахман разработал целую социальную программу, дающую возможность так называемым «мувалладун» — мусульманам-неофитам — участвовать в делах государства. Эти люди были предками тех, кто ранее придерживался иных верований, но принял ислам после того, как первый Абд-аль-Рахман завоевал Аль-Андалус. Тех же, кто не исповедовал ислам, было в Аль-Андалус меньшинство, но все же они были. И всем было

предоставлено право исповедовать свою религию — право, тщательно охраняемое законом. Любой гражданин был вправе иметь собственность и совершать любые обряды, предусмотренные их религией — заключать браки, оформлять разводы, совершать погребения, придерживаться постов... В области торговли также никто не чинил им препон.

«Неверные», разумеется, платили подати в казну. Им не разрешалось носить оружия и проповедовать свою веру среди мусульманского населения. Они не вправе были свидетельствовать на суде против гражданина-мусульманина. Ограничения эти касались в основном христиан и евреев, но не слишком тяготили тех и других. В Аль-Андалус царили мир и спокойствие.

И при дворе самого калифа люди были самые разнообразнейшие. Конечно же, «мувалладун» — мозарабы (потомки христиан), евреи, берберы, арабы... Абд-аль-Рахману приходилось виртуозно балансировать и быть тонким политиком — ведь единственной его целью было процветание Аль-Андалус. Все это требовало от него немалых усилий — но дед его, эмир Абдаллах, мог бы гордиться своим внуком... Да, калиф был изощренным политиком — вне всяких сомнений. Он пользовался уважением равно как среди христиан, так и евреев, и мусульман... Даже послы иностранных держав нередко пользовались его мудрыми советами.

Поскольку калифу приходилось в поте лица трудиться на благо страны, редкие часы отдыха имели для владыки большое значение. Калиф умел их ценить — как, впрочем, и общество красивых и мудрых женщин. Но с появлением Зейнаб на душу калифа снизошел неведомый прежде сладостный покой. Девушка жила для него одного, ее не заботили дразги и склоки в гареме. Еще и поэтому калифа до глубины души возмутила наглая попытка ее убрать. Она сделала его счастливым. Он же хотел, в свою очередь, подарить ей счастье и сделать ее существование покойным и безмятежным.

Еще до их отъезда в Аль-Рузафу он отдал приказание произвести некоторые перестройки внутри своего гарема. Так и появились укромные и уединенные покои, нареченные «Двором с Зелеными Колоннами». Это был довольно обширный квадратный двор, обнесенный изящными портиками со стройными колоннами из зеленого агата, присланными калифу из Эйре. Кровли над двориком не было. В самом же центре двора красовался зеленый мраморный фонтан в обрамлении из вызолоченной бронзы. На бортике бассейна располагались двенадцать фигур: с одной стороны лев стоял лицом к лицу с драконом, антилопа — с орлом, а крокодил — с грифом. С другой же стороны таким же образом располагались голубь,

сокол и коршун, глядящие на утку, курицу и петуха. Все фигуры были отлиты из чистого золота и обильно усыпаны драгоценными геммами. Из рта каждой фигуры били чистые струйки. Пол же был выложен белыми и зелеными квадратными мраморными плитами.

Лишь одна узенькая дверь вела во двор из гарема. На противоположной же стороне располагались двери, ведущие во внутренние покои, двери роскошные, двойные, черного дерева, богато инкрустированные золотом. Снаружи и изнутри красовались золотые рукоятки в виде львиных голов держащих в зубах тяжелые кольца. Снаружи покои охраняли сакалибы — все двадцать четыре часа в сутки, вдоль всего портика стояли белоснежные и зеленые фарфоровые ящички, в которых цвели роскошные гардении, в воздух витал дивный аромат...

Внутренние же покои состояли из четырех отдельных комнат — большого зала, где Зейнаб могла развлекать господина, уютной спальни, кухни и нескольких комнат поменьше, для слуг. Все комнаты были богато изукрашены бархатом, шелками и атласом... И мебель тут стояла самая изысканная.

Наджу отрядили на невольничий рынок, чтобы выбрать и купить самую искусную повариху. Выбранную им негрityнку по имени Аида привели к самому калифу, который лично отдал ей распоряжения. Прежде всего она поклялась в верности и преданности ему, а также Зейнаб. Пообещала клятвенно, что, если кто-то попытается подкупить ее, она немедленно доложит Надже, который тотчас же проинформирует владыку. Приказывать ей вправе были только госпожа, калиф, Наджа и Ома. Более она никому не должна была подчиняться. И в случае, если кто-то вознамерился бы это оспорить, Аида тотчас должна была указать на злоумышленника Надже.

Обитательницы гарема вяло наблюдали за возведением новых покоев — для одних это было приятное развлечение в их праздности, другим просто не было до этой суеты никакого дела... Но Захра была до глубины души потрясена тем, что творилось у нее под самым носом, да еще в городе, носящем ее имя! Изумление вскоре сменилось гневом. Ведь эта девушка даже не жена — она простая наложница! Конечно, все любимицы владыки имели личные апартаменты, но покои эти ни в какое сравнение не шли с теми, что сейчас возводились для этой дряни Зейнаб! Абд-аль-Рахман и впрямь относился к девушке словно к принцессе крови. Неужели он утратил разум? Или это она подговаривает его намеренно унижить ее, Захру, и всех остальных? А если это так, то чего еще она потребует от одурманенного властелина?

И вновь Таруб пыталась успокоить подругу, но тщетно... Даже старший сын Захры Хакам был потрясен глубиной материнского гнева.

— Но это же прекрасно, что он смог вновь полюбить — и это в его-то возрасте! — великодушно воскликнул Хакам. — Так что же творится с тобой, мама?

— Он осыпает ее бесчисленными милостями и чересчур высоко превозносит! — гневно отрезала Захра. — Он ведет себя как старый дурак! Да полно, в своем ли он уме? Или эта девчонка его приворожила?

— То, что он дарует ей, он ни у кого не отнимает, мама, — а если он и вознес ее высоко, то вправе делать это! — В эту минуту Хакам необыкновенно походил на отца. — Отец в здравом уме и твердой памяти — может быть, даже более, чем когда-либо. И то, что тут не замешано колдовство, тебе прекрасно известно. — Хакам ласково взял мать за руку. — А ты просто занеможешь от этой дикой необузданной ревности... Молю тебя, перестань, иначе навлечешь на себя немилость отца!

Захра вырвала руку:

— Не тебе учить меня, как мне поступать, Хакам! Что же до твоего отца, то неужто ты и вправду думаешь, что меня волнуют его мысли? Старый сатир! Ну и пусть тешится своей Рабыней Страсти! Пусть он сделает ее королевой Аль-Андалус! Моя ненависть неизбывна!

— Ничего не понимаю... — говорил потом принц Хакам подруге матери Таруб. — Госпожа Зейнаб чем-то ее оскорбила? Унизила?

— В определенном смысле да, — отвечала принцу Таруб. — Но сделала она это вовсе не намеренно. Она молода и поразительно красива, мой господин. Должно было так случиться: в один прекрасный день появилась бы другая юная красавица и так же «оскорбила» бы твою мать. Я покорно встречаю старость. Пусть я располнела с возрастом, пусть это дань моей любви к сладостям — но я еще и дала жизнь троим детям и приемлю свою судьбу: она милостива ко мне, слабой женщине. Твой отец почитает меня и добр ко мне. У нас с ним сын и две дочери. Внуки мои многочисленны и дарят мне счастье. Твоя же мать, Хакам, всю жизнь была признанной любимой женой отца. Она видит себя все такой же юной, прекрасной и желанной, как в юности. Каждодневно глядясь в зеркало, она просто не замечает, как стареет. Не то теперь, когда явилась госпожа Зейнаб во всем блеске юности и красоты. Волей-неволей Захре приходится признать, что ее молодость миновала. Это больно... И злит ее. Ведь несмотря на любовь к ней твоего отца, он вот уже пять лет не посещает ее опочивальни! Что же до калифа, то он также не спешит записываться в старцы. И в этом ему успешно пособляет юная Рабыня Страсти. У нас,

женщин, совсем иная участь... Мы либо смиряемся со своей долей, либо приходим в бесплодную ярость.

— Это.., это моя мать пыталась отравить Зейнаб? — запинаясь, спросил Хакам.

В теплых карих глазах Таруб мелькнула тень беспокойства:

— Этого я не знаю, мой господин... Еще год тому назад я сказала бы, что это на нее непохоже, что это немыслимо! А теперь.., не знаю. За последние несколько месяцев твоя мать изменилась до неузнаваемости. Но, если это так, простит ли ее Абд-аль-Рахман?

— Ты — ее самая близкая подруга, госпожа Таруб, — сказал принц. — Следи за каждым ее шагом, умоляю тебя! И если почувствуешь, что она собирается сделать что-то с собою или с кем-то — тотчас же пошли за мною! Я обязан ее защитить!

А что они еще могли сделать? Через две-три недели калиф привезет из Аль-Рузафы Зейнаб. На дворе уже поздняя осень, и дни не только стали короче, а значительно прохладней. А ведь Аль-Рузафа — летняя резиденция, и зимой там холодно и неуютно. Строители трудились день и ночь, спеша закончить строительство Двора с Зелеными Колоннами. И вот все наконец было готово.

— Завтра, — объявил Зейнаб Абд-аль-Рахман, — мы отправляемся назад в Мадинат-аль-Захра. Я приготовил для тебя чудесный сюрприз, моя любовь. Я знаю, что ты останешься довольна.

— Ты балуешь меня! — отвечала она с улыбкой. — Правда, признаюсь честно, мне это приятно, добрый мой господин. Но как же мы можем уехать, не посетив этого милого павильона посреди озера? Ты ведь обещал, что мы поплывем туда вместе!

— Вот сейчас же и отправимся, — решительно заявил калиф.

— Но ведь вечерет, мой господин! — запротестовала девушка. — Луна уже взошла...

— И это самое лучшее время для нашего путешествия. — Калиф взял Зейнаб за руку и вывел ее из покоев прямо на берег озера, где их поджидала маленькая лодочка. Он помог ей войти в лодку, сам оттолкнул легкое суденышко от берега и принялся грести к самому центру озера. Через каких-нибудь пару минут он уже привязывал лодочку к крошечной пристани на островке. Сойдя на берег, он протянул руку Зейнаб и повел ее за собой.

Войдя в павильон, Зейнаб осмотрелась: домик был выстроен из дерева и весь вызолочен, а сверху увенчан прозрачным стеклянным куполом. Когда она подняла голову, калиф незаметно повернул какую-то рукоятку,

скрытую в деревянной стене, и из невидимого фонтана забила вдруг струя. Каскады прозрачной воды падали сверху на стеклянный купол, образуя сверкающий шатер, оградивший их от внешнего мира.

— 0 — о-о-о-ох! — из груди Зейнаб помимо воли вырвался вздох восхищения.

— Тебе нравится, моя любовь? — спросил калиф.

— Это поразительно! — воскликнула она, радуясь, как дитя. Немало времени прошло, покуда она заметила, что в комнате стоит широкое ложе, а подле него небольшой столик с вином, фруктами и мерцающим масляным светильником.

— Так ты заранее решил, что мы поедем сюда! — она захлопала в ладоши от восторга.

В этот момент из-за деревьев показалась луна, посеребрив хрустальные струи и озерную гладь. Калиф медленно снял свой расшитый шелковый кафтан, и Зейнаб, словно завороченная, последовала его примеру. Он заключил ее в объятия и нежно поцеловал. Пальцы его ласкали ее лицо, а она улыбалась владыке сияющей улыбкой.

— Ты — воистину самая прекрасная женщина в мире! — сказал он. — Я дам тебе все, что будет в моей власти, моя Зейнаб, любовь моя... Что бы ты ни попросила, тотчас же станет твоим.

— Но я хочу лишь одного, мой господин, — нежно отвечала она. Ее маленькая ладошка прильнула к щеке калифа. Перехватив ручку Зейнаб, калиф запечатлел на ладони пламенный поцелуй.

— Только одно слово, любовь моя, — и желание твое исполнится! — Глаза калифа жгли ее. За то время, что они провели вместе в Аль-Рузафе, он невероятно привязался к ней — и телом, и душой, и сердцем. То, что вначале было похотью, словно по волшебству обернулось истинной любовью...

— Подари мне ребенка, — просто сказала она.

— Ты хочешь родить мне дитя! — ..Его младшим сыновьям уже пять и семь лет. Он изумился этой просьбе и пришел в неописуемый восторг.

— Ты озадачен... — улыбнулась девушка. — Моя просьба разгневала тебя, мой господин?

— Ты любишь меня, Зейнаб? — вдруг спросил калиф. Она призадумалась, а потом ответила:

— Если говорить абсолютно честно, я не знаю, мой господин... Было время, когда я думала, что полюбила одного.., одного человека, но чувство мое к тебе совершенно иное... И все же подумай: разве я умоляла бы тебя подарить мне дитя, если бы не испытывала к тебе нежности? — Она

смущенно улыбнулась и золотоволосая ее головка легла на его плечо. — Ведь я не бессердечна...

Руки его сомкнулись вокруг стана девушки. Губы прильнули к мягким волосам:

— Я люблю тебя с той самой минуты, как ты вышла из носилок в Зале Калифата... Она нежно рассмеялась:

— Тогда ты возжелал меня... Калиф улыбнулся.

— Это правда, — признался он. — Но я также полюбил тебя. Не так, как люблю сейчас, моя Зейнаб, но вправду полюбил...

И глаза его были правдивы... Да, он любит ее, или искренне считает, что любит. Да и она к нему далеко не равнодушна... Она прерывисто вздохнула, когда сильные руки принялись ласкать ее тело. Все остальное постепенно утрачивало свое значение...

Ладони калифа заскользили по ее груди.

— Твои груди словно два граната: спелые и полные сладкого сока... — прошептал он ей на ушко. Пальцы касались чувствительных сосков. — А соски у тебя словно те маленькие вишенки, что ранней весной привозят в Аль-Андалус из Прованса...

Руки Зейнаб обвили шею калифа, она с радостью отдавала юное свое тело его нежным ласкам. Он притянул ее к себе за тонкую талию — так крепко, как только мог. Она снова положила головку на его плечо, а его горячие губы ласкали ее шею и ушко. Он слегка прикусил мочку, а потом кончик языка ощупал всю раковинку... Рука стиснула грудь. Грациозно изгибаясь в его объятиях и прижимаясь к нему еще крепче, она ощутила его возбужденную плоть, упершуюся ей в живот. Сильные руки сомкнулись на ее бедрах. Деликатно высвободившись, она за руку подвела калифа к просторной кушетке и ласково опрокинула его на спину.

Сама же она опустилась на колени у ложа и принялась ласкать господина. Он прерывисто вздохнул, тая от прикосновений этих нежных ручек. Вскоре Зейнаб скользнула в его объятия. Склонившись над ним, она покрывала нежнейшими легкими поцелуями все его тело. Золотой водопад волос скрыл тело калифа, словно шелковая занавеска — нежная ласка легких волос заставила его вздрогнуть. Под прикрытием этого дивного покрова губки Зейнаб сомкнулись вокруг возбужденной плоти. Она сдавила губами головку — владыка вздрогнул от наслаждения. Тогда она забрала член глубже в рот и принялась сосать его, пока не ощутила на языке вкус первой капли любовного сока...

А пока она безумствовала над ним, калиф рукой нащупал ее пухленький венерин холмик. Пальцы проникли меж нежных губок, ища

потаенную жемчужину — и вот он уже нащупал ее... Какое-то время он поддразнивал ее, а когда девушка тихонечко всхлипнула, не прекращая водить язычком вокруг рубиновой головки его члена, калиф ввел два пальца в ее горячие недра и принялся двигать ими там взад и вперед, пока плоть ее не стала сочиться...

Зейнаб нежно высвободилась и оседлала любовника, вобрав в себя его возбужденную плоть одним грациозным движением. Его руки легли ей на грудь. Закрыв глаза, она выгнулась, наслаждаясь ощущением трепетной плоти в своем теле. Некоторое время она ритмично двигалась, но потом он опрокинул ее на ложе, широко раздвинул ее ноги и снова вошел в нее...

...Как это сладко, лениво думала она, всецело отдаваясь бешеному ритму его мощных движений. Она вся трепетала — и вот достигла вершины, потом еще раз, и еще... С криком она вонзала ногти в его плечи, скользя ладонями по его напряженной спине. Она задышалась, ощущая, как член словно взбухает в ней, а затем выстреливает в ее жадно-жадущее лоно струю плодородного семени. И она расслабилась — волна наслаждения захлестнула ее с головой...

А после они, счастливые, лежали навзничь, утолив на время волчий голод. Над ними невидимый фонтан продолжал извергать хрустальные струи, сладко пела ночная птица, призывая невидимого друга, а луна заливала колдовским своим светом их горячие тела...

— Она в тягости... — мрачно сообщила Захра своей подруге Таруб. Красивое лицо ее было искажено от волнения. Она практически не спала вот уже несколько дней.

— Ох, да прекрати ты, наконец! — резко бросила Таруб. — У нашего господина Абд-аль-Рахмана уже восемнадцать детей! Это будет просто девятнадцатый...

— А вдруг родится сын? — в голосе Захры слышалось отчаяние. — Что, если эта.., если она убедит владыку сделать своего ублюдка наследником вместо Хакама?

Таруб ушам своим не верила. Захра всегда была разумной, более того, мудрой и практичной. Сейчас же она вела себя как безумная. Да и выглядела таковой...

— Захра! Захра! Возьми же себя в руки! — взмолилась Таруб. — Владыка никогда не откажет Хакаму в праве наследования! Он любит его больше всех остальных детей! Калиф ведь уже немолод... Ну рассуди сама, Хакам уже взрослый, а это дитя еще и не родилось! Соверши владыка такое, он поставил бы под угрозу будущее всего калифата! И потом, вдруг у

Зейнаб родится девочка?

— Об этом я не подумала... — голос Захры звучал безжизненно.

— Она вся светится от счастья, — доверительно сообщила подруге Таруб.

— Так ты была у нее? — изумилась Захра. «С какой это стати Таруб потащила к ней, к этой?.. Что — Зейнаб подыскивает себе влиятельную подругу и покровительницу? Ах, так вот оно что! Таруб втайне лелеяла честолюбивые планы в отношении своих отпрысков, теперь ее заботит будущее внуков... Таруб никогда ее не любила... Я одинока», — с горечью подумала Захра.

— Она бы с радостью приняла тебя, согласись ты прийти! — невозмутимо продолжала Таруб, не подозревая о тайных мыслях подруги. — Ты ведь даже не дала себе труда к ней присмотреться! Ты выдумываешь для себя всякие страшные сказки: Зейнаб, мол, ужасная злодейка, чудовище... Она не такова, поверь! Она простая девушка, которая хочет мужской любви, хочет родить своему господину дитя... Она мне положительно нравится.

— Она тебе нравится? — Захра пришла в смятение, заметалась, но тотчас же ее ослепил гнев:

— Так она тебе нравится! Это не Зейнаб простушка, а ты, Таруб! Она обвела тебя вокруг пальца — да полно, ты еще раньше выжила из ума! Ты дура! Просто тупая толстуха, мозги которой заплыли жиром!

Глаза Таруб тотчас же наполнились слезами:

— Что я тебе сделала? Почему ты так жестока со мною, Захра? Ведь я всегда была твоей подругой! Была тебе предана, стояла за тебя горой все эти годы, проглатывала твои оскорбления, все прощала тебе, да еще и улаживала твои отношения со всеми, кого ты обижала! А Зейнаб не подавала тебе никакого повода невзлюбить ее! Ты же ее совсем не знаешь, и твои идиотские подозрения безосновательны! Да, она мне нравится! Нравится! А ты... Если бы ты любила Абд-аль-Рахмана по-настоящему, ты радовалась бы этой его новой любви, а тебя заботит лишь твое собственное положение. Ах, в твою честь назван целый город! Ах, твой сын — законный наследник владыки! Да ты вовсе не любишь калифа! И, как я теперь понимаю, не любила ни единого дня! Ты трясешься за свое привилегированное положение, боишься, что Зейнаб займет твое место. И отныне я от всей души этого желаю!

Закончив свой гневный монолог, Таруб с неожиданной для столь полной женщины прытью вскочила с шелковой подушки, на которой восседала. Возмущенно шурша оранжевыми шелковыми юбками, она

величественно выплыла из покоев Захры.

Эта вспышка гнева неизменно добросердечной толстушки Таруб на какое-то время слегка отрезвила Захру. Да, она позволила своей неразумной ненависти к Зейнаб возобладать над трезвым рассудком... Так она просто привлечет к себе внимание наложниц, выставит себя на посмеище! О, она знала, сколь многие испытывают к ее благополучию и положению чернейшую зависть! Как обрадует их ее падение! Просто смешно ненавидеть Зейнаб за одно то, что она молода и хороша собой... Она, как и все смертные, будет с каждым годом стареть, а ее краса — увядать. Она не обладает здесь властью!

А уж власть — о, это Захра хорошо знала, — и есть ключ к счастью! Только власть — и ничто, кроме власти! А если юная прелестница и впрямь ничего более не желает, «кроме как сделать счастливым Абд-аль-Рахмана, да из года в год рожать ему детей — тогда жертва она, Зейнаб! Просто жертва! Неужели она начисто лишена честолюбия? О, тогда она пропала! Ведь как только чрево ее отяжелеет и талия расползется, калиф тотчас же утратит к ней всяческий интерес! Ну, а когда дитя родится, вернется ли калиф к прежде любимой игрушке? Да полно, сможет ли она вернуть его благосклонность? Или, подобно большинству обитательниц гарема, прежде любимых, будет позабыта?

Ну и пусть эта идиотка Таруб хоть каждый день бежит во Дворик с Зелеными Колоннами навещать Зейнаб — наложницу, которую вскоре все позабудут! Они из одного теста. Глупые и слабые... И пускай эта Зейнаб возомнит с помощью льстивой Таруб, что вскоре станет владицей! Захра помнила дерзость Зейнаб во время их первой встречи в бане. — Та была дерзка, несмотря на то, что молила ее о благосклонности, невзирая на то, что умильно улыбалась!» Не видать ей моей благосклонности, как собственных ушей, — мрачно думала Захра. — Она для меня — пустое место. Мне на нее наплевать. А вскоре и калиф от нее отвернется...«

Но калиф был вне себя от счастья, когда узнал, что любимейшая его наложница ждет ребенка. Он знал, что дитя было зачато в одну из тех страстных ночей, которые они провели вместе в Аль-Рузафе. Зейнаб должна была родить в начале лета. Когда же девушка уверилась совершенно в том, что носит под сердцем желанный плод, калиф призвал Хасдая-ибн-Шапрута, дабы тот подтвердил, что Зейнаб здорова и что дитя родится в срок. Ах, какой поднялся бы скандал, если бы доктор не проник в гарем тайно, с величайшими предосторожностями! Он явился в сопровождении своей помощницы Ревекки., и самого калифа.

— Ты в тягости, — сказал он, лишь взглянув на Зейнаб. Да в этом уже

не было ни малейших сомнений...

— Верю в это всем сердцем, господин доктор, — откликнулась девушка.

— Перечисли мне подробно все признаки.

— Моя связь с луною прервалась, — начала она. — Меня часто подташнивает. А от сильных запахов — особенно от запаха еды — у меня головные боли начинаются... Груды мои набухли и болезненны на ощупь — особенно соски. И мой повелитель не может теперь их коснуться, не причинив мне боли...

Хасдай задумчиво кивал, а затем подал знак Ревекке. Та вручила Зейнаб небольшую стеклянную чашу;

— Ты должна помочиться сюда, госпожа. Господин Хасдай исследует твою мочу.

Зейнаб удалилась за перегородку в сопровождении Омы, несущей прозрачную чашу. Через минуту Ома вышла и вручила чашу врачу. Из-за перегородки появилась Зейнаб и уселась на удобный стул с широким, обтянутым кожей сиденьем.

Хасдай-ибн-Шапрут поднес к глазам чашу и некоторое время внимательно смотрел мочу на просвет.

— Моча ее почти совершенно прозрачна, мой господин, — заговорил он. — Но опытному глазу уже заметна легкая, почти неприметная муть. Это вполне нормально. — Врач принялся к содержимому чашки. — Здорова. — Потом, окунув в чашку палец, взял его в рот. — Здорова! — уверенно сказал он. — Моча чуть сладковата, но девушка вполне здорова, мой господин. В ее положении так и должно быть. А теперь прошу вашего позволения осмотреть ее, мой господин.

Калиф кивнул:

— Можешь коснуться ее, Хасдай. Я знаю, что ты целомудрен.

Врач благодарно кивнул и обратился к Зейнаб:

— Дай мне руки, госпожа. — Внимательно осмотрев их, сказал:

— Отеков не видно — это добрый знак. И ногти свидетельствуют о здоровье, лунки у основания белы и чисты, синевы не видно — это также радует. А теперь прошу вас прилечь, госпожа... — Зейнаб послушно легла, и врач осторожно ощупал ее живот. Удовлетворенный, он поблагодарил ее и обратился к калифу:

— Она несомненно беременна, мой господин, и, похоже, совершенно здорова. Она широка в бедрах и должна разрешиться легко...

— И вовсе я не широка в бедрах! — возмущенно воскликнула Зейнаб. — Я тоненькая и стройная, мой господин хоть сейчас может

убедиться...

— Я неловко выразился, госпожа, — извиняющимся тоном сказал Хасдай. — Просто расстояние между бедренными костями достаточно велико, что сулит благополучные роды.

— Ты стройна, словно юная нимфа! — сказал калиф, весело улыбаясь.

— Ты шутишь! Ты смеешься надо мною! — воскликнула Зейнаб и расплакалась.

— Вот и раздражительность — еще один признак беременности, — сухо отметил Хасдай-ибн-Шапрут. — В это время у женщины все чувства обостряются.

— Проводи моего ученого друга и его помощницу во дворец, Наджа, — калиф старался говорить серьезно, с трудом удерживаясь, чтобы не расхохотаться. Потом заключил любимую в объятия. — Ну-ну, моя любовь, перестань плакать... Я обожаю тебя, Зейнаб — и у нас родится самое красивое на всем свете дитя! Молю Аллаха, чтобы он благословил нас дочерью, столь же прекрасной, как мать! Назовем ее Мораимой.

— Мораимой? — всхлипнула Зейнаб, прижимаясь к плечу калифа. В его сильных руках было так покойно, так уютно...

— Да, моя любовь, — тихо сказал он, целуя ее во влажные от слез губы.

Подхватив ее на руки, калиф нежно уложил Зейнаб на постель. Встав подле нее на колени, он аккуратно расстегнул пуговицы ее кафтана и погладил груди.

— Ты так красива, Зейнаб, — нежно прошептал он, целуя ее слегка округлившийся животик. — Я люблю тебя и паше дитя.

Пришла зима, за нею наступила весна — и вот уже лето... Время летело быстро. Чрево Зейнаб отяжелело и налилось. Но, ко всеобщему изумлению калиф отнюдь не утратил интереса к прекрасной своей наложнице. Напротив, казалось, что страсть его к ней день ото дня крепнет.

— Думаю, она сделается его третьей женой, — говорила Захре Таруб. Они почти не разговаривали друг с другом, но, демонстрируя столь нехарактерную для нее мстительность, Таруб захотела побольнее укусить Захру. Она не забыла ее жестокости. — Он ждет это дитя с таким нетерпением, что я его просто не узнаю!

— Она может умереть родами... — холодно сказала Захра. — Она тонка в кости и несомненно слаба. Или... — на губах ее мелькнула страшная усмешка, — ..дитя может умереть вскоре после рождения...

— Твои угрозы и проклятия в адрес любимой и будущего младенца не понравились бы калифу... — Таруб лучезарно улыбнулась Захре. — Как

опрометчиво, с твоей стороны, говорить такое в присутствии женщины, которой Абд-аль-Рахман несомненно поверит, если она донесет на тебя! Ах, Захра, твоя безумная ревность застит тебе разум, ты так неосторожна!

— Никогда не быть ей его женой! — сказала Захра, хотя менее всего была в этом уверена...

Таруб же издевательски рассмеялась и покинула Захру, оставив ее в одиночестве терзаться мрачными своими мыслями.

В середине месяца Мухаррам — по европейскому календарю в конце июля — у Зейнаб начались роды. Родильное кресло, вызолоченное и украшенное драгоценными камнями, принесли во Двор с Зелеными Колоннами. Хотя туда и не допускали посторонних, но множество обитательниц гарема облепили двери, прислушиваясь и ожидая известий. В апартаменты Зейнаб величественно проследовала Таруб в сопровождении двух других наложниц Абд-аль-Рахмана — Бацеи и Кумар, также родивших владыке детей. Они должны были помогать роженице. Наджа встретил их почтительным поклоном. Кумар была персиянкой — детишки у нее выходили на славу, крепкие и здоровенькие. А рыжеволосая галатианка Бацея была матерью младшего сына калифа, Мурада. Обеим наложницам было лет по двадцать пять...

— Что — боли уже сильные, да? — на круглом лице Таруб было выражение материнской заботливости.

— Она выглядит крепкой, — жизнерадостно сказала Кумар. — Я уверена, она прекрасно родит!

— Ты только не бойся, — говорила Бацея юной роженице. — Роды — это нормальное отправление женского организма. Природа мудра. А мы будем при тебе и поможем... У меня вот сыночек и дочка, а у Кумар и вовсе трое: сынишка и две дочери. А ты? Хочешь еще кого-нибудь родить?

— Ах, самый подходящий вопрос в такое время! — рассмеялась Кумар. — Бацея, конечно, милашка и душечка, но галатианки никогда не славились умом...

— Уж будто у персиянок ума палата! — отпарировала Бацея. — Вспомни, душечка моя: когда ты забеременела впервые, то, лишь когда дитя взыграло во чреве, до тебя дошло, что случилось! — Молодая женщина добродушно рассмеялась, но признала:

— Конечно, я глупая, не вовремя полезла с вопросами...

— Помолчите вы, обе! — осадила их Таруб. — Трещите как сороки! Мы должны помочь Зейнаб, а не забивать ей попусту голову!

Роженица же как раз в этот момент вскрикнула.

— О, Аллах! — боль пронзила все ее тело.

— Вот это славно! — похвалила набожная Таруб. — Призывай Бога, и он охранит и тебя, и младенца.

Обе наложницы подавились смешком, встретившись глазами с Зейнаб. Ах, как давно Таруб сама рожала в последний раз! Позабыла, верно, что вопли роженицы схожи более с проклятиями, нежели с молитвой!

— Вот какую цену приходится платить за любовные утехы! — наставительно сказала Бацея, блеснув озорными зелеными глазами, — и Зейнаб невольно улыбнулась...

— Спасибо, в следующий раз буду умнее! — она хихикнула, но тут же застонала от нового приступа боли.

Так в течение нескольких часов они обихаживали и подбадривали Зейнаб. Кумар, более подвижная и гибкая, нежели Таруб, встала на колени и расстелила чистую ткань под родильным креслом, на котором возлежала Зейнаб. А за дверями опочивальни калиф вместе с Хасдаем-ибн-Шапрутом ожидал известий — врача он вызвал на случай непредвиденных осложнений. Но помощь медика не потребовалась. Вскоре из-за дверей раздалось нежное мяуканье, а пару минут спустя Таруб, улыбаясь во весь рот, величественно вышла из спальни, держа на руках крошечный сверточек.

— Мой муж и господин! — торжественно произнесла она. — Вот твоя дочь, принцесса Мораима. Зейнаб чувствует себя прекрасно и надеется, что доставила тебе радость.

Из опочивальни вышли Бацея и Кумар. Теперь все три женщины умилялись и агукали, любясь младенцем.

Калиф взял на руки новорожденную дочь в присутствии жены, двух наложниц и Хасдая-ибн-Шапрута. Нежно баюкая дитя, он рассматривал крошечное личико. К его бурному восторгу, дитяшко глядело прямо на него серьезными ярко-голубыми глазами. А пушок на маленькой головке был светло-золотым. Похоже было, что девочка унаследует чудный цвет волос матери...

— Я свидетельствую в присутствии близких мне людей, что это родное мое дитя, моя дочь, — торжественно произнес Абд-аль-Рахман. Затем, не выпуская из рук младенца, вошел в опочивальню Зейнаб. Он подошел к ложу и преклонил колени:

— Ты прекрасно справилась, дорогая моя, любовь моя! — нежно говорил он утомленной юной женщине. — Я официально признал это дитя своей дочерью в присутствии четверых свидетелей. Теперь никто не сможет оспорить мое отцовство, а когда она подрастет, замуж я ее отдам за самого прекрасного принца! Ну, а теперь спи, моя радость!

Поднявшись, он передал ребенка Оме и удалился из апартаментов любимой.

...Зейнаб лежала в полном изнеможении, но сон не шел к ней. У нее дочь — и эта дочь настоящая принцесса! Она вдруг подумала о том, кто родился у Груочь — сын или дочь? Не появился ли у нее за это время еще ребенок? Сестру наверняка удивило бы, узнай она, что сестра ее Риган вовсе не томится в мрачной обители, а стала любимой и дражайшей наложницей великого владыки и матерью принцессы... А Карим... О, почему, почему думает она сейчас о нем?! За все эти месяцы она ни разу о нем не вспомнила, и была счастлива этим... И вот снова это наваждение! Узнает ли он, что она родила калифу дочь? А может, он сам давно стал отцом — ведь тотчас же по возвращении в Малику он женился? Ну, конечно же, жена наверняка уже родила ему дитя! Какой счастливой могла бы быть ее жизнь, стань она невестой Карима, а не Рабыней Страсти при дворе могущественнейшего Абд-аль-Рахмана! Вот сейчас она заснет, а когда проснется, все останется как есть. Чуда не совершится. Она будет, как и прежде, обожаемой наложницей калифа, матерью его дочери, а Карим так и останется воспоминанием... Одинокая слезинка скатилась по ее щеке. Никогда она не полюбит калифа, но будет почитать его, ублажать, и он никогда не узнает о том, что у нее на сердце... Повернувшись лицом к стене, усилием воли она заставила себя задремать...

— Она только и смогла, что произвести на свет тщедушную девку! — скалила зубы Захра вечером в бане.

— Да ведь они и хотели дочь! — ласково сказала Таруб. — Они придумали ей имя уже несколько месяцев тому назад. О сыне они и не помышляли. Это должно обрадовать тебя, Захра. Можешь теперь не беспокоиться, что дитя Зейпаб — угроза для твоего Хакама. — И, смеясь, она удалилась.

Захра могла гневаться и беситься сколько» лезет. Благоволение калифа значило для жен и наложниц куда больше, нежели благосклонность его первой жены. К тому же все чувствовали, что звезда Захры клонится к закату. Вереница женщин тянулась во Двор с Зелеными Колоннами, каждая несла какой-нибудь прелестный подарочек для новорожденной принцессы, все наперебой расхваливали ее и умилялись ее красотой, желая ей счастья. Даже принц Хакам посетил свою крошечную сестричку. Он принес серебряный мячик, внутри которого звенели крошечные колокольчики, и теперь забавлял малютку.

— У меня самого нет детей, — объяснял он Зейнаб. — Но помню, когда я был маленький, у меня была такая игрушка, и я ее просто обожал...

— Он нежно улыбался собеседнице, а когда та ответила ему сияющей благодарней улыбкой, Хакам вдруг понял, почему отец полюбил эту женщину... Он горячо соболезнавал матери. Да, Захра была юношеской, первой любовью Абд-аль-Рахмана, но у принца не было ни малейших сомнений в том, что Зейнаб стала последней и страстной любовью отца. Это же совершенно потрясающая девушка!

— Я всегда буду любить мою сестренку Мораиму и оберегать ее, госпожа, — чистосердечно сказал он.

Таруб же, разумеется, поспешила щедро посыпать соль на раны Захры, рассказав бывшей своей подруге о визите принца.

— Мне кажется, что Зейнаб очаровала Хакама так же, как и калифа! — фальшиво улыбаясь, говорила она. — Эта девушка покорила весь гарем!

Захра смолчала, но про себя поразилась количеству яда, скопившегося в душе Таруб. Видно, крепко она ее обидела... Захра всегда считала вторую жену калифа просто толстой дурой, но это было ошибкой. Какая же это, оказывается, опасная стерва! А ежели калиф и вправду сделает Зейнаб третьей своей женой, о чем без умолку судачили гаремные кумушки, что ж, тогда они вдвоем с Таруб станут силой, с которой нельзя будет не считаться. Ведь старший сын Таруб Абдаллах — второй по счету сын Абд-аль-Рахмана... Что, если эти две мерзавки в сговоре и хотят лишить ее Хакама законного права на наследство? Нет, доказательствами Захра не располагала, но она в них и не нуждалась. Она просто прикидывала, что ей делать, если она падет...

А новая фаворитка внезапно занемогла, а вместе с нею и дитя, и прислужница... Вообще-то, ребенка полагалось тотчас же после рождения отослать в особое учреждение, где выкармливали младенцев, рожденных наложницами с тем, чтобы последние могли вновь служить своему господину. Но для Зейнаб это было смерти подобно... Ведь женщины Аллоа, даже самые высокородные, никогда не отдавали детей на сторону, по крайней мере, в своем абсолютном большинстве. Зейнаб на коленях молила калифа позволить ей вынянчить Мораиму самой, покуда не подыщут кормилицу и не привезут во Двор с Зелеными Колоннами. Абд-аль-Рахман с нескрываемым удовольствием снизошел к ее просьбе. Он полюбил сидеть подле нее, кормящей дитя грудью. Приятно было ощутить себя просто обыкновенным человеком, просто отцом, пусть даже ненадолго... И вот теперь Зейнаб, Мораима и Ома хворали...

Тотчас же был призван Хасдай-ибн-Шапрут, так как тотчас же заподозрили отравление. Из прислужников фаворитки не занемогли лишь двое — Наджа и Аида, и, соответственно, все подозрения пали на них. Но

лекарь тотчас же опроверг эту догадку, признав Наджу и Аиду невиновными, чем заслужил искреннюю благодарность Зейнаб.

— Слишком очевидно, — говорил врач, — что яд находится в чем-то, чем пользуются лишь госпожа и Ома. Малютка-принцесса отравлена материнским молоком. Ее надлежит тотчас же изолировать от матери, ради спасения ее жизни.

Рыдающая Зейнаб передала младенца помощнице лекаря Ревекке.

— Не волнуйтесь так, добрая госпожа, — повторяла Ребекка. Она сама была матерью, и привязанность Зейнаб к малютке-дочери тронула ее сердце. — Я уже присмотрела замечательную кормилицу, она живет в еврейском квартале. Дородная здоровая девушка, у которой молока столько, что можно выкормить и не одно дитя... Она будет приглядывать за нашей принцессой, как за своею родной, — а видеть ребенка вы сможете в любое время, когда пожелаете.

— А почему не может эта женщина пожить здесь? — всхлипнула Зейнаб.

И Хасдай-ибн-Шапрут принялся терпеливо растолковывать:

— Потому, госпожа, что причина вашего с Омой недомогания пока не выяснена, а ведь нянька может тоже занемочь. Покуда дело не прояснится, ребенка необходимо надежно защитить.

— Да, да! — тотчас же согласилась Зейнаб и повернулась к калифу:

— О, дорогой мой господин, не допусти, чтобы что-нибудь дурное приключилось с нашим ребенком! Ведь она для меня все — и, если ее не станет, я умру!

— Хасдай разгадает эту шараду, — пообещал любимой калиф, заключая ее с нежностью в объятия, отчего Зейнаб разрыдалась еще безутешней.

...Да, вне сомнений, это был яд. Всего через каких-нибудь два дня девочка была абсолютно здорова, а вот мать ее и Ома расхворались еще пуще...Как же умудрялся злоумышленник отравлять госпожу и Ому, и при этом не причинять зла Надже и Аиде? Медик размышлял об этом непрестанно. Все их одежды переменили на новые — но все оставалось по-прежнему. Хасдай тщательно обследовал пищу, приготовляемую Аидой, — но ничего не обнаружил. К тому же все ели одно и то же... В чем же дело? В чем? Что же такое делают лишь Зейнаб и Ома в отличие от остальных? И у Хасдая вдруг словно спала с глаз пелена...

Они вместе купались ежедневно в бане! Дважды в день, в личной бане при апартаментах Зейнаб! Хасдай тотчас же приказал принести пробу воды из фонтана и бассейна. Он сразу же запретил Зейнаб и служанке входить в

баню, по крайней мере до тех пор, пока не удостоверится. И вскоре обнаружилось, что врач не ошибся. Вся вода была отравлена! Яд проникал в организм через поры кожи и медленно убивал обеих юных женщин... Лекарь возблагодарил Бога за то, что успел вовремя, и тотчас же прибег к териакке.

Обо всем тотчас же донесли калифу, и тот понял наконец, кто покушался на жизнь Зейнаб теперь и, возможно, в первый раз. В гареме было лишь одно лицо, располагающее достаточной властью, чтобы совершить такое. Калиф раскинул сети — и пташка тотчас же попалась...

— Я приказал схватить рабыню, которая подливала очередную порцию яда в резервуар с водой, — рассказывал он Хасдаю-ибн-Шапруту. — Двое моих самых верных стражников притаились в засаде и застали ее на месте преступления. Не понадобилось долго уговаривать ее признаться, кто за всем этим стоит. Госпожа Захра... Преступную рабу тотчас удавили.

— Что ты предпримешь, мой господин? — спросил Хасдай.

В тяжелом вздохе калифа ясно слышалась глубочайшая сердечная боль...

— Не в моей власти защитить Зейнаб от Захры, мой Хасдай. Ведь это значило бы публично низложить Захру. Она мать моего наследника, и, разведись я с нею, я вбил бы клин либо между Хакамом и его матерью, либо между сыном и собою самим... На это я решиться не могу. Много лет тому назад я решил, что калифом после моей смерти станет Хакам. А то, что я ни разу не поколебался в своем решении, стяжало мне уважение и любовь его братьев и дядьев... Нет никаких сомнений, никаких колебаний — и никогда не было. Хакам — мой наследник. Если бы я опозорил его мать, все тотчас решили бы, что это лишь первый шаг в низложении Хакама. И никакие мои слова не смогли бы их переубедить. Вокруг прочих моих сыновей возникли бы группировки придворных. Четверо уже взрослые — и их запросто можно толкнуть на заговор... Ведь власть опьяняет сильнее всего на свете, Хасдай. Золото, прелестные женщины, победа и слава в бою — все это меркнет перед блеском власти. Мой отец был умерщвлен собственным братом, который так и не смирился с решением моего деда о наследовании... Я своего отца даже не помню, но дед мой из всех прочих его сыновей выбрал именно меня и растил до тех пор, покуда руки мои не стали достаточно сильными, чтобы принять бразды правления Аль-Андалус. Я правлю страной вот уже более тридцати лет, и все это время в стране царил мир. А мир — это процветание. Теперь Аль-Андалус наиболее сильная и процветающая держава в целом свете! И так будет, друг мой, ибо я не допущу раздоров, могущих все загубить! К

несчастьем, я не могу предотвратить войны в собственном гареме без того, чтобы это не стало достоянием гласности. Уже дважды Захра покушалась на жизнь моей возлюбленной Зейнаб. Дабы предотвратить дальнейшие попытки, я должен либо избавиться от Захры, либо отослать Зейнаб и дитя прочь отсюда, чтобы сберечь жизни обеих. Иного выбора у меня нет...

— Ты даруешь ей тогда свободу, мой господин? — спросил лекарь. Он в любой ситуации оставался медиком, ему весьма не нравился вид Абд-аль-Рахмана. Калиф был бледен, а кожа его лоснилась от пота. Он был невероятно взволнован.

— Я не могу подарить ей свободу, Хасдай. Несмотря даже на то, что законы ислама дают женщине право на владение собственностью. Но без защиты мужчины она беспомощна и ежечасно подвергается опасности. Нет, Хасдай, я не освобожу Зейнаб... Я отдаю ее тебе. У тебя нет жены, которая бы этому воспротивилась, а я к тому же буду очень щедр. У нее будет собственный домик в окрестностях Кордовы на берегу реки, свой штат слуг и немалый доход из казны, который позволит безбедно существовать ей и ребенку. Но с этой минуты она принадлежит тебе, Хасдай-ибн-Шапрут.

Лекарь опешил. Он даже подумал было, что ослышался.

— Конечно, вы станете наезжать к ней... — нерешительно спросил он. Абд-аль-Рахман отрицательно покачал головой:

— С той самой секунды, как она покинет Мадинат-аль-Захра, я не увижу ее более... Она не будет больше моей.

У Хасдая от напряжения мешались мысли:

— А что.., что маленькая принцесса? Лицо калифа исказила судорога боли:

— Конечно, время от времени я буду видеться с дочерью... — Абд-аль-Рахман вдруг пошатнулся.

— Сядьте, мой господин! — врач завладел запястьем калифа и принялся считать пульс. Он был учащенным и прерывистым. Порывшись в кармане, лекарь извлек оттуда маленькую пилюлю:

— Положи под язык, мой господин.

Это облегчит боль в груди.

Абд-аль-Рахман даже не поинтересовался, откуда Хасдай-ибн-Шапрут узнал об этой боли, разрывающей ему грудь. Молча он взял пилюлю. Когда боль немного отпустила, он прошептал:

— Как скажу я ей об атом, Хасдай? Как скажу я этой девушке, которую люблю всем сердцем, что мы не увидимся больше? — Глаза владыки были влажны.

— Тогда надобно увезти ее отсюда нынче же вечером, — тихо сказал врач. — Мы ничего ей не скажем, кроме, пожалуй, того, что это делается ради ее безопасности. Через несколько дней, когда они с Омой вполне оправятся, ты приедешь и скажешь ей все, но не сегодня. Тебе необходимо восстановить силы...

Калиф медленно кивнул:

— Никто не должен знать о ее местонахождении, Хасдай. Для Захры достаточно будет того, что она исчезла. С Женой я поговорю сам. Ты будешь добр с Зейнаб?

— Мой господин, я буду всячески почитать ее...

— Воля твоя — можешь почитать ее, но ты должен ее еще и полюбить! — сказал Абд-аль-Рахман. — Ей необходима любовь, а она взамен подарит тебе неземное блаженство, друг мой.

К изумлению калифа, Хасдай-ибн-Шапрут мучительно покраснел.

— Мой господин! — сказал он. — Я крайне неопытен в делах сердечных. Всю свою сознательную жизнь я занимался наукой, стараясь принести пользу стране моей... Со дня на день ожидаются посланные из Византии. Они привезут мне для перевода трактат «Де Материя Медика» — и вскоре можно будет открыть медицинский университет в Кордове. У меня вряд ли останется время на что-то постороннее... Я буду очень занят работой с переводчиками-греками. Вот почему я так и не женился, чем по сей день привожу в отчаяние отца.

Слова лекаря позабавили калифа: он понял, что, когда первый порыв печали минует, Зейнаб вскоре опять захочется любви, а шансы у Хасдая-ибн-Шапрута устоять против ее волшебных чар весьма невелики...

— Я уверен, ты сделаешь для Зейнаб все. — Абд-аль-Рахман думал про себя, что она сделает для Хасдая куда большее... — Я отдам распоряжение, чтобы ее со всем скарбом нынче же перевезли. Потом я навещу госпожу Захру. А ты будешь сопровождать Зейнаб, друг мой.

Врач низко склонился. Цвет лица его пациента теперь нравился ему куда больше.

— Но не позволяй госпоже Захре всерьез расстроить тебя, господин мой!

Калиф кивнул и величественным шагом удалился из Двора с Зелеными Колоннами. Он разрушит все это великолепие, когда она покинет его... Ни одна женщина не поселится здесь. Подобно Зейнаб, этот прелестный дворик должен остаться лишь волшебным воспоминанием. Найдя Распорядительницу гарема и старшего евнуха, он отдал им все приказания касательно Зейнаб.

— Предупреждаю вас обоих: если вы хотя бы словом обмолвитесь кому-нибудь о том, что слышали от меня, — я прикажу вырвать вам языки! На что после этого сгодишься ты госпоже Захре, Баллада? А ты, Наср, помни: господин твой — я, а вовсе не госпожа Захра! Я правлю всей Аль-Андалус — и гаремом тоже, а не она.

Он оставил их мучиться поисками причин такой его суровости, а сам отправился в покои первой своей жены. Войдя, он тотчас же приказал прислужницам удалиться. Они поспешили прочь, потрясенные тем, что он вошел туда, где не был вот уже многие годы...

Захра подняла глаза — лицо ее было спокойно и бесстрастно.

— Чем могу я служить тебе, мой дорогой господин?

— Я знаю обо всем, что ты сделала, — сурово произнес он. — Посланная тобой рабыня была схвачена и во всем созналась, прежде чем была умерщвлена! Ты страшная женщина, Захра.

— Если я и сделала что-то не так, — ласково ответствовала Захра, — то ты вправе судить меня. — Она улыбнулась.

— Мораима тоже могла умереть!

— У тебя есть еще дочери, — холодно ответила она. Маска словно слетела с ее лица, теперь глаза у нее были ледяными. Такой он ее никогда не видел. — Неужели ты думал, что я позволю тебе низложить моего Хакама? Что я буду спокойно смотреть, как ты сделаешь наследником кого-нибудь из ее выблядков? Не-ет, раньше я умру! Умру! — визжала она.

— Ну так умри! — жестоко обронил калиф. — Насколько я знаю, Хакам не замешан в твоих гнусностях, Захра. И ради него, ради всей страны я не разведусь с тобою. Знаю также: что бы я ни сказал тебе, это ни на йоту не убедит тебя, безумная ты женщина, в том, что ни Зейнаб, ни малютка не представляют для тебя угрозы! Чтобы сохранить мир в Аль-Андалус, я велю отослать женщину, которую люблю, и ее дочь далеко — прочь из Мадинат-аль-Захра. Я никогда более не увижусь с нею, ибо знаю: если не сделаю этого, то от тебя не будет ей пощады! Для блага Хакама, для блага Аль-Андалус я лишил себя на склоне лет ослепительного счастья, ниспосланного мне Аллахом! А это величайшая жертва в моей жизни, и я никогда не прощу тебе, Захра, того, что ты вынудила меня пойти на это!

— О-о-о-о, дорогой мой господин, так ты сделал это ради меня? — злобное выражение разом исчезло с ее лица.

— Для тебя? Ты не слушаешь меня и не слышишь, Захра! Я ничего не делал ради тебя, и никогда не сделаю! Я вознес тебя превыше всех прочих, назвал город в твою честь, а ты, ослепленная эгоизмом и гордостью, разрушила и убила все чувства, которые у меня к тебе еще оставались! Да

если бы ты вправду любила меня, то желала бы мне счастья! Тебя же заботило только твое положение. Я не, желаю больше видеть твоего лица! И вот мой приговор: ты будешь узницей этих покоев и этого сада до конца дней своих! Я вырву твое отравленное жало! В баню ты станешь ходить по ночам, когда все остальные уже спят, чтобы не разлагать добронравных наложниц! К тебе будут относиться почтительно, ты будешь принимать гостей, но твое царствование окончено, жена моя!

— Ты не можешь... — начала она.

— Не могу? — загремел он. — Женщина, я твой господин и повелитель! Можешь продолжать сидеть, словно паучиха в своей вызолоченной сети, истекая ядом, но ты будешь повиноваться мне! — Он резко повернулся и вышел.

— Наплевать... — прошептала она себе под нос. — Мне все равно! Я спасла сына от козней этой Зейнаб — и ее здесь нет больше! Я вынесу любое наказание! Он успокоится... Минет несколько дней — он поостынет и придет ко мне с каким-нибудь чудесным подарком! Он слишком стар для девиц! Ему нужна я!

Калиф же прямо от жены направился к сыну и рассказал ему о коварстве Захры.

— Я отослал Зейнаб с Мораимой в безопасное место. Я больше их не увижу, — объявил он наследнику. — Единство Аль-Андалус превыше всего и должно оставаться нерушимым, Хакам! Даже если это будет стоить мне моего счастья... Не сердись на мать, сын мой. Таруб рассказала мне, что Захра всем сердцем верит, что Зейнаб и дети, которых она могла мне родить, будут угрозой для тебя. Она почти обезумела. Она искренне считает, что защищает тебя!

— И ты хочешь, чтобы я взял жену, чтобы создал свой гарем? — изумился Хакам. — Теперь менее, чем когда-либо, мне этого хочется! Я предпочту книги...

— Было бы лучше, сын мой, если бы на закате дней твоих было бы кому наследовать тебе, но если ты не женишься и не зачнешь сына, то прошу: избери себе наследника тотчас же по восшествии на престол! Не должно быть ни малейшего сомнения в том, кто после тебя станет править Аль-Андалус. Когда мой отец, принц Мухаммед, был убит единоутробным своим братом, мой дед эмир Абдаллах ни секунды не колебался. Он выбрал меня, хотя мне и трех еще не сравнялось. Он воспитывал меня, любил и учил управлять страной. Так и ты должен поступить со своим наследником, как дед мой со мною, как я с тобою... Народ должен знать, что бразды правления в сильных и надежных руках. А правительство необходимо

держат в узде. Не позволяй никогда и никому править от твоего имени, Хакам. Я всегда свято следовал этому золотому правилу...

— Я стыжусь того, что натворила моя мать, — тихо произнес Хакам. — Я знаю, что она меня любит, но поверить не мог, что она способна на злодейство! — Он взял руку отца и поцеловал ее — жест был исполнен нежной любви и преданности.

— Материнская любовь — самая сильная из всех, Хакам, — сказал Абд-аль-Рахман старшему сыну и вдруг крепко обнял его. — Благодарю Аллаха за то, что ты вырос и стал добрым человеком!

— Ты отсылаешь меня от себя навсегда? — аквамариновые глаза наполнились слезами. — О-о-о, не прогоняй меня, господин мой!

Абд-аль-Рахман глядел в эти глаза и чувствовал, как грудь его сдавливает незримый стальной обруч. — Любовь моя, драгоценная моя, я же все тебе объяснил. У меня не было выбора. Я не мог бы защитить тебя, останься ты в Мадкпат-аль-Захра.

— Но почему.., почему бы мне не жить в Аль-Рузафе?..

— Захра ненавидит тебя, любовь моя, — с грустью сказал он. — Она продолжала бы покушаться на твою жизнь и па жизнь ребенка, останься ты моей наложницей. — Он вздохнул...Нет, она никогда не узнает, что он собирался сделать ее третьей своей женой — женой, которая стала бы утешением его старости... Никогда не простит о» Захру...

— Л почему ты не отсылаешь ее, Захру? — Зейнаб вдруг озлилась. — Это она ревнивица — вовсе не я! Неужели ты любишь меня, и отсылаешь прочь?

— Я не могу публично отвергнуть мою жену и мать моего наследника, — терпеливо говорил он. — Многие не поняли бы меня. Подумали бы, что я хочу передать право наследования престола Аль-Андалус другому сыну. Да я уже все объяснил тебе, Зейнаб... Ты не такова, как большинство женщин. Ты поймешь. Тебе может не нравиться то, что я говорю тебе, но ты поймешь, почему я вынужден так поступить. И никогда больше не смей говорить, что я не люблю тебя! Это не правда! Я люблю и ради этой любви лишаю себя твоих ласк до конца дней моих. Ради любви.., и ради спасения жизни твоей и Мораимы!

— Ах, Абд-аль-Рахман, я не вынесу этого! — прошептала она. — Куда я уеду? А Мораима? Будет ли у девочки отец?

— Как ты могла подумать, что я изгоняю тебя? — выкрикнул он. — Я подарил тебе тот домик — помнишь, по дороге в Аль-Рузафу? Вокруг прелестный сад, виноградник... Чудный вид на реку... Все это

принадлежит тебе, Зейнаб. Я не дам тебе свободы: ты наверняка понимаешь, что в нашем обществе женщина рискует жизнью, если не находится под защитой семьи. Я отдаю тебя Хасдаю-ибн-Шатфуту. Это твой новый хозяин. Он станет оберегать тебя и Мораиму.

Она была потрясена. Хасдай-ибн-Шапрут? Этот серьезный медик с удлинненным отрешенным лицом? Она невольно улыбнулась:

— Он довольно приятный человек, мой господин, но знает ли, как обращаться с Рабыней Страсти? Или я должна до конца дней своих хранить целомудрие? — Она вскинула прелестную головку:

— Может, ты собираешься наезжать ко мне тайно? Как бы я этого хотела, мой господин!

И снова кольнуло в груди у калифа — он с трудом перевел дыхание.

— Ты будешь принадлежать Хасдаю-ибн-Шапруту и душою, и телом, Зейнаб! Когда мы закончим этот разговор, то расстанемся навсегда.., моя прекрасная, моя любимая...

— А Мораима? — спросила она. — Ты отказываешься и от нашей дочки, мой господин?

— Она станет привозить ее ко мне каждый месяц, — отвечал калиф. — Я не намерен терять из виду младшее мое дитя. Захра не причинит Мораиме вреда, когда тебя здесь не будет .. Впрочем, я пообещал Захре, что никогда более не увижу ее лица. Она узница в своих покоях, но, опасаясь, что она все же не уймется. А когда меня не станет, Зейнаб, тогда не тревожься за нашу дочь: Хакам будет ее покровителем. Ты можешь полагаться на него, доверять ему, невзирая на то, что он сын Захры. А теперь, моя любовь, я ухожу... — Он отвернулся от нее, намереваясь удалиться, но Зейнаб воскликнула:

— Один поцелуй, мой господин!

Он остановился, словно прикованный к месту.

— Ты подарил мне множество прекрасных мгновений, господин мой, но лишь дважды я просила тебя. В первый раз — подарить мне дитя, и вот теперь молю о прощальном поцелуе! Неужели ты откажешь мне в этой последней просьбе?

С криком отчаяния он сжал се в своих объятиях. Губы его нашли ее горячий рот — в последний раз вкусил он ее губ: их сладости, мягкости... В последний раз вдохнул ее аромат. Отныне всегда, нюхая гардении, будет он вспоминать о ней. А она чувствовала, как бешено колотится сердце в его груди, и вот ее сердечко уже бьется с ним в унисон . И вдруг все кончилось. Объятия разомкнулись, и он вышел, не говоря ни слова.

Но, невзирая на все его утешения, Зейнаб была напугана. Будучи

Рабыней Страсти при калифе, в некоторой степени она была защищена. А что, если Захра не удовлетворится ее изгнанием из Мадинат-аль-Захра? Что, если у госпожи длинные руки, и руки эти дотянутся до малышки Мораимы? Зейнаб не любила калифа, но он был ей безусловно приятен, да к тому же он отец ее дочери... Она знала, что сделала владыку счастливым. Он сказал, что они больше не увидятся, что это было бы для него слишком больно... А вдруг его свидания с Мораимой будут для него столь же болезненны? А без могущественного отца, во власти которого обеспечить ее будущее, ребенок лишается всего... Зейнаб горько рыдала.

Прибежала Ома и постаралась чем могла утешить госпожу, но безуспешно. Ослабленная отравой, в отчаянии от всего происшедшего, Зейнаб без чувств простерлась на полу...

Когда она очнулась и огляделась, то обнаружила, что лежит в постели.

— Где мы? — спросила она Ому, сидящую подле нее.

— В нашем новом доме, госпожа, — отвечала девушка. — Разве ты позабыла? Ты упала в обморок, когда... — она запнулась, но, так и не подобрав подходящих слов утешения, сказала напрямик:

— ..когда калиф покинул тебя. Ты почти целый день была без чувств, моя госпожа. Врач сказал, что ты вне опасности и со временем сама придешь в себя. О-о-о, госпожа моя, что случилось? Почему, почему нас увезли из Мадинат-аль-Захра? — Помогите мне сестры... — сказала Зейнаб. — Да принеси чего-нибудь холодненького попить, добрая моя Ома... Я расскажу тебе все, что знаю сама, но у меня так в горле пересохло...

Ома помогла госпоже приподняться на ложе, обложив ее со всех сторон подушками, чтобы той было удобнее. Потом принесла ей кубок, наполненный фруктовым соком, смешанным со снегом, привезенным с близлежащей горной вершины. И Зейнаб, с жадностью проглотив содержимое, спокойно и связно объяснила подруге, почему им пришлось переехать на новое место.

— Так это все-таки госпожа Захра! — злобно пробормотала Ома. — От души желаю ей смерти! Может быть, тогда калиф призовет тебя снова к себе...

Зейнаб покачала головой:

— Все кончено. Ома. Калиф не дал мне свободы. Он отдал меня Хасдаю-ибн-Шапруту. Теперь я собственность лекаря. По крайней мере, нас не подарили какому-нибудь чужеземцу, не продали с молотка... Помнишь, Ома, тот рынок в Алькасаба Малика — ну, мы с тобой видели, как продают рабов? Нам еще повезло...

В комнату вошел Хасдай-ибн-Шапрут, вошел без спроса, без стука:
— Ты пришла в себя? — сказал он. — Это хорошо. Как ты чувствуешь себя, Зейнаб?

Она собралась было гневно упрекнуть врача за то, что он не обратился к ней надлежащим образом, и, вдруг вспомнила, что теперь она принадлежит ему, а вовсе не калифу...

— Я хочу пить... — кивком она указала на кубок с холодным соком.

— И нутро твое принимает напиток? Тошнота, вызванная воздействием яда, уже прошла? — Он некоторое время внимательно вглядывался в нее, затем взял ее руку и внимательно осмотрел, одновременно считая пульс. Голова его склонилась на одно плечо, он совершенно ушел в себя.

— Сок мне очень понравился, — сказала она. — Меня не тошнит больше, мой господин. Я поправляюсь? — Она провела рукой по волосам и скорчила гримаску. Волосы ее, оказывается, перепутаны и влажны от испарины! Должно быть, она выглядит сущей кикиморой!

Хасдай рассмеялся:

— Тебе, вне всякого сомнения, гораздо лучше.

— Что так развеселило тебя, господин мой? — вскинулась Зейнаб.

— Я вовсе не хотел тебя обидеть! — оправдывался лекарь. — Но ты явно озабочена своей внешностью... А это неопровержимое доказательство того, что женщина поправляется.

— Так ты настолько хорошо знаешь женщин? Наверняка у тебя богатейший опыт... — с насмешкой бросила Зейнаб.

Хасдай покраснел:

— — Я врач, Зейнаб. Нас учат обращать внимание не только на тело больного, но непременно и на его состояние духа. Вот сейчас, к примеру, ты разозлилась...

— Да как же мне не злиться, господин мой? Калиф отослал меня прочь от себя, отдал другому — и все по вине глупых фантазий полубезумной женщины, которая пыталась убить и меня, и ребенка, возомнив, что в нас таится угроза для ее взрослого сына! Неужели ты думаешь, я могу смириться? Или считаешь, что чувства женщины быстротечны, словно весенний дождь: покапал и прошел?! Да, господин мой, я вне себя от злости!

— Тогда я оставляю тебя... — врач поднялся.

— Подожди! — властно приказала она. — Ты тоже живешь здесь? Мой господин калиф сказал, что дарит этот дом мне.

— У меня есть собственный дом, — отвечал Хасдай.

— Почему же я здесь, а не там? Ведь отныне я твоя Рабыня Страсти, мой господин! Сам понимаешь, что это означает... — тихонько прибавила она.

— Я еврей, Зейнаб. — Он усмехнулся своим мыслям. — Ты ведь не вполне понимаешь, что это значит? Я из племени Вениаминова, я израэлит... То есть не мусульманин.

И не христианин также...

— Какое мне дело? — с удивлением спросила она. — Ты ведь мужчина. Разве мужчины не все одинаковы, Хасдай-ибн-Шапрут? Две руки. Две ноги. Гениталии... Разве еврей настолько отличен от мусульманина или христианина? В чем же разница?

— Мы за долгие века стали презируемым народом...

Теперь настала очередь Зейнаб смеяться:

— Но ведь имам говорил мне, что евреи называют себя народом, избранным Богом! Ежели Господь избрал вас из всех прочих, как же могут люди против вас ополчиться? Это же полнейший абсурд! И все же ты не ответил на мой вопрос. Может, у тебя все-таки есть жена? Думаю, калиф не отдал бы меня тебе, если бы считал, что это в каком-то смысле не правильно или запрещено...

— У меня нет жены, — отвечал он. — И тем не менее мы, евреи, живем, следуя своду определенных законов. Я не могу ввести тебя в свой дом: по закону Моисееву ты нечиста: во-первых, потому что не еврейка, во-вторых, потому что наложница...

— Значит, ты будешь наезжать ко мне сюда? — «...Как невероятно глупо все это», — думала Зейнаб.

— Ну., если тебе приятно мое общество, Зейнаб, то я стану тебя навещать... Ты знаешь, конечно, что если надумаешь выйти в город, то следует закрыть тщательно лицо. Необходимо также, чтоб тебя сопровождали Наджа и Ома.

Пригодятся и крытые носилки...

— Так я могу ездить в город? — изумилась она.

— Ты можешь делать все, что заблагорассудится, Зейнаб.

— Ведь теперь я твоя Рабыня Страсти, Хасдай-ибн-Шапрут. Уверена, ты знаешь, что это означает. Я спрашивала калифа, как должна служить тебе, — он же отвечал, что я в полной твоей власти. Ты что — находишь меня недостаточно привлекательной, или, может, другую любишь? — она выжидательно глядела на него.

Ни одна женщина прежде столь пристально не разглядывала Хасдая. Он чувствовал себя не в своей тарелке:

— Я.., я нахожу тебя весьма и весьма привлекательной.

— Ну тогда, как только я оправлюсь вполне, приезжай, и я подарю тебе наслаждение, подобного которому ты не знал прежде, господин мой. — Она улыбнулась ему чарующей улыбкой. — Ни одна женщина не способна одарить мужчину таким блаженством .

Он серьезно кивнул — и вышел из комнаты!

— Он стесняется, — хихикнув, сказала Ома. — Мне кажется, ты его немножечко.., напугала.

— И ему есть чего бояться, — отвечала Зейнаб. — Ведь ему предстоит соперничать с Каримом-аль-Маликой и с самим Абд-аль-Рахманом! — она рассмеялась. — Он высок и хорош собою. Прежде я как-то этого не замечала... Ты обратила внимание на его руки? Они большие, а ногти самой совершенной формы...

— А мне нравится его рот, — сказала Ома. — У него полные и чувственные губы. Как и у моего Аллаэddина... — она вздохнула.

— Ох, я же до сих пор не поинтересовалась, как ты себя чувствуешь! — вдруг воскликнула Зейнаб, казня себя за черствость. — Прости меня, моя Ома! Тебе ведь тоже лучше, правда?

— О, разумеется, госпожа! Лекарь исправно потчевал меня этой.., этой териаккой — и вылечил за день. Он добр, госпожа. Очень добр. Ты права, госпожа, нам и вправду посчастливилось...

В последующие несколько дней Зейнаб настолько окрепла, что смогла самостоятельно вставать с постели, не чувствуя головокружения. Первым делом она направилась, разумеется же, в баню, где прислуживала ей только Ома. На новое место вместе с госпожой переехали Наджа и Аида. Было здесь также несколько женщин средних лет, которые призваны были поддерживать в доме чистоту и порядок.

— Когда же мне вернут мою Мораиму? — каждый день терзала Зейнаб Хасдая-ибн-Шапрута. — Я так скучаю по дочери...

— Надобно подыскать для нее кормилицу, — отвечал врач.

— А разве я не могу снова кормить ее сама? У меня ведь есть еще молоко, пусть его немного, но как только я приложу дочь к груди, оно вновь появится! Повариха Аида говорит, что так непременно будет! И не нужна никакая кормилица! Не хочу я!

— И все же у тебя нет выбора. — Хасдай-ибн-Шапрут был на удивление терпелив. — Понимаю, что ты день ото дня крепнешь. К сожалению, никто не может с уверенностью сказать, сколько времени понадобится, чтобы организм совершенно очистился от яда. Возможно, понадобится год, а может, и более... Посему я как врач не могу позволить

тебе кормить дочь грудью. Мораима теперь в полной безопасности под присмотром племянницы Ревекки в еврейском квартале.

— Но ведь я ее мать! — Зейнаб вновь рассвирепела. — Она же не признает меня потом, если ее тотчас же не вернуть мне! Я ведь не какая-нибудь мавританская наложница — лентяйка и неженка, с радостью избавляющаяся от дитя! Отдайте мне мою дочь!

— Я найду для нее лучшую кормилицу, — пообещал он. А Зейнаб ни с того ни с сего вдруг схватила глиняный кувшин и запустила им в изумленного Хасдая.

— Верни мне сейчас же мое дитя! — завизжала она.

— Ты ведешь себя неразумно, — спокойно отвечал он. Но ему тотчас же пришлось уворачиваться от нового снаряда, пущенного на этот раз куда более метко...

— А ты хоть раз вела себя так с калифом? — спросил он невозмутимо. — Полагаю, подобное поведение весьма нехарактерно для Рабыни Страсти, Зейнаб. Ты не имеешь права убивать своего господина, ну разве что ласками на ложе страсти... По крайней мере, так мне втолковывали. — Его златокарие глаза спокойно глядели на Зейнаб.

— А как ты собираешься это познать, господин мой? — тут же осадила его Зейнаб. — Ты же ни единого раза не попытался возбудить мою страсть! — и она выбежала из комнаты, чтобы никто не видел ее горьких слез.

— Впервые вижу ее такой... — оторопело пробормотала Ома.

— Материнская любовь сильна... — отвечал девушке Хасдай. — Нынче же, слово даю, подыщу подходящую рабыню в няньки маленькой принцессе! Твоя госпожа — прекрасная мать.

— Господин мой! — решила вдруг Ома. — Разрешишь мне поговорить с тобою начистоту?

Он кивнул, недоумевая, что такого важного может открыть ему эта девочка.

— Ты должен снизойти и к другим насущным надобностям моей хозяйки, господин. Она слишком молода, чтобы жить без страсти — ведь она создана для этого! Калиф отдал ее тебе, не сомневаясь, что ты защитишь ее и сделаешь счастливой...

Хасдай-ибн-Шапрут был ошарашен откровенностью Омы, хотя на его лице застыла маска благожелательности. Он считал, что лишь еврейские женщины могут быть столь смелы и прямы. Теперь же стало очевидно, что он жестоко заблуждался...

— Твоя госпожа еще слишком слаба для подобных занятий,

требующих колоссальной траты сил. Со временем она окрепнет... — и, кивнув Оме, он удалился.

Ома же больше не думала об этом — ведь она высказала все, что хотела. У нее не было ни малейших сомнений в том, что, когда Зейнаб будет вполне здорова, лекарь станет ее любовником. Со временем парочка обоснуется в новом жилище Зейнаб. Домик находился всего в двух милях от Кордовы, вдали от главной дороги, и был обнесен выбеленными стенами. Ворота же охранял привратник...

Сам по себе домик выстроен был в традиционном мавританском стиле. Дворик вымощен был мраморными плитами, а в центре его располагался бассейн с водяными лилиями и золотыми рыбками. Кристальные струи падали в воду из изящного фонтанчика. Повсюду вдоль стен стояли пузатые вазы, в них цвели гардении, и в теплую погоду воздух был насыщен их пряным ароматом. А сразу же за домом начинался роскошный фруктовый сад, пройдя через который, можно было попасть на обрыв, откуда открывался чудный вид на реку. Здесь же раскинулся и виноградник.

Сам дом был построен следующим образом: на первом этаже располагались дневные покои, комнаты для прислуги, библиотека и кухня. Второй этаж состоял из нескольких спален и просторной бани, богато изукрашенной изнутри. Все полы в доме устланы были мягкими коврами, защищавшими до блеска отполированный мрамор плит, а стены увешаны гобеленами. Вся меблировка покоев Зейнаб была перевезена сюда из Двора с Зелеными Колоннами. Калиф позаботился о том, чтобы его обожаемая наложница ни в чем не испытывала недостатка. Зейнаб еще не знала, что Абд-аль-Рахман вложил от ее имени в дело троюродного брата Хасдая-ибн-Шапрута, златокузнеца, около пятидесяти тысяч золотых динаров...

Хасдай-ибн-Шапрут являлся каждый день, чтобы осмотреть Зейнаб, но, похоже, интересовала она его лишь как пациентка... Да ее сейчас это и не особенно волновало. Она всецело сосредоточена была на мыслях о возвращении дочери. Наконец, к тому времени, как с момента разлуки с малышкой миновал уже целый месяц, врач явился к ней с Мораимой на руках и в сопровождении молодой простоватой на вид девушки по имени Абра.

— Муж ее погиб в случайной стычке, а дитя родилось мертвым. Она очень страдала, но Ревекка уверила меня, что она здорова, послушна и в здравом уме.

— А отчего умер ее ребенок? — спросила Зейнаб, всецело сосредоточенная на дочери.

— Был задушен пуповиной, — спокойно ответил врач. — Во всем же

остальном это был вполне здоровый мальчик. Абра кормит грудью принцессу вот уже целую неделю. Как видишь, малютка здорова и прибавляет в весе.

Зейнаб взяла ребенка на руки. Качая малышку на руках, она улыбалась, глядя на маленькое личико и воркуя на родном своем языке:

— Вот она, моя малышка, вот она, дорогая моя доченька... Твой папа усладил нас прочь от себя, но ты снова со мною. Мы заживем хорошо — тетя Ома, твоя мама и ты, моя милая Мораима... — Слезы навернулись на глаза Зейнаб, когда крошечная ручка выпросталась из пеленок и крепко-накрепко вцепилась в материнский палец, поглаживающий розовую щечку. — О-о-о, она вспомнила меня! — торжествующе закричала счастливая мать.

— На каком языке ты разговаривала с нею? — спросил Хасдай. — Я знаю множество языков, но не признал в твоём наречии ни одного из известных мне, Зейнаб.

— Это кельтский — язык моей родины, — объяснила она. — Мы с Омой прибегаем к нему, когда хотим, чтобы никто нас не понял. Это было недурным подспорьем нам в гареме Мадинат-аль-Захра. Я хочу, чтобы Мораима слышала его с рождения и овладела им. Когда она подрастет, я подыщу для нее рабыню-ровесницу из Аллоа, которая станет ее подругой и поверенной.

— Ты умная женщина, Зейнаб, — отметил он.

— Так считал и калиф... — отвечала она, передавая младенца няньке. — Добро пожаловать в этот дом, Абра. Сердечно благодарю тебя за щедрый дар — твое молоко, которым ты кормишь принцессу. Ома проводит тебя в детскую.

Абра благодарно поклонилась. Это была крупная и дородная девушка с толстыми темными косами, черными глазами и пышной грудью. За ее услуги ей полагалась плата — она была свободной женщиной. С малюткой на руках, которую она держала очень умело, Абра последовала за Омой.

— С возвращением Мораимы ты просто расцвела, — отметил Хасдай-ибн-Шапрут. — Искренне рад видеть тебя такой, Зейнаб. Знаю, что отныне ты будешь счастлива.

— Когда ты собираешься войти в мою опочивальню? — вдруг спросила его Зейнаб. Хасдай сглотнул:

— Ты еще не вполне..., не вполне окрепла... — густой румянец залил его щеки.

— Никогда я не чувствовала себя лучше, мой господин! Я чувствую себя отдохнувшей, и мне недостает лишь одного... Ты шокирован? Или женщины твоего племени скрывают от мужчин свое желание?

Он был буквально очарован ею — золотые волосы плащом окутывали ее плечи, аквамариновые глаза сверкали, щеки окрашены были легким румянцем... На ней был белый кафтан, расшитый речным жемчугом. Он видел даже пульсирующую ямочку на ее нежной шейке... Он чувствовал жар, исходящий от ее тела, когда она приблизилась к нему, вдыхал чарующий аромат гардений. Но ответить на ее вопрос он был не в состоянии...

— Ты не желаешь меня, мой господин? — спросила напрямик Зейнаб. Тут на ее лице появилось странное выражение. — А может, ты предпочитаешь мальчиков? Я слышала о таких мужчинах в гареме...

— Н-н-нет... — едва пробормотал он. — Я не живу с мальчиками. — Он быстро поднялся. — Сейчас я должен тебя оставить... — и поспешно вышел, не дав ей возможности продолжить допрос.

Зейнаб была в полнейшем недоумении, и с каждым днем оно усугублялось. Абра, быстро преодолевшая первое смущение, оказалась болтушкой и бесценным источником — нет, скорее фонтаном информации, касающейся Хасдая-ибн-Шапрута, евреев вообще и их истории. Эта черноглазая пампушечка, кормя младенца, трещала без умолку.

— В еврейском квартале мы зовем его Нази, госпожа, — сказала она однажды.

— А что это означает? — спросила Зейнаб.

— Это значит «принц». Хасдай-бен-Исаак-ибн-Шапрут. Еврейский Принц. Его семья очень, очень высокородна, и своим положением в обществе они вовсе не обязаны успехам Хасдая при дворе калифа. Он приводит в отчаяние матерей всех девушек на выданье, не говоря уже о собственных родителях... Он не желает жениться.

— Хотелось бы знать почему. А что, еврею законом запрещается иметь наложницу, Абра?

— Когда-то, в давние времена, предки наши имели по несколько жен и множество наложниц. Теперь же так не положено, но это вовсе не значит, госпожа, что такого не бывает. К тому же Нази не женат. А ты хочешь стать его наложницей?

— Но ведь именно с этой целью калиф и отдал меня ему! — отвечала Зейнаб. Будет о чем Абре порассказать кумушкам, когда она пойдет навестить своих в еврейский квартал! Она гадала лишь: повредит это репутации Хасдая-ибн-Шапрута или, напротив, пойдет ему на пользу...

— С таким же успехом мы с тобою могли бы киснуть в обители матушки Юб... — ворчала Ома по прошествии месяца, в течение которого Хасдай-ибн-Шапрут их вовсе не посещал. — Ты, госпожа, самая

потрясающая Рабыня Страсти, а живешь как монашка! Я думала, калиф желал тебе счастья... А что за человек этот доктор? Да полно, мужчина ли он?..

— Хасдай-ибн-Шапрут вовсе не обязан ублажать меня, Ома, — спокойно отвечала Зейнаб. — У него масса важных обязанностей при дворе. Он придет, когда у него будет время...

— Калиф правит всей Аль-Андалус, и все же выкраивает времечко для своего гарема! — парировала Ома. — А этот ужасный человек ни единого раза не вкусил с тобою блаженства! Это же позор!

Зейнаб, вообще-то, всецело согласна была с подругой, но удержалась от дальнейших комментариев. Хасдай-ибн-Шапрут был ее господином — хорошо это или же дурно, пока неясно... Пусть он не обращает на нее внимания как на женщину, но ведь все они сыты, одеты, в тепле и вне досягаемости этой злодейки Захры. Абд-аль-Рахман все рассчитал, прежде чем отдать ее этому человеку. Зейнаб знала, что калиф всем сердцем любил ее... Он желал ей счастья даже в разлуке с ней. И она продолжала ждать...

Наконец, врач снова нанес ей визит. Зейнаб приветствовала его холодно и изысканно. Она предложила ему партию в шахматы, а когда подали угощение, она сообщила, что специально посылала Абру в еврейский квартал, чтобы купить отдельный столовый прибор для господина. Поданные яства были не просто изысканны — это были сплошь излюбленные блюда Хасдая. Он не стал предупреждать ее, что кушанья для него следовало готовить отдельно, в особой посуде. Ведь когда он обедал во дворце, никто там с ним так не нянчился. К тому же он считал некоторые ветхозаветные диетические предписания устаревшими...

— Почему ты решил повидать меня? — спросила она наконец.

— Из Константинополя прибыли византийские послы, — сказал он. — Я был очень занят, готовясь к великому делу моей жизни — переводу важнейшего медицинского трактата, который привезли оттуда калифу.

— А что это за книга? — Зейнаб чуть подвинулась к нему.

— Она называется «Де Материя Медика». К сожалению, она написана по-гречески. Я владею романским, арабским, ивритом и латынью, а вот по-гречески не умею ни говорить, ни писать. Император Лев прислал переводчика, он переведет трактат с греческого на латынь, а я с латыни на арабский. — Хасдай был очень возбужден и даже не заметил, как маленькая нежная ручка легла на его рукав...

— А зачем? — поинтересовалась Зейнаб, глядя в его привлекательное лицо..

— Зачем? Но, Зейнаб, это же первейшая в мире книга по медицине! —

вдохновенно заговорил он. — Один ее экземпляр хранится в Багдаде, но тамошние власти не разрешают снять копию. А это означает, что молодые люди, желающие изучать медицину, волей-неволей должны ехать учиться в Багдад. Это просто абсурд, к тому же многие перед лицом чисто бытовых трудностей сдаются и отступают... Когда же я осуществлю перевод «Де Материя Медика», мы откроем собственный университет медицины прямо здесь, в Кордове. Калиф мечтает об этом вот уже многие годы!

— Как это прекрасно! — сказала Зейнаб. — Это будет очень тяжелая работа, мой господин, насколько я понимаю... Поэтому тебе предстоит научиться должным образом отдыхать. Послушай меня, мой господин, калиф всегда говорил, что ему куда лучше работается, да и голова проясняется после того, как он проведет со мною ночь... — Она не отрываясь глядела в лицо медику. Он и впрямь был очень хорош: чувственный рот необыкновенно красил его удлиненное лицо с высокими скулами. Пальчик шаловливо скользнул по красиво очерченным губам. Чудесные темные глаза расширились от изумления.

— Я научу тебя, как наслаждаться отдыхом, мой господин, — говорила она, обволакивая его своим чарующим взглядом. Она подвинулась еще ближе к нему, на губах ее блуждала улыбка. Ладонка нежно погладила его лицо:

— А почему ты всегда гладко выбрит? — пальчики ее скользнули по его подбородку. — Здесь почти все мужчины носят бороды, насколько я успела заметить.

— Я.., я л-л-лишь следую примеру калифа... — пробормотал он, заикаясь.

— А следуешь ли ты примеру калифа во всем, Хасдай-ибн-Шапрут? — ласково поддразнила она его, придвигаясь к нему еще ближе. Глаза ее таинственно мерцали.

Не выдержав, он вскочил на ноги:

— Теперь я должен оставить тебя, госпожа. Я счастлив, что ты настолько бодра и здорова. — Он считался самым мудрым человеком при дворе калифа Абдаль-Рахмана — и все же эта стройная, словно былинка, девушка с обольстительным телом и чарующей повадкой заставляла его ощутить себя зеленым юнцом... Сердце его бешено колотилось. Казалось, он никогда не избавится от этого пьянящего аромата, щекочущего ему ноздри...

Зейнаб словно пружиной подбросило с подушек:

— Если ты уйдешь отсюда до наступления утра, Хасдай-ибн-Шапрут, — мрачно произнесла она, — я пошлю к калифу гонца! Да лучше

я померяюсь силами с Захрой в гареме, чем буду жить без любви! Я давно узнала от Абры, что нет причин у тебя отказываться от наложницы! И к тому же ты сам сказал мне, что не занимаешься любовью с мальчиками! Почему бы тебе не использовать меня по назначению? Неужели я настолько тебе неприятна?

— Неприятна? Да ты достойна богов! — простонал он. — Ты самое прекрасное, самое чарующее создание из всех, кого я когда-либо видел, Зейнаб. Калифу было угодно отдать тебя мне... Но я неподходящий для тебя хозяин! — Он выглядел глубоко опечаленным.

— Но почему?! — требовательно спросила она.

— Не спрашивай, умоляю! — О, великий Боже! За что ему такое наказание? Она привлекает его, как ни одна женщина в мире, но.., но...

И вдруг Зейнаб осенило. Она поверить самой себе не могла! Это объясняло все — и то, что он до сих пор не овладел ее телом, и то, что всеми способами старался улизнуть именно в тот момент, когда доходило до нежностей...

— У тебя никогда не было женщины, правда? Так вот оно что! У тебя никогда не было женщины!

Мучительный румянец стыда залил лицо и даже шею лекаря.

— Ты и впрямь слишком умна... — тихо сказал он. — Да, Зейнаб, я не изведал женских ласк, не вкусил женского тела. И дело не в том, что я не хотел — просто я всегда слишком занят. Как старший сын своего отца — а в течение десяти лет я был к тому же и единственным его сыном — я имел право выбора. Уже в четырнадцать лет меня отослали в Багдад учиться медицине. Когда я возвратился, я занялся лечением больных в своем квартале — но моей мечтой было отыскать универсальное противоядие. В основе его лежал один старинный рецепт. Старое средство названо было в честь Митридата, понтийского царя, его первооткрывателя. Двести лет спустя лейб-медик при румийском дворе усовершенствовал его, введя в состав в качестве компонента измельченное мясо ядовитых змей. Тогда же противоядие получило новое имя «териака», что означает «дикий зверь». К несчастью, рецепт был утрачен, но я, применив все свои знания в области древних языков, расшифровал древние манускрипты и вновь открыл его. Калиф пришел в столь неописуемый восторг, что осыпал меня градом милостей, в частности, сделал меня главою всех евреев Аль-Андалус...

— И за все это время ни одна прелестница не привлекла тебя?

Он рассмеялся:

— Я лишь начал понимать, что такое девушка, когда отправился учиться в Багдад. А там я жил в доме одного престарелого родственника,

который до дрожи боялся, что с вверенным его заботам наследником дома Шапрутов случится что-то дурное... Меня провожали на занятия вооруженные воины — они же провожали и домой. А учеба была изнурительной и поглощала все время и силы. Для отдыха просто не оставалось времени. К тому же старик общался лишь с ровесниками... Когда я воротился домой, то домашние решили меня женить, но я умолил об отсрочке. Я хотел убедиться, что смогу содержать жену и детей без их поддержки. Ну а потом я начал свои исследования, закопался в переводах, и у меня не было времени не то что для жены, а вообще для женщин... А потом калиф осыпал меня милостями... — Он вздохнул. — У меня с каждым днем оставалось все меньше времени для себя. К тому же я ответственен за всех евреев Аль-Андалус — это тяжкое бремя, Зейнаб. Это мой долг...

— Тебе приятен вид женщины? Это волнует тебя? — осторожно спросила Зейнаб.

— Да, — честно отвечал он.

— Тогда нельзя тебе оставаться девственником до конца дней твоих, мой господин. Я считаю, что нехорошо, когда любовные соки киснут и бродят в чреслах мужчины, не имея возможности излиться... Они отравят тебя изнутри, и целые потоки териаки будут бессильны исцелить тебя... Если ты решил не обременять себя семьей — это одно дело. Но навсегда лишиться себя радости слияния в экстазе с прекрасной женщиной — это просто ужасно!

— Завтра я встречаюсь с византийским переводчиком... — слабо сопротивлялся Хасдай. — Мне надо хорошенько выспаться... В ответ она сбросила с себя кафтан со словами:

— Ты будешь слаще спать после того, как насладишься мною, господин. Если ты и теперь мне откажешь, «открою твою тайну калифу. Поверь, он будет крайне разочарован, что отдал свое самое дорогое сокровище человеку, неспособному его оценить. — Зейнаб изящным движением вынула из волос шпильки, и золотой плащ окутал ее.

— Потрогай! — приказала она. Хасдай покорно протянул руку и коснулся золотых локонов.

— Я не уверен, что... — он дико смутился.

— Зато я уверена, — нежно ответствовала она. — Доверься мне, мой господин, и поймешь, сколь глупо было страшиться блаженства все эти годы. — Она подошла к нему совсем близко. — Уверена, ты станешь восхитительным любовником, Хасдай. А теперь обними меня — и я научу тебя правильна целоваться. Она обвила тонкой рукой его шею, заставив его

склониться. Он был высок, и ей пришлось встать на цыпочки. Зейнаб провела губами по его рту нежнейшим и легчайшим движением.

Глаза его закрылись, и он глубоко вздохнул... Как сладок ее рот! Словно спелый летний плод... Ее пышные груди касались его широкой мускулистой груди.

— Зейнаб... — прошептал он, околдованный ее чарами.

— Чудесно, господин мой... — промурлыкала она. Он широко раскрыл глаза, словно разбуженный звуком ее голоса. Она нежно улыбнулась ему:

— У тебя дивные губы, Хасдай, но вот незадача: шитье твоего кафтана царапает нежную мою кожу... — Она умело освободила его от платья с широчайшими рукавами, потом развязала шнурки у ворота его рубашки и стянула ее с его плеч. Затем руки ее скользнули к поясу, поддерживающему его шальвары. Она расстегнула пряжку и медленно, не торопясь, принялась стягивать их, обнажив сначала его узкие бедра, а затем предоставив им самим собой падать на ковер... Ладонки ее пропутешествовали по всей его широкой и гладкой груди:

— Ну вот... — удовлетворенно сказала она. — Разве так не лучше?

Не произнеся ни единого слова, он сбросил с ног туфли и окончательно освободился от шальваров. Глаза их встретились.

— Я не стоял обнаженным ни перед кем с самого раннего детства...

Отступив, она оглядела все его тело.

— Ты не только хорош лицом, мой господин, — правдиво сказала она. — Тело твое красиво, а мужское достоинство... — она деликатно коснулась его гениталий нежными пальчиками, — ..обещает много наслаждений нам обоим.

Он же глаз не мог от нее отвести. Она была словно юная древняя богиня — полная жизни и энергии. Он захотел коснуться ее, и, к его изумлению, она это тотчас почувствовала.

— Ну, не бойся... — сказала она, поворачиваясь к нему спиной. Видя, что он колеблется, она завладела его руками и обвила их вокруг тонкого своего стана. Ладони его тотчас же накрыли ее потрясающие груди. Он на мгновение словно оцепенел, а она прошептала:

— Приласкай их, мой господин! Они для того и созданы, чтобы ими упивался любовник. Но только касайся нежно — они могут быть очень чувствительны... А большим и указательным пальцами можно ласкать соски. А-а-а-ах, вот так! Ты, похоже, изумительный ученик, Хасдай! — Она призывно завращала задом, касаясь его паха. — М-м-м-м-м., промурлыкала она.

Плоть ее казалась восхитительно-упругой —» одновременно нежной, словно шелк. Он же чувствовал необыкновенную, неведомую ему доселе уверенность... Ее благоуханные волосы щекотали его лицо. Напряженные соски упирались в его ладони. Все тело его охватила сладкая дрожь — а источник ее находился прямо меж его ног...

Тогда она высвободила груди, вновь завладев его руками, и провела его ладонями вдоль всего своего тела — по талии, по бедрам. Одну ладонь его она прижала к своему венерину холмику. Без каких бы то ни было указаний он проник одним пальцем меж ее потайных губок. Она была уже влажна...

— У тебя здоровые инстинкты, — одобрила она его действия. — Но пока убери руку. Со временем я покажу тебе свое потаенное сокровище и научу, как заставить его сверкать... — Теперь она снова повернулась к нему лицом. Приподнявшись на цыпочки, она вновь потянулась к его рту. Кончик ее языка медленно скользнул по его полным губам — сначала по верхней, затем по нижней. — Открой рот и высунь язык... — скомандовала она. Когда он повиновался, она показала ему, как могут языки исполнять дивный танец любви. — Ну разве это не восхитительно, мой господин? — спросила она и нежно укусила его за нижнюю губу.

Он не только чувствовал биение крови во всем теле, но и слышал его. Дрожь во всем теле становилась все сильнее и сильнее. Зрение слегка затуманилось, и дыхание, кажется, становилось прерывистым...

— Как врач, — медленно выговорил он, — я знаю, что происходит между мужчиной и женщиной. Вот сейчас мне хочется швырнуть тебя на пол и войти в тебя так глубоко, как только смогу, Зейнаб, ты совратительница!

— Лучше тебе вооружиться терпением, Хасдай, господин мой... — она за руку подвела его к ложу. — По крайней мере трижды за эту ночь, — пообещала она, — из твоего тела изольются соки любви. У тебя их явно переизбыток — и все из-за твоего воздержания. А теперь ляг на спинку, я займусь твоим телом.

Он послушно лег на самую середину постели, и она склонилась над его телом. Начиная со лба и медленно продвигаясь вниз, она принялась покрывать его красивое тело нежнейшими и легчайшими поцелуями. Когда она лизнула поочередно его соски, сознание его затуманилось... Словно замороженный, он следил, как ее золотоволосая голова скользит все ниже и ниже — и вдруг он ощутил ее нежные губки на своем члене. Вначале она покрывала поцелуями напряженный ствол, потом язычок заскользил вокруг рубиновой головки — и он вскрикнул, не сумев сдержаться. Губки ее сомкнулись вокруг члена, и Хасдай застонал, когда она сделала ими

движение сверху вниз, потом еще, еще...

— Я уже.., уже... — стонал он.

— Еще рано, — предупредила она и оказалась поверх его тела. — Сосредоточься на моей груди, отвлекись от беснующегося жеребца в твоём паху, Хасдай. Вот так... — похвалила она его, когда он вновь принялся ласкать дивные полусферы. Тогда она приподнялась и затем стала опускать свое легкое тело, пропуская в себя его возбужденное естество — медленно, мучительно медленно, покауда оно не скрылось в ее недрах без остатка. На лице его застыло выражение изумления и восхищения. Он готов был разрыдаться...

Он почувствовал, как мышцы ее недр смыкаются вокруг его плоти, сдавливая ее нежно, но сильно. Он сжал ее груди, стараясь из последних сил контролировать себя. Она приподнялась на его бедрах, и прежде чем он успел запротестовать, опустилась вновь, и, вновь, и вновь... Объятие ее дивных бедер было чувственным и сильным. Он хотел, чтобы это блаженство длилось целую вечность.., но вот плоть его словно взбухает, трепещет, и его любовные соки вырываются на волю из долгого своего заточения, заполняя собой потайные глубины ее сказочного тела. Тело ее выгнулось, голова запрокинулась — и она рухнула на него без сил. Руки его сжали ее в крепком благодарном объятии...

Некоторое время они лежали молча. Он подумал было, что она заснула. Но вот она потянулась и привстала. Поднявшись с постели, она занялась жаровней, подогревая воду. Затем она перелила ее из глиняного сосуда в серебряный кувшин, добавив в него немного благовоний. Она поставила кувшин на столик у постели, на котором уже лежала стопка аккуратно сложенных хлопчатых салфеток. Взяв одну из них, она погрузила ее в воду, а затем выжала. Потом она нежно омыла его теперь обмякший член. Он чувствовал себя отдохнувшим, как никогда в жизни. Ощущение было совершенно новым, ни на что не похожим...

После того как Зейнаб позаботилась о нем, она занялась собою. Затем вылила воду и выкинула использованные салфетки, тщательно сполоснула кувшин и тут же поставила на жаровню новую порцию воды для подогрева. Вернувшись к постели, она достала из золотой корзиночки чашечку и флакон с укрепляющим средством. Она налила немного в чашечку и заставила Хасдая выпить все залпом.

— Обычно у тебя в этом нужды не будет, — объяснила она, — но, поскольку сегодня у тебя это впервые, я хочу взбодрить тебя...

— Ты была потрясающая! — сказал он с восхищением, осушив чашечку. — В самых тайных моих сновидениях я не видел женщины,

которая могла бы..., была бы..., ты была поразительна, Зейнаб!

— Каждый мужчина говорит такие слова своей первой женщине — и каждая женщина своему первому мужчине... — Она рассмеялась. — Так, значит, тебе было приятно?

— А ты в этом сомневаешься? Я буду до конца дней своих благодарен тебе, мой прекрасный друг! — честно отвечал он.

— Может быть, теперь ты согласишься доставить радость семье и женишься? — поддразнила она его.

— Да нет у меня на это времени! — запротестовал он. — Вот это — все, что я могу сделать для калифа и для своей прекрасной Рабыни Страсти Зейнаб! — Он притянул ее к себе. — Поучи меня еще немного, Зейнаб. Я знаю, что это было лишь начало...

— Жизнь моя принадлежит тебе, мой господин, и я всегда готова тебе служить, — шутливо произнесла она.

— А отшлепать Рабыню Страсти дозволяется? — спросил он весьма серьезно, но в глубине его темных глаз плясали озорные искорки.

— Ну, если боль может принести наслаждение... — отвечала она и, быстро склонившись, куснула мочку его уха. Затем лизнула и поцеловала раковину, потом подула...

Он же опрокинул ее на ложе, накрыл ее своим телом и нежно укусил за сосок. Затем лизнул и поцеловал нежную плоть, спрашивая:

— Нравится тебе это, Зейнаб?

— О-о-о-о, мой господин схватывает все на лету!

Хасдай-ибн-Шапрут, казалось, брал реванш за все годы добровольного своего безбрачия. За короткое время под руководством Зейнаб он превратился в неутомимого и умелого любовника. Он жаждал узнать все, что ей ведомо. Он хотел изведать всего — хотя тотчас же отмел для себя содомию. Эта форма страсти внушала ему отвращение, хотя он знал, что многим мужчинам подобные забавы по вкусу, притом не только с женщинами, а порой — для разнообразия — и с мальчиками.

Ему нравилось, когда она становилась перед ним на колени, касаясь его живота дивными своими волосами и лаская его ртом... Потом она становилась на четвереньки, а он входил в ее любовный канал сзади... Ему нравилось, когда она сидела лицом к нему, вобрав глубоко в себя его член, а он страстно целовал ее в губы... Иногда она садилась спиной к нему на его член, а большие его ладони играли ее грудью. Так разнообразны были ухищрения страсти, и, если бы не Зейнаб, он, возможно, умер бы, так и не узнав об этом... Его затянущаяся девственность теперь была его тайной —

постыдной тайной...

— Ты станешь прекрасным мужем какой-нибудь милой еврейской девушке, — сказала она однажды, сидя с ним за шахматной доской. Она тщательно обдумала ход, а потом передвинула фигуру.

— Я не хочу брать в дом жену, — задумчиво сказал он, изучая положение фигур на доске.

— Но почему? — требовательно спросила она.

— А потому, — он сделал ход конем, — что времени для жены у меня просто не будет, а уж о детях и говорить нечего... Ты, моя дорогая, для меня — замечательное утешение в моих трудах. Ты открыла мне глаза на мир плотских, наслаждений, ты верно служишь мне, Зейнаб. Но, если я прихожу поздно или вообще не прихожу домой, ты не жалуешься и ни в чем меня не упрекаешь. Ты прекрасно понимаешь мой долг перед калифом, перед всей Аль-Андалус, перед еврейской общиной... Ты знаешь, что все это для меня превыше всего. Ты не пытаешься заставить меня позабыть про Новый Год, про Хануку, про Пасху... Ты не обременишь меня ни сыновьями, которых я обязан был бы достойно воспитать, ни дочерьми, которых я должен был бы выдать достойно замуж, дабы не осрамиться перед соплеменниками... Вот почему я не женюсь, Зейнаб. В еврейской общине достаточно молодых здоровых мужчин, которые возьмут жен, а те нарожают им кучу детишек. Я же уникален в своем роде и весьма ценен не только для братьев по крови, но и для всей страны... У меня есть двое младших братьев — род мой не прервется. Увы, родители мои меня не понимают — но, по крайней мере, они усмирили свою гордость и, скрепя сердце, приняли все как есть...

— Я родила калифу дочь, — тихо сказала Зейнаб. — Могу родить ребенка и для тебя, Хасдай.

— Знаю, — отвечал он, — но в твоих руках надежное средство, чтобы этого не случилось, и, я надеюсь, ты не станешь пренебрегать им, дорогая моя. Ведь даже если бы ты родила мне ребенка, он, по еврейским законам, не принадлежал бы мне. Закон гласит, что род ведется по материнской линии. Это дитя не могло бы носить мою фамилию, не могло бы наследовать мое состояние... Когда калиф отдавал мне тебя, он подразумевал, что мы станем близки с тобою, моя радость, но не думаю, чтобы он предполагал, что у тебя будет от меня ребенок. До тех пор пока у тебя есть единственное дитя, и дитя это от него, он не забудет ни тебя, ни Мораиму. Только стань матерью детей от другого мужчины — и он тотчас же потеряет к тебе всяческий интерес. Он может даже позабыть вашу дочь... Пока Мораима — единственное твое дитя, Абд-аль-Рахман у тебя в

руках.

— Шах и мат! — сказала Зейнаб, делая неожиданный ход своим королем и обезоруживающе улыбаясь Хасдаю. — Можешь не беспокоиться — у меня не будет от тебя ребенка, Хасдай. Я не желаю больше иметь детей. Я хотела Мораиму лишь для Абд-аль-Рахмана и прекрасно понимаю, что это дитя поможет мне сберечь его любовь. Я просто не ожидала бешенства Захры — оно поставило меня в тупик.

— Ты любишь меня? — спросил он вслух: его внезапно обуяло любопытство.

Она была всегда так скрытна и осмотрительна в проявлениях чувств, что он захотел знать наверняка.

— А ты? Ты меня любишь? — парировала она. Он расхохотался:

— Очередной шах, Зейнаб!

— Ты друг мне, Хасдай, и я этому рада, — сказала она. — Ты еще и мой любовник — и этому я также очень рада. Но, по крайней мере, сейчас... — нет, я не люблю тебя, Хасдай.

— Я никогда не любил... — сказал он. — Расскажи, как это бывает?

— Поймешь, когда любовь застигнет тебя врасплох, — отвечала Зейнаб. — Да я и не могу этого объяснить. Думаю, ни один человек на свете не смог бы...

Жизнь их шла своим чередом, установился некий порядок, устраивающий обоих. Она всегда была к его услугам, а он, похоже, все свое свободное время проводил с нею. Даже отец его жаловался, что теперь и вовсе сын носа в дом не кажет... Хасдай же не рассказал Исааку-ибн-Шапруту о подарке калифа — Рабыне Страсти. Старик не смог бы этого понять... Он заявил бы, что стоит лишь Хасдаю сочетаться законным браком с нежной красавицей, и нужды в этой наложнице у него не будет. Вот Хасдай и рассыпался в извинениях, и выкраивал-таки времечко для того, чтобы навестить родителей, и возил им дорогие подарки... Потом же неизменно возвращался к Зейнаб.

Шли месяцы... Почти все время Хасдай-ибн-Шапрут посвящал переводу «Де Материя Медика». Порой он приходил настолько вымотанный, что буквально падал на постель и спал беспробудно по десять часов кряду... Пусть я ему и не жена, думала про себя Зейнаб, собирая одежду, разбросанную им по комнате, но если бы и была ею, разве жизнь моя существенно отличалась бы от теперешней?

Ее жизнь... Она жила в довольстве, без забот и треволнений, но, если бы не дочь, она скучала бы безумно! А следить за тем, как подрастает Мораима, было захватывающе интересно. Цветом глаз и волос она пошла в

мать, но все остальное было отцовским, вплоть до кончика упрямого носика. И если бы даже никто не открыл ей тайны ее рождения, и даже если Мораима это не вполне понимала, она все равно была бы принцессой с головы до пят.

Хотя Зейнаб и не слишком любила город, но все же время от времени наезжала в Кордову — в те дни, когда Мораиму возили к отцу во дворец, что располагался неподалеку от Главной Мечети. Абра сопровождала девочку к Абд-аль-Рахману, а Ома и Зейнаб в сопровождении Наджи отправлялись на рынок, или в лавку торговца тканями, или к серебрянику... А порой они просто прогуливались по узким извилистым улочкам. Никогда не знали они, что откроется им за углом...

Однажды они попали на маленькую площадь, со всех сторон окруженную белыми безликими стенами домов. В самом центре площади находился каменный фонтан. А вокруг фонтана было просто море цветов. К тому же улицу отделяли от домов палисадники, также все в цвету. Были тут и дамасские розы, и апельсиновые деревья, и зеленый мирт с блестящими листьями... Даже в жаркий день на крошечной площади было прохладно и очень тихо.

Однажды они зашли даже в Главную Мечеть, оставили снаружи обувь и вступили под высокие своды. Воздух напоен был ароматами алоэ и абмры, которые делали атмосферу в этом святом месте еще таинственней и волшебной. Зейнаб вдруг осознала, что до сей поры ни разу не была в храме...

Мораима уже переступала крошечными ножками. Не — , давно отпраздновали первый день ее рождения. Она уже прекрасно знала, кто есть кто в ее маленьком мирке. Калиф, который, по словам Абры, обожал девочку, именовался Баба — папочка. Зейнаб же была Ма-а. Ома превратилась просто в О, а нянька называлась Абб. Абд-аль-Рахман подарил доченьке пушистого белоснежного котенка — и двое малышей стали просто неразлучны. Зейнаб назвала котенка Снежком.

Однажды ясным весенним днем Хасдай приехал на виллу Зейнаб среди бела дня — что было по меньшей мере странно. Все знали, что он настолько поглощен переводом медицинского трактата, что никогда не освобождается раньше позднего вечера.

— Я отправляюсь в путешествие по поручению калифа, — объявил он. — Возможно, я буду отсутствовать несколько месяцев...

— Куда ты едешь, мой господин? — спросила она, знаком отдавая приказание слугам подать угощение.

— В Алькасаба Малика. В этом маленьком королевстве случилась

страшная трагедия. Князь и вся его семья — все погибли в междоусобной брани. Все, кроме, одного... Новый князь Малики глубоко скорбит. Меня шлют к нему, чтобы я попытался излечить его от черной меланхолии и вернуть умайядам правителя — если же это окажется невозможным, то его место займет достойный человек по выбору владыки. Ситуация ужасна... Город практически в руинах, повсюду царит хаос. Городской совет из последних сил пытается сохранить в городе мир и покой. Я уеду через два-три дня. — Он с благодарностью принял кубок холодного вина и залпом осушил его — денек выдался жаркий, к тому же всю дорогу от Мадинат-аль-Захра он ехал верхом.

— Позволь мне сопровождать тебя! — попросила Зейнаб. Мне скучно здесь, а без тебя, Хасдай, станет просто невыносимо!

— Н-не знаю... — но он уже взвешивал все «за» и «против». Ему самому не слишком улыбалась мысль столь долгое время находиться вдали от ее волшебных чар. Она стала для него чем-то вроде опьяняющего наркотика, вроде сладостей для сладкоежки... — Не уверен, что калиф одобрит это, Зейнаб.

— Я больше не принадлежу калифу, — спокойно сказала она. — Я твоя, мой господин. Почему бы тебе не взять меня с собой? Ведь это не тайная миссия... А я училась своему искусству в Малике. Городок просто прелестен — к тому же там живет возлюбленный моей Омы... Он хотел жениться на ней, но она настояла на том, чтобы ехать со мною в Аль-Андалус, несмотря на то, что, вне всяких сомнений, любит его. Может быть, и он не позабыл своей любви... А учитывая, как я счастлива и довольна жизнью, она может передумать, особенно, если снова встретится с Аллаэджином. Она так предана мне, Хасдай. От всего сердца желаю ей хоть немного счастья.

— А как же Мораима? — спросил он. — Она еще слишком мала для дальнего путешествия. Я не хочу подвергать дочь калифа опасности.

— Ты совершенно прав, мой господин. Мораима останется здесь с Аброй и регулярно будет видеться со своим отцом. Я не хочу нарушать привычный ход ее жизни. Она здесь будет в полной безопасности. Мы, конечно, скажем калифу, что я еду с тобой, и он пришлет взвод стражников, дабы защищать малютку, куда мы не вернемся. — Доводы Зейнаб звучали разумно. Но она еще и обвила руками шею Хасдая:

— Ты ведь не хочешь так надолго покидать меня, правда?

Он обнял ее за тонкую талию, а другая рука скользнула в вырез кафтана и нашла грудь. Губки ее были так соблазнительны, что он не выдержал, рты их соприкоснулись, и языки переплелись в нежной и

страстной ласке. Оторвавшись от нее, он произнес:

— Нет... Я не хочу оставлять тебя, прекрасная моя Зейнаб. Пальцы его слегка ущипнули нежный сосок, и Зейнаб вздрогнула от наслаждения...

...Если бы лейб-медик Хасдай-ибн-Шапрут верил в колдовство, он наверняка посчитал бы Зейнаб ведьмой. Но в волшебство этот просвещенный человек не верил, невзирая на то, что Рабыня Страсти владела способностью так опьянить его, что все на свете теряло свое значение, кроме ее поцелуя, ее ласки. И все же он прежде всего верный слуга калифа, а уже потом любовник Зейнаб. На следующий же день он имел приватную беседу с калифом в уединенных покоях дворца.

— Ты не станешь возражать, мой господин, если я возьму Зейнаб с собою в Малику? Она выразила желание сопровождать меня.

— С чего это? — калиф выглядел удивленным.

— Говорит, что будет без меня скучать... — честно отвечал Хасдай.

Абд-аль-Рахман усмехнулся:

— Беда всякой умной женщины, друг мой... Одной лишь страсти для нее явно недостаточно. Моя Айша как-то говорила мне, что если я хочу мира и покоя в доме, то должен выбирать женщин, которые интересуются только собою. Другие, предупреждала она меня, никогда не будут довольны своей долей. Они знают, что жизнь многогранна, — думаю, это и мучает Зейнаб. Конечно, можешь взять ее с собою, Хасдай. Ведь она твоя, и ты волен поступать с нею как тебе заблагорассудится. Меня заботит лишь дочь...

— Зейнаб считает, что девочка еще мала. Она оставляет принцессу на попечение нянюшки Абры. Она, правда, хочет, чтобы ты, мой господин, послал взвод отборных стражников для охраны девочки на то время, пока нас не будет.

— Решено! — отвечал калиф. — Она хорошая мать, друг мой. Почему у вас с нею нет детей? Может, тогда бы у нее прибавилось забот, и ее не тянуло бы на приключения...

— Мой господин, закон моего народа не позволит мне признать своими детей, которых родила бы мне Зейнаб. Они были бы вне закона. А тебе ведомо значение семьи в нашем мире. Мы с нею пришли к обоюдному соглашению, что детей у нас быть не может.

Абд-аль-Рахман кивнул. Вот об этом он как-то не подумал, вручая Зейнаб Хасдаю-ибн-Шапруту. Его заботила лишь безопасность ее и ребенка. К тому же он хотел, чтобы она была в пределах досягаемости, чтобы он мог видеть, как подрастает его младшая дочь... А что, Зейнаб все так же красива? Он хотел было задать Хасдаю этот вопрос, но сдержался.

Это было бы просто невежливо. К тому же он знал, каков будет ответ... Он гадал, любит ли она Хасдая или же сохранила в своем сердце привязанность к нему, Абд-аль-Рахману? Но и об этом спросить он не мог... И никогда не узнает ответов. Это будет терзать его до конца дней. Он безмолвно клял Захру за ее дикую ревность, которая явилась причиной его несчастья...

— Сообщения от князя Малики крайне путанные, Хасдай, — сказал он вслух. — Он был в отъезде в то время, когда была вырезана его семья. Когда же страшная весть достигла его ушей, он на несколько дней впал в прострацию. Его удалось вернуть к жизни, но принять какое бы то ни было решение он был не в состоянии. Бедняга мог только оплакивать мертвых... Домашний врач считает, что со временем это пройдет, что это индивидуальная реакция нервной системы князя. Я хотел бы знать твое мнение, Хасдай. Можно ли его исцелить? Или мне следует заменить его другим правителем, а если следует, то должен ли этот человек прибыть из Аль-Андалус или же будет избран государственным советом Малики? Мне нужно знать истинное положение дел — и чем быстрее, тем лучше. Тебе я доверяю вполне, Хасдай, — и как медику, и как дипломату. Мне повезло, что у меня есть такой придворный...

— А что же злодей? Ты хочешь, чтобы он был схвачен и предстал перед твоим судом, мой господин?

— Вне всяких сомнений! — твердо отвечал Абд-аль-Рахман. — Я не могу допустить, чтобы подобные негодяи бесчинствовали даже в дальних уголках моего королевства. Если ростки зла не вырвать с корнем, они прорастут во множестве мест, подобно сорнякам на поле ржи. Найди этого человека, друг мой, и покарай его. Он не должен ускользнуть от возмездия. А когда он будет схвачен, то должен быть казнен публично и умереть мучительной смертью. Пусть его пытаются на площади до тех пор, пока он не испустит дух! Причем сперва расправься с его прихвостнями, а затем с ним самим. Будь так жесток, как только сможешь, Хасдай! Это успокоит возмущение в народе и придаст князю Малики еще больший вес. Ты поплывешь на одном из новых моих кораблей в сопровождении сотни сакалибов, которые помогут справедливости восторжествовать, Хасдай.

Врач кивнул и поклонился господину.

— Все будет так, как ты хочешь, мой господин, — пообещал он. — Когда мы отплываем?

— Ты будешь готов через три дня, Хасдай?

— Да, мой господин, — последовал незамедлительный ответ.

— Завтра же на виллу Зейнаб придут десять сакалибов и будут

оставаться там до вашего возвращения, — сказал калиф. — Они подчиняются только моим приказаниям. Мораима будет в полнейшей безопасности.

К тому времени, как Хасдай и Зейнаб были готовы к отплытию, личная гвардия калифа прочно обосновалась в доме. Аида была в восторге от того, что есть кому оценить ее стряпню, а малышка Мораима мгновенно покорила сердце капитана сакалибов. Абра же была предана ребенку всей душой. Зейнаб понимала, что дитя ее будет в безопасности и в хороших руках, покуда ее не будет. Она решила не вдаваться в излишние подробности и не объяснять дочери, что несколько месяцев мамы не будет дома. Да Мораима все равно бы не поняла. Она просто сказала, что мама уезжает, но вернется непременно. К ее глубочайшему огорчению, малютка не слишком была озабочена этой вестью.

— Ма вернется? — требовательно спросило дитя.

— Да! — в глазах Зейнаб стояли слезы.

— А Баба? Придет?

— Конечно, твой отец навестит тебя!

— Хорошо... — сказала Мораима и занялась Снежком.

— По-моему, ей нет никакого дела до того, что я покидаю ее! — рыдала Зейнаб на груди Хасдая. — Она похожа на мою мать! Такая же бессердечная!

— Да полно, ей же нет еще и двух! — терпеливо объяснял Хасдай. — Она не может вполне понять того, что ей предстоит, любовь моя. Но так будет даже лучше. Ведь не хотела же ты, чтобы она плакала, провожая тебя?

— Нет... — вынуждена была признать Зейнаб правоту Хасдая. — И вправду нет. Все, чего я хочу, — чтобы она была счастлива и в безопасности.

— Так оно и будет, — заверил ее Хасдай. Корабль, на борту которого они отчалили от берега Кордовы, был самым большим, который Зейнаб когда-либо приходилось видеть. У них с Хасдаем была большая просторная каюта на верхней палубе, на нижней же разместили сотню сакалибов. Даже у Омы была отдельная каюта неподалеку от покоев госпожи. Плавание по Гавдалквивиру было сродни увеселительной прогулке. Стояла поздняя весна, и все сады были в цвету, ветви, отягощенные розовыми, белыми и желтыми цветочными кистями, свешивались за изгороди. Даже поля уже зеленели.

На следующий день путешественники медленно проплывали мимо лугов, усыпанных цветущими анемонами, которые слегка покачивал бриз...

Они доплыли до Севильи ранним утром второго дня пути. Хасдай объяснил Зейнаб, что это типичный мавританский город с узкими извилистыми улочками, выбеленными домами с балконами, внутренними дворами, садами и фонтанами повсюду. Он пообещал Зейнаб, что они сделают здесь остановку на обратном пути из Ифрикии.

— Зачем тебе понадобилось в Алькасабу Малику? — спрашивала Ома госпожу, когда они вдвоем сидели на палубе, дыша свежим воздухом. — Ты надеешься увидеть господина Карима?

— Нет, — отвечала Зейнаб. — Карим теперь женатый человек. К чему мне с ним встречаться? Но, возможно, нам удастся разыскать твоего Аллаэddина, моя Ома. Разве ты не хочешь выйти замуж, народить деток? Моя жизнь, хоть и спокойная, но.., ты сама понимаешь. У меня больше не будет детей. Хасдай их не желает. Я должна смириться — но ты, ты, моя Ома!.. Ты моя, и в моей власти дать тебе свободу, и я желаю тебе счастья. Что бы я делала все эти годы без тебя, моей утешительницы? Позволь мне дать тебе свободу, Ома, — я хочу видеть тебя счастливой, хочу, чтобы ты стала женою Аллаэddина-бен-Омара! Я дам за тобою богатое приданое. Самое время для тебя зажить собственной жизнью!

— Я не знаю... — отвечала Ома. — Аллаэddин и я пробыли в разлуке несколько лет, госпожа... Может, он давно женат, а второй женой ему я ни за что не стану! Кстати, не уверена, что все еще люблю его, этого чернобородого пирата... А кто станет приглядывать за тобой, хотела бы я знать? Ты никогда не держала много женской прислуги. Нас было только двое.., ну, еще Наджа и Аида. Те женщины, что убирают дом, практически невидимы... Разве не были мы счастливы?

— Я не к чему тебя не принуждаю, — сказала Зейнаб. — Но давай-ка сперва отыщем Аллаэddина-бен-Омара, а тогда будет видно, что ты чувствуешь к нему, моя Ома... Это будет нетрудно. Алькасаба Малика — невеликий город. Ну, а если ты решишь не идти за него, мы вместе вернемся в Аль-Андалус, и там я дам тебе свободу. Ты можешь тогда остаться со мною, но я буду платить тебе за твою службу, как сейчас плачу Абре. Иначе, подумай, что случится с тобою, если со мной случится беда? Ома, я хочу, чтобы ты была свободна и в безопасности. Ты ведь моя подруга, и твоя преданность столь много для меня значит...

Лежа ночью подле Хасдая и вдыхая усыпляющий запах моря, Зейнаб размышляла: искренна ли была она с Омой? Что будет, если она вновь увидит Карима? Возродится ли ее любовь? Или чувство навек умерло в ее сердце, когда он отдавал ее калифу? ..Нет, ничего не умерло, вопреки их обоюдным надеждам... Конечно, теперь он женат, и, возможно, у него есть

сын, а может, и двое... А она.., она мать младшей дочери калифа, хоть и не принадлежит ему более... Она с грустью вздохнула. Она не была счастлива, хотя и не понимала, отчего. У нее было все, чего только может желать женщина: богатство, дитя, мужчина-защитник... Чего еще желать? И все же как грустно...

...Ах, зря она увязалась за Хасдаем! Она искренне полагала, что станет скучать, но лишь в пути она поняла, что вовсе не скука, а отсутствие счастья гонит ее прочь из дома.

Но ведь в Алькасабе Малике ее ничего не ждет, кроме невыносимо болезненных воспоминаний... А страсть без любви, как она давно обнаружила, — это очень горько... Но это она тщательно скрывала от Хасдая. Они не любили друг друга, хоть и стали добрыми друзьями, хоть и было им сладко в объятиях друг друга... Ему было бы больно, узнай он о глубине ее разочарования...

Наконец, однажды утром вдаль показались два маяка, обозначающие вход в гавань Алькасабы Малики. Небо было безоблачным, а крики чаек, вьющихся над кораблем, были и торжествующими, и скорбными одновременно... Хасдай говорил, что город пришел в упадок после гибели правителя и его семьи, но Зейнаб показалось, что тут ровным счетом ничего не изменилось. Когда судно пришвартовали к причалу, капитан явился в каюту Хасдая, дабы лично объявить, что носилки уже поданы и он может отправляться во дворец князя.

— Подан также и оседланный конь на случай, если ваша светлость предпочтет ехать верхом, — вежливо добавил капитан.

— Но, возможно, женщинам небезопасно путешествовать по улицам в такой час? — спросил Хасдай.

— Я переговорил со слугою князя, прибывшим вместе с носилками, — отвечал капитан. — В городе спокойно, мой господин. Нет здесь ни повстанцев, ни возмутителей спокойствия. Просто жители все еще не оправились после гибели правителя и его домашних...

Хасдай понимающе кивнул:

— Тогда поеду верхом. А госпожа и ее прислужница сядут в крытые носилки.

Зейнаб и Ома, облаченные, как добропорядочные мавританки, в черные яшмаки, были препровождены самим Нази к носилкам. Когда они уселись, сакалибы вереницей сошли с палубы корабля. Они были в полном боевом обмундировании и выглядели устрашающе. Немедленно по городу распространилась весть: прибыл представитель калифа, сам Хасдай-ибн-Шапрут! Он поможет князю, и в городе вновь воцарятся мир и покой... Он

приехал с личной гвардией... И разбойники, умертвившие правителя и всю его семью, вскоре будут схвачены и казнены!

Во главе процессии величественно ехал Хасдай-ибн-Шапрут. Жители Алькасабы Малики выходили на улицу, дабы приветствовать прибывших.

Когда они достигли ворот резиденции и въехали во внутренний дворик, Зейнаб склонилась к уху Омы и прошептала:

— А я-то думала, что князь живет во дворце... Смотри, этот домик ничем не отличается от того, что подарил мне калиф!

Тотчас же навстречу гостям вышли слуги в длинных белых одеждах, почтительно приветствовали врача и его свиту и проводили их во двор.

Высокий человек с угольно-черной бородой выступил вперед и почтительно склонился перед Хасдаем-ибн-Шапрутом:

— Добро пожаловать, ваша светлость! Я Аллаэддин-бен-Омар, визирь князя. Мы благодарны вам за то, что вы прибыли!

Ома беззвучно вздохнула и сжала руку Зейнаб.

— Мы не предполагали, что вы путешествуете с женою, господин, — продолжал визирь. — Но, думаю, ей вполне будет удобно в гареме. На данный момент он пустует.

— Эта женщина — моя наложница, — отвечал Хасдай. — К величайшему сожалению моего отца, я не женат. — Он улыбнулся.

— О, в таком случае у наших отцов общая печаль! — последовал ответ. — Мустафа, проводите женщин на их половину, — приказал Аллаэддин ожидающему еврею. Затем вновь обратился к Хасдаю-ибн-Шапруту:

— Князь Карим теперь бодрствует. Может быть, ты хочешь его видеть, господин? Теперь уже Зейнаб ахнула, но, тут же придя в себя, воскликнула:

— Ты говоришь о Кариме-ибн-Хахибе, Аллаэддин-бен-Омар? — Вопрос изумил всех, включая самое Зейнаб — ведь она уже знала ответ! О Аллах! Зачем она приехала? Она ведь не вынесет встречи с Каримом, не сможет жить в одном доме с ним! Она всеми силами пыталась сохранить достоинство, приличествующее Рабыне Страсти, принадлежащей Нази, но сердце ее чуть ли не выпрыгивало из груди. Она побелела.

— Госпожа, кто ты? — спросил визирь, совершенно пренебрегая этикетом.

Ома же смело открыла свое лицо и отвечала:

— А ты как думаешь, великовозрастный придурок? Это моя госпожа Зейнаб!

Аллаэддин-бен-Омар глядел поочередно то на нее, то на закутанную с головы до ног Зейнаб.

— Это и вправду ты, госпожа? — выговорил он наконец.

Зейнаб кивнула. Голова у нее шла кругом... Нет, она не может потерять сознание! Не должна! Если это случится, Хасдай тотчас же заподозрит неладное. Она не имеет права падать в обморок!

— Как это калиф догадался, что прислать надобно именно тебя? — возбужденно говорил Аллаэддин. — Может быть, никто кроме тебя не властен вернуть его к жизни! Благословен Аллах, мудрый и всезнающий!

— Что-то я ровным счетом ничего не понимаю... — резко бросил Хасдай-ибн-Шапрут. — Ты что-то знаешь об этом деле, Зейнаб?

— Не следует нам с тобою обсуждать это здесь, публично, — отвечала она. — Господин визирь, где мы могли бы переговорить с глазу на глаз?

Голос ее был бесстрастен и холоден. Каким-то чудом ей удалось-таки вновь овладеть собою.

Аллаэддин быстро провел их в ярко освещенную комнату с видом на внутренний двор. У Зейнаб голова шла кругом. Карим — князь Малики! Как могло такое случиться? Она жаждала ответа на свой вопрос столь же страстно, как и Хасдай-ибн-Шапрут ответа на свой.

— Как случилось так, что ты знаешь князя, Зейнаб, — если ты и вправду его знаешь? — Хасдай искренне недоумевал.

— Я и не предполагала, что тот, кого я прежде знала, — князь... — начала она. — Карим-аль-Малика, которого я знала прежде как Карима-ибн-Хахиба-аль-Малику, — это тот самый Учитель Страсти, что вышколил меня когда-то... Но как случилось так, что он стал князем?

— Возможно, — вмешался Аллаэддин, — я сумею разъяснить вам положение дел — разумеется, с вашего обоюдного разрешения. — Когда Хасдай кивнул, визирь начал свой рассказ:

— Карим-аль-Малика — младший сын покойного князя Хабиба-ибн-Малика. Карим был мореплавателем и торговцем, а также и Учителем Страсти. В его руки и отдал торговец Донал Рай Зейнаб для обучения. Она и не предполагала, что он княжеский сын...

— Да как я могла это предположить? — вмешалась Зейнаб. — Оглядишься, Хасдай. Ну сам посуди, похоже это на княжеский дворец? Дом этот не больше моего! Я ни разу не встречалась ни с отцом Карима, покойным князем, ни с его братьями. Правда, я знакома была с его матерью, госпожой Алимой, и с сестрой его Инигой — она даже стала моей подругой. Но ни единой секунды я не подозревала, что они столь высокородны! А сюда я попала лишь однажды, когда удостоилась чести принять участие в торжествах по поводу свадьбы Иниги. Ни единого раза ни она, ни господин Карим не обмолвились, что их отец — князь этой

земли, господин мой Хасдай! Никогда!

Растерянный Хасдай хранил молчанье, мучительно пытаясь подобрать нужные слова...

— Но как, как вы очутились здесь? — воскликнул визирь, вновь попирая дворцовый этикет — слишком велико было его любопытство:

— Разве ты не собственность калифа, госпожа Зейнаб?

— Я Рабыня Страсти господина моего Хасдая, — тихо отвечала она. — Калиф отдал меня ему, господин Аллаэддин.

Тот явно хотел спросить почему. Он-то был уверен, что Зейнаб пленила калифа... Его черные глаза устремились на Ому, молчаливо сидящую подле госпожи. Девушка встретила с ним взглядом — и залилась краской, успев, правда, улыбнуться ему чарующей улыбкой. Вот кто ответит ему на все мучающие его вопросы! Но сейчас в центре внимания, разумеется. Карим...

— Могу я проводить госпожу и ее прислужницу в гарем, мой господин? — спросил он Хасдая.

Хасдай-ибн-Шапрут кивнул:

— Да. И я хочу тотчас же видеть князя Карима, господин визирь!

— Мустафа, проводи женщин на их половину, — приказал евноху визирь. Зейнаб и Ома поднялись.

Зейнаб не терпелось порасспросить Аллаэddина подробно обо всем. Что на самом деле приключилось с Каримом? Он был ранен? Где его жена? А дети? Да есть ли они у него? Неужели вся семья Хабиба-ибн-Малика погибла? Инига... О Небо, нет! Инига!

...Она покорно следовала за Мустафой, терзаясь и мучаясь. Может быть, он в состоянии прояснить для нее хоть что-то? Ведь Мустафа всегда был в курсе всего...

Двери, ведущие на женскую половину, ныне пустую и заброшенную, не успели захлопнуться, а Ома уже тормозила евноху:

— Мустафа, скажи всю правду! Господин Аллаэддин женат? ,Он уже взял в свой дом жену?

— Разве ты глуха, девушка, и не слышала его разговора с Хасдаем-ибн-Шапрутом? Нет у него и не было никакой жены. От себя же прибавлю — и наложницы... — Мустафа хмыкнул. — Если бы ты приняла его предложение тогда, сегодня ты уже по крайней мере трижды была бы матерью!

— Ну, для этого еще есть у нас время! — заодно сказала Ома.

— Так что же произошло, Мустафа? — тихо спросила Зейнаб.

— Да это все жена господина, Хатиба... — начал Мустафа и рассказал

ей все, что началось в день свадьбы и длилось затем в течение более чем двух месяцев. — С самого начала с нею были одни хлопоты, а потом госпожа Хатиба все никак не беременела... Были огорчены они оба: и мой господин, и она сама... Князь Хабиб начал было поговаривать о том, что Кариму вновь следует жениться — на девушке, которая народит ему детей. Но Карим отказывался наотрез. И вот, наконец, по всем признакам стало ясно, что госпожа Хатиба вскоре должна стать матерью. Об этом тотчас же было сообщено ее родным, но ответа не последовало. Князь Хабиб предложил моему господину съездить в Себту — это южнее Джабал-Тарака. По злой иронии судьбы, он послал его туда выбрать на невольничьем рынке пятьдесят северян, подобных калифским сакалибам, — это лучшие рабы, госпожа. Эти люди должны были быть вышколены и превращены в самых преданных и верных стражей княжеского дворца. Князь Хабиб всегда считал, что калиф поступил мудро, доверив безопасность своей семьи рабам, преданным лишь ему одному, не вовлеченным в политику Аль-Андалус. К тому же госпожа Хатиба хворала и была крайне раздражительна, так что разлука была бы благоприятна для обоих.

— А он.., любил ее? — тихо спросила Зейнаб. Мустафа отрицательно покачал головой.

— Оба они смирились со своей участью, — сухо ответил он и продолжил свой рассказ:

— Али Хассан, тот, кто был любовником Хатибы еще до свадьбы, ворвался в Алькасабу Малику со своими людьми. Они не вошли в город открыто, но прокрались, как шакалы, под покровом ночи. Они перекрыли один конец улицы, оставив другой для отступления. Разбойники пришли пешим ходом. Затем ворвались в ворота дома, удавив стражников. Они хорошо выбрали время — вся семья была в сборе, за исключением моего господина Карима. Все праздновали день рождения господина Айюба. Были зверски умерщвлены все: он, двое его жен, их дети, а также господин Джафар, его жены и дети, старый князь, госпожа Музна и супруг госпожи Иниги Ахмед. Госпожа Алима погибла последней, но успела втолкнуть меня и маленького своего внука, сына Иниги Малика, в кабинет. Я спрятал мальчика под одеждой и зажал ему рот ладонью, а сам глядел в замочную скважину на их бесчинств «... Потом Али Хассан направился напрямик в покои, где, тесно прижавшись друг к другу, стояли Инига и Хатиба, дрожа от ужаса.» Шлюха! — вскричал он, обращаясь к Хатибс. — Ты ведь клялась, что не станешь носить ребенка от другого! «Глаза его были совершенно безумны — по крайней мере, так мне показалось. Он

попытался оторвать се от госпожи Иниги, но безуспешно. Тогда он протянул свою грязную руку и потрогал золотые косы Иниги, на губах его появилась злая усмешка. Я все, все видел из моего укрытия!» Ты предала меня, Хатиба!«— вскричал он. Она же отвечала с достоинством:» Видно, ты недостаточно сильно любил, чтобы бороться за меня, когда на твоих глазах отец мой отдавал меня другому! Мой долг — носить и рожать супругу детей, Али Хассан!«Ох, госпожа моя Зейнаб, эти слова привели Али Хассана в сущее бешенство! Он оторвал, наконец, Хатибу от госпожи Иниги, намотал ее волосы на руку и одним взмахом кинжала перерезал ей горло. Хлынула кровь, обагтив одежды Иниги и платье самого Али Хассана. Бедная госпожа Инига окаменела от ужаса, ведь на ее глазах убиты были муж, мать, вся семья... Она стояла беспомощная, не в силах даже закричать — а этот дьявол сорвал с нее одежду и вынес ее вон, а дружки его прихватили уцелевших молодых рабынь. Все это время, показавшееся мне вечностью, я прождал в кабинете, прижимая к груди малютку, сына госпожи Иниги. Я слышал, как эта разнузданная орда разгулиwała по всему дому, хватая все, что попадалось им на пути, — но вот все стихло. Наконец, я выбрался из своего укрытия. Измученный малыш уснул, хвала Аллаху, — и потому не видел разгрома, учиненного негодьями в доме. Али Хассан и его люди уже к тому времени покинули дом. Они ускакали на жеребцах из княжеских конюшен — причем брали лишь лучших животных, могу добавить... С маленьким Маликом на руках я побежал прямо к главе городского совета и рассказал ему все. Женщины взяли у меня дитя, а я вернулся в дом в сопровождении членов совета. Вид ужасающего разгрома буквально потряс их. Тотчас был послан гонец в Себту к господину Кариму. К тому времени, как он воротился, мы уже схоронили мертвых, смыли отовсюду кровь... Но все же ржавые пятна остались на дворовых плитах... Когда Кариму поведали о разыгравшейся тут трагедии, он словно оцепенел. Никакими силами мы не могли вернуть его к жизни.

Он ничего не ест. Практически не спит. Просто сидит, уставясь в одну точку.

— А городской совет послал гонца к калифу... — заключила Зейнаб. Она еще не вполне осознала, сколь ужасная трагедия обрушилась на ее возлюбленного Карима. — А Инигу... Инигу нашли, Мустафа? Наверняка ведь послали воинов вдогонку Али Хассану!

— Злодейское убийство семьи Карима — далеко не первое на совести этого бандита. Он умертвил и Гуссейн-ибн-Гуссейна с семьей. Он среди горцев славится самым могущественным и жестокосердым. В Малике нет

армии... До , недавнего времени в ней просто не было нужды. В Аль-Андалус царит мир...

Зейнаб ясно видела, что и по сей час Мустафа глубоко страдает. Али Хассан поразил в самое сердце и оставшихся в живых...

— Разве никто не освободил Инигу, не отомстил?! — вновь спросила она. — Ведь если Инига осталась жива и Али Хассан только пленил ее, она может до сих пор быть жива! Необходимо ее разыскать, освободить...

— Никто не станет ее разыскивать, госпожа. — с грустью , промолвил евнух. — Когда Али Хассан уносил ее, то сомнений в его намерениях не было: он собрался надругаться над нею. Теперь она опозорена — и пусть лучше остается в его руках.., если она еще жива.

— Да что ты несешь? — взорвалась Зейнаб. — Ведь ребенок Иниги уцелел! Маленький Малик потерял отца. Неужели он должен лишиться и матери? Карим этого не допустит!

— Малик-ибн-Ахмет отослан в семью отца, теперь он принадлежит им. Они вырастят из него достойного человека. Он так мал, что не будет помнить ни отца, ни мать. В сущности, малыш ничего не потерял...

— Как ты думаешь, госпожа, здесь по ночам бродят привидения? — спросила вдруг Ома на их родном наречии. — Не знаю, как смогу я спать спокойно в доме, где столько людей убили в одночасье! — Девушка вздрогнула:

— Мне уже слышатся отчаянные женские вопли...

— Согласна... — сказала Зейнаб подруге. Потом повернулась к Мустафе:

— Мы не останемся здесь. Мустафа. И Ома, и я кожей чувствуем ужас, затаившийся в этих стенах. Знаю, что ты нас не ждал, но наверняка мы можем пожить в каком-нибудь другом месте.

Мустафа понимающе кивнул и ответил:

— Я провожу тебя в покои твоего господина — думаю, он не станет возражать, госпожа Зейнаб...

Хасдая-ибн-Шапрута тотчас же проводили к пациенту, Кариму-ибн-Хабибу, князю Малики. Молодой человек сидел в удобном кресле на веранде, неотрывно глядя на маленький садик во внутреннем дворе дома. Он был словно погружен в глубокую летаргию — бледен, с темными кругами вокруг глаз... Хасдай-ибн-Шапрут опытным взглядом медика отметил, как он похудел с тех пор, как они виделись в Кордове...

— Господин мой! — обратился к Кариму визирь. — Я привел к тебе посланника калифа.

Карим поглядел на новоприбывшего без всякого интереса. Высокий

человек почтительно поклонился князю. Но тот сразу же отвел глаза...

...Эти синие глаза вполне осмысленны, подумал Хасдай. Князь вовсе не безумен. Он просто по-своему пытается справиться с обуревающей его болью. Да, надежда есть...

— Господин мой, я Нази, Хасдай-ибн-Шапрут. Я один из ближайших советников калифа по множеству вопросов — но в первую очередь я врач. И я помогу тебе исцелиться, дабы ты мог править здесь, в Малике, во славу нашего калифа Абд-аль-Рахмана. Насколько я знаю, твои предки основали этот город и более двухсот лет успешно правили умайядами...

— Все они мертвы... — тихо промолвил Карим. — Все, кроме ребенка моей сестры, но он не принадлежит к нашей семье. Малик теперь у родственников отца...

— Твоя сестра, насколько мне известно, была похищена, — продолжал Хасдай.

— Моя жена убита... — отвечал Карим. — Она ждала ребенка.

— Но, возможно, сестра твоя еще жива... , — Лучше для нее, если бы она была мертва, — сказал Карим.

— Почему? Ведь у нее есть сын! Дитя нуждается в ней, господин мой!

— Она опозорена, опозорена навеки, — твердо сказал Карим. — Неужели ты не понимаешь, что произошло с моей маленькой сестренкой? Да они же изнасиловали Инигу! И, скорее всего, не один Али Хассан, но и все остальные. Мой племянник в семье отца... Они ни за что не отдадут его Иниге, даже если нам удастся вернуть ее. Она для меня потеряна, как и все, все остальные...

— Что ж, если это так, мой господин, то эта печаль останется с тобою до конца твоих дней... — откровенно сказал Хасдай. — Этого уже нельзя изменить, но народу Малики ты необходим. Время твоего траура давно истекло. Ты должен править! Быть сильным! Ты обязан разыскать этого бандита Али Хассана, уничтожить его — раздавить эту ядовитую гадину, чтобы он не возмущал спокойствие в стране!

— Я младший сын в семье... — выкрикнул Карим с болью в голосе. — Я никогда не собирался становиться князем и править! Князем должен был быть Айюб или же Джафар... Я ровным счетом ничего не знаю об управлении страной, Хасдай-ибн-Шапрут. Оставь меня в покое оплакивать моих мертвых, умоляю тебя!

— Я привез с собою сотню сакалибов. Твой визирь поведал мне, что ты купил пятьдесят крепких и здоровых северян на невольничьем рынке в Себте, они уже здесь, в Алькасабе Малике. В течение месяца мои люди могут обучить их всему необходимому для того, чтобы изловить этого Али

Хассана. Калиф строго-настрого приказал, чтобы он был пойман и казнен. Так что же ты сидишь здесь, словно немощная старуха, вместо того чтобы отомстить за все, что этот злодей причинил тебе и твоим близким? И ты позволишь Али Хассану сеять смуту среди горцев, подбивая их на бунт против нашего калифа? Не этого я ожидал от тебя, Карим-ибн-Хабиб, — в голосе Нази слышалось презрение.

— А после того, как я отомщу за себя и за смерть родных, — голос Карима окреп настолько, что изумился даже Аллаэддин, — что останется мне? Я лишен всего!

— Ты должен вновь жениться и продолжить род правителей Малики, мой господин, — сказал Нази. — Твой дальний предок был совершенно один, когда основал династию и выстроил этот город!

— Я больше не женюсь без любви, — сказал Карим. — Я не любил бедную мою Хатибу — любовь моя была отдана другой, с которой мы не могли быть вместе... Я полагал, что жене довольно будет моей преданности и уважения. Может быть, если бы она не умерла, так бы оно и стало со временем — но теперь меня терзает вина перед нею...

— Любовь не всегда означает счастье, мой господин, — отвечал Нази. — Али Хассан любил Хатибу — и из-за этой любви погибла она сама и вся твоя семья... Помни об этом, когда будешь выбирать себе новую жену!

— Брак без любви подобен небу без светил, Хасдай-ибн-Шапрут. Оно столь же бесконечно, сколь и уныло... Нази признал справедливость слов Карима:

— Ты мудр, мой господин...

Но было тем не менее очевидно, что князь, долгие дни просидевший в полнейшей неподвижности и безмыслии, возрождается к жизни. Понадобился лишь краткий разговор, лишь вызов, брошенный его самолюбию... Хасдай предположил, что доселе никто не решался на подобное — напротив, все лишь соболезнавали Кариму в его горе. Они любящими руками выкапывали этому несчастному князю глубокую могилу, из которой ему не удалось бы выбраться никогда...

— Со мною прибыл один человек, который тебе знаком, — сообщил Нази Кариму. — Имя ее Зейнаб. До меня дошло, что ты ее обучал. Если это и вправду так, то прими искреннюю мою благодарность, мой господин. Она — совершенство.

— Зейнаб? Она здесь? — в голосе Карима звучало волнение, которое он даже не пытался скрыть. — Как попала она к тебе? Она же отдана была калифу?

— Она сама все тебе расскажет, но только через несколько дней, когда ты окрепнешь физически. — сказал Хасдай. — Насколько я понимаю, ты моришь себя голодом. Так вот; я собираюсь предписать тебе диету, которая в кратчайшие сроки поможет твоему ослабевшему организму восстановить силы. Твой визирь вместе с капитаном моих сакалибов займется муштрой твоих новичков. Дни Али Хассана сочтены, мой князь, ведь так?

Карим взглянул на Нази:

— Да.

Больше он ничего не сказал, но в голосе его слышалась мрачная решимость, не ускользнувшая ни от Хасдая, ни от Аллаэддина.

Позднее визирь благодарил Нази:

— Ты заставил его послушаться тебя, а никто из нас не мог... Теперь с ним все будет хорошо. Я уже вижу первые добрые признаки!

— На самом деле лишь упоминание имени Зейнаб заставило его настоящему пробудиться, друг мой, — тихо сказал Хасдай. — Ничто из того, что я говорил ему прежде, так не тронуло его. Почему? Расскажи...

Аллаэддин-бен-Омар покачал головой:

— Не подобает мне распространяться об этом, господин Нази. Расспрашивай либо Зейнаб, либо князя, но, молю, не меня!

— Что ж, хорошо, — сказал Хасдай. — Спрошу Зейнаб...

— Как чувствует себя князь? — спросила она после того, как они разомкнули объятия на ложе любви, — Он выживет?

— Да, — отвечал Хасдай. Нет, он ничего такого не слышал в ее голосе, что пролило бы свет на тайну ее взаимоотношений с Каримом-ибн-Хабибом! Он спрашивал себя, волнует ли его эта тайна, и вынужден был констатировать, что волнует. Нет, он все же не любил эту женщину... Он не был даже уверен, что способен на это чувство. Но она стала настоящим его другом, к тому же им было хорошо вдвоем. Зейнаб была много большим, нежели просто искусной наложницей, и он не желал ее терять.

— Евнух Мустафа в подробностях рассказал мне обо всем, что случилось, — сказала она. — Это ужасно. Мы должны выяснить, жива ли еще сестра князя Инига. Если жива, то ее необходимо освободить, господин мой Хасдай, — золотоволосая головка легла на его плечо. — Инига — милейшее создание!

— Князь говорит, что для нее лучше было бы, если бы она умерла — ведь она опозорена, — сказал Хасдай. — Кодекс морали здесь, в Ифрикии, очень суров... И, хотя я несколько этого не одобряю, но вполне понимаю. Если бедняжка была изнасилована — а скорее всего, именно так оно и было — ни один порядочный человек не захочет взять ее в жены. Она

погибла. Али Хассан мог бы с тем же успехом заколоть ее. А если он этого не сделал — что ж, тогда он необыкновенно жесток!

— И что же — моя подруга будет брошена на произвол судьбы? — возмущенно спросила Зейнаб. Она села, скрестив ноги и серьезно поглядела на Нази:

— Пообещай, что освободишь ее, Хасдай! Я возьму ее с собою домой, по крайней мере, остаток своих дней она проживет в мире и покое. Не оставляй ее в лапах этого зверя Али Хассана, если она еще жива! Пожалуйста!

— Князь купил пятьдесят воинов-северян в Себте. Их будут обучать воинскому мастерству наши сакалибы. Через месяц мы предпримем поход в горы на поиски Али Хассана. Князь Карим сам поведет солдат. Пока он еще слаб...

— А Инига должна все это время томиться в плену? По крайней мере пошли шпиона, чтоб удостовериться, жива она или же мертва! Ты ведь все равно пошлешь кого-нибудь тайно, дабы разведать обстановку...

— Да откуда тебе это известно? — Хасдай был изумлен. Она всегда удивляла его тогда, когда он менее всего этого ожидал.

— Я выросла в стране, где было множество враждующих кланов, мой господин. Это обычная стратегия моего народа. Если не знаешь, какими силами располагает противник — вскоре лишишься замка, земель, скота... — будничным тоном растолковывала ему Зейнаб. — Ничего удивительного. тут нет.

— Наша главная задача — уничтожить Али Хассана и его группировку, — отвечал ее любовник. — Если госпожа Инига будет найдена живой — что ж, тогда и будем решать, как с нею поступить. — Он попытался было обнять Зейнаб, но та отпрянула. Злость исказила ее прекрасное лицо.

— Инига стала жертвой злодеев, мой господин! Это само по себе ужасно. Почему же она должна страдать еще и от осуждения близких ей людей? С какой стати предавать ее осуждению? Позор не на ней, а на тех, кто это сделал с нею! Я наложница, мой господин. Я что — тоже покрыта позором?

— Зейнаб, послушай, — терпеливо заговорил Хасдай. — Ты должна понять. Я знаю, что ты достаточно умна... Инига — дочь князя Малики. Она была женой. Матерью. А после того, как ее нагло похитил Али Хассан и надругался над нею, она навеки запятнана оттого, что познала другого мужчину.., или мужчин. Ты же наложница. Твое призвание — соблазнять, вступать с мужчинами в интимные сношения. Ты уважаема, но уважение

это совершенно иного рода...

— А если бы я была похищена Али Хассаном и зверски изнасилована всеми его воинами по очереди, я что, не была бы опозорена подобно бедняжке Иниге? — требовательно спросила она.

— Да, конечно же, нет! — отвечал он. — Ты же наложница!

— Ну уж уволь — это абсурд! — едко заявила Зейнаб. — Не ожидала такого от тебя...

— Никогда прежде не видел тебя такой... — ответил он, до глубины души изумленный ее страстным порывом.

— У меняла всю жизнь было всего две подруги — Инига одна из них. Я была рождена свободной, но стала рабыней. Правда, и тут Судьба была милостива ко мне. Меня любили... Меня ублажали... А что случилось с бедной моей подругой? — Она своими глазами видела, как убивали ее близких, она была похищена и, скорее всего, изнасилована. До той поры Инигу лелеяли и любили все, кто ее знал. У нее был ребенок. Она не заслужила позора, и я сделаю все, от меня зависящее, чтобы ее спасти! Я не могу сидеть сложа руки, покуда вы, мужчины, обсуждаете проблему ее утраченной добродетели! Это же просто смешно! Нет — это страшно! Да ведь жизнь ее в опасности!

— Обещаю тебе, моя дорогая, — сказал он, беря ее руки в свои, — те, что будут посланы на разведку, разузнают все, что можно, об Иниге. Это все, что я на данный момент могу сделать, Зейнаб. А теперь поцелуй меня. Я истосковался по твоим губам... — Его златокарие глаза сияли. . Она притянула его голову к себе, но мысли ее витали далеко, и она чисто автоматически целовала его. И все равно поцелуи ее привели любовника в восхищение. Она все чаще изумлялась, насколько заученными сделались ее ласки... Как хотела бы она, чтобы все было иначе! Она чувствовала бы себя виноватой, не будь ей прекрасно известно, что Хасдай не испытывает к ней любви. Вместо этого она думала лишь о Кариме, который тут, совсем близко, под одной с нею крышей, в то время как она лежит в объятиях другого мужчины... Знает ли он, что она здесь? Думает ли о ней?

Он думал о ней... Лежа один на просторной постели, он гадал, как случилось так, что она стала собственностью Хасдая-ибн-Шапрута. Нази был молод, хорош собой и выглядел очень мужественным. Хорошо ли Зейнаб с ним? Карим вздохнул... Счастлива ли она? Зачем, во имя Аллаха, Судьба снова сводит их, не давая возможности соединиться? Неужели мало ему его боли? Аллаэддин пообещал, что утром Ома ответит на все их бесчисленные вопросы.

Карим не спал, да и не хотел засыпать... Посланник калифа своими

резкими словами вернул его к действительности. Да, теперь он ответственен за Малину и за ее народ. Он не мог, не смел обесчестить память отца и всех предков. Они основали город и сделали все для его процветания. Он не мог позволить, чтобы все их усилия остались втуне лишь из-за того, что его постигло горе...

Уже рассветало, а он так и не сомкнул глаз. Вошла служанка с завтраком. Карим поглядел на поднос и поморщился. Но служанка, старая женщина, знавшая его с самого детства, сказала непреклонно:

— Врач сказал, что я должна приготовить для вас именно это, а вы обязаны все это съесть, мой господин. Ведь вы теперь слабее дитяти, вам надобно поднабраться сил, чтобы разыскать и покарать Али Хассана!

Карим с грустью взглянул на тарелку просяной болтушки и с тяжким вздохом взялся за ложку... Прикончив все дочиستا, он очистил сваренное вкрутую яйцо и съел его, затем принялся за ломтик сладкой дыни. Был на подносе и маленький кубок с вином, и кусок хлеба с ломтиком козьего сыра, но доест все он был просто не в состоянии... И все же после еды почувствовал себя гораздо лучше.

Пришел Аллаэддин, но не один, а с Омой. Девушка подробно объяснила Кариму, почему Зейнаб теперь принадлежит Хасдаю-ибн-Шапруту.

— Она любит его? — спросил Карим.

— Разумеется, нет. И он не испытывает к ней любви, — отвечала Ома. — Она была привязана к калифу, это я знаю, но с Нази они всего лишь хорошие друзья.

— У нее есть дети? — В глазах Карима застыла тоска.

— Дочка по имени Мораима, — ответила Ома. — Калиф любит дитя и очень добр к ней. Моя госпожа не привезла с собою ребенка лишь потому, что боялась, как бы дальняя дорога не повредила маленькой принцессе.

А позже, воротившись к хозяйке. Ома сообщила;

— Он спросил, любишь ли ты Нази... Думаю, ты все еще дорога ему. А когда я рассказала о ребенке, он сильно загрустил.

Зейнаб подняла руку, словно защищаясь:

— Не говори больше ни слова! Не хочу ничего знать, Ома! Ты же знаешь — я живу так не по собственному выбору. Я примирилась со своей участью. Не говори мне ничего, что может вновь сделать меня несчастной, возмутить мое, пусть призрачное, спокойствие...

Она не видела его, хотя Карим наблюдал за нею, когда она прогуливалась в садике либо в обществе Нази, либо с Омой. Она стала еще прекраснее, чем была, думал Карим... Для него было совершенно

очевидно, что любовь к ней жива в его сердце и что всегда будет он любить свою златокудрую Зейнаб... Однажды он увидел, как Хасдай остановился и запечатлел поцелуй на ее устах. Карима охватила бешеная злоба — но вот она подняла лицо и улыбнулась Нази чарующей улыбкой без малейших признаков страсти... Злоба тут же улеглась. Ома не прибегла ко лжи во спасение больного — Зейнаб и впрямь не любит своего господина! Но любит ли она все еще его, Карима?

С каждым днем ему становилось все лучше, и уже через неделю он сам стал участвовать в учениях, которыми руководил капитан сакалибов. Миновала еще неделя — и Карим почувствовал, что уже вполне физически окреп. Одежда перестала свисать с него, словно с распялки, да и спал он ночами спокойно... А воины его уже выезжали из города, дабы продемонстрировать свою военную мощь. Он ни секунды не сомневался, что шпионы обо всем донесут Али Хассану. Начиналась захватывающая игра в кошки-мышки с наглым бандитом...

И вот через месяц Хасдай объявил Зейнаб:

— Мы перемещаемся в горный лагерь — попытаемся выманить Али Хассана из его убежища. Он постоянно в разъездах, наши разведчики не могут его отыскать. Князь считает, что благоразумнее всего добиться, чтобы он вышел к нам сам.

— А что-нибудь слышно об Иниге? — спросила его Зейнаб.

— Боюсь, что нет... — отвечал Нази. — Скорее всего, ее давно нет в живых — и это лишь ей во благо, дорогая моя...

Зейнаб стиснула зубы, приказывая себе молчать, но резкие и едкие слова чуть было не сорвались с ее губ... Нет, Инига не может быть мертва! А когда они отыщут ее, она, Зейнаб, уладит все. Да, Карим лишился всей семьи, но она возвратит ему сестру! И он будет счастлив, что бы тут они все ни говорили!

Вскоре мужчины уехали в горы, предоставив Зейнаб и Ому самим себе. Каждые несколько дней приезжал нарочный с посланием для Зейнаб от Хасдая-ибн-Шапрута — из этих кратких записок явствовало, что поиски разбойника нисколько не продвинулись... Не нашли ни самого Али Хассан, ни его лагеря, ни его воинов. И все же они приняли решение оставаться в горах до тех пор, пока бандит сам не выйдет из укрытия — а в том, что рано или поздно он это сделает, ни у кого не было сомнений. Они должны быть начеку...

Однажды теплым летним вечером, когда две молодые женщины, как обычно, прогуливались в отдаленном уголке сада, из кустов внезапно появилось около полудюжины вооруженных людей. Ома с поразительной

прытью ускользнула от их рук и понеслась что есть духу к портику, крича во все горло и призывая Мустафу и стражников. Зейнаб же чуть замешкалась — и была тотчас же схвачена. Чья-то ладонь быстренько заткнула ей рот, и ее выволокли через те маленькие воротца в стене, которые обычно использовал Карим. Один из похитителей перебросил ее через луку седла, и маленький отряд галопом поскакал вниз по улице. Через городские ворота им удалось прорваться — помощь не подоспела вовремя... Зейнаб была не дура. Теперь она получила доказательство того, что маневры в горах и вправду привлекли внимание Али Хассана, и неважно, знают об этом Карим или Хасдай... Разбойник избрал неожиданную тактику. Она и не пыталась бороться со своим похитителем. Ей и так из рук вон неудобно, а если она еще и сверзится со скачущего галопом животного, то может насмерть разбиться... Она извернулась, чтобы посмотреть в лицо похитителю, но оно было закрыто платком почти до самых глаз.

— Кто ты? — спросила она по-арабски, надеясь, что свист ветра не заглушит ее слов.

— Али Хассан, — лаконично ответил он.

Зейнаб почти восхитила храбрость этого человека. Это было почти безумство — ворваться в сад самого князя Малики и похитить Рабыню Страсти, принадлежащую посланнику калифа. Ну, теперь-то она выяснит, жива ли Инига! А уж капитан сакалибов быстренько отыщет лагерь Али Хассана. Она видела на обочине дороги людей, которых бешено мчащиеся кони чуть было не сбили с ног. Наверняка они сообщат властям... Она подумала, что, скорее всего, это и впрямь для нее опасно, но почему-то не испытала страха.

Бешеная скачка продолжалась несколько часов, в течение которых Зейнаб, как могла, примечала путь — и вот острое зрение помогло ей различить очертания лагеря — бандиты раскинули его в одной из высокогорных лощин. Черные шатры схоронились промеж скал и были почти не приметны. Али Хассан остановил коня подле самого просторного из шатров и бесцеремонно сдернул свою добычу с седла взмыленного коня.

Зейнаб чудом удалось приземлиться на ноги, не уронив своего достоинства, хотя от резкого толчка ее затекшие ноги чуть было не подломились в коленках. Зейнаб с усилием выпрямилась. С показным спокойствием она пригладила спутанные ветром волосы и стряхнула дорожную пыль со своего сиреневого кафтана.

— Пошла в шатер! — рявкнул Али Хассан и рывком втащил жертву внутрь.

Она стряхнула его руку.

— Ты оставишь синяки на моей нежной коже, Али Хассан! — холодно сказала она. — Если ты хочешь получить за меня хороший выкуп, то обращай со мною как подобает! Иначе Нази будет весьма недоволен.

— Что-о-о? Выкуп? — Али Хассан оглушительно расхохотался, сорвав с лица черный платок. — На черта мне нужен выкуп! Ты ведь Зейнаб, Рабыня Страсти, так?

Она с достоинством кивнула:

— Да, это я. — Взгляд ее привлек шрам на его лице, сбегаящий от наружного угла правого глаза к уголку губ и вниз по подбородку. Это была старая рана. Во всем же остальном он был весьма привлекателен, хотя черты его лица были чуть резковаты.

Он приметил заинтересованность в ее глазах и ухмыльнулся:

— Слава о твоей красоте донеслась и в нашу глушь...

Мне приятно, что твой райский садик, взлелеянный такими садовниками, как князь Малики, Хасдай-ибн-Шапрут и сам калиф Кордовы, примет вскоре моего взмыленного жеребца!

В груди Зейнаб словно шевельнулась острая льдинка, но она знала, как никто, что обнаружить страх перед мужчиной — это верное поражение.

— Ты можешь взять меня и силой, конечно, — спокойно отвечала она. — Но тогда ни за что не узнаешь, на какие чудеса я способна, Али Хассан. Я ведь не простая наложница, которую, запугав, можно принудить отдаться... Неужели ты и вправду решил, что по одному лишь твоему приказу я распахну тебе ворота в мой райский сад? — Она рассмеялась, несказанно изумив Али Хассана, и продолжала в том же тоне:

— Ты похитил меня у человека, стоящего лишь на ступень ниже самого владыки Аль-Андалус. Не думаешь ли ты, что он загонит тебя, словно дикого зверя, и уничтожит? Я ведь подарена Нази самым калифом, от которого родила дитя!

— Но они не устремились на поиски Иниги... — отвечал Али Хассан.

Зейнаб проницательно взглянула на него — нет, Али Хассан положительно простак...

— Похитив Инигу, ты одним этим обесчестил ее. И уже не имеет значения, надругался ты над нею или нет, хотя, вне сомнений, ты это сделал... Она — княжеская дочь, жена и мать. Ты попрал ее добродетель, похитив ее. А я — Рабыня Страсти, Али Хассан. Меня ты этим не обесчестишь и не опозоришь. Кстати, жива ли она еще, или твои нежности оказались для нее смертоносны?

— Жива... — коротко ответил он, поставленный в тупик ее

бесстрашием. Никогда еще не встречалась ему женщина, не убоявшаяся его грозной силы, — может быть, кроме Хатибы... Но та любила его, или, по крайней мере, он льстил себя надеждой...

— Я должна ее видеть, прежде чем мы обсудим условия нашего возвращения в Алькасабу Малику, — храбро сказала Зейнаб. — Я же подарю тебе одну ночь таких наслаждений и восторгов, каких ты прежде ни с кем не изведal, Али Хассан. Но лишь в обмен на эту услугу.

Али Хассан искренне рассмеялся. Теперь она явно его позабавила:

— Клянусь Аллахом, женщина, ты бесстрашна, словно дикая львица! Если ты и впрямь ублажишь меня, я возьму тебя в жены. Каких сыновей мы родим с тобою, бешеная!

— Ты искренне считаешь, что я соглашусь провести остаток моих дней в этом шатре в мрачных горах? — издевательски спросила она. — У меня в Кордове есть собственный дворец.

— Не переживай, моя красавица, — сказал он. — Вся Алькасаба Малика падет к моим ногам — стоит лишь мне расквитаться с Каримом-ибн-Хабибом! Он однажды посягнул на то, что принадлежало мне. Теперь же я уничтожил почти все, что было ему дорого, и присвоил то, что уцелело. И тебе не придется жить в этом жалком жилище, которое ты называешь дворцом. Я выстрою для тебя настоящий дворец из самого лучшего белого мрамора с резными колоннами и висячими садами, и жилище твое посрамит Мадинат-аль-Захра!

— Хвастаться легче всего, Али Хассан, — саркастически улыбнулась она. — Помни, что я не только видела Мадинат-аль-Захра, но и жила там! Город строился многие годы — и строительство все еще не завершено! Но, может быть, в твоём распоряжении есть бутылка, а в ней джинн, который за ночь возведет для тебя дворец?

— Если ты подаришь мне наслаждение, которое, как говорят, способна дать мужчине лишь Рабыня Страсти, я дам тебе взамен все, чего ты только пожелаешь. Клянусь бородою пророка! — торжественно объявил Али Хассан.

— Проводи меня к Иниге, — сухо ответила она.

— Прекрасно, — гадко хмыкнул Али Хассан и повел ее через весь лагерь к маленькому черному шатру.

Войдя туда, она увидела, что внутренность шатра разделена на две части выцветшей полупрозрачной занавесочкой. Когда глаза ее привыкли к темноте, она разглядела фигуру, стоящую за занавеской в углу шатра. Это была женщина, и она была обнажена.

Али Хассан схватил Зейнаб за талию, не позволяя ей сдвинуться с

места, а другой рукою зажал ей рот.

— Молчи! — тихо приказал он ей. — И смотри. — И увлек ее в самый темный угол, откуда они могли видеть все, оставаясь незамеченными.

В шатер вошел мужчина и направился прямо туда, где в ожидании застыла женская фигурка. Она тотчас же вышла из призрачного своего укрытия, налила воды в кувшин и навлекла из-под одежд половой орган вошедшего. Вначале она тщательно омыла его, а затем, склонившись на колени, взяла его в рот, чтобы возбудить. Когда же член мужчины напрягся и увеличился в размерах, женщина промолвила тоненьким птичьим голоском:

— Как ты хочешь взять меня, господин?

— На спину, сука! — проревел мужчина — и тотчас же тело его оказалось между покорно раздвинутых ног женщины.

У Зейнаб перехватило дыхание. Она не могла узнать свою подругу в этом дрожащем создании — но голос, невзирая на неестественные интонации, несомненно принадлежал Иниге! Рука Али Хассана оторвалась от ее рта и легла на грудь Зейнаб.

— Она стала послушной шлюхой для моих солдат! — сказал он.

Мужчина спешно закончил свое дело и встал, заправляя свой теперь обмякший член под одежду. Бросив мелкую монетку на поднос, стоящий на столике, он вышел из шатра. Но тотчас же появился новый посетитель и направился туда, где Инига обмывала себя. Зейнаб со смешанным чувством ужаса и жалости наблюдала, как Инига, вылив из кувшина грязную воду и наполнив его чистой, вновь начала свой ритуал. Омыв член вошедшего и пробудив его ласками, она вновь спросила:

— Как ты хочешь меня, господин?

— Слыхал я, — грубо сказал мужчина, — что у тебя отменная задница!

Инига мгновенно опустилась на четвереньки. Мужчина тотчас же оказался сзади, грубо раздвинул ягодицы — и с силой вошел в нее. Она вскрикнула, но он, не обращая внимания на ее страдания, похотливо двигался, покуда не получил удовлетворения.

Зейнаб хотелось рыдать, оплакивая подругу, но снова она запретила себе проявлять подлинные чувства. Она должна быть сильной, если хочет вызволить Инигу, чтобы спасти ее от этой участи, уготованной для нее Али Хассаном...

— Я видела достаточно, свинья, — тихо прошептала она на ухо своему похитителю. — И если ты тотчас же не прекратишь терзать мою грудь, то у меня синяк не сойдет по меньшей мере месяц! Кожа моя очень нежна — на

ней легко оставить отметину. — Она вырвалась из его рук и покинула шатер, в одиночку пересекла лагерь и вошла в просторный шатер, который несомненно принадлежал Али Хассану.

Он вошел тотчас же следом за нею — его черные глаза буквально жгли ее. Взгляд их, казалось, пробирался под одежду. Под его же собственным платьем член, казалось, превратился в стальное копье — он изнывал от похоти...О, от этого ледяного презрения и следа не останется — она будет орать от наслаждения до самого рассвета!

— Сними кафтан! — приказал он. — Настало время тебе узнать, что такое настоящий мужчина, моя красавица. Зейнаб выпрямилась во весь рост и взглянула на Али Хассана с отвращением.

— Я Рабыня Страсти, собака! — холодно сказала она. — Если все, чего тебе надобно, — это совокупиться со мною, словно с уличной проституткой, — что ж, это в твоей власти. Но тогда ты не узнаешь ничего, ровным счетом ничего из тех любовных ухищрений, на которые способна я, Рабыня Страсти!

Он в очередной раз был ошарашен. Ее бесстрашие начинало его раздражать. Да, встреча с подобной женщиной — прекрасной и волевой — это потрясение...

— Теперь ты принадлежишь мне! — заревел он.

— Ты сам противоречишь себе, Али Хассан, — в голосе Зейнаб звучала скука. — Я пытаюсь объяснить тебе, как следует обращаться с Рабыней Страсти. Разве ты не хочешь, чтобы и друзья твои, и враги умирали от зависти к тебе? Разве ты не хочешь узнать райское блаженство в моих объятиях? Если ты не слушаешь меня, ничего этого не произойдет.

— Что я должен делать? — с любопытством спросил он.

— Сперва, — Зейнаб почувствовала, что заинтриговала его, — смирись с тем, что не сможешь обладать мною по крайней мере три дня, и, видя, что он собирается запротестовать, быстро договорила:

— Я должна как следует подготовить себя для нового хозяина. Я привыкла купаться дважды в день.

— Здесь ручей неподалеку... — пробормотал Али Хассан.

— Ручей? — засмеялась Зейнаб. — Да там же вода холодная! Нет! Нет, нет и нет, Али Хассан! От холодной воды грубеет кожа! Нет, вода для моего купания должна быть не только подогрета — в нее должны быть добавлены еще и благовония. Она взяла его за руку и поднесла его ладонь к своей щеке:

— Потрогай... Разве эта кожа не нежнее шелка? Ну, а все мое тело еще

нежнее... — Она соблазнительно улыбнулась ему, показав белые мелкие зубки.

— А еще что?! — заревел он. О, от нее нельзя отвести глаз! Она самая красивая женщина из всех, которых он видел в жизни! Это золото, слоновая кость и аквамарины... Он никогда не желал женщины столь страстно, как желает эту! Да, бесспорно, терпение не относится к его природным добродетелям, но он выдержит эти проклятые три дня: он хочет испытать все, на что она способна. Потом он возьмет свое... Об эротических талантах Рабынь Страсти ходили легенды — и вот одна из них в его руках! Он с трудом сдерживался...

— Моя служанка, гадкая девчонка, сбежала, когда твои люди похищали меня из сада князя. Мне нужен кто-нибудь для услуг, — сказала Зейнаб.

— Я пришлю тебе женщину... — быстро ответил он, желая доставить ей удовольствие.

— Нет! Нет, нет и еще раз нет! — вновь возмутилась Зейнаб. — Что знают эти тупые крестьянки о том, как надлежит прислуживать женщине моего ранга? Нет, пришли Инигу. Эта по крайней мере сообразительна и поймет мои приказания. А для твоих воинов ты подыщешь другую утеху. — Тут Зейнаб хихикнула:

— Ну не уморительно ли, Али Хассан? Родная сестра князя Малики будет прислуживать Рабыне Страсти — той самой, которую он обучал когда-то!

Он хмыкнул:

— Ты умная шлю... Ну-ну, хорошо, моя красавица! Я отдаю тебе Инигу для услуг.

Она вознаградила его обворожительной улыбкой:

— А где мои покои, Али Хассан? Мне нужна ванна, пища, а потом я должна поспать.

— Ты останешься здесь, со мною! — медленно выговорил он.

— Нет! Нет, нет и нет, Али Хассан! — воспротивилась Зейнаб, но голосок ее звучал уже нежнее. — У Рабыни Страсти непременно должны быть отдельные покои! Мои приготовления не займут много времени, но никто не должен меня видеть. Я должна быть надежно укрыта от посторонних глаз — и даже от твоих, Али Хассан. Зато потом, когда меня будут провожать в твой шатер, чтобы я подарила тебе блаженство, или ты станешь навещать меня — все в лагере просто лопаться будут от зависти, сам ты — от гордости.., а член твой — от желания. — Она нежным взглядом глядела в его черные глаза, из последних сил сдерживаясь, чтобы не

захихикать. Да этот дикарь сейчас, на этом самом месте, и впрямь лопнет от желания овладеть ею! Она начала свою рискованную игру с целью удержать его от немедленных на нее посягательств, но не знала, как он отреагирует. Ее изумило, насколько легко оказалось обвести вокруг пальца этого злодея! До сего момента, пожалуй, она не до конца понимала, как много значит слава Рабыни Страсти!

— У тебя будет свой шатер, — сказал он. — Прикажу поставить его рядом с моим. Сейчас тебе принесут поесть, а когда ты закончишь трапезу, все уже будет готово. Но помни: три дня — не больше!

— Три дня, Али Хассан, — и ты окажешься в раю. Это я тебе обещаю, — сладким голосом проворковала Зейнаб.

Ей тотчас же принесли еду: миску, наполненную пшенной кашей с огромными кусками молодой баранины — блюдо было едва ли не омерзительно, но она съела все дочиста, включая круглую лепешку, выданную ей в качестве тарелки. Пряное вино помогло ей избавиться от неприятного вкуса во рту. Затем ей пришлось немного подождать, покуда не явился Али Хассан с сообщением, что ее шатер стоит теперь неподалеку.

Этот небольшой шатер стоял на деревянной платформе, застеленной великолепным ковром с алыми и синими узорами. В шатре стояла уже жаровня для обогрева. Были тут также два тюфяка под покрывалами, низенький столик и лампа на нем, еще одна лампа из рубинового стекла свешивалась с потолка. В самом же центре шатра уже стояла круглая деревянная ванна, наполненная горячей водой.

Али Хассан хмыкнул, весьма довольный:

— Хорошо?

— Ты прекрасно управился, «Али Хассан, — похвалила она его. — А где ты разыскал для меня ванну?

— Мои люди распилили надвое большую бочку, Зейнаб.

— На первое время сойдет, — отвечала она. — Но где же мыло? А мои благовония? Я пользуюсь ароматом гардении. Всегда только гардении!

— Не знаю, сыщется ли хоть у одной женщины в лагере кусок мыла или эти.., благовония... — признался он.

— Мне надобно и то и другое, причем и то и другое с одинаковым запахом, но так уж и быть, нынче вечером я согласна на любое мыло... — вздохнула Зейнаб.

Он бросился вон из шатра. Пока его не было, она пощупала рукой воду — не холодна ли? Воротился он с маленьким брусочком мыла. Она принялась.

— Это алоэ, — сказал он. — Одна из женщин припрятала...

— Благодарю тебя, — сказала Зейнаб. — А где Инига?

— Позже... — сказал он. — Я хочу посмотреть, как ты будешь купаться.

— А сможешь ли ты сдержать страсть при виде моего обнаженного тела, Али Хассан? Помни, я должна как следует подготовиться к тому, чтобы служить тебе, — иначе ты не изведешь вполне наслаждения... Ты уверен, что хочешь это видеть?

— Просто хочу знать, что ты эдакое собираешься делать! — требовательно заявил он. В душу его впервые закралось сомнение, а не хотят ли его обдурить, как мальчишку?

— Хозяин Рабыни Страсти прибегает к ее услугам по крайней мере один раз в день, — сказала Зейнаб. — Мои недра успели приспособиться принимать мужское естество Нази Хасдая. В течение трех дней оно примет прежнюю, девственную форму. Ну, тут, конечно, есть свои маленькие секреты; которые я не собираюсь тебе раскрывать... Но поверь: когда, наконец, ты проникнешь в мои недра — они будут столь же упруги, как у девственницы, но без труднопреодолимой преграды в виде девственной плевы. И когда мои внутренние мышцы станут ласкать твой член, ты изведешь неземной восторг. Если бы ты взял меня теперь, я не смогла бы подарить тебе этого блаженства, мое нутро еще не сократилось достаточно, чтобы принять твое мужское естество.

— А-а-а-а, ну да... — сказал он, сделав вид, что вполне понял все ее объяснения. — Да, конечно.

— Есть, конечно, и многое другое, — она улыбнулась таинственной улыбкой. — Но это — страшная тайна Рабыни Страсти, Али Хассан.

Он кивнул, соглашаясь, но добавил:

— Я не какой-нибудь глупый мальчишка, Зейнаб. Я буду лишь глядеть на тебя, но не накинусь, не бойся...

— Что ж, прекрасно, — отвечала она, не желая возбуждать в нем излишней подозрительности дальнейшими отговорками. Она достаточно поражена была тем, что он столь легковверен... Да, пожалуй, придется-таки кое-что ему позволить, прежде чем ей удастся ускользнуть — или прежде чем Карим; Хасдай и сакалибы отыщут лагерь. К этому времени они наверняка все уже знают и идут по горячим следам Али Хассана и его людей. Она освободилась от кафтана неторопливым и очень грациозным движением. Столь же неторопливо она положила его на ложе.

— Нравится тебе мое тело, Али Хассан? — она медленно поворачивалась, давая ему себя рассмотреть. — А у меня ведь уже есть ребенок...

Его горящий взор буквально пожирал ее грудь, зад, стройные ноги, треугольник меж бедер... Он нервно облизнул губы, когда она, заколов свои золотые волосы, ступила в ванну.

— Три дня — это целая вечность... — сказал он. Затем скрестил ноги и стал наблюдать за тем, как она моется.

Закончив мыться, Зейнаб встала и грациозно вышла из ванны. Струйки воды стекали с ее дивного тела. Али Хассан впился в нее глазами.

— Твоя сила воли достойна уважения — и ты будешь вознагражден щедро, Али Хассан, — промолвила она. — Но если твои силы не исчерпаны, то могу кое-чем еще тебя усладить. Ты справишься с собою?

— Чего ты хочешь? — сердце его выскакивало из груди.

— Тебе будет приятно слизнуть водичку с моих сосков, Али Хассан? Но учти — тебе дозволяется касаться меня одними лишь губами. Ты» не обязан делать этого — но я разрешаю... — Зейнаб говорила так, словно это величайшая честь.

Он заложил руки за спину. Наклонившись вперед, он высунул язык. На правом соске виднелась кристальная капелька, и он слизнул ее пылающим языком. Затем его язык несколько раз пробежал вокруг соска, прежде чем устремиться ко второму. Завершив свой подвиг, он торжествующе поглядел на нее.

— Прекрасно, Али Хассан! — промурлыкала она. В ответ он развязал поясок шальваров и извлек свой член. Такого огромного ей еще не приходилось видеть — он был необыкновенно длинен и очень толст. Али Хассан с торжеством продемонстрировал ей свое сокровище:

— Он жаждет вонзиться меж твоих дивных бедер, Зейнаб, но согласен ждать три дня!

Она внимательно оглядела эту диковину, и даже потрогала нежными пальчиками:

— Найди женщину на эту ночь, дабы избавиться от переизбытка любовных соков, Али Хассан. Мужчина не должен сдерживать себя. После этого со мною ты будешь лишь сильнее и неутомимее. Ежели же ты три дня будешь обуздывать страсть, это сильно тебя ослабит. А теперь убери этого молодца и пришли ко мне Инигу. Я должна отдать ей все необходимые распоряжения прежде, чем засну...

Али Хассан покинул Зейнаб и направился напрямик к обители Иниги. Она была одна.

— На четвереньки! — пролаял он, а когда она подчинилась, то примостился сзади на коленях и мощным движением овладел ею. Она дернулась, но это его совершенно не взволновало. Он страстно двигался

взад-вперед, закрыв глаза и воображая себе Зейнаб... Пальцы его сжимали нежные бедра, оставляя ссадины — озверевший самец не прекращал толчков, покуда поток спермы не извергся из него... Он выдохнул, удовлетворенный, и поднялся, оправляя одежды. Потом рывком заставил ее встать.

— На время ты освобождаешься от обязанностей лагерной шлюхи, Инига, — объявил он. — Нынче я похитил Рабыню Страсти по имени Зейнаб, принадлежащую Хасдаю-ибн-Шапруту. Теперь она моя и нуждается в прислужнице. Ни одна из здешних баб для этого не годится, а вот ты... Ее шатер подле моего. Надень кафтан и тотчас же отправляйся к ней!

Ни слова не говоря, Инига подобрала с полу свой грязный кафтан, накинула его на худенькое тело и покорно вышла из шатра. Многие недели она практически ни с кем не говорила. Горло ее до сих пор саднило и жгло после отчаянных криков, которые издавала она, когда вначале Али Хассан, а затем несколько его воинов грязно насиловали ее в тот самый день, когда убили всех родных...

Али Хассан сперва решил, что принадлежать она будет лишь ему одному, но она приводила его в бешенство, не проявляя ни малейших признаков страсти в его объятиях. Тогда он страшно отомстил ей, отдав на поругание... Теперь он велит ей прислуживать Зейнаб. О, она помнит эту красавицу, которую отослали к калифу! Как попала она в этот ад? Инига тихонько вошла в маленький шатер подле жилища Али Хассана.

— Инига! — голос Зейнаб звучал ласково.., но как же напугана была она переменной, совершившейся с подругой! Инига страшно исхудала, а ее прелестные волосы были грязны и спутаны...

— Зейнаб... — Это и вправду она, подумала Инига, — но как?..

Зейнаб заметила недоумение в глазах подруги.

— Вода в ванне еще не остыла. Войди в нее и вымойся, Инига, — ласково велела она девушке. Потом подошла к выходу из шатра и вручила изорванную одежду Иниги одному из стражников, охранявших вход:

— Отнесите это Али Хассану. Скажите, что моей служанке надобен чистый кафтан. Она не может ходить в этой отвратительной ветоши! Она кишит паразитами!

Воротившись, она опустилась на колени подле безмолвной Иниги. Спокойно она объяснила девушке, как она приехала в Аль-Малику, как похищена была Али Хассаном... Рассказывая, она бережно омывала тельце Иниги, которая впала в полнейшее оцепенение. Увидев спину девушки. Зейнаб ужаснулась: нежная кожа сплошь покрыта была шрамами и

рубцами — старыми и совсем еще свежими, кровоточащими...

— Что это? — спросила она, нежно касаясь израненной кожи.

— Они бьют меня, — без выражения сказала Инига. — Здесь есть один солдат... — так вот, он любит сперва исполосовать меня кнутом, а уж затем овладеть мною...

— Тебя больше пальцем никто не коснется, — ласково сказала Зейнаб. — Это большой секрет, но послушай: вскоре явится Карим и освободит нас, Инига! Али Хассан поверил, что я стану его Рабыней Страсти, но ему никогда не владеть мною! — И Зейнаб принялась мыть волосы Иниги, а потом вытирать их полотенцем.

— Они угрожали убить моего сына, если я не буду послушной... — говорила Инига, отдаваясь ласковым рукам спасительницы. — Каждый день я вижу Малика, если я послушна и удовлетворила всех. Женщина, которая за ним Смотрит, поднимает его на руках вверх — это на другом конце лагеря, — и я вижу, как мой мальчик машет мне ручкой...

— Но Малика здесь нет! — закричала Зейнаб. — Он у родни твоего мужа в Алькасабе Малике! О, Инига!

— Нет! — упрямо отвечала девушка. — Я вижу его каждый день, Зейнаб.

— Твоя мать успела отдать Малика евнуху, Мустафе, когда Али Хассан с бандитами ворвался в гарем. Мустафа с твоим сыном схоронился в кабинете, Инига. А когда разбойники ушли, он тотчас же препоручил Малика заботам родителей Ахмеда. Мальчика здесь нет!

— Я вижу его! — Инига была непреклонна.

— Через весь лагерь? И никогда ближе? — пытала ее Зейнаб.

Инига медленно кивнула.

— Они провели тебя, Инига! Обманом заставили им повиноваться! Малик в полной безопасности, дорогая моя. Тебе не придется больше служить этим скотам.

— Тогда я могу умереть, — в голосе Иниги слышалось облегчение.

— Тебе вовсе не нужно умирать! — воскликнула Зейнаб. Карим вскоре будет здесь и освободит нас. Ты отправишься домой к своему малютке, Инига!

Но та покачала головой:

— Нет... Я опозорена, Зейнаб. Мой муж мертв, а мною, как последней шлюхой, пользовались грязные солдаты. Жизнь моя кончена. Такая я не могу воспитывать сына. Ни один достойный человек не возьмет меня в жены после того, что случилось. У сына должна быть семья, близкие, которые защитят его и обеспечат его будущее. Я же — отверженная

среди отверженных... Мне ничего не остается, лишь радостно встретить смерть-избавительницу...

— И ты оставишь меня одну во власти Али Хассана? — спросила Зейнаб. — Ты должна помочь мне избежать его грязных объятий, покуда не придет твой брат. Не оставляй меня, Инига! Я сказала тебе правду. Неужели ты откажешь мне в моей просьбе? Хотя бы в память о старой нашей дружбе, Инига, умоляю!

...Аллах! Не для того спасла она Инигу, чтобы та убила себя! Когда придут Карим и Хасдай, они откроют бедняжке глаза...

— Хорошо... — слабо улыбнулась Инига. — Я останусь с тобою, Зейнаб. Если бы не твоя доброта — я все так же была бы утехой воинов Али Хассана и не узнала бы правды... Теперь я знаю, что мальчику моему ничто не угрожает, и одно это стоит всех мук, которые пришлось мне вынести. — Она поднялась и вышла из ванны, взяла влажное полотенце, которым вытиралась Зейнаб, и осушила свое тело. Ее непросохшие волосы облепили острые плечики.

В шатер ворвался стражник с чистым кафтаном в руках. Взгляд его с восхищением скользнул по обнаженному телу девушки:

— Возьми, девка!

— Если еще раз ты войдешь в этот шатер, не испросив моего позволения, — гневно сказала Зейнаб, — то Али Хассан выжжет твои похотливые глаза раскаленными угольями! Хорошо ли ты меня слышал?

Стражник стушевался, кивнул и испарился.

— Как ты осмеливаешься так разговаривать с ними? — восхищенно спросила Инига.

— Перед этими существами нельзя обнаруживать страха, Инига, — терпеливо растолковала ей Зейнаб. — Увидев, что ты боишься, они пожрут тебя, словно ненасытные гиены. С Али Хассаном я играю роль многоопытной куртизанки высокого ранга. И не боюсь разносить его в пух и прах за дикость и невежество. Но если бы я общалась с ним в присутствии его воинов, то вела бы себя как самая добропорядочная и достойная из женщин. Видишь ли, Али Хассан желает вкушать всех наслаждений, которые способна подарить ему Рабыня Страсти, но его ни в коем случае нельзя унижить в глазах равных ему, а тем более низших. Мужчины на самом деле незамысловаты, Инига. Что же за девушка была твоя сестрица Хатиба, Что отдалась такому человеку? Он, правда, довольно хорош собою, если не считать шрама, но ведь он просто недоумок!

— Я не могу сказать о мужчинах ничего, кроме того, что они животные, — с грустью отвечала Инига. — Ахмед был так добр и нежен...

До того проклятого дня других мужчин я не знала. Только теперь понимаю, каким редчайшим сокровищем был мой Ахмед — ведь мужчины сплошь жестокие и злобные звери, которых заботит лишь их похоть... Послушай.., когда брат придет освободить нас, не покидай его больше! Он любит тебя. И всегда любил только тебя. А не эту суку Хатибу... О, будь она проклята! Если бы не она, родные мои были бы живы, а я не стала бы шлюхой! — и Инига разрыдалась так, как не плакала ни разу со дня своего позора.

Зейнаб утешала ее как могла, но как мало можно было сказать Иниге, чтобы успокоить ее боль! Теперь она властна лишь оберегать Инигу от Али Хассана и его людей. Карим и Хасдай придут через день, самое большее через два...

— Ну-ну, пойдем, — нежно сказала она Иниге. — Нужно поспать...

Утром им принесли еды, а ванну вновь наполнили теплой водой. Али Хассан снова явился, чтобы пожирать Зейнаб похотливым взором во время омовения. Когда она грациозно выступила из воды, Инига уже держала наготове полотенце, но Али Хассан выступил вперед и взял полотенце у девушки, которая съежилась от ужаса.

— Разреши мне... — низким своим голосом вымолвил он.

— Ты можешь держать в узде свои желания, Али Хассан? — как и накануне, спросила Зейнаб. Взор ее был игрив, но тем не менее она заметила, что черная борода его аккуратно подстрижена и щедро умащена миндальным маслом. Черные глаза его мерцали под густыми бровями:

— Я не безголовый юнец. У тебя будет необходимое время, чтобы вполне подготовиться, кстати, мне даже нравится это томление ожидания, это предвкушение твоих сладостных объятий... — Он осторожно вытер ее спину и плечи. Затем принялся обтирать зад — каждую половинку по отдельности, одновременно лаская упругую плоть. Вдруг палец его скользнул вглубь. — Ты умеешь раскрывать мужчине эти воротца?

Она почувствовала, как кончик пальца уперся в самое отверстие...

— Конечно, — голос ее звучал бесстрастно. Палец, к ее глубочайшему облегчению, выскользнул наружу и Али Хассан занялся ее ногами. Затем, прислонив девушку к себе спиной, стал вытирать груди, одновременно страстно лаская их... Потом принялся за живот, но когда рука его скользнула ниже, Зейнаб вырвала у него полотенце и отступила.

— Я вся застыну в этом шатре, продуваемом насквозь, покуда ты натетишься, Али Хассан! — резко сказала она. — Инига, кафтан!

Он рассмеялся и заметил:

— Кожа твоя нежна, как ни у одной из женщин! Ты мне не солгала. Одни прикосновения к тебе заставляют меня воспламениться. Взгляни! —

и он вновь извлек наружу свое мужское естество.

Инига поморщилась и со страхом отвернулась, но Зейнаб мило рассмеялась:

— О, этот бравый молодец и не подозревает о том, какое блаженство его ждет, Али Хассан! Ты должен обучить его терпению. Каждый раз, когда ты взглядываешь на меня, твой жеребец обрывает удила... — Протянув руку, она нежно ущипнула вздутый член.

Али Хассан разразился хохотом:

— Ты азартная женщина? Любишь пари? Так вот: ставлю сотню золотых динаров — ты, моя красавица, будешь визжать от наслаждения в первый же раз, как я возьму тебя!

— Правда? — насмешливо спросила она. — А я ставлю пятьсот золотых динаров против твоей жалкой сотни, что ты завоеешь от страсти в первую же ночь, когда я буду заниматься с тобою любовью, Али Хассан.

— Принимаю ставку, моя красавица, — с ухмылкой сказал он и вышел.

Глаза Иниги от страха стали огромными:

— А что же будет, если брат не придет вовремя, Зейнаб? О, что будет?

— Не бойся за меня, Инига, дорогая моя! Если Карим и Хасдай не появятся к закату третьего дня, то будут здесь на следующее же утро — а к тому времени я стану на пятьсот золотых динаров богаче, — мрачно отвечала Зейнаб.

Али Хассан вошел в шатер Зейнаб утром третьего дня.

— Нынче вечером, — он широко ухмыльнулся, — ты, наконец, будешь моей!

— К величайшему сожалению, нет, — вежливо ответствовала Зейнаб. — Мой лунный календарь подвел нас обоих — я нечиста...

Лицо Али Хассана почернело от ярости.

— Ты лжешь! — рявкнул он.

— Инига, я лгу? — спросила Зейнаб подругу.

— Нет, мой господин, она не лжет, — пробормотала Инига. Невзирая на все уверения Зейнаб, она до дрожи боялась Али Хассана.

— Значит, ты тоже лжешь! — с угрозой в голосе рявкнул он, нависая над нею. Инига съежилась и побледнела.

— Н-н-нет, мой господин! О-о-о, нет! — зарыдала она, трясаясь всем телом. — Это правда!

— Инига, принеси-ка мне чего-нибудь поесть, — попросила Зейнаб. Инига, благодарно взглянув на Зейнаб, выскользнула из шатра.

— Она слишком запугана, чтобы лгать, Али Хассан, — сказала ему

Зейнаб. — Разве ты сам не видишь? Всякий раз, как ты взглядываешь на нее, она чуть ли не лишается чувств, маленькая трусиха. — Зейнаб рассмеялась. — Очень сожалею, что пришлось так тебя разочаровать, но женскую природу не переменишь: у нее свои законы... — Она стояла теперь прямо перед ним. Обвив руками его шею, она нежно прикусила ему нижнюю губу:

— Неужели ты думаешь, что одним только мужчинам приятно совокупление? Ах, Али Хассан, да я горю желанием вобрать в себя без остатка эту твою грандиозную корабельную мачту! — Она лениво улыбалась, глядя ему в глаза, а ее пышный бюст упирался прямо ему в грудь. — Ну еще недельку — не больше, — пообещала она, ослабила объятие и отступила. — Нам будет даже лучше после столь долгого и томительного ожидания...

Он застонал, словно ему причинили острую боль — да так оно на самом деле и было. Он снова привлек ее к себе:

— Я весь горю, Зейнаб... — и, завладев ее руками, властно прижал их к своему каменному члену.

— О — о-о-о-ох! — протянула она, зная, какой реакции он ожидает. — Он про-о-о-сто огромен! Ах, Али Хассан! Клянусь, теперь он даже больше, чем когда я впервые увидела его! — Пальчики Зейнаб обвинили его мужское естество и нежно сжали.

— Семь дней?! — простонал он. — И не раньше? ..Он не мог поверить, что прикосновение женской ручки способно на такое. Да что там, одна мысль о ней заставляла его член окаменеть и воспламениться. А ручка Зейнаб... Он почувствовал, что вот-вот семя его изольется...

Она вздохнула — во вздохе этом слышалось уместное в данный момент искусно разыгранное разочарование — и разжала пальчики:

— Раньше, боюсь, не получится, Али Хассан... Я глубоко сожалею и сама, но что могу поделать?

Он выпустил ее из объятий.

— Я уезжаю... — заявил он. — Не хочу, да и не могу видеть тебя, покуда не наступит благоприятное время. Если я останусь, то просто сойду с ума от желания, прекрасная моя Зейнаб! — И, резко развернувшись, он вышел из шатра. А спустя несколько минут она услышала цокот копыт — Али Хассан и его отряд уезжали из лагеря.

Зейнаб улыбнулась, весьма довольная собою. Ее женская природа и впрямь была к ней милостива... А уж через неделю-то Карим и Хасдай наверняка их отыщут! Она и теперь удивлялась, что их так долго нет. Что бы там ни возомнила Инига, но Зейнаб уверена была: эти двое не бросят в

беде Рабыню Страсти.

Воротилась Инига, сгибаясь под тяжестью подноса с едой.

— Они ускакали. В лагере только старики, женщины и дети. А почему они так спешно уехали?

— Али Хассан сомневается, что сможет совладать с собою, оставаясь целую неделю вблизи от меня... — захохотала Зейнаб.

— Какая ты храбрая! — сказала с завистью Инига. — Жалею, что мне не достало смелости, когда меня похищали из Алькасабы Малики, но я и вправду оцепенела тогда...

— Ты сделала то.., то, что сделала, только потому, что думала, будто защищаешь маленького своего сына, — отвечала Зейнаб. — Ты во сто крат храбрее меня, Инига. Ты принесла себя в жертву ради ребенка. Я же просто играю с Али Хассаном, вожу его за нос, покуда не придут твой брат и Нази... — Сакалибы калифа — отменные воины. Не понимаю, правда, почему им пока не удастся разыскать лагерь... Наверняка разведчики их рыщут повсюду в горах. Их внимание давным-давно должны были привлечь огни ночных костров.

— В лагере не жгут костров... — медленно вымолвила Инига, удивляясь, как это до сих пор не приходило ей в голову.

— Что?! — Зейнаб была потрясена. И тут до нее дошло, что она практически все время провела внутри шатра. Она успела лишь составить весьма смутное представление о местоположении лагеря...

— Али Хассан понимает, что ночные костры могут заметить лазутчики неприятеля. Внутри каждого шатра есть такая же жаровня, как у нас. А один из шатров оборудован под походную кухню — там готовят еду на всех, тоже на жаровнях. Есть, правда, один костер в глубокой яме, но его жгут редко и только по ночам: ведь струйка дыма днем была бы заметна издалека. Шатры все сплошь черного цвета — такие же, как и скалы в этом каньоне. Они теряются между валунами, сливаются с ними. Нас почти невозможно заметить, Зейнаб...

— Тогда мы должны устроить пожар, — резонно заметила практичная Зейнаб.

— Да они же убьют тебя! — воскликнула перепуганная Инига.

— Да эти недоумки и не поймут, что и как загорелось, если мы будем действовать умно! — у Зейнаб в голове уже строились планы. — Нечего и думать делать это до возвращения Али Хассана — это неразумно. Наша с тобою задача — помочь Нази схватить этого злодея, чтобы он понес суровое наказание за убийство твоих родных. Пожар случится именно той ночью, когда он впервые будет обладать Рабыней Страсти. Пока я буду

развлекать и услаждать нашего приятеля, ты проберешься в лагерь с горшком пылающих угольев и втихомолку подожжешь несколько шатров — сколько успеешь. Ткань загорится за считанные минуты... Но ты за это время должна успеть вернуться в мой шатер. Кто станет тебя подозревать? Али Хассан, да и прочие уверены, что ты совершенно запугана и в полной их власти. Только действуй осторожно — и в темноте никто не увидит тебя, маленькая Инига! А когда поднимется тревога и Али Хассан выскочит наружу, то увидит, что в лагере царит полнейшее смятение. А я тем временем подожгу его шатер изнутри. Как? Да просто-напросто опрокину жаровню, что подле его постели. Потом сама выскочу с криком: «Горим!» Он подумает, что на лагерь совершено нападение. Пламя наверняка увидит Нази и его сакалибы, если Аллах нам поможет и пошлет ветер, который раздует огонь, то пожар невозможно будет быстро потушить, а за это время нас уж безусловно заметят.

— Не знаю, смогу ли я помочь тебе, Зейнаб... — честно сказала Инига.

— Ты должна помочь мне, — откликнулась Зейнаб. — Мне больше не на кого положиться. С заходом солнца все прячутся по своим шатрам. Здесь не дружат семьями, не ходят в гости — звуки ведь могут привлечь в ночи внимание вражеских лазутчиков. Ты будешь в полнейшей безопасности, обещаю тебе! А той ночью — в особенности. Ведь Али Хассан потребует от своих людей полнейшей тишины, чтобы страстные крики, которые, как он думает, будут рваться из моей груди, доносились бы в каждый шатер, возбуждая зависть. Наверняка и теперь он похвастается перед солдатами своей удачей и в красках описывает, как я стану выть и стонать от восторга...

— Но я так боюсь... — всхлипывала Инига, сжавшись в комочек, дабы усмирить дрожь.

— Пока Али Хассана нет, давай-ка ночью сходим на разведку в лагерь вместе, — предложила Зейнаб, не желая потворствовать страхам подруги. — Так ты пообвыкнешь — и потом тебе будет проще справиться со своей задачей. Вот увидишь, что тебе совершенно нечего страшиться, Инига. Моя миссия куда опаснее — и отвратительнее, поверь... Ведь я должна буду ублажать эту свинью, этого бандита, чтобы дать тебе необходимое время. А я ведь должна еще и убедить его в том, что страстно его желаю, что пылаю ответным огнем... Разве ты предпочла бы это, будь у тебя право выбирать?

— О нет! — призналась Инига. — Никогда!

О-о-о, Зейнаб, мне так страшно за тебя! Он — жестокое чудовище, а

когда совокупляется с женщиной, то просто ужасен! К тому же его мужское естество.., оно невероятно огромно! У Ахмеда все было совсем не таким... О, как больно делал мне Али Хассан! Ахмед никогда не позволял себе со мною подобного. Этот выродок как-то чуть было не разорвал пополам мой зад, смеясь, когда я кричала от боли! Я недостаточно смела, но.., о, я убила бы его! Ненавижу! — Ее милое лицо залила краска гнева.

— Все будет хорошо, Инига. — Зейнаб нежно привлекла к себе охваченную страхом девушку и принялась утешать. — Я обучена ублажать мужчину столь причудливыми способами, которых ты и вообразить себе не можешь. Али Хассан не сможет причинить мне боль — ведь я знаю, как в нужный момент остановить его, чтобы он мне не повредил. Кстати, вряд ли он вообще успеет овладеть мною, если ты хорошо справишься со своим заданием.

— Я...я попробую, — честно пообещала Инига. — Всем сердцем желаю, чтобы брат нашел тебя. Хочу, чтобы Карим убил Али Хассана!

— У тебя все получится, — серьезно сказала Зейнаб. — Ведь от тебя будет зависеть не только твоя жизнь, но и моя...

В течение недели в лагере все было спокойно и тихо. И каждую ночь две юные женщины выскальзывали из шатра в сгущающейся темноте и втихомолку путешествовали по лагерю, покуда Инига не стала чувствовать себя там как у себя дома.

— А почему бы нам просто-напросто не убежать? — однажды вечером перед очередной вылазкой спросила Инига.

— А ты сможешь найти в горах дорогу? — спросила ее Зейнаб. — Я изо всех сил пыталась запомнить путь сюда, когда лежала поперек седла Али Хассана, но, лишь попав в горы, поняла, что все скалы на одно лицо... Проезжего пути здесь нет. Мы то и дело петляли. Даже если мы убежим, то имеем столько же шансов наткнуться на Али Хассана, сколько отыскать Нази и твоего брата. Но даже если нам повезет и мы покажем сакалибам сюда дорогу, то к тому времени Али Хассана и след простынет... Я хочу, чтобы он был наказан, Инига, за все, что сделал он с твоей семьей.

Калиф хочет, чтобы его покарали в назидание прочим, кто в дальнейшем вознамерится сеять в горах смуту и раздор. Гораздо лучше, если мы останемся здесь в качестве «наживки» — ведь до тех пор, покуда Али Хассан верит, что я буду ему принадлежать, можно не сомневаться, что он вернется в лагерь, — уверенно заключила Зейнаб.

Семь дней пролетели незаметно для Иниги. С пугающим самообладанием Зейнаб вовсю занималась приготовлениями к возвращению Али Хассана. Она властно собрала женщин и велела им

сделать генеральную уборку в огромном шатре предводителя, который был грязен, словно свинарник. Она даже велела им перестирать всю его одежду в ближайшем ручье. Потом приказала соорудить новый матрац и набить его свежим сеном и ароматными травами.

— Не желаю, чтобы меня искушали блохи, — сообщила она Иниге.

Среди стариков отыскался бондарь. Отдав ему одно из золотых колечек, украшавших ее тонкие пальчики, она ласково уговорила его сделать большую деревянную ванну, которую торжественно установили в шатре Али Хассана. А потом, поддразнивая женщин другим колечком, усыпанным гранатами, пообещала отдать его той, которая подыщет для нее хорошее мыло и благовония. К изумлению Иниги, у Рабыни Страсти в итоге был весьма недурной и широкий выбор. Она остановилась на аромате розы — тяжелом и томном, который наверняка должен был понравиться ее похитителю. Али Хассан был не из тонких и романтических натур...

В лагере кроме стариков и женщин оставались еще несколько юнцов.

— Мне нужен самый большой котел — вы должны вскипятить в нем воду к возвращению вашего господина, — объявила она им. — Как только он въедет в лагерь, принимайтесь носить ведрами горячую воду в его шатер и наполнять ванну. Я прослежу, чтобы вас достойно вознаградили, — пообещала она.

— Али Хассан вообще-то не славится щедростью... — нехотя вымолвил один из мальчиков.

— Он переменится, как только проведет со мною ночь, — высокомерно сказала она. Мальчики расхохотались, толкая друг друга под ребра и обмениваясь многозначительными взглядами.

После она воротилась в свой шатер, где ждала ее Инига.

— А теперь соберись: это будет единственная возможность помочь Нази отыскать нас. Коробочка для углей при тебе? А щипцы?

Инига молча показала ей небольшую коробочку из листовой меди — в ней легко можно было нести горящие угли. Рукоятку для нее они сплели из сухой травы и прикрепили к коробке кусочками серебряной проволоки из серег Иниги. Пригодились и щипцы для жаровни — с их помощью она наполнит коробочку углями, а потом разбрасает их в нужное время под шатрами.

— Запомни: начинать следует с дальнего конца лагеря, — наставляла подругу Зейнаб. — В этом случае, когда пламя начнет лизать шатры, ты, дорогая моя, будешь достаточно близко от нашего и успеешь тихонько прокрасться в него.

— Я так боюсь... — тихонько бормотала Инига. — Но молю Аллаха,

чтобы он дал мне силы сделать это ради тебя. Как я хочу быть бесстрашной, как ты...

Зейнаб схватила Инигу за плечи и устремила на нее долгий взгляд:

— Если ты не поможешь мне, Инига, я должна буду принести себя в жертву Али Хассану. Я больше не могу придумывать отговорки... Помни, я не боюсь соития с этим чудовищем, но с превеликим удовольствием избежала бы этого, если бы представилась возможность. К тому же, если мы не подожжем лагерь, подумай, как твой брат и Нази смогут отомстить ему? Да и смогут ли вообще? Ну почему ты все еще боишься, Инига? Что тебе терять? Али Хассан и так отнял у тебя все, что ты имела. Все самое дорогое... Семью. Мужа. Маленького сына. Ты сказала, что тебе осталось лишь умереть легкой и быстрой смертью. Я не понимаю тебя, хотя и не стану с тобою спорить. Но, как бы то ни было, прежде чем ты простишься с жизнью, думаю, тебе приятно будет осознать, что ты отомстила человеку, который погубил тебя. Если бы я была на твоём месте, я чувствовала бы именно это!

Ласковые глаза Иниги наполнились слезами.

— Ты умеешь быть жестокой... — прошептала она и тихо заплакала.

Зейнаб покачала головой, выпустив Инигу:

— Я не жестока. Я сильна. Мне пришлось такую стать. Твоя мать тоже была сильной. Послушай меня внимательно, Инига: ты не менее тверда, чем была твоя мать, госпожа Алима. Пусть, скорее всего, она никогда тебе об этом не рассказывала, но я уверена, что викинги, взявшие в плен ее и сестер, хорошенько ими попользовались, прежде чем продали в рабство... Чтобы все это пережить, твоей матери пришлось стать сильной. И ты можешь быть такой, Инига. Ты должна! Должна — иначе мертвые останутся неотмщенными!

Инига содрогнулась. Она была все же скорее изнеженной арабской княжной, нежели дочерью смелой северянки... Когда кончится весь этот кошмар, она знала, что покончит счеты с жизнью. Она хотела умереть — ей просто не для чего больше было жить... И все же Зейнаб права. Она должна быть сильной — пусть даже на краткое время, пусть лишь для успешного осуществления их возмездия. Он не должен ускользнуть, не должен больше сеять семена раздора в землях, принадлежащих калифу!

— Я не подведу тебя, Зейнаб! Клянусь! Не успело умолкнуть эхо ее слов, как снаружи послышался цокот подкованных копыт — и с дикими криками в лагерь ворвались на конях Али Хассан и его головорезы.

— Солнце вот-вот зайдет, — шепнула Зейнаб Иниге. — Видишь, луна уже на небосклоне... Когда она скроется за горной грядой, иди и делай

свое дело! А потом возвращайся и жди. Я присоединюсь к тебе, и мы обе укроемся где-нибудь и дождемся прихода Нази.

— А что же Али Хассан? — спросила Инига.

— То, что ты сделаешь, охладит пыл в его чреслах, — отвечала Зейнаб. — Он всецело поглощен будет тушением пожара и забудет о любовных утехах... — Она по-сестрински обняла Инигу и поспешила в шатер предводителя. Али Хассан все еще находился в компании своих воинов, отдавая необходимые распоряжения. А юнцы, с которыми Зейнаб заранее успела условиться, сновали туда-сюда с ведрами воды — ванна была уже почти наполнена.

— Ну, довольно, — Зейнаб жестом удалила мальчиков и принялась щедро лить в горячую воду розовое благовоние. Над ванной поднялся ароматный пар, заполнивший весь шатер. Снаружи уже слышалась тяжелая мужская поступь — и она встретила бандита лицом к лицу.

— Добро пожаловать домой, Али Хассан! — сказала Зейнаб с улыбкой. Она поспешно сняла с его широких плеч плащ.

— Пахнет здесь, как в розовом саду самого Аллаха! — сказал он, нюхая воздух, — он не вполне еще понял, нравится ли ему это.

— Я собираюсь омыть твоё тело, — твердо сказала она. — Человек, который неделю не слезал с седла, неминуемо должен пропитаться насквозь запахом конского пота, да и своего собственного. Я не приближусь к тебе, Али Хассан, покуда ты не будешь пахнуть, как цветок розы.

Он разразился оглушительным хохотом. Вдруг на душе у него стало легко и приятно. А ведь целую неделю он пылал яростью, и от него порядком досталось всем поголовно его воинам. Он не мог выкинуть из головы Зейнаб, и даже то, что он изнасиловал поочередно троих женщин, не охладило его страсти... Ничего не помогало. Он не желал их. Он желал лишь свою Рабыню Страсти. И воротился он, полный решимости овладеть ею во что бы то ни стало — пусть даже силой. Он не мог выносить более отсрочек! И вот она уже поджидает его. Нет, положительно Али Хассан был в восторге.

— Так придется мне мыться, а? — он хмыкнул. — Не могу даже припомнить, когда в последний раз я принимал ванну... А, кстати, где ты ее откопала?

— Просто сунула кое-что в лапу одному из стариков — бондарю. Он все охотно исполнил. Потом еще кое-чем поманила женщин — и к моим услугам оказался довольно сносный выбор ароматных масел и душистого мыла, — с усмешкой отвечала ему Зейнаб. Она расстегнула его рубашку и

стянула ее через голову. — Фу, какая ужасная вонь! — и рубашка упала на пол, а Зейнаб брезгливо отпихнула ее ногой.

— Ты находчивая женщина... — оскалился Али Хассан.

— Да, — покорно согласилась она и, взяв его за руку, подвела к стулу и усадила:

— Сиди, Али Хассан! Надобно снять с тебя сапоги. — Она взялась за одну его ногу, приподняла ее, оседлала, повернувшись к нему задом, и властно скомандовала:

— Толкай меня в зад другой ногой! С усмешкой он повиновался — и первый сапог с легкостью был снят. Затем вышеописанная процедура была повторена с другой ногой. Повернувшись, Зейнаб сказала:

— Теперь встань: снимем-ка с тебя штаны, Али Хассан. Они невероятно грязны. Всю эту одежду надобно спалить! — Ее пальчики тем временем расстегивали пряжку его ремня. Затем она быстрым движением стянула штаны. — А теперь в ванну, Али Хассан! — скомандовала она.

— Я в твоих руках, красавица! — он отшвырнул штаны и забрался в ванну, где уселся поудобнее на специальное сиденье. Его черные глаза широко раскрылись, когда он увидел, что Зейнаб будничным движением освобождается от бледно-лилового кафтана — того самого, в котором он ее похитил.

— Ч-что это ты делаешь? — проговорил он сдавленным голосом.

— Ну не думаешь же ты, в самом деле, что я буду мыть тебя, стоя снаружи, Али Хассан? — бесстрастно сказала она. — Я составлю тебе компанию. К несчастью, другой одежды у меня тут нет... К тому же не в моих правилах мыться одетой. — И Зейнаб забралась в ванну.

— Но помни хорошенько, Али Хассан, — нынче ночью нашу страсть в должное русло направляю я! Позже, когда ты вполне поймешь, что значит обладать Рабыней Страсти, верховодить станешь ты. Ежели же ты поведешь себя словно лесной зверь, я не смогу подарить тебе воистину неземного блаженства... Ты понимаешь меня? Согласен мне подчиниться? Я горжусь своими талантами и желаю их проявить нынче же — и сполна!

В его черных глазах вспыхнуло пламя. Чтобы женщина верховодила им в любви? Такого он еще не испытывал... Али Хассан кивнул:

— Как ты пожелаешь, Зейнаб. Я — глина в твоих нежных пальчиках. Делай что пожелаешь — лишь дай мне вкусить тех легендарных восторгов, которыми может одарить мужчину лишь Рабыня Страсти! Как я тосковал по тебе эту долгую неделю, как ждал...

— Нынче ночью... — соблазнительно промурлыкала она. — И с нею не смогут сравниться все твои прежние ночи, вместе взятые...

Огонь в глазах Али Хассана разгорелся еще ярче.

— Открой рот, — велела она и, когда он подчинился, принялась тереть его зубы куском грубой ткани. Затем подала ему маленький серебряный бокал:

— Набери эту жидкость в рот, Али Хассан, но не глотай, а хорошенечко прополощи и выплюнь назад в бокал. Любовник не должен оскорблять возлюбленную нечистым дыханием. — Когда он, словно замороженный, проделал все, что она велела ему, Зейнаб объяснила:

— Я вычистила тебе зубы смесью измельченной пемзы и мяты. А полоскание приготовлено из смеси настоев мяты и гвоздики, перемешанных с вином.

Сердце Али Хассана бешено забилося, когда Зейнаб подарила ему нежный поцелуй.

— О-о-о, вот так гораздо лучше! — одобрительно произнесла она, причмокнув. — Любовник должен быть приятен во всех отношениях — в том числе и на вкус... А теперь, Али Хассан, займемся твоей головой. — Она быстро и умело вымыла короткие черные волосы Али Хассана. Они чуть вились, но были грубы на ощупь и совершенно не подходили на волосы тех мужчин, что она знала прежде... Потом она досуха вытерла голову Али Хассана полотенцем. Затем, взяв чистую и свежую салфетку, она вымыла ему лицо, попутно изумившись, сколь сильно испачкалась белоснежная ткань... — Полно, да умывался ли ты хоть раз с тех пор, как уехал? — спросила она, оттирая его черную шею и уши.

Но разомлевший Али Хассан молчал. Теплая вода приятно расслабляла усталые мускулы. Как же приятно ему было! Наконец, он лениво промолвил:

— У нас не было времени поспать, не то что умыться... Скажи, Зейнаб, ты всякий раз так обихаживаешь любовника, когда он навещает тебя?

— Прежние мои мужчины были все сплошь высокородные и культурные, — откровенно отвечала она. — Ни один из них не лез ко мне в постель со вшивой бородой и грязным лицом...

— Отныне мы всегда будем купаться вместе! — пообещал Али Хассан. — А когда я завоюю Алькасабу Малику, ты будешь жить во дворце. Но это я уже тебе пообещал... Я наполню твою ванну не водой, а всеми мыслимыми благовониями, и мы будем наслаждаться вместе...

Зейнаб смолчала, но наградила его легкой улыбкой. Она всецело сосредоточилась на заботах об его теле. Ведь в ее задачу входило насколько возможно растянуть этот процесс... Наверняка луна уже скрылась за

горами! Грациозным и неторопливым движением она взяла мочалку и щедро намылила ее, затем принялась тереть его широченную грудь, сплошь поросшую черными спутанными волосами. Вскоре на груди появилась обильная пена — и соски Али Хассана среди нежной белизны, нежно-розовые, выглядели странно беззащитными... Осторожно она сполоснула его. Потом вымыла одну руку, затем ладонь, вычистила ногти... Потом неторопливо занялась другой рукой. Повернув его, она стала тщательно тереть его волосатую спину, периодически смывая пену и щедро поливая его ароматной водой.

— А теперь придется тебе встать ногами на сиденье, Али Хассан: мне надо вымыть все то, что сейчас скрыто под водой.

С утробным смешком он подчинился. Теперь настала очередь Зейнаб удивляться — его мужское естество было уже в полной боеготовности и твердо, словно камень...

Зейнаб проигнорировала это впечатляющее зрелище — она аккуратно намылила одну ногу, потом стала тщательно ее тереть и незаметно нажала на тайную точку под коленкой. Со скрытым удовлетворением она увидела, как потрясающий член Али Хассана съезжился. Этому фокусу когда-то очень давно научил ее Карим, правда, она искренне считала, что эта наука ей никогда не понадобится, а вот теперь пригодилась... Теперь она спокойно продолжала свое занятие — вымыла другую ногу, зад, живот и пах...

Смело она сжала в ладонях его яички:

— Что за славная парочка, Али Хассан! Вскоре им предстоит поработать...

Она уже заметила, что ему нравится ее смелость и прямота. Ее маленькая ручка нежно обмывала его драгоценности, скользя взад и вперед по потаенной тропинке. Она почувствовала, что жеребец снова просыпается... Тогда она быстро сполоснула его и вновь незаметно нажала на тайную точку, чтобы усмирить похоть.

— А теперь... — сказала она, — теперь ты чист — и должен вымыть меня, Али Хассан. Вот тебе чистая мочалка.

Он старательно трудился, подражая ее движениям, а она время от времени по-матерински наставляла его. Он глаз не мог оторвать от ее прелестной груди... Не сдержавшись, он куснул Зейнаб за шейку и за мочку уха. Рука его уже откровенно страстно проникла меж прелестных ее ягодич, а палец словно сам собою скользнул в тугое отверстие...

Она тотчас же отчитала его:

— Ты что — маленький мальчик? Не можешь потерпеть?

Она за руку вывела его из ванны и вручила ему чистое полотенце.

— Вытри меня, и быстренько — а потом я вытру тебя.

И без глупостей, Али Хассан, — иначе я рассержусь на тебя! А если это случится, то я не смогу вполне сосредоточиться на всем том, что только Рабыня Страсти может дать мужчине!

Искренне напуганный, он вытер ее, не позволяя себе лишних вольностей.

...Куда же, во имя всех семи джиннов, запропастилась Инига, думала Зейнаб, беря чистое полотенце и неторопливо вытирая тело Али Хассана. Казалось, прошла вечность с тех пор, как она вошла в его шатер. Она намеренно растянула купание, но медлить более было нельзя — это могло возбудить подозрения. Если Инига к этому времени еще не подпалила шатры, то Зейнаб придется-таки совокупиться с этим человеком. Ну, по крайней мере, теперь он хотя бы чист...

— Пойдем, — взяв его за руку, она подвела Али Хассана к месту, где он обычно спал. — Видишь — женщины приготовили для тебя новый тюфяк. Он наполнен свежим сеном и ароматными травами. Укладывайся, Али Хассан, и предоставь мне полную свободу.

Он послушно лег на спину, и, к его крайнему изумлению, Зейнаб встала над ним во весь рост, осматривая все его большое тело. Подняв руки, она вынула шпильки из волос — и золотая волна окутала ее... С улыбкой она потрянула головой, отчего легкие пряди заколыхались. Ленивым движением совратительницы она раздвинула свои потайные губки:

— Видишь мое тайное сокровище, Али Хассан? — а когда он кивнул, раскрыв от изумления рот и округлив глаза, она продолжила:

— Нынче ночью я научу тебя всему, что нужно, чтобы оно засверкало и чтобы я была счастлива. И лишь после этого ты вкусишь блаженства!

Сердце его бешено забилося, когда он узрел влажную коралловую плоть, а ее слова пронзили его сладкой болью.

Теперь она уже склонялась над ним. Он едва дышал от волнения... Вот она, самая прекрасная женщина из всех, каких приходилось ему видеть, — и она принадлежит ему, только ему, без остатка! Спазм сдавил его пылающее горло, когда ее остренький язычок принялся порхать по его телу. Он лишь глазами следил за нею, а она ласкала его, начиная от самой шеи и кончая пятками. Затем она велела ему перевернуться на живот — он тотчас же покорился. О, как сладостны были касания этого теплого язычка!

Из груди его вырвался тихий стон, когда язык ее коснулся его зада. Нет, Хатиба не была столь восхитительной любовницей! Она, правда,

послушно исполняла все, чего бы он ни пожелал, — но это... Теперь он даже не могу вспомнить ее лица. Хатиба сослужила ему службу — и лишь теперь понял он какую! Да не убей он тогда эту изменницу и всю ее новую родню, не послал бы тогда калиф этого беспомощного Хасдая-ибн-Шапрута на охоту за ним, и не заполучил бы он в конце концов Зейнаб...

...Теперь она сидела поверх его зада — он ощущал прикосновение ее дивных ягодич, по форме схожих с юным персиком, и чувствовал ее сладкую тяжесть. Ноготки ее плавно проводили по его спине взад и вперед. Это и возбуждало, и раздражало одновременно... Затем она улеглась на него, прильнув к нему всем телом. Он ощущал нежность ее живота и упругость груди. Одною ногой она раздвинула бедра Али Хассана.

— Знаешь, что я сейчас делаю? — прошептала она ему на ухо, касаясь язычком раковины и страстно покусывая мочку:

— Моя правая рука проникает меж потайных губок, Али Хассан. А-а-а-а-ах, вот она и нашла то, что искала! М-м-м-м-м... Пока я лежу вот так, я сама стану услаждать себя. Ты не увидишь, как я это делаю. Ты будешь лишь чувствовать мои движения — и воображать, как все это происходит. О-о-о, вот! О-о-о-ох! О-о-о-о-о-ох! — Она задвигалась быстрее, и вскоре громко простонала: А-а-а-а-ах!!!

— Сука! — рявкнул он. — Сейчас я с тобою разделаюсь по-свойски!

— Если только ты посмеешь, — резко прикрикнула она, — то ничего не изведает! Ты ведешь себя словно дитя, Али Хассан! Неужели не можешь ты хоть чуть-чуть потерпеть? В течение недели я старалась, разрабатывала подробный план, чем и как стану услаждать тебя. А ты хочешь все разрушить? Это же только начало... — Легкое тело ее соскользнуло с него:

— Перевернись-ка!

Когда он подчинился, она вновь оседлала его — но на этот раз он владеть мог любоваться ее дивным телом. Склонившись так, что ее роскошный бюст почти касался лица Али Хассана, заставляя его терять рассудок, она потянулась за чем-то. Али Хассан высунул язык и принялся страстно ласкать ее соски — она хихикнула.

— Ты непослушный мальчик! — сердито упрекнула она его. — А ну-ка, руки за голову, Али Хассан! Я свяжу тебя — не сильно, не бойся! Но ведь ты не боишься меня, правда? — промурлыкала она, заметив, что он слегка оторопел. Секунду поколебавшись, Али Хассан послушно заложил руки за голову. Вначале она связала ему запястья, в потом, повернувшись к нему дивным своим задом, проделала то же с его щиколотками:

— Как только почувствуешь что-то не то, Али Хассан, дай мне знать, и

я тотчас же освобожу тебя, — сказала она, вновь поворачиваясь к нему лицом.

Слова ее больно задели его мужское самолюбие. Разумеется, ему не по нраву эта беспомощность, но он скорее умрет, нежели признается в этом кому-либо, а тем более женщине! Он ухмыльнулся.

— Что ж, я с нетерпением жду того, что ты можешь дать мне, Зейнаб! — сказал он, но вдруг почувствовал стеснение в груди — ему стало трудно дышать... Он попытался растянуть путы и успокоился, обнаружив, что при желании в любой момент сможет освободиться сам.

...Аллах всемогущий, где же Инига? — думала Зейнаб, восседая на груди Али Хассана и прижимаясь пышной грудью к самому его лицу.

— Вдохни мой особый аромат — аромат женщины, — хрипло и страстно говорила она. Затем, скользнув выше, она прижала свою промежность к самому его рту, а рукой взялась за его член.

Али Хассан просто оцепенел. О, это ни с чем не сравнимое ощущение нежной плоти у самых губ — и одновременно прикосновение ее пальчиков к его мужскому естеству!.. А ведь она ничего такого не делает — просто держит его..., и все же кровь ударила ему в голову и мучительно застучала в висках... Когда же она прошептала: «Поцелуй же меня!» — он не мог более сдерживаться. Губы его страстно прильнули к влажной плоти, а наградой ему был прерывистый вздох, который он истолковал однозначно. Воодушевленный, он попытался заработать языком — в ответ она вся раскрылась перед ним, одновременно лаская его член.

...Да, она пробуждала в нем доселе неизведанные чувства! Всякий раз, когда ему казалось, что вот-вот сок любви вырвется наружу, она притормаживала, нежно сжимая головку. Язык его бешено работал — он всеми силами старался заставить ее потерять голову, но, невзирая на страстные ее вздохи, красноречиво свидетельствующие об испытываемом ею наслаждении, она ни на секунду не теряла ясности рассудка. Он преисполнен был восхищения перед этой женщиной — даже обуреваемый безумной страстью! Она довела его до исступления — и точно угадала момент: губки ее обхватили трепещущий член. Али Хассан застонал. Одновременно она накрыла его губы своей ладошкой. Он принялся бешено лизать ее, страстно желая вновь ощутить ее вкус...

Теперь она нашла нужный ритм и заработала всерьез. Несколько раз она успешно сдерживала его жеребца, искусно сжимая головку губами и языком, не давая ему разрядиться. Потом она вновь сжала член рукой — и стала ласкать его поочередно то быстрыми, то томными и медленными движениями. Она чувствовала, что мужское тело под нею все выгибается в

судорогах страсти. Зейнаб знала, что должна позволить ему разрядиться, покуда он не истомился и не утратил желаний. Если бы это случилось, он был бы в ярости, а ведь гордость Али Хассана нельзя попираť до бесконечности. Убрав ладошку с его губ, она повернулась к нему лицом и увидела, что лицо его бледно и покрыто бисеринками пота.

Сладко улыбаясь, Зейнаб стала грациозно и медленно опускаться на его каменный член — он оказался поистине огромен и заполнил ее всю... Она тут же сжала внутренние мышцы и стиснула член нежно и страстно... Черные глаза Али Хассана просто-напросто вылезли из орбит. Рот его раскрылся, и из него вырвался стон страсти... Наверняка его слышал весь лагерь!

И тут вдруг глаза его закатились, в груди захрипело и забулькало — Али Хассан безжизненно распростерся на ложе. Зейнаб не вполне еще поняла, что происходит, но в это самое мгновение раздались крики: «Пожар! Пожар!» Снаружи раздался гул голосов. Зейнаб спрыгнула со своей жертвы, сорвала путы с его запястий и щиколоток, но тотчас же оседлала его вновь.

В шатер ворвался один из воинов Али Хассана — и, увидев господина в предельно откровенной позе, залился краской.

— Убирайся! — прикрикнула на него Зейнаб. — Мой господин Али Хассан велит тебе быть за старшего — сам он слишком занят! — И она прильнула к губам Али Хассана страстным поцелуем, содрогаясь и постанывая, а тем временем прислушиваясь, не убрался ли солдат восвояси? Когда она убедилась, что шатер опустел, она вновь приподнялась, всматриваясь в Али Хассана. Он не дышал. Тогда она приложила ухо к его сердцу, но ничего не услышала. Он был мертв... Осторожно она уложила руки трупа так, чтобы он выглядел как можно естественнее, затем накрыла тело покрывалом. Вероятнее всего, вся эта суматоха не позволит сообщникам до утра обнаружить, что господин их почил... А уж к этому-то времени Нази и Карим наверняка будут уже здесь! Теперь она уже не могла осмелиться поджечь шатер — иначе бандиты прибежали бы спасать господина.

Зейнаб торопливо натянула кафтан, задула лампы и выскользнула из шатра.

Она увидела то, что и предполагала, — половина лагеря была охвачена пламенем. Люди Али Хассана метались от лагеря к ручью с ведрами, всеми силами пытаясь затушить огонь. Никто не обратил на нее ни малейшего внимания — и она беспрепятственно, не замеченная никем, проскользнула в свой шатер.

— У меня получилось! — глаза Иниги сияли торжеством.

— Ты справилась прекрасно! — Зейнаб крепко обняла подругу. — Али Хассан мертв, Инига. Думаю, лучше нам накинуть плащи и скрыться в темноту, пока это еще возможно. Воины калифа скоро будут здесь, но если придется прождать их до рассвета, то лучше скрыться где-нибудь неподалеку в горах. Труп Дли Хассана могут вскоре обнаружить — и тогда меня призовут к ответу...

— Ты убила его?! Но как? — глаза Иниги расширились от изумления.

— Не я его убила, а его безумная похоть. Я сыграла с ним в невиннейшую любовную игру, всеми силами отвлекая его и давая тебе возможность исполнить твою миссию, но ты долго медлила, Инига... И в конце концов у меня не оставалось выбора — я позволила ему войти в меня. Возбуждение его к тому моменту было столь велико, что черное сердце негодяя остановилось... О, это слишком легкая кончина для такого злодея! — Зейнаб схватила свой плащ:

— Пошли, Инига! Нам надо бежать!

Инига потянулась было к своему плащу — но тут снаружи послышались звуки совсем иного рода, нежели прежде.

Зацокали конские подковы, раздались воинственные кличи солдат, вопли женщин, топот бегущих ног, бряцанье оружия... Две молодые женщины переглянулись, и Инига боязливо шепнула:

— А что, если огни привлекли других разбойников, а вовсе не брата с отрядом?

На какой-то краткий миг сердечко Зейнаб похолодело, но тут же здравый смысл возобладал над страхом:

— Сомневаюсь, что сейчас в этих горах есть другие разбойники, Инига. Вспомни: ведь солдаты калифа прочесывали местность почти две недели! — Она взяла подругу за руку. — Давай-ка выйдем и поглядим. Надо приветствовать избавителей!

Карим увидел ее тотчас же. Заметил подле нее сестру... Зейнаб жива! С нею ничего не случилось! Он тотчас же послал двоих солдат, дабы защитить женщин на случай непредвиденных действий противника.

Очень скоро все было кончено: сакалибы сломили слабое сопротивление воинов Али Хассана. Женщины и дети согнаны были в кучу — им теперь была одна дорога: на невольничий рынок в Алькасабу Малику. А оставшиеся в живых злодеи будут публично подвергнуты жесточайшим пыткам и казнены на площади, и души Хабиба-ибн-Малика и его родных смогут, наконец, успокоиться...

Князь и Нази направились напрямик в шатер Али Хассана. Туда же

привели Зейнаб и Инигу.

— А где же Али Хассан? — спросил Хасдай-ибн-Шапрут, глаза которого еще не привыкли к темноте.

— Он мертв, — отвечала Зейнаб.

— Как он умер? — спросил Нази. — И когда?

— Совсем недавно, мой господин. Сожалею, но он умер на ложе страсти... Похоть убила его. Это был слишком легкий конец...

Карим подошел к ложу и, стянув с тела расшитое покрывало, долгим взглядом посмотрел на убийцу своей жены и всей семьи. И Хатиба открыто заявляла, что любит этого человека! Он заметил и ванну, и полотенца, и благовония... От глаз его не укрылись и брошенные поодаль шелковые шнуры, и то, как подогнута одна нога трупа... Заметил он и жемчужную струйку, изливающуюся из дряблого теперь члена... Он понял, как умер этот человек — и хотя смерть негодяя радовала его, но он всецело согласен был с Зейнаб: это слишком легкая и слишком приятная кончина...

— В мои планы не входило убивать его так... — тихо молвила Зейнаб, когда они вышли из шатра и присоединились к остальным. — Я просто хотела отвлечь его и дать возможность Иниге подпалить лагерь. Когда до нас дошло, что Али Хассан запрещает жечь по ночам костры, мы поняли, что другого выхода у нас просто нет..., — Моя сестра подожгла лагерь? — Глаза Карима устремились на Инигу. Она стояла безмолвная, потупив глаза.

— Инига была очень храброй! — сказала Зейнаб. Хасдай-ибн-Шапрут ничего не сказал — он внимательно слушал и наблюдал за тем, как общаются Зейнаб и Карим. Да, они беседовали, как старые добрые друзья, она защитила и спасла его сестру... Что было между этими двоими? А ведь именно это она всегда отказывалась обсуждать с ним!

— Ты ни секунды не сомневалась, что я разыщу тебя, — сказал он наконец — и Зейнаб ответила ему улыбкой.

— Я Рабыня Страсти, мой господин.. Я знала, что ты не отдашь меня так просто Али Хассану. Как бы тогда ты объяснил мое исчезновение калифу, который отдал меня тебе? — Она рассмеялась и коснулась его руки. — Мы уже можем возвращаться в город, мой господин? Я так стосковалась по еде, которую подают не в деревянных, дурно вымытых тарелках, и мне необходимо переодеться. И Иниге тоже...

При упоминании своего имени Инига словно очнулась. Взгляд ее вначале остановился на Зейнаб, а затем она с глубокой нежностью взглянула на брата. Вдруг она стремительно выхватила из-под одежды кинжал и, не колеблясь, вонзила его себе в грудь. Все стояли словно громом пораженные. Ножки Иниги подкосились, и она рухнула на землю. Карим

склонился над нею, обвил ее руками, слезы струились по его лицу.

— Инига, не покидай меня! — молил он. — Если ты уйдешь, сестренка, я останусь один...

— Я навеки запятнана. Карим. Зейнаб тебе расскажет... — слабым голосом вымолвила Инига.

Хасдай тотчас же наклонился и осмотрел рану, лелея надежду, что она не смертельна — но, увы, Инига нанесла себе смертоносный удар. Златокарие глаза Нази, полные искреннего сожаления, встретились с сапфировыми глазами князя — и врач отрицательно покачал головой. Поднявшись, Нази нежно обнял дрожащую и рыдающую Зейнаб.

— Н-н-не г-грустите... — прошептала Инига, прерывисто вздохнула — и глаза ее застыли.

— Она мертва, — без выражения произнес Карим. — Моя маленькая сестренка мертва. — Он поднялся, держа легкое тельце на руках. — Она будет похоронена рядом со всеми...

В лагере отыскался белый саван, припасенный кем-то из людей Али Хассана. Этим саваном и укутали тело юной женщины. К тому времени восток уже озарился первыми солнечными лучами. Карим, Хасдай и сакалибы сожгли дотла остатки лагеря Али Хассана и, гоня перед собою пленных, поехали по направлению к городу.

В ярком свете дня они достигли Алькасабы Малики, и, лишь заслышав весть об их приближении, все бросали привычные свои дела. Люди высыпали из своих жилищ и лавок, дабы узреть воочию торжество князя над ненавистным Али Хассаном, чья отсеченная голова плыла в воздухе на длинной пике...

...Как странно, думала Зейнаб: они с Каримом впервые за годы взглянули друг на друга, впервые заговорили, но так, словно и не расставались вовсе... Она любит его. А он? Мустафа говорил, что он не испытывал любви к Хатибе. Но любит ли он все еще ее, Зейнаб? И что, если все еще любит? Она принадлежит Нази. Кариму подыщут другую жену — это она знала наверное. Калиф захочет, чтобы князь Малики вступил в новый брак, чтобы зачал множество детей и продолжил род правителей умайядов... Надежды нет, думала она, втихомолку рыдая в крытых носилках.

Она вновь не смогла сдержать слез, когда тело Иниги предавали земле между могилами ее матери и супруга. Одна из родственниц покойного Ахмеда привела на похороны малыша. Зейнаб дикой кошкой кинулась на защиту Иниги, когда свекор покойной с оттенком презрения в голосе

бросил:

— Удивительно, что она была еще жива, когда ты попала в лагерь Али Хассана, госпожа Зейнаб!

— Она была жива, — отвечала Зейнаб, — но только потому, что считала, будто маленький Малик в руках этого подонка Али Хассана. Каждый день ей издалека показывали какого-то мальчика, который махал ей ручкой. Говорили, что это ее сын. Терзаясь страхом за ребенка, она покорила воле бандитов. Только любящая мать способна пожертвовать собою!

— О-о-о-о! — в глазах свекрови Иниги уже стояли слезы. — Она всегда была доброй матерью! Мы сделаем все, чтобы Малик запомнил ее именно такой!

Больше никто не проронил ни слова до самого вечера, а когда стемнело, в покои Нази явился Карим.

— Я хочу поговорить с Зейнаб, — сказал он. Хасдай согласно кивнул и вежливо поинтересовался:

— Ты хочешь, чтобы я вас оставил вдвоем?

— Нет, можешь присутствовать.

Карим сел в кресло напротив Зейнаб и спросил;

— А теперь расскажи мне подробно обо всем, что случилось с Инигой. Уверен — ты знаешь все. Зейнаб вздохнула:

— Какое это теперь имеет значение, господин мой Карим? Иниги больше нет. Али Хассан мертв. Ничего уже нельзя ни переменить, ни вернуть... Зачем лишние терзания?

Внимательный Хасдай отметил выражение искреннего участия на прекрасном ее лице...

— Расскажи мне обо всем, что с нею приключилось, Зейнаб! — хрипло повторил он. — Я должен знать!

— Зачем? — снова спросила она, но, взглянув на него, поняла: спорить бесполезно. И Зейнаб безжизненным голосом начала свой рассказ... Когда же печальная повесть подошла к концу, по прекрасному лицу Зейнаб вновь заструились слезы. — Я думала, что если сумею удержать ее от безумного шага до твоего появления. Карим, то она будет жить — но как только бедняжка поняла, что мне уже ничто не угрожает...

Продолжать Зейнаб не могла — горе ее было слишком велико. Закрыв лицо руками, она громко разрыдалась, уже не стесняясь обоих мужчин... Нет, никогда ей не понять, почему Инига предпочла смерть! Для самой Зейнаб жизнь была драгоценна, а когда она наносила ей удар, то девушка мужественно пересиливала себя и шла навстречу лучшим временам...

Ома, до сей поры сидевшая молча в уголке, подбежала к госпоже и обняла ее.

— Ну-ну, моя госпожа, не печалься! — шептала она. — Таков уж здесь кодекс чести — ты не в силах была ее спасти. Видать, так уж ей было на роду написано...

— Ты удовлетворен вполне, мой господин? — сухо осведомился Хасдай. — Не думаю, что Зейнаб сможет что-либо добавить.

На самом же деле Нази был вне себя от гнева — зачем он позволил князю так ее опечалить?! У Зейнаб ведь доброе и мягкое сердце. Оно и так глубоко скорбит...

Карим рывком поднялся и вышел. Он думал, что Зейнаб вряд ли сообщит ему нечто новое — и все же повесть о зверствах, которые вынесла его несчастная сестра, оказалась невыносимой даже для него, мужчины!

Наконец, печаль Зейнаб слегка улеглась, и она сказала Нази:

— Я пыталась спасти ее, Хасдай! Ей вовсе не надо было умирать, но она упрямо повторяла, что раз она была изнасилована, то до конца своих дней покрыта позором и не сможет жить в приличном обществе. О, почему это так, мой господин? Ведь она ни в чем не повинна! Весь грех лежит на жестоких насильниках! Некоторых я знаю в лицо. Они и по сей час находятся среди пленников, и я хочу видеть, как они испустят дух! — Теперь голос ее дрожал:

— Я должна это видеть!

— Госпожа, Аллаэддин сказал, что смерть их будет ужасной, — прошептала Ома. — Князь и так пылал жадой мести еще до того, как услышал твой страшный рассказ. Теперь он будет неумолим. Это будет поистине ужасное зрелище!

— Я должна это видеть. — страстно сказала Зейнаб и прибавила, обращаясь к Оме:

— Тебе не нужно сопровождать меня.

— Да будет так! — подытожил Нази.

Позднее Зейнаб вместе с Каримом пошла к пленным и самолично указала на тех двоих, кто в ее присутствии надругался над Инигой. Отыскала она и того, о котором Инига рассказывала, что он любит прежде исхлестать ее кнутом до крови, а затем уж овладеть ее телом... Этих троих тотчас же отделили от прочих пленных и отвели на главную городскую площадь для того, чтобы там публично пытатель их и казнить. Сперва каждого исполосовали кнутом — но не до смерти и не до потери сознания: палач проявил недюжинное мастерство. А затем в кровоточащие раны обильно втерли крупнозернистую соль, что заставило негодяев страдать

невыносимо. Затем их вздернули на дыбу — там им вырвали ногти на руках и ногах. Пытаемые выли и рычали от боли, а в воздухе стоял тяжелый запах крови, мочи, рвотных масс и испражнений... Но вот трое пленных уже «дозрели» до очередной пытки.

Зейнаб сидела, замерев, на возвышении, специально приспособленном для Карима, Нази и для нее... Она была бледна, но в аквамариновых глазах не было видно и тени жалости. И никто, заглянув в эти глаза, не догадался бы, что под вуалью, скрывавшей нижнюю часть лица, она до крови кусает губы, чтобы не закричать... Она не отрываясь глядела, как хирург осторожно извлекает из мошонки каждого преступника яички, сперва при помощи особых ухищрений сделав эту область тела нечувствительной: иначе боль лишила бы пытаемых сознания. Все трое своими глазами видели, как их кастрируют... Душевная мука при этом была много, много сильнее физических страданий. Толпа вскрикнула, словно одно многоголосое существо, когда три палача одновременно отсекали преступникам члены, которые тут же были скормлены голодным рыкающим псам. Ужасные раны тотчас же прижгли каленым железом — терзаемые завопили от жесточайшей боли. Зейнаб с трудом подавила тошноту... Князь поднялся:

— Пойдемте...

Нази и Зейнаб последовали за ним на крепостную стену Алькасабы Малики, высота которой составляла около тридцати футов. Десятью футами ниже выступ стены утыкан был страшными заостренными пиками, призванными сдержать атаку возможного неприятеля. Трех полумертвых людей подняли в воздух, и по сигналу Карима с размаху сбросили со стены вниз... Упали они прямо на чудовищные острия. Когда их нагие тела были пронзены насквозь, послышались новые вопли — куда более ужасные, чем прежде. Они корчились на копьях, моля Аллаха послать им быструю смерть во избавление от всепожирающей боли...

— Теперь все зависит от их собственных сил, — тихо произнес Карим. — Они могут прожить от нескольких часов до нескольких суток. А тот, кто умрет последним, сможет насладиться незабываемым зрелищем: вскоре налетят хищные птицы и выклюют глаза его товарищам...

— Надеюсь, это будет вон тот, толстый, — сказала Зейнаб. — Это он избивал Инигу. Ок худший из них... Молю Небо, чтобы он подольше страдал!

Вид мучений умирающих, казалось, утишил боль, рвущую ее сердце. Зейнаб знала, что этого она никогда не забудет — но справедливость восторжествовала. Праведный суд свершился, и Инига отомщена. Позор ее

смыт кровью этих троих подонков, которые так безжалостно терзали ее...

В течение следующих нескольких недель Хасдай-ибн-Шапрут помогал Кариму уладить все государственные дела, в которых со времени гибели Хабиба-ибн-Малика царил полнейший хаос. Зейнаб же всецело посвятила себя приготовлениям к свадьбе Омы и визиря, Аллаэдина-бен-Омара. В то время, когда Зейнаб томила в плену, друг Карима припер-таки Ому к стенке... А когда воротилась Зейнаб, Аллаэдин явился к ней с нижайшей просьбой.

— Ты должна убедить ее выйти за меня! — говорил он. — Я люблю ее всем сердцем. Я ведь так и не женился в надежде на то, что она сменит гнев на милость и вернется ко мне, госпожа моя Зейнаб! Но я уже не юноша — мне ведь за тридцать! Если я хочу иметь сыновей, мне надо как можно скорее взять жену!

— Я уже давно объявила ей, что дарую ей свободу, и советовала выйти за тебя, — отвечала Зейнаб. — Она ведь осталась со мною лишь потому, что я уезжала в далекую незнакомую страну, где никого не знала... Теперь же у меня есть Нази и маленькая дочка, принцесса... Я вовсе не хочу лишать ее счастья, которое она наверняка изведает, став твоею женой! Я поговорю с нею — но ничего не могу тебе обещать, мой господин. Она так же независима в суждениях, как и я сама... Уверен ли ты, что хочешь иметь такую жену? Она ведь не переменится...

— Я не хочу никакой другой жены! — искренне воскликнул Аллаэдин, приложив руку к сердцу в знак клятвы. А потом Зейнаб вцепилась в Ому:

— Любишь ли ты его?

— Люблю, — отвечала Ома. — Но и тебя тоже, добрая моя госпожа.

— Если ты любишь его, — отвечала Зейнаб, — тогда ты должна выйти за него замуж. — Она завладела руками подруги:

— О-о-о, моя Ома, не будь ты дурочкой! Я ведь тоже люблю тебя. Более близкой подруги у меня никогда не было — но рядом с Аллаэдином-бен-Омаром ты изведешь истинное счастье! Ты получишь свободу и завидное положение в обществе — ведь ты будешь супругой главного визиря! У тебя будет много детей, а я ведь знаю, что ты об этом мечтаешь. Но главное: у тебя будет любовь достойного человека! Не отказывайся от всего этого лишь ради того, чтобы остаться при мне. Ома! — глаза Зейнаб наполнились слезами. — Дражайшая моя Ома, если бы Судьба подарила мне то, что дарит тебе, я была бы счастливейшей женщиной в мире!

— У тебя есть Нази.., и Мораима... — медленно сказала Ома.

— Мы с Нази друзья, и, безусловно, за это я благодарна Небу. Я

должна жить так, как предназначено мне Богом, но ты вовсе не обязана делить со мною мою судьбу, моя добрая Ома! Я хочу, чтобы ты начала новую жизнь, став женою Аллаэддина-бен-Омара и матерью его детей. За то, что само идет тебе в руки, я душу бы заложила! Но в моей жизни не будет более любви... Единственный человек на свете, которого я люблю, не может любить меня. Судьба невероятно благосклонна к тебе, моя Ома. Если ты и в этот раз отвергнешь ее щедрый дар, то до конца дней своих будешь терзаться раскаянием! А я.., я скажу только, что таких дур земля еще не рождала!

Ома залилась слезами:

— О-о-о, госпожа, сердце рвется пополам! Я хочу, я жажду стать женою этого чернобородого негодяя, но мысль, что для этого мне надлежит тебя оставить, просто невыносима! Ну кто приглядит за тобою, кто утешит...

— Я попрошу Нази приказать прочесать все невольничьи рынки и отыскать невольницу родом из Аллоа, — сказала Зейнаб. — Она, конечно, не заменит мне моей дражайшей Омы, но займет при мне свое место. Выходи за визиря, Ома! В конце концов, учти: ты тоже не молодеешь! Тебе уже шестнадцать, а в твоём возрасте я была уже матерью Мораимы! — поддразнила подругу Зейнаб. — Если ты будешь тянуть кота за хвост, то визирь вынужден будет найти себе молоденькую и свеженькую женушку!

— Будто кто-то польстится на него, на этого чернобородого злыдня! — Ома улыбнулась дрожащими губами:

— Но все вправду будет хорошо? Ты не будешь страдать, если я выйду за него и покину тебя?

Зейнаб крепко обняла подругу.

— Ты не покидаешь меня, Ома, — уверила она девушку. — А теперь беги и объяви «злыдню» о своем решении. В твоей власти сделать его счастливейшим из смертных! Я дам за тобою богатое приданое, а Нази проследит, чтобы выкуп за невесту был достойным!

— Ты вполне уверена, что охотно отпускаешь Ому? — спросил Хасдай-ибн-Шапрут, лежа с Зейнаб ночью в постели.

— Она любит его... — последовал тихий ответ. — Никому не дано права попираť любовь, хотя многие посчитают меня сентиментальной дурочкой. Не будешь ли ты так добр договориться о брачном выкупе за нее? Это будет для нас величайшей честью... Да, нам понадобится еще и имам, дабы засвидетельствовать ее официальное освобождение и заверить брачный договор.

— Я попрошу князя поговорить с имамом, а сам займусь переговорами

о выкупе... — Он двумя пальцами приподнял с подушки золотой локон Зейнаб. — Расскажи, что ты сделала с Али Хассаном... Что это было за безумное наслаждение, которое убило его?

— Али Хассан сам убил себя, — апатично промолвила Зейнаб. — Сердце его дотла сожгла похоть, мой господин... Мне кое-как удавалось держать его на безопасном расстоянии до той самой ночи, когда вы отыскиали нас наконец. В конце концов мне пришлось уложить его в постель... Я связала ему руки и ноги шелковыми шнурами. Потом прибегла к сладкой пытке, которая у любящих вызывает обоюдный восторг, но для Али Хассана явилась смертным приговором — хотя я и не предполагала...

Он притянул ее золотую головку к самому своему лицу и, нежно целуя ее, прошептал:

Сделай со мною то же, что и с Али Хассаном, моя обожаемая маленькая злодейка!

— А не боишься, что тебя постигнет та же участь, господин мой? — поддразнила Нази втайне шокированная Зейнаб. Его карие глаза пристально глядели на нее:

— Я ничего не боюсь...

Будь на месте Нази другой, Зейнаб нашла бы способ увильнуть, но Хасдая обуяло острейшее любопытство... Она поднялась с ложа и принесла свою золотую корзиночку. Порывшись в ней, она вынула два шелковых шнура и связала Нази. Начала она с того, что присела поверх его бедер и принялась поигрывать собственной грудью. Зачарованный, он наблюдал, как она сунула пальчик в рот, пососала, а потом стала водить им вокруг сосков, которые на глазах твердели...

Затем она начала мучительно-сладко ласкать его, а когда он вполне возбуждился и уже силился высвободиться, Зейнаб села так, чтобы он мог как можно лучше ее видеть — и стала забавляться со своею тайной жемчужинкой, покуда дыхание ее не стало прерывистым, а щеки не окрасились румянцем... Хасдай изо всех сил силился разорвать прочные шелковые путы, обуреваемый мучительным желанием тотчас же овладеть этим дивным телом — и тут Зейнаб, смиростившись, опустилась на его трепещущий член и принялась медленно двигаться. Когда же терпение его истощилось, Зейнаб освободила его от шнуров и, опрокинув ее на спину, Нази яростно проник в нее, и вскоре вместе они достигли райского блаженства...

После, сжимая ее в объятиях, он говорил:

— А что еще ты скрыла от меня, моя дорогая? Какие еще сладкие игры тебе ведомы? В следующий раз я сам свяжу тебя — и исполню роль палача.

Ты не возражаешь?

— Мой господин, дарить тебе наслаждение — это мой долг...

— Да будет так! — торжественно провозгласил Нази и почти тотчас же уснул, утомленный и удовлетворенный...

Зейнаб какое-то время лежала без сна, но когда поняла, что ей не удастся уснуть, встала и надела простой кафтан из белоснежного шелка. Выскользнув из покоев так тихо, что шитые золотом портьеры даже не колыхнулись, она оказалась в саду. Была ночь полнолуния, и серебряный диск таинственным светом своим заливал окрестности. Она шла медленно, вдыхая аромат роз, никоцианы и своих обожаемых гардений... Ночь была теплая, и легчайший ветерок слегка поигрывал ее золотыми волосами...

...Она должна взять себя в руки. Душою и сердцем подготовиться к возвращению в Аль-Андалус — и к долгой жизни, полной страсти без любви...

...Я больше не хочу быть Рабыней Страсти, вдруг поняла Зейнаб, Впервые она, пусть даже мысленно, позволила себе произнести эти слова! Я хочу быть женою Карима, матерью его детей... Я отдала бы все, что имею, за это райское счастье! Я согласилась бы до конца дней своих прожить в шатре из грубой козьей шкуры, есть с деревянных тарелок, если Аллах снизошел бы к моим мольбам! Как ненавижу я свою жизнь!..

...Нет, надо выкинуть из головы эти дикие мысли, решила Зейнаб, вспомнив, что вскоре обнимет свою драгоценную малютку. Теперь ее жизнь — это Мораима. Сюда она никогда больше не возвратится, не увидит больше его... Было несказанно мучительно для обоих быть так близко друг от друга и общаться лишь по-приятельски... Но еще хуже было покоиться в объятиях Нази, зная, что Карим тут, в этом же доме... О, зачем, зачем она вернулась в Алькасабу Малику, призрачный город воспоминаний об ушедшем счастье?! Ома... Ради Омы она вернулась... Или нет?

Зейнаб вдруг замерла, ощутив в саду чье-то присутствие, и тотчас же поняла, кто это, поняла сердцем, даже прежде, чем он окликнул ее по имени...

— Зейнаб!

Силуэт его вырисовывался в лунном свете, падавшем на складки кафтана, такого же белоснежного, как и у Зейнаб. Волосы его были зачесаны назад, красивое лицо открыто взору...

— Прости меня, мой господин, за то, что я невольно нарушила твое уединение, — быстро сказала Зейнаб и повернулась, чтобы уйти. Но на плечо ее властно легла сильная рука.

— Не уходи... — тихо сказал он. — До сих пор нам так и не

представилось случая поговорить с глазу на глаз.

Ты счастлива?

Она, не поворачиваясь к нему, бросила через плечо:

— Я состоятельная женщина, хоть и рабыня. У меня прекрасный добрый господин — это Нази, могущественный покровитель — сам калиф Кордовы, и дитя, которое я обожаю всем сердцем.

— Ты счастлива? — повторил он.

Она резко обернулась и зло бросила прямо ему в лицо:

— Нет! Я несчастлива, Карим-аль-Малика! Я никогда не буду счастлива вдали от тебя! Вот! Вот я и сказала тебе это! Тебе стало легче от того, что ты слышал? Теперь ты счастлив?

— Я не был счастлив ни единого мгновения с тех самых пор, как расстался с тобою, — отвечал он.

— О, господин мой! — в отчаянии закричала она. — Что проку в этом для нас обоих? Я не могу быть с тобою, ты не можешь мною владеть... Так найди же себе жену, пусть она народит тебе сыновей — продолжателей династии: ведь об этом мечтал твой отец! Я очень скоро ворочусь в Аль-Андалус вместе с моим господином. Будь уверен: я не совершу больше опрометчивого поступка — мы не увидимся никогда!

— Твой господин... — с горькой усмешкой повторил Карим. — Ты даришь ему блаженство, Зейнаб. Его сладкие крики хорошо слышны ночами здесь, в саду... Я доволен, что так славно тебя вышколил...

В то же мгновение ее маленькая ручка отвесила ему звонкую пощечину. Столь же стремительно Карим обнял ее, ища губами ее рот, а найдя, он приник к ее губам жадным горячим поцелуем. Сердце ее едва не разорвалось, когда она ощутила прикосновение такого знакомого тела — губы ее невольно раскрылись, жадно отвечая на лобзанье... Но тотчас же, опомнившись, она отвернулась. По щекам ее градом катились слезы, а аквамарины глаз, словно омытые соленой влагой, почти с ненавистью глядели на него.

— Зейнаб... — шепнул он, чувствуя, что и его сердце вот-вот остановится от счастья и муки. Она вырвалась из его объятий.

— Ты куда более жесток ко мне, чем даже Али Хассан! — тихо и твердо сказала она. — Как ты мог. Карим? Как мог ты так безжалостно пронзить мне сердце? Я никогда не прощу тебе этого!

И она стремительно убежала, легкой тенью мелькнув по ночному саду, на цыпочках пробралась в их с Хасдаем покои... Вся дрожа, она скинула одежду и тихонько скользнула в постель. Нази лежал тихо, стараясь ровно дышать, делая вид, что крепко спит, но он видел сцену, разыгравшуюся в

ночном саду, и она потрясла его, хоть он и не расслышал слов... Теперь же Рабыня Страсти лежала подле него, мучительно стараясь подавить рыдания... Он решил дознаться правды, но поклялся себе, что ни о чем не спросит ее, пока они не вернутся в Аль-Андалус.

Свадьба Омы и Аллаэddина-бен-Омара была весьма скромной. У визиря не было родственников, кроме престарелого отца. Обряд же омовения невесты совершила сама Зейнаб. Ома не восседала на золотом троне среди роскошных свадебных даров, подобно Иниге, да это было и к лучшему: так удалось избежать мучительных для всех воспоминаний. Визирь же с отцом. Карим и Нази отправились в мечеть, где имам, уже предварительно переговоривший с кади и удостоверившийся, что брачный договор в порядке и согласие на брак имеется с обеих сторон, торжественно объявил Аллаэddина и Ому мужем и женой. Затем все четверо вернулись во дворец. После непродолжительного празднования Аллаэddин увез молодую жену в свой новый дом — это был свадебный подарок Карима лучшему другу. Его старый отец, Омар-бен-Тарик, собирался переселиться к молодым и наслаждаться видом подрастающих внуков. Ома сразу же покорила сердце старца.

— Она удивительно хорошенькая..., и очень добра и ласкова, — сказал он сыну. — К тому же широка в бедрах... Такой только рожать и рожать!

— Когда мы отплываем в Кордову? — спросила Зейнаб Хасдая в тот же вечер.

— Тебе так не терпится? — задумчиво спросил Нази.

— Мы в отъезде вот уже четыре месяца, мой господин. Князь совершенно окреп и вполне способен встать во главе правительства, дабы прибавить славы нашему владыке калифу. Ома устроена. Я скучаю по дочке... А в Кадикском заливе по осени частенько штормит...

— Об этом говорил мне и князь, — ответил Нази. — Поэтому мы по суше доберемся до Танджи, а оттуда по морю рукой подать до Джабал-Тарака. Оттуда недалеко до Кадикса, а там уже мы взойдем на борт нашего судна в устье Гвадалквивира. Ну а если ты все еще хочешь, то мы можем остановиться в Севилье — ты посмотришь город, моя дорогая. Помнишь, я обещал тебе это по пути в Малику?

— Я просто хочу домой, — тихо сказала Зейнаб.

— Но ведь путешествовать без служанки ты не можешь, — напомнил он.

— Я хочу рабыню, мою соотечественницу, Хасдай. В Алькасабе Малике мы такой не отыщем. К тому же я вполне способна сама о себе позаботиться — даже после того, как столько лет прожила в холе и

праздности. В носилках я вполне могу ехать в одиночестве. Еду мне будут приносить, а в бане я прекрасно смогу самостоятельно вымыться...

— Тогда мы можем отправляться завтра, — сказал Нази. — Сакалибы, как добрые воины, могут сняться с места в любой момент. И я тоже.

— Но я не могу, к несчастью, — вздохнула Зейнаб. — Нужно упаковать все мои вещи. Я завтра же пошлю за Омой — она мне поможет. Послезавтра я буду готова, мой господин.

— Дай невесте хоть два дня, дабы насладиться семейным счастьем, моя дорогая! — улыбнулся Нази. — Хоть я и уверен, что Ома тотчас же явится на твой зов, но помни: она тебе больше не служанка. Почему бы не отложить отъезд хотя бы на неделю? К чему эта горячка? К тому же я хотел бы проехаться с князем по всей Малике, дабы удостовериться, что теперь все в полном порядке. Не возражаешь, если покину тебя в одиночестве? Мы выедем завтра поутру и будем отсутствовать несколько дней.

— Я не дитя и скучать не стану, — ответила Зейнаб. — Мне еще непременно надо к серебрянику — хочу привезти Мораиме какую-нибудь диковинку.

Когда Ома через несколько дней прибыла, чтобы помочь Зейнаб со сборами, та была счастлива видеть подругу. Обе вместе быстренько увязали тюки и сложили платья в сундуки. У Омы была масса новостей.

— В гареме две премиленькие служаночки, — трещала она. — Одна родом с острова, именуемого Крит, а другая — румийка. Их преподнес мне на свадьбу свекор. Какой же это милый старик, Зейнаб! А когда мы с Аллаэddином сообщили ему о малыше, он заплакал от радости! О-о-о, как это чудесно — иметь семью!

— О малыше??? — изумилась Зейнаб. — А ты мне об этом ничего не говорила... Ома лукаво хихикнула:

— Ну., понимаешь, когда мы с Аллаэddином встретились, то., ну, словом, дали волю рукам — и не только рукам... Я знала о том, что понесла, еще до твоего пленения, госпожа.

— И все же собиралась вернуться со мною в Кордову! — с нежным упреком сказала Зейнаб. — Ах, Ома, Ома! Ни одна из женщин на всей земле не может похвалиться лучшей подругой, чем ты у меня! Я буду скучать по тебе, но утешаться тем, что ты счастлива. — Увидев слезы на щеках Омы, она ласково отерла их, приговаривая. — Ну-ну, нельзя тебе теперь огорчаться! Расскажи-ка лучше о своем новом доме. Сколько там слуг? Помни: с ними надобно быть строгой, но справедливой. Дом очень велик?

— Хозяйством заправляет евнух, — начала Ома. — Но в гареме евнуха

нет. Я сказала Аллаэдину, что не нужно специально для меня покупать его — это лишняя трата... Есть повар, служанки-уборщицы и десяток отборных стражников-сакалибов. Аллаэдин говорит, что не может допустить повторения трагедии своего друга, и поэтому проявляет бдительность. Вокруг дома роскошный сад со множеством фонтанов. Это дивный уголок — и.., о, я так счастлива! — И впрямь прелестное личико ее сияло от счастья. Вдруг она вновь хихикнула. — То и дело думаю, как бесилась бы эта ведьма, матушка Юб, прознай она о том, что с нами случилось! Уверена; она искренне полагает, что мы драим полы в какой-нибудь придорожной таверне в Эйре, а хозяин измывается над нами! Так жаль, что нельзя послать ей весточку!

— Да, нам повезло куда больше, чем ей, — ответила Зейнаб. — Мы с тобою просто счастливицы...

Хасдай и князь возвратились уже на следующий день и устроили прощальный обед.

— Я уже знаю, что твой караван готов и вы отправляетесь на рассвете, господин Нази, — сказал князь. — Вы поедете по дороге, что тянется вдоль побережья и соединяет Алькасабу Малику и Танджу. Это займет у вас не более трех дней. В Тандже вас будет поджидать корабль, на котором вы доплывете до Джабал-Тарака. А там вы будете уже на земле Аль-Андалус. Я не стану приберегать прощальные слова на завтра — хочу сейчас же засвидетельствовать тебе, господин мой, мою глубочайшую признательность. Если бы ты не приехал, думаю, я не выжил бы — столь глубока была моя печаль. Знаю, что ты ехал по поручению калифа как официальное лицо, но, встретившись со мною, разделил мою боль как самый преданный друг. Ты все понял — и не позволил мне утонуть в пучине скорби. Ты заставил меня вспомнить о долге перед народом — во имя памяти моего отца. И за все это благодарность моя безмерна...

— Ну, а теперь... — Нази улыбнулся, — тебе предстоит исполнить еще один твой прямой долг. Ты обязан найти себе молодую жену, которая зачнет и родит продолжателей династии ибн-Маликов.

Карим покачал головой:

— Я больше не женюсь. Наследником моим станет сын покойной сестры.

— Но ведь нужна же мужчине жена, нужен гарем, полный красавиц! — настаивал Нази.

— Однажды я всей душой полюбил женщину, с которой Судьба меня разлучила, — прямо ответил ему Карим. — После этого я женился на девушке, выбранной моим отцом мне в жены, желая быть примерным

сыном. Хатиба в свое время, как оказалось, была обещана Али Хассану. Она любила его, а я ту, другую... И даже если бы с моей семьей не стряслось этого ужаса, я многое понял бы. Брак без любви — проклятие, Хасдай! Нет, я не повторю подобной ошибки!

— А что, если тебе вновь предстоит полюбить? Глаза Карима испытующе устремились на Хасдая.

— Я не полюблю снова, — твердо сказал он. — Как смогу я полюбить другую, после того как... — он грустно усмехнулся. — К тому же, Хасдай, по-моему, я изведаль достаточно женских ласк за свою жизнь! Как ты считаешь?

Нази рассмеялся:

— Возможно, это и так, господин, и все же для мужчины рай в женских объятьях! Не думаю, что я наложил бы на себя обет безбрачия...

— Несомненно, Зейнаб прекрасно служит тебе, — вырвалось у Карима... Боже, зачем он это сказал? Или хотел слышать похвалы этой дивной женщине из уст самого Нази? На что она способна, ему самому прекрасно ведомо... К чему лишняя ссадина?..

— Да, — кратко ответил Нази. — Мне никогда бы так не посчастливилось, если бы калиф Кордовы имел возможность развестись с госпожой Захрой и не вызвать этим государственной смуты. Калиф обожал Зейнаб, а она его.

— Сожалею о случившемся... — холодно отвечал Карим. Потом сказал:

— Думаю, мне пора отдохнуть, Нази. Мы еще увидимся поутру.

Оставив князя в его покоях, Хасдай ушел к себе. Зейнаб уже спала. Он хотел порасспросить ее о Кариме, но жаль было будить красавицу. Как только Карим обмолвился, что любил когда-то женщину, с которой не мог быть вместе, Нази сразу подумал: уж не Зейнаб ли это? Между ними явно что-то происходило, хотя Зейнаб не дала ему ни единого повода усомниться в ее верности и преданности. Нази сказал себе, что непременно спросит ее — но не раньше, чем они придут в Кордову. И это обещание он исполнит. Но... Пусть эта женщина — его наложница, его собственность, но Хасдай сомневался: а имеет ли он право расспрашивать ее о самом сокровенном?..

Они отправились в путь рано утром, покуда солнце не стало еще по-настоящему припекать. Карим вышел, чтобы проститься с ними. Хасдай внимательно следил, как он приближается к Зейнаб, но князь лишь пожелал ей счастливого пути, а Зейнаб безразличным тоном поблагодарила его. Приехали визирь и Ома. Молодые женщины крепко обнялись.

— Уж не думала, когда этот бугай похитил нас из обители, что все так

кончится! — сказала Ома на их родном языке. — Пусть Господь.., или Аллах — не все ли равно, как обращаться к Богу? — сохранит тебя в пути, госпожа! Как бы я хотела не разлучаться с тобою! Ну почему ты не можешь остаться здесь? Попроси Нази! Он дарует тебе свободу, если ты попросишь, я знаю!

Зейнаб обняла Ому:

— Нет, милая, он не освободит меня. Он не может так легко отказаться от подарка самого калифа — это было бы невежливо. К тому же я ему нравлюсь... — Она улыбнулась и погладила Ому по руке. — Но есть еще и Мораима. Я не могу покинуть милое мое дитя. Ты поймешь меня, Ома, сразу, как только родишь... Пошли мне весточку, когда это случится, милая моя. Я хочу знать, все ли с вами в порядке. — И, расцеловав подругу в обе щеки, Зейнаб села в крытые носилки.

Караван, сопровождаемый сотней вооруженных сакалибов, следовал по дороге, пролегающей вдоль океанского побережья. Это была широкая ухоженная дорога, проложенная и вымощенная две сотни лет тому назад еще румийцами. По дороге им попадались и другие путешественники — кто-то совершал паломничество в Танджу, а другие просто брели по делам в близлежащие деревни. Через каждые десять миль караван делал остановку: вдоль дороги располагались государственные постоялые дворы — там были все, пусть лишь самые необходимые, удобства и для людей, и для вьючных животных.

За первый день они преодолели примерно треть пути. Зейнаб пребывала в легком раздражении — ей не представлялось возможности вымыться до наступления утра. В публичные бани при постоялом дворе, как и повсюду в Аль-Андалус, доступ для женщин был открыт лишь до полудня... Потом наступала очередь мужчин.

Хасдай, чистый и посвежевший, воротился к ней. Он прекрасно отобедал, вкусил отменного вина и теперь жаждал любви.

— Я стосковался по тебе... — сказал он, потянувшись к ней. — Мы так давно не были с тобою вместе, моя дорогая...

Зейнаб мрачно взглянула на него:

— Я устала, мой господин. У меня голова раскалывается.., все эта жара и дорожная пыль... Я сплошь покрыта потом и грязью. — Она отодвинулась от него подальше. — Я хочу только, спать, спать... Не желаю тебя разочаровывать — но я не на многое теперь способна... Может быть, тебе удастся взять женщину напрокат у хозяина постоялого двора. Если она чиста, то я не стану возражать, мой господин.

Он поглядел на нее обиженно:

— Я вполне способен обуздать свои желания, Зейнаб. Я не желаю другой женщины! Я хочу лишь тебя — и буду ждать.

Она ничком рухнула на матрац и заснула, успев подумать, что он начинает ее раздражать... Он всегда так рассудителен и уравновешен! Полно, да умеет ли он вообще гневаться? По крайней мере, ей этого видеть не приходилось.

Он нежно разбудил ее еще до рассвета:

— Пойди и искупайся, — вполголоса, но властно приказал он. — Я не был с тобою вот уже неделю и не собираюсь дожидаться, покуда мы приедем в Кордову.

Зейнаб была изумлена, но покорно поднялась и разыскала в темноте мыло, благовония и чистые полотенца. Потом молча надела черный яшмак.

— А что, если бани еще закрыты? — все же спросила она.

— Они открыты, — отвечал Нази. — Я специально спрашивал у хозяина вчера вечером.

Она вышла из шатра и поспешила через весь двор к баням. Как странно было быть одной, без Омы... Она заплатила банщице необходимую сумму — и вскоре уже вошла в теплую воду. Она решила не мыть голову — ведь она сделала это перед самым отъездом из Алькасабы Малики. Да, с этим вполне можно повременить до приезда в Танджу, если то и дело вычесывать из волос дорожную пыль.

Возвратившись в шатер, она легко скользнула под покрывало, и Нази незамедлительно заключил ее в объятия.

— Ты восхитительна... — шептал он, зарывшись лицом в ее мягкие волосы, а рука его тотчас же нашла и нежно сжала ее пышную грудь. — Нынче игр не будет... Сегодня я буду с тобою просто мужчиной, моя дорогая. Заставит ли другая меня так воспламениться когда-нибудь, Зейнаб? Я то и дело об этом думаю... — Он нежно ущипнул ее за сосок.

— Ты не получишь ответа на свой вопрос до тех пор, пока не попытаешь счастья с другой, — отвечала она. Ее маленькая ручка погладила мужской затылок — Зейнаб ощутила, как кожа от ее прикосновения покрывается мелкими пупырышками. — Ты хотел бы попробовать?

— Нет! — страстно шепнул он ей на ушко, и язык его стал нежно ласкать розовую раковинку. Он слегка подул — по спине Зейнаб пробежала дрожь. — Я желаю только тебя, Зейнаб! — И вот он уже целует ее, крепко прижимаясь губами к ее губам, нежно лаская языком ее язык... Затем губы его заскользили по ее лицу, по шее, медленно продвигаясь к груди...

— М-м-м-м-м... — замурлыкала она от удовольствия. — А-а-а-а-

ах! — застонала она, когда губы его сомкнулись вокруг одного из ее сосков, а потом вокруг другого, возбуждая ее все сильнее и сильнее... Он нежно прикусил один сосок — и тело ее вновь пронзила сладостная дрожь... Пальцы Зейнаб запутались в его темных волосах, и она нежно направила его голову ниже — к жадно ждущему венерину холму...

— К несчастью, — шепнул он, — у нас нет времени для любовных изысков, дорогая. Иначе бы я уладил тебя так, как ты меня несколько дней тому назад. Когда мы будем дома, — говорил он, накрывая ее своим телом, — я первым делом привяжу тебя крепко-накрепко к постели. А потом буду терзать тебя, беспомощную, до тех пор, пока ты не взмолишься о пощаде... Из недр твоих прольется столько сладких соков любви... О. Зейнаб... — Он медленно вошел в нее. — Ты станешь сладко кричать от счастья!

И он принялся ритмично двигаться, закрыв ладонью ее рот, когда она застонала — он вовсе не желал, чтобы ее услышал кто-нибудь на постоялом дворе. Она куснула его ладонь, и тут любовный сок хлынул из его чресел, перетекая в ее лоно...

После он обнимал ее и лениво слушал, что происходит снаружи — вокруг каравана уже начиналась утренняя суeta.

— Мы с тобою будем начинать так каждый день, — шутливо сказал он. Зейнаб, прильнув к нему, рассмеялась.

— Я с нетерпением жду возвращения в Кордову, мой господин, — призналась она. — Теперь я поняла, что тебе по нраву забавы, и мы всласть наиграемся...

На третий день путешествия они достигли Танджи. Город не произвел на Зейнаб сильного впечатления — низенькие домики лепились друг к дружке, а улочки — нет, не улочки, а какие-то дорожки замысловато переплетались вокруг них. Время здесь, казалось, остановилось — все оставалось неизменным со времен расцвета Римской империи. Городок располагался на прелестном побережье пролива Джабал-Тарак. На другом берегу видны были величественные скалы, поднимающиеся из морских пучин. Зрелище было просто потрясающее!

Нази и его свиту гостеприимно встретил правитель города и самолично препроводил в свой небольшой дворец.

Утром следующего дня они пересекли пролив — и ступили наконец на благословенную землю Аль-Андалус. Выстроившись в положенном порядке, караван направился к устью Гвадалквивира, где их уже поджидал корабль. Взойдя на него, они поплыли вверх по реке по направлению к Кордове.

Зейнаб не пожелала делать остановку в Севилье. Она горела нетерпением увидеть поскорее ребенка... Заслышав издали приближение каравана, из дома выскочил Наджа.

Его черные глаза были полны слез.

— О-о-о, госпожа! — воскликнул он. — Принцесса мертва!

Ноги Зейнаб словно подкосились — и она упала на том самом месте, где застигли ее слова Наджи. Когда она пришла в себя, чему весьма сопротивлялась, ибо сердце ее, и без того переполненное болью, большего вынести было не в силах, она была уже в своих покоех. Она простонала и смежила веки, но голос Хасдая вернул ее к действительности.

— Нет, Зейнаб, не спеши отступать! — властно приказал он. — Ты должна встретить это горе и быть столь же сильной, как тогда, когда на твоих глазах погибла Инн-га! Открой глаза и посмотри на меня, Зейнаб!

— Скажи, что Наджа солгал! — взмолилась она. — Скажи, что мне только послышалось... Где Мораима? Дайте мне мое дитя!

— Мораима мертва, — тихо произнес он. — И Абра также...

— Как это случилось? — зарыдала Зейнаб. — Как?

— В Кордове разразилась эпидемия сыпного тифа. В это самое время Абра повезла Мораиму на свидание с отцом. После она решила остаться с девочкой у родичей в еврейском квартале — уже смеркалось. Вне всяких сомнений, обе подхватили заразу именно там, хотя в доме ее родни больных на тот момент не было. Через несколько дней у обеих появились первые симптомы. Слуги разбежались. Калиф приказал своим сакалибам воротиться в Мадинат-аль-Захра, дабы они все не слегли. Только Наджа и твоя повариха Аида оставались с больными Аброй и принцессой. К счастью, ни евнух, ни негрятка не захворали. Мораима и Абра скончались с разницей в каких-нибудь пару часов, моя дорогая...

— Где она? — плакала Зейнаб. — Где моя детка?

— По приказу калифа и принцесса и Абра захоронены здесь, в твоём саду, — отвечал Хасдай. — В доме день и ночь Курили благовония, смешанные с целебными травами, — заразы можно не опасаться. А все вещи, принадлежавшие Абре и Мораиме, сожжены. Слуги пойманы и примерно наказаны. Всех их продадут на невольничьем рынке. Калиф уже прислал новых...

— Неважно... — устало проговорила Зейнаб. Теперь ничто уже не имело значения. Она уехала с Хасдаем, хотя ей и не следовало ездить, а ее девочка умерла, и мамы не было рядом с ее постелькой... Что же она за мать — оставила дитя и отправилась путешествовать с любовником! Она

чудовище! Зейнаб не переставала содрогаться от рыданий. Все ухищрения Хасдая оказались бессильны — ее горе и чувство вины были чересчур глубоки. Наконец, придя в отчаяние, Нази дал ей сонного зелья, чтобы она хотя бы отдохнула и набралась сил. Оставив спящую на попечение Наджи, Хасдай отправился в Мадинат-аль-Захра, чтобы лично отрапортовать калифу о положении дел в Малине.

— Ты великолепно справился с порученным делом, Хасдай, — выслушав его, сказал калиф. — Я восхищен мужеством Зейнаб в плену у Али Хассана, а также во время созерцания пыток и казни злодеев. С этой стороны я никогда ее не знал и представить себе не мог, что она... — Он запнулся, а потом спросил. — Что с нею сейчас? Известие о смерти Мораимы, должно быть, глубоко потрясло ее... С нею все в порядке?

— Она в глубоком шоке, мой господин, и совершенно опустошена. Перед тем как отправляться сюда, я дал ей сонного порошка — иными средствами прекратить ее рыдания я был не в силах. С нею Наджа. Больше у нее никого не осталось. Оказалось, что Ома и Аллаэдин-бен-Омар, визирь принца, долгое время любят друг друга. Он даже хотел жениться на девушке еще до того, как тебе преподнесли в дар Зейнаб. Когда же они вновь встретились, то оказалось, что обоюдная их страсть не угасла. И Зейнаб настояла, чтобы Ома стала его женой. Она даровала своей служанке свободу. А именно Омы ей сейчас и не хватает...

— Нельзя ли тотчас же послать за этой женщиной? — с заботой в голосе спросил Абд-аль-Рахман.

— Ома уже в тягости, мой господин. А женщине в ее положении неразумно пускаться в столь дальнюю дорогу, да еще и скорбеть вместе с госпожой... — отвечал Нази. — Я обшарю все невольничьи рынки Аль-Андалус и найду невольницу из Аллоа. Она займет место Омы при госпоже. Это самое разумное, что в наших силах.

Зейнаб же это ничуть не волновало. Впрочем, как и все остальное... Она впала в глубочайшую депрессию, из которой, казалось, не было выхода. В доме не оставалось ничего — ни единой мелочи, хоть как-то связанной с памятью о ее драгоценной утрате. Зейнаб все время силилась припомнить прелестное личико Мораимы — но милый облик все ускользал... Она не могла есть. Она почти не спала. Жизнь утратила для нее всякий смысл. А что ей оставалось в этой жизни? Ее любовник не желал иметь потомства. Хотя он прекрасно к ней относился, но ведь не любил же ее — как и она его... Она погружалась все глубже во мрак.

Хасдай же вновь с головой ушел в перевод пресловутого трактата «Де Материя Медика». Он не замечал апатии и тоски Зейнаб. Переводчик-грек,

посланный императором Византии из Константинополя, за время отсутствия Хасдая трудился не покладая рук. На рабочем столе Нази высилась колоссальная стопка листов латинского текста. Хасдаю же предстояло срочно перевести все это на арабский... Он почти не бывал дома, но Зейнаб и не жаловалась.

Нази не осознавал, насколько серьезным стало положение, покуда Наджа не заговорил с ним напрямик.

— Она умирает, мой господин, — сказал он в отчаянии. — Она медленно угасает, вянет, словно роза на исходе лета... Не дай ей умереть, господин! Помоги ей, умоляю! — Черные глаза юноши блеснули от слез.

— Чем я могу помочь ей? — спросил Нази.

— Дай ей дитя, господин! Позволь вновь родить! Пусть она никогда не забудет своей маленькой дочери, но новый малыш воскресил бы ее, дал бы желание жить! Теперь же у нее ничего нет, мой господин... Ты у нее совсем не бываешь. Омы здесь нет больше. У нее совсем никого и ничего не осталось.., ну, по крайней мере, она так искренне считает. Она не играет больше на ребеке, не поет... Разве ты ничего не замечаешь?

Нет, Хасдай ничего не замечал. Работа поглотила его целиком, без остатка. Он ведь прежде всего преданный, и верный слуга калифа, а потом уже все остальное... Государственную службу он ставил превыше всего. И все же он не может позволить Зейнаб умереть!

Вдруг ему почудилось, будто он знает, как можно ее спасти. Он направился тотчас же напрямик к калифу и рассказал ему все без утайки об отчаянном положении Зейнаб.

— Что же в нашей власти? — Абд-аль-Рахман был глубоко опечален. В глубине его сердца все еще живо было чувство к прекрасной Рабыне Страсти...

— Я — негодный хозяин для Зейнаб, мой господин, — сказал Хасдай. — У меня на первом месте было и всегда останется преданное служение тебе. У Зейнаб никогда не будет от меня детей, а именно это ей сейчас более всего нужно. Мораима навеки останется в ее сердце, но ей необходимо вновь родить, чтобы любить и лелеять малютку. Я хотел бы отдать ее новому хозяину, но прежде должен испросить твоего высочайшего позволения. Я знаю, что по закону Зейнаб принадлежит мне, но мы оба знаем, как случилось так, что она стала моей... И прежде, чем вручить ее другому, я хотел бы знать твое мнение, мой добрый повелитель.

— Кто? — односложно спросил калиф. Сердце его дрогнуло и Сжалось.

— Я хочу отдать ее в невесты Кариму-аль-Малике, — сказал Нази.

— Почему? — отрывисто бросил Абд-аль-Рахман.

— Тому есть несколько причин, мой господин. Во-первых, князь утверждает, что больше никогда не женится, и, соответственно, детей у него не будет. Он сообщил мне, что объявит своим наследником маленького племянника Малика-ибн-Ахмеда. Я не считаю, что это подходящее решение — это не на пользу Калифату. Ведь семейство ибн-Малик — исконные наследники правителей умайядов с мощной династической традицией. Этому роду уже более двухсот лет! А дед и бабка Малика-ибн-Ахмеда, которые сейчас занимаются его воспитанием, хоть и хорошие люди, но — увы — не имеют отношения к династии. Мальчик не сможет потом стать добрым правителем. Когда же я напрямую спросил Карима, почему он не желает вновь жениться, он был со мною предельно честен. Сказал, что страстно любил когда-то, но не смог соединиться с избранницей своего сердца. Добавил, что на собственном опыте понял, что брак без любви — проклятие. Я думаю, что Зейнаб и есть та самая женщина, которую он полюбил раз и на всю жизнь. И склонен полагать, что она отвечает ему взаимностью.

— Она однажды обмолвилась мне, что любила кого-то прежде, чем стала моей... — калиф призадумался. — А скажи-ка мне, Хасдай, что заставляет тебя предположить, что Зейнаб любит именно князя Малики?

— Но, мой господин, кто же это еще мог быть? На родине у нее не осталось возлюбленного. К тому времени, как она попала к торговцу Доналу Раю, она дважды была изнасилована сущими ублюдками. Затем Донал Рай поручил ее заботам Учителя Страсти, дабы вышколить наилучшим образом для тебя, мой повелитель. Думаю, тогда они и полюбили друг друга, но ни один из них не повел себя бесчестно! У нас, евреев, есть поговорка, мой господин: «Человек предполагает, а Бог располагает». Карим-аль-Малика обучал Зейнаб так, как велел ему его долг. Затем он привез ее тебе, как и было ему приказано, но, полагаю я, сердце его разрывалось на части, когда он отдавал ее... Зейнаб же прекрасно понимала, чем обязана она Доналу Раю — ведь он предоставил ей возможность сделать блестящую карьеру, а мог ведь продать какому-нибудь придурку с толстой мошной... Как очень умная женщина, Зейнаб положила конец тому, у чего не было будущего, но глубоко в ее сердце еще живет любовь к Кариму-аль-Малике. Теперь же, мой господин, они оба глубоко ранены — Судьба обошлась с ними безжалостно. Зейнаб сознательно не желает жить. Если мы ничего не предпримем, она в конце концов умрет. Мы оба — и ты, и я — многое от нее получили... Полагаю, мы с тобою в долгу перед нею, а расплатиться можем, лишь послав ее князю в качестве

невесты.

— Я любил ее когда-то... — сказал калиф. — и думал, что она будет со мною до смертного моего часа. Она дала мне счастье... Не просто физическое наслаждение, а именно счастье, просто одним своим существованием. Любишь ли ты ее, Хасдай?

— Не так, как ты ее любил, мой господин, — отвечал калифу Нази. — Для такой любви нет места в моей жизни. Если бы такое стряслось со мною, я женился бы и народил кучу потомков дома ибн-Шапрут на радость моему отцу... Но лишь две всепожирающих страсти владеют мною — это наука, а еще преданная служба тебе, мой государь. Зейнаб же — близкий и дорогой мой друг. Она одарила меня величайшим телесным блаженством. Я не знал никого подобного ей... Если она исчезнет из моей жизни, я стану тосковать, но быстро утешусь, занявшись каким-нибудь государственным делом. При этом я буду уверен, что она уехала к человеку, который будет боготворить ее, которому народит она детей... Она слишком умна, чтобы сидеть сложа руки. Ей необходим муж, которому она будет доброй подругой и советчицей, и малыши, да не один...

— Тогда отошли ее Кариму-аль-Малике, — спокойно сказал калиф.

— Нет, господин. Я лишь подарю ей свободу. Но отослать ее к князю должен ты. Карим-аль-Малика не посмеет отказаться от невесты, посланной ему самим Абдаль-Рахманом. Позволь мне лишь составить от твоего имени письмо князю. Я напишу, что, следуя моим рекомендациям, ты посылаешь ему достойнейшую невесту, дабы династия ибн-Маликов, основателей Малики, не прервалась, и во славу всех умайядов.., ну, что-нибудь в этом роде... — Хасдай усмехнулся. — Князь будет в полнейшей растерянности, пока не поймет, кого ты ему прислал!

— Отпиши ему также, — ответил калиф, — что, к женщине этой следует относиться с величайшим почтением и добротой, что она в случае чего мне пожалуется... — он улыбнулся. — Ты должен дать за нею достойное приданое — ведь на данный момент женщина принадлежит тебе.

Нази понимающе улыбнулся своему владыке:

— У нее будет приданое, достойное принцессы! — пообещал он.

Нази вполне мог позволить себе такую щедрость. Он был весьма и весьма состоятелен, а Абд-аль-Рахман будет великодушен к преданному своему слуге... Он ничего на этом не потеряет, а, напротив, многое выиграет, выказав щедрость.

Уладив дело с калифом, Хасдай-ибн-Шапрут тотчас же принялся воплощать свой замысел в жизнь. Нельзя было попусту терять времени.

Письмо было спешно составлено, калиф поставил свою подпись, а утром следующего дня в Алькасабу Малику уже мчался гонец...

Тотчас же люди Нази принялись прочесывать невольничьи рынки Аль-Андалус. Через пару дней отыскалась-таки девушка, по всей вероятности, родом из Аллоа. Она спешно препровождена была в дом Зейнаб.

Хасдай пробудил Рабыню Страсти от ее летаргического сна:

— Я нашел для тебя прислужницу, которую ты просила, моя дорогая, по, поскольку она говорит на языке, которого ни один из здешних людей не понимает, уверенности у меня нет... Поговори с нею, может быть, ты сможешь с нею объясниться. Если она тебе подойдет, я тотчас же уплачу за нее.

Зейнаб посмотрела на девушку. Не красавица — веснушчатая, с волосами морковного цвета, но с умными, хотя и несколько испуганными янтарными глазами. Как оказалось здесь это бедное создание? Зейнаб вспомнила, как сама впервые очутилась в Аль-Андалус, и в сердце ее шевельнулась жалость.

— Ты родом из Аллоа, моя милая? — спросила она девушку. Глаза рыжей невольницы расширились.

— Благословен ты, Боже Всемогущий, и ты, Пресвятая Дева! — воскликнула она и рухнула к ногам Зейнаб. — Да, леди! Да, я из Аллоа! Но как ты об этом узнала? Твое наречие не вполне схоже с моим, но я понимаю тебя, прекрасно понимаю! И могу надеяться, что ты тоже понимаешь меня. Ты будто северянка...

— Когда-то я звалась Риган Мак-Дуфф, — сказала Зейнаб. — Вот этот влиятельный господин, мой хозяин, хочет купить тебя мне в прислужницы. Теперь имя мое Зейнаб — и я Рабыня Страсти. А как тебя зовут, милая?

— Маргарет, леди. А другого..., другого имени у меня нет.

— Отныне ты должна откликаться на имя Раби, моя милая, — объявила ей Зейнаб. — И ты должна овладеть языком, на котором все говорят здесь, хотя мы с тобою будем каждый день говорить на родном наречии. Замечательно, когда есть возможность переговорить тайно, будучи уверенными, что никто нас не поймет. Со мною тебе будет покойно, маленькая Раби. Я добрая хозяйка.

Раби поцеловала край одежды Зейнаб:

— Да благословит тебя Бог, леди!

— Вот этот смуглый юноша носит имя Наджа, — сказала Зейнаб. — Сейчас ты пойдешь с ним. Он проводит тебя в баню — тебе необходимо вымыться. Мы все здесь купаемся дважды в день, милая. Наджа тебе поможет. Не бойся! Он не вполне мужчина и не обидит тебя. Ну, я потом

тебе объясню... — и Зейнаб принялась отдавать подробные распоряжения Надже.

Когда Наджа и Раби удалились, Хасдай спросил:

— Ну, ты довольна?

— Если меня не станет, позаботься о бедняжке, — сказала ему Зейнаб. И без сил откинулась на подушки.

— Нет, я не дам тебе умереть, — ласково сказал Нази. Сегодня я, заручившись разрешением калифа, освобождаю тебя. Ты должна быстро восстановить силы — ведь через несколько дней ты возвратишься в Алькасабу Малину в качестве невесты князя Карима, Зейнаб.

— Что? — пораженная Зейнаб даже привстала. Сердце ее заколотилось. Нет, она ослышалась...

— Ты давно любишь Карима-аль-Малину? — напрямик спросил Хасдай.

Она собралась было солгать, но слова застряли у нее в горле, когда она увидела глаза Нази.

— Как ты узнал? — тихо спросила она. Он нежно улыбнулся ей:

— Ты ни разу ничем себя не выдала, Зейнаб. Ты воистину самая лучшая Рабыня Страсти во всем свете! Это князь возбудил мои подозрения...

— Карим? Но как? Он никогда бы не запятнал так свою честь! — горой встала она на его защиту. — Он всегда был и остается человеком чести, Хасдай!

— И это я знаю, — согласился Нази. — Это случилось в тот день, когда мы прибыли с тобою в Алькасабу Малику. Я лишь упомянул твое имя, сказал, что ты приехала со мной. Ослабевший от душевной муки и все еще во власти тягостных воспоминаний, он тем не менее словно впервые проснулся — и даже спросил о тебе, причем со столь очевидным интересом, что я заподозрил тут нечто большее, нежели простое любопытство... Затем я спросил Аллаэдина-бен-Омара, что же было между вами, но тот посоветовал мне поговорить с тобою. Мои подозрения почти превратились в уверенность. Когда же ты была похищена. Карим то бледнел от ужаса, то горячо принимался уверять меня, что ты не пропадешь, потому что умна и смела. В течение всего времени, что мы разыскивали в горах становище Али Хассана, его сердце и мысли были полны тобой, моя дорогая... Взглядывая ему в глаза, я видел в его зрачках твое отражение. Последнее же доказательство его любви к тебе я получил ночью перед самым нашим отъездом из Алькасабы Малики. Прости — но я стал свидетелем сцены, произошедшей между вами в саду.

— Я вышла из спальни вовсе не к нему на свидание! — вспыхнула Зейнаб. — Мне не спалось, захотелось прогуляться. Я и не знала, что Карим там...

— Я это понял, — сказал Нази и сердечно рассмеялся:

— Я не слышал вашего разговора, но звук пощечины, которой ты его угостила, слышен был, наверное, за стенами сада! Но вот потом он поцеловал тебя. Зейнаб, а ты не вырывалась... Ты таяла, словно воск от пламени свечи, в его объятиях — так путник припадает к родной земле после долгой разлуки... Вот тогда-то я и понял, что не только Карим-аль-Малика любит тебя, но и ты любишь его. Сцена была столь красноречива и трагична, что у меня сердце разрывалось от жалости к вам обоим!

— Я не изменила тебе, Хасдай. Не предала тебя...

— Я знаю это, моя дорогая, — отвечал он. — Вы оба являетесь образчиками столь высокого благородства и чистоты, что, если бы мне не было предъявлено осязательное доказательство, я не поверил бы в существование на нашей грешной земле подобной добродетели! Похоже, я стал несколько циничен при просвещенном дворе калифа Аль-Андалус, Зейнаб... Столь элементарная вещь, как простая честность, изумляет меня несказанно... — Он нежно завладел рукой Зейнаб и принялся массировать ледяные пальцы. Неудивительно, что руки ее похолодели, профессионально отметил он, — только что она испытала шок... — Я говорил тебе, Зейнаб, что не позволю тебе вот так взять — и перестать жить. И, поверь, сдержу свое слово! Если бы, вернувшись в Кордову, я увидел, что жизнь идет своим чередом и все в порядке, я согласился бы оставить все как есть — ведь, признаюсь тебе честно, мне нравится не только твое тело, но и просто твое общество... Ты для меня незаменимая подруга. Увы, Судьба распорядилась иначе... К моему искреннему сожалению, я не могу дать тебе того, в чем ты нуждаешься, Зейнаб. Я осознал, что Мораиму ты не забудешь, но нуждаешься в доме, детях и любящем муже, а в качестве такового я не могу тебе себя предложить... Никто, думаю, лучше тебя не знает, чему отдано без остатка мое сердце. — Когда он увидел улыбку на ее бледных губах, в сердце его возгорелся огонек надежды. — За то время, что я отсутствовал, скопилась куча работы. Чем быстрее я с нею справлюсь, тем скорее осуществится давняя моя мечта — откроется университет медицины в Кордове. У меня нет времени утешать тебя в твоем горе, а если бы оно и было, что я мог дать тебе? Ома замужем и вдали от тебя. Дитя твоего нет в живых. Законы нашего общества неумолимы к женщине — правила приличия обязывают тебя затвориться в доме и предаваться праздности, ожидая редких визитов вымотанного службой царедворца. Ни

я, ни калиф не желаем такой жизни женщине, одарившей нас обоих неземным блаженством и истинным счастьем. Поскольку ты любишь князя Малики, и он любит тебя, решение было найдено невероятно легко. Ты уже свободная женщина, Зейнаб: я посетил главного раввина Кордовы нынче поутру и подписал в его присутствии все необходимые бумаги, составленные моим секретарем. Поскольку я еврей, а ты была моей собственностью, процедура твоего освобождения была совершена по нашим законам. Калиф уже отослал письмо князю Малики с уведомлением, что избрал для него достойную невесту, которая вскоре прибудет к нему. Я даю за тобою богатое приданое, моя дорогая. Ну, а теперь.., теперь живи вновь, Зейнаб, — дыши, радуйся и смейся: ты будешь жить долго и счастливо, как говорится в добрых детских сказках...

Она сидела, оцепенев, ловя каждое его слово... Когда же он умолк, голова Зейнаб пошла кругом. Карим! Она станет женою Карима! Это невозможно! Невероятно! И, приведя Хасдая-ибн-Шапрута в совершеннейшее замешательство, Зейнаб разразилась потоком слез.

— Что случилось? — воскликнул он.

— Я.., я так счастлива... — всхлипывая, отвечала она.

— А-а-а-а... — протянул он. Ему приходилось видеть, как мать его и сестры принимались рыдать в самые, по его мнению, неподходящие моменты... — Так ты согласна с выбором калифа и моим, дорогая?

— Да! Да! Да! О-о-о, Хасдай, как смогу я отблагодарить тебя за неземную твою, бескорыстную доброту? Вовек мне с тобою не расплатиться, но никогда, никогда я не забуду того, что ты сейчас для меня сделал! И никогда не забуду я того страшного мгновения, когда, воротившись сюда, я обнаружила, что доченька моя мертва и похоронена и ничего не осталось в доме, что напоминало бы о ней... О, я умерла бы... И по моей Оме я тоскую сильнее, чем предполагала, хотя и счастлива, что у нее все так удачно сложилось. Я привыкла всегда глядеть вперед, не оглядываясь на прошлое, но передо мною простиралась лишь нескончаемая вереница одиноких лет. Ну, может, твои редкие визиты скрашивали бы мое одиночество... Но этого для меня мало, мало, Хасдай! И я готова ноги твои целовать за то, что ты это понял...

— Ну-ну, не делай ты из меня героя! Я вовсе не таков, Зейнаб! Я эгоист, совершенно поглощенный своей работой, и, если бы дитя твое осталось в живых, я ни за что не отпустил бы тебя. Ты научила бы меня еще многому и многому, подарила бы мне еще множество сладких минут... Никому, кроме тебя, это ведь не под силу. Я буду тосковать по тебе.., и по этому блаженству, — закончил он с улыбкой.

— О, если бы ты позволил, я подыскала бы тебе красавицу-рабыню и обучила бы ее всему, что я сама...

— Нет, — перебил ее Хасдай. — Какой бы искусницей она ни была, ей не стать тобою, Зейнаб! Помни: ты ведь не обычная наложница. Ты Рабыня Страсти, создание чувственное и мудрое, и равных тебе нет среди женщин!

— Но ты не должен вновь стать таким, каким был до того, как нас свела Судьба! — решительно отвечала Зейнаб. — Ты не должен позволить любовным сокам забродить в твоих чреслах! Это нанесет тебе вред, Хасдай!

— Благодаря тебе я теперь вполне искушен в любви, моя дорогая, — усмехнулся Хасдай. — И мне не стыдно будет время от времени наносить визиты самым искушенным куртизанкам Кордовы, когда возникнет необходимость.

— Не реже раза в неделю, а еще лучше — дважды, — серьезно отвечала она.

— Когда будет время, — возразил он.

— Что значит, в сущности, «никогда»... — подытожила она. — Нет, это никуда не годится! Нет, кто-то должен быть здесь, в твоём доме, Хасдай, — всегда к твоим услугам. Иначе ничего не выйдет. Ну, если ты наотрез отказываешься от другой рабыни, то, может быть, ты смог бы сговориться с какой-нибудь молодой куртизанкой, чтобы она приходила сюда два раза на неделе?

— Но этот дом принадлежит тебе... — возразил Хасдай.

— Я тебе его дарю, — улыбнулась Зейнаб. — Ведь ты предпочитаешь жить вне еврейского квартала, а этот домик стоит как раз на отшибе. Здесь ты сможешь вкусить желанного уединения. Тут можно и работать, и развлекаться, и никто не помешает тебе, мой господин. Тебе надо будет завести собственную повариху — ведь я собираюсь увезти Аиду с собой... Нет! Я сама подберу искусную кухарку! Если это предоставить тебе, то ты будешь откладывать до бесконечности... Нет, я должна до отъезда убедиться, что все твои дела улажены, Хасдай! — теперь она говорила без умолку, пребывая в состоянии крайнего возбуждения.

— Ты рассуждаешь в точности, как моя мать, — рассмеялся Хасдай. — Недаром я говорил калифу, что ты рождена для того, чтобы стать женой и матерью! Счастлив видеть, что не ошибся!

Зейнаб и впрямь словно воскресла. Она отослала Наджу к верховному раввину в еврейский квартал с вежливой просьбой порекомендовать какую-нибудь уважаемую старую деву или же вдовицу в качестве экономки и поварихи в дом порядочного иудея. Спустя короткое время Наджа

воротился в сопровождении высокой худощавой женщины, которая представилась как Мариам Га-Леви. С нею был мальчик лет десяти, ее единственный внук.

— У него нет никого, кроме меня, госпожа, — объяснила Мариам Га-Леви. — Позволено ли ему будет жить тут?

— Разумеется, — отвечала Зейнаб. — Мальчику будет хорошо здесь. Но ты должна приступить к своим обязанностям не мешкая, предвижу, что ты камня на камне не оставишь от порядка, заведенного моею Аидой. Ты ведь станешь готовить по-своему, правда? Если ты не обоснуешься тут прочно до моего отъезда, то мой господин останется в затруднительном положении.

— Я все поняла, госпожа, — отвечала Мариам Га-Леви. Мужчины частенько оказываются беспомощны, когда дело доходит до домашнего хозяйства. Вот поэтому-то Господь и создал женщин! А что — хозяин дома станет жить здесь в одиночестве?

— Да, — отвечала Зейнаб. — Хотя время от времени к нему будут наведываться гости. Опасаюсь, что он не всегда будет приходить вовремя обедать — он может забыться и поест где придется. Тебе нелегко будет служить ему, Мариам, но он добрый человек. Он почти полностью поглощен своей работой. Но учти; отныне по средам и воскресеньям его станет навещать молодая куртизанка из города. Он может позабыть об этом и сильно припоздниться — или вообще не прийти. Твое дело проследить, чтобы молодая женщина была сыта невзирая ни на что...

— Куртизанка?! — Мариам Га-Леви была глубоко шокирована. — Да уж порядочный ли это дом, госпожа? Ребе ни словом не обмолвился о каких-то куртизанках... Кому принадлежит этот дом? Нет, я не могу позволить единственному внуку жить в доме с дурной репутацией!

— Дом этот принадлежит мне, а я Зейнаб, Рабыня Страсти, прежде бывшая любимой наложницей нашего владыки Абд-аль-Рахмана. Наша с ним дочь похоронена здесь, в саду. Теперь же я уезжаю в королевство Малика, что в Ифрикии, чтобы стать женою тамошнего князя. Я дарю этот дом своему другу Нази Хасдаю-ибн-Шапруту. Твоим хозяином будет он. Не беспокойся, Мариам Га-Леви: ты найдешь его достаточно респектабельным. Но, как и всякий неженатый мужчина, он должен удовлетворять некоторые свои естественные надобности... Мой евнук Наджа специально посетил Улицу Куртизанок и лично выбрал прелестную молодую женщину, а его выбору я вполне доверяю. Если бы я предоставила это самому Нази, он стеснялся бы до бесконечности, — заключила Зейнаб.

— Женился бы лучше на порядочной! — фыркнула Мариам.

— Ни одна женщина с ним не уживется! — расхохоталась Зейнаб. — Он повенчан со своей работой и долгом! Ну, об этом он сам тебе подробно расскажет.

— Ладно, — неохотно согласилась Мариам. — И вправду, с таким человеком надобно нянчиться как с малым дитятей... Нази прославился своей честностью и благородством. Он будет добрым хозяином. — Она уже прикидывала, как станет козырять перед кумушками в еврейском квартале своим статусом домоправительницы и поварихи самого Хасдая-ибн-Шапрута. — А сколько здесь еще слуг?

— Еще одна кухарка тебе в помощь, две рабыни-уборщицы, конюший и садовник, — отвечала Зейнаб. — Дом невелик, а потребности хозяина весьма умеренны. Лишние слуги были бы непозволительной роскошью.

Мариам Га-Леви согласно кивнула.

— Да, можно не беспокоиться, что если хозяин не явится к ужину, то еда пропадет, — практично заметила она.

— Наджа проводит тебя в твою комнату, Мариам Га-Леви. Когда хозяин заговорит с тобою, скажи, что согласна служить ему за четыре золотых динара в месяц и что к тому же питаться и жить с внуком вы будете здесь.

В глазах Зейнаб плясали золотые огоньки.

— Четыре динара! Это чересчур щедрая плата, госпожа! — с присущей ей от природы честностью запротестовала Мариам.

— Нази вполне может себе это позволить, — сказала Зейнаб. — К тому же ты сполна отработаешь эти деньги. Твой господин честен и благороден, но кое в чем невыносим. И потом, тебе предстоит заботиться о мальчике, Мариам Га-Леви! Ему необходимо дать образование. А золото ему потребуется для того, чтобы в один прекрасный день открыть свое дело и стать достойным богатой невесты... Так ведь? А я попрошу тебя лишь об одном одолжении, Мариам. Пожалуйста, клади каждый день свежие цветы на могилу моей дочери! Она покоится здесь, в саду, в объятиях своей нянюшки Абры, твоей соотечественницы. Они недавно умерли от сыпного тифа. Это единственное, что оставляю я здесь...

Мариам Га-Леви была глубоко тронута просьбой Зейнаб. Да, эта женщина — добрая мать...

— Я выполню твой завет, моя госпожа. Верь мне, — пообещала она. — А как звали твою дочь?

— Принцессу звали Мораимой. — Голос Зейнаб прервался, а на глаза навернулись слезы — она все еще не в силах была выговорить имя дочери,

при этом не расплакавшись... Да, Зейнаб уже понимала, что Мораима скончалась бы так или иначе, но все еще терзалась виною за то, что не была в этот тяжелый момент рядом с ребенком...

— Я провожу Мариам Га-Леви на кухню, — вовремя вмешался Наджа. — К тому же ей надо осмотреть ее комнаты, госпожа. И, поманив Мариам пальцем, Наджа поспешил прочь, давая госпоже возможность овладеть собою.

— Она любила свое дитя... — понимающе кивнула Мариам Га-Леви.

— Мы все любили маленькую госпожу Мораиму, — тихо промолвил Наджа.

Гардероб невесты положено было обновить полностью. А поскольку Зейнаб взяла на себя заботы об устройстве хозяйства Нази и прочих его нуждах, то Хасдай в свою очередь озаботился приданым невесты: он и оплачивал расходы, и подыскивал искусных портних. Вскоре мастерицы прибыли в дом, куда навезли уже уйму роскошных и ярких тканей. Надобно былошить множество сорочек, панталон, кафтанов, накидок, покрывал, и Бог еще знает чего... Каждая вещь заботливо и искусно расшивалась серебром и золотом, отделялась бесценными геммами. Теплые зимние одежды простегивались или подбивались драгоценными мехами. Приезжал дамский башмачник, чтобы снять мерку с изящной ножки Зейнаб — ведь молодая женщина, которой вскоре предстояло стать супругой князя Малики, должна была быть изысканно обута! Работа кипела вовсю — и вот уже через полмесяца все было готово.

Хасдай сделал Зейнаб свадебный подарок — дивное кольцо, усыпанное бриллиантами и чистейшей воды сапфирами:

— Я ведь до сих пор ничего тебе не дарил... Мне бы это и в голову не пришло, не спроси меня сам калиф о том, что я подарю тебе на свадьбу...

Зейнаб была потрясена его щедростью:

— Я не знаю, что и сказать, господин мой... Это дивный подарок!

— Абд-аль-Рахман тоже прислал что-то для тебя. — И Хасдай вручил Зейнаб небольшой бархатный мешочек.

Развязав его, Зейнаб высыпала содержимое себе на ладонь — и ослеплена была блеском и сиянием сказочных самоцветов. У нее перехватило дыхание — это было целое состояние!

— Поблагодари его от моего имени, но передай ему вот еще что... Что самый желанный дар для меня был тот, о котором я единственный раз просила его... Скажи ему, что я скорблю всем сердцем — ведь я не смогла его уберечь...

Некоторое время они молчали. Потом Зейнаб встряхнула золотой

головкой и сказала:

— А ведь и у меня для тебя есть прощальный подарок, Хасдай. Но сперва пойдем и искупаемся вместе.

Новая прислужница Зейнаб — девушка, окрещенная Раби, — одновременно постигала и новый для нее язык, и обычаи... Неизвестно, что было трудней: ломать язык, с трудом выговаривая слова незнакомого наречия или прислуживать в бане обнаженным мужчине и женщине одновременно... Щечки девушки пылали, и жар от раскаленной каменки тут был вовсе ни при чем. Но за короткое время Раби успела уже всем сердцем привязаться к госпоже и готова была сделать для нее все — даже обнажиться, выполняя свои обязанности банщицы, перед посторонним мужчиной.

Раби заранее предвкушала путешествие — Зейнаб уже рассказала девушке о предстоящем браке. Раби пыталась госпожу:

— А что, там, куда мы едем, все тоже в бане голышом ходят, госпожа?

Зейнаб кивнула с озорным блеском в глазах и, повернувшись к Хасдаю, сказала:

— Бедняжка Раби еще совсем дикарка... Наджа с хохотом рассказывал мне, как в первый раз привел ее в баню — она наотрез отказывалась раздеваться! Он в лепешку расшибся, уговаривая ее — ведь она практически не понимает языка! И вот, вконец отчаявшись, он взял да разделся сам... Раби же с визгом выскочила в сад, а бедный Наджа вынужден был одеться и прийти ко мне, умоляя разыскать беглянку и объяснить ей, что так положено и нет в этом «ничего непристойного...

Хасдай от души расхохотался:

— Этот мучительный румянец вовсе ее не красит — да еще эта россыпь веснушек... Думаю, мне следует всеми силами сдерживаться, чтобы не напугать бедняжку до смерти — ну, ты понимаешь, о чем я...

Зейнаб отпустила Раби, и они вдвоем с Хасдаем воротились в спальню. Там изумленный Нази обнаружил дивной красоты юную женщину. Она была совершенно обнажена. Кожа ее, молочно-белая, контрастировала с дивными черными кудрями, а яркие фиалковые глаза так и лучились... Хасдай-ибн-Шапрут ошеломленно уставился на нее — и вдруг ощутил уже знакомое ему волнение крови... Он поглядел на Зейнаб.

Она ответила ему нежной улыбкой.

— Это Нилак. Она персиянка, живет на Улице Куртизанок в городе. Она станет навещать тебя каждую среду и воскресенье. Постарайся не забывать об этом, Хасдай, и не томить девушку одиночеством, — поддразнила его Зейнаб. Затем взяла его за руку:

— Иди сюда, мой господин... Сейчас мы с Нилак подарим тебе минуты блаженства... — Она подвела Нази к постели, и они все втроем улеглись на нее.

— Поцелуй девушку, — велела ему Зейнаб.

К своему собственному удивлению, Нази сам этого жаждал. Он заключил Нилак в свои объятия и губами нашел ее рот. Дыхание девушки было свежим, а поцелуй — опьяняюще-страстным... Тело ее издавало аромат сирени. Разомкнув объятия, он спросил:

— Ты умеешь говорить, Нилак?

— Разумеется, господин мой Хасдай, — рассмеялась она. Смех ее был звонок и заливист, словно журчанье ручейка, бегущего по цветным камушкам, а голос благозвучен и мелодичен. — Я польщена тем, что госпожа Зейнаб выбрала именно меня, чтобы служить тебе...

Нази снова взглянул на Зейнаб, протянул руки и обнял ее. Она медленно потянулась к его губам и нежно поцеловала его. Хасдай вдруг отчетливо осознал, что никогда прежде и не воображал себе, что может оказаться в подобной ситуации... Переводя взгляд с одной красавицы на другую, он честно сказал:

— Я потрясен, милые мои, но понятия не имею, что делать дальше... У меня всего лишь пара рук, да вот еще губы, ну и...

Женщины звонко рассмеялись, а Нилак сказала:

— Предоставь все нам, мой господин. Ты вскоре убедишься, что с легкостью ублажишь нас обеих... — Гибким движением скользнув из его объятий, она окутала его облаком своих черных волос и, взяв в рот его член, принялась посасывать...

А тем временем Зейнаб, нежно обхватив голову Хасдая, дразнящим движением проводила язычком по его губам... Губы его раскрылись — и горячие языки переплелись, играя. Одновременно руки мужчины нашли нежную грудь и принялись ее ласкать... Голова Хасдая шла кругом от невероятных ощущений. Зейнаб чуть приподнялась — и пальцы его тотчас же нашли венерин холм, проникли меж потайных губок, стали умело ласкать тайную жемчужину, время от времени погружаясь в горячие недра, имитируя движения члена...

— Вот и готово... — сказала Нилак. И, пока она опускалась на возбужденный член, мало-помалу вбирая его в себя, Зейнаб вытащила из-под головы и плеч Хасдая все подушки. Руки его инстинктивно потянулись к высокой груди Нилак, а Зейнаб тем временем присела на корточки, предоставив все свои сокровища губам и языку Нази. Горячий и искусный язык тотчас же стал порхать взад-вперед по крошечному средоточию

женственности, твердевшему и наливавшемуся прямо у него на глазах. Сердце Нази бешено колотилось. Все чувства его воспламенились. Сознание его время от времени затуманивалось — столь сильны и необычны были эти сладострастные ощущения... Любовный сок извергнулся из его чресел с силой, неведомой прежде... Обе женщины уже стонали и вскрикивали от наслаждения — и вот все трое распростерлись без сил на ложе, сплетясь в единый клубок, истомленные и удовлетворенные...

Когда, наконец, сердце Зейнаб перестало колотиться, словно пойманная птичка в силках, она спросила Нази:

— Так ты согласен, чтобы Нилак навещала тебя, господин мой? — Она нежно улыбнулась Хасдаю.

— Разумеется, я буду счастлив, — страстно воскликнул он, вновь заключил девушку в объятия и поцеловал ее сочные губы. — Ты сегодня подарила мне минуты счастья, Нилак. Я рад буду видеть тебя здесь.., после того как госпожа Зейнаб уедет.

— Благодарю тебя, господин мой, — учтиво и нежно отвечала Нилак. Затем, поднявшись с ложа, она выскользнула из спальни.

— Она вернется? — спросил Нази Зейнаб. — Она совершенно восхитительна — и вместе с тем так непохожа на тебя, Зейнаб! Да, я всячески отнекивался, но теперь сердечно благодарен тебе за то, что ты отыскала мне ее... Уверен, мы проведем с нею немало сладких ночей.

— Нынче она не воротится, мой господин, — отвечала Зейнаб. — Я лишь хотела, чтобы впервые вы с нею встретились в моем присутствии, чтобы ты более не стеснялся незнакомки. Ты был великолепен, господин мой. Я была хорошей наставницей...

А утром, проснувшись, Зейнаб не обнаружила подле себя Хасдая, но на подушке лежал свежесорванный цветок — белая пышная гардения. Зейнаб улыбнулась с нежностью. Какая жалость, что Хасдай не собирается жениться! Он настоящий романтик! Она от всего сердца надеялась, что юная куртизанка Нилак сумеет оценить Нази по достоинству — но, возможно, Хасдай и не раскроется перед Нилак так, как перед нею, Зейнаб, первой женщиной, с которой рука об руку вошел в дивный мир страсти...

Зейнаб увиделась с Хасдаем лишь через двое суток, в день своего отъезда. А предстояло ей проплыть вниз по Гвадалквивиру до самого устья, затем посуху добраться до Джабал-Тарака, пересечь воды пролива и оказаться уже в Ифрикии, где ее должны были со всеми почестями встречать посланные из Малики. Все ее приданое и пожитки были уже погружены на борт корабля, носящего громкое имя» Абд-аль-Рахман «.

Наджа, Аида и Раби были вне себя от волнения, когда приехал Нази с пышным эскортом, дабы препроводить Зейнаб на борт судна. Хасдай-ибн-Шапрут явился во всем блеске — в прекраснейших парчовых одеждах, изукрашенных жемчугом и бриллиантами, а на гордой голове его красовался роскошный тюрбан.

— Нам надо успеть до отлива, госпожа, — почтительно сказал он и помог Зейнаб сесть в крытые носилки.

Когда они добрались до гавани, он лично проводил ее в специально оборудованную для нее каюту.

— Калиф лично посоветовал избрать такой маршрут — море частенько штормит поздней осенью. Корабль отплывет от Джабал-Тарака не ранее, чем установится хорошая погода. Мы оба от всего сердца хотим, чтобы твоей жизни ничто не угрожало, Зейнаб.

— А не было ли ответа от Карима? — любопытствовала она.

Хасдай покачал головой:

— Князь Малики не имеет ни малейшего представления о том, кого великий калиф посылает ему в качестве невесты, Зейнаб. В этом и заключается наша невинная шутка — искренне надеюсь, что ты простишь нас... Зная Карима, я уверен, что он вне себя от злости: ведь не может же он отказаться от невесты, которую посылает ему сам владыка! Воображаю себе, как он будет потрясен, когда увидит ту единственную, которую всем сердцем любит... — Нази притянул к себе Зейнаб и запечатлел на ее челе отеческий поцелуй:

— Да хранит тебя Господь, надзирающий за всеми нами! Да благословит он твое путешествие и твое будущее счастье! Я никогда не забуду тебя, моя дорогая. — Хасдай отступил на шаг и, кинув на Зейнаб прощальный взор, почтительно склонился и вышел из каюты.

Слезы неудержимо заструились из-под век Зейнаб. Он был ее любовником, ее добрым другом... Она будет скучать по нему. И если бы не его необыкновенная пронизательность и столь же поразительная сердечность, не плыла бы она теперь навстречу любимому...» Я никогда не забуду тебя, Хасдай «, — тихо молвила Зейнаб ему вслед. Снаружи слышались крики матросов — они уже отвязывали канат, удерживающий корабль у пристани... Сердце ее вдруг преисполнилось сладким волнением. Она возвращается домой. Домой, в Малику. К своему Кариму!

— Невеста? Калиф шлет мне невесту? — Карим-ибн-Хабиб, князь Малики глядел на своего визиря Аллаэдинабен-Омара беспомощным взором.

— Да, мой господин, — неумолимо отвечал тот. — Калиф пишет

черным по белому, что, по его мнению, тебе следует незамедлительно жениться и продолжить свой славный род — ты ведь последний мужчина из рода ибн-Маликов. Он пишет также, что давняя преданность твоей семье должна быть достойно вознаграждена. Посему он решил самолично избрать для тебя достойную невесту. Она будет здесь примерно через месяц, господин мой.

— Но ведь я ясно сказал Хасдаю-ибн-Шапруту, что не намерен более жениться! — Карим разгневался: он чувствовал, что без вмешательства Хасдая тут не обошлось. — Также припоминаю, что уведомил Нази о том, что наследником моим станет сын покойной сестры. Почему он не передал, моих слов калифу, Аллаэддин?

— Возможно, он и сделал это, мой господин, — отвечал визирь. Он не был уверен, что следует доводить до сведения князя одну маленькую, но важную подробность: хотя письмо и подписано рукою калифа, но запечатано личной печатью Хасдая, а не Абд-аль-Рахмана... Будучи осмотрительным, он предпочел скрыть это от своего друга.

— Я не желаю никакой невесты, Аллаэддин! — сказал князь. — Мне достаточно трагедии с Хатибой! Словно животное, я совокупился с нею и зачал дитя, хотя ни в грош ее не ставил! Я не смогу снова так поступить! Нет, Аллаэддин, нет! — Он был непреклонен, а сапфировые глаза лучились решительностью.

— Ты не можешь оскорбить калифа! — возразил визирь. Он твой владыка. Карим, а ты всего лишь его слуга. — Аллаэддин-бен-Омар отбросил этикет и принялся взывать к здравому смыслу: Карим порою бывал до изумления упрям. — Подожди, по крайности, пока не увидишься с девушкой! Я знаю, что место Зейнаб никто в твоём сердце занять не властен, добрый мой друг, но вдруг этой девушке удастся доказать тебе, что в сердце твоём хватит места и для нее? Только не отталкивай... Карим перебил друга:

— Хочешь сказать, что я обязан принять эту.., эту женщину лишь потому, что ее посылает мне сам калиф Кордовы? Но это вовсе не означает, что я должен с нею спать!

— Ты спятил? — вскричал визирь. — В письме ясно сказано, что невеста твоя пользуется благосклонностью самого калифа Абд-аль-Рахмана! Если ты не станешь относиться к ней.., ну, подобающим образом, она же пожалуется ему!

— Если я ей это позволю. — Карим был неумолим. — Да, она будет жить в гареме, гулять по садику, но выходить никуда не сможет. Кстати, ничего особенного в этом нет — это вовсе не притеснение, а обычный

мавританский обычай. А помощью слуг она не сможет воспользоваться — они убоятся моего гнева, Аллаэддин. Она будет беспомощна...

Да, — Ты и вправду безумец, — отвечал визирь.

— Вовсе нет. Я — князь Малики. И никто не вправе принуждать меня взять в дом жену, а уж тем более обрюхатить ее! Я не племенной жеребец, а девушка, кто бы она ни была, вовсе не кобыла! Я не могу так, Аллаэддин! Да как ты мог такое даже предположить? Ты счастливец — обрел, наконец, свою возлюбленную Ому. Со временем, может, даже подберешь красоточек для своего гарема — но ведь не женился бы ты, прикажи это тебе кто угодно! А я с какой стати должен? Только потому, что я князь? Потому, что род мой в течение двух столетий верно служил владыкам? Нет, эти доводы для меня вовсе не убедительны! И я этого не сделаю. — В голосе Карима звучали стальные нотки, ее красивое лицо было бесстрастно. — Я женюсь на этой женщине, как велит мне мой долг, — но это все, что я сделаю.

А позже, воротившись домой, визирь все выложил жене:

— Он уперся как баран. Ома! Аллах да сжалится над несчастной, которая, волею Судьбы и калифа, должна стать его женой!

— Ты говоришь, что послание запечатано личной печатью лекаря, а не самого Абд-аль-Рахмана. — задумчиво сказала Ома. — Какова роль Нази во всем этом?.. Хасдай-ибн-Шапрут прекрасно знал, что Карим не желает новой жены. И вместе с тем совершенно очевидно, что именно он надоумил калифа послать Кариму девушку в жены. Почему? Что-то я пока ничего не понимаю... Кто эта женщина и с какой целью шлют ее сюда? Ох, помани мое слово, Аллаэддин, здесь все не так просто...

Слова Омы заронили в душу визиря сомнения и волнение, ничего, в сущности, не прояснив... Неужели между калифом и его ближайшим советником существует некий тайный сговор? А если существует, то в чем его суть? А вдруг Хасдай-ибн-Шапрут пришел к выводу, что Карим неспособен править страной, а эта «невеста» — на самом деле просто шпионка Абд-аль-Рахмана? Но визирь держал свои соображения при себе. Пока у него было слишком мало сведений. К тому же явно не следовало подливать масла в огонь — князь и так вне себя от гнева. А долг доброго визиря сопоставить все факты, нащупать нить правды, потянуть за нее, извлечь Истину на свет Божий — и лишь затем преподнести ее господину...

И вот Алькасабы Малики достигло известие, что караван невесты уже в двух днях пути от Джабал-Тарака.

— Ты будешь встречать ее в Тандже? — спросил Карима Аллаэддин-бен-Омар.

— Нет. — Губы Карима чуть тронула усмешка. — Я уезжаю в горы на несколько дней — поохотиться. Остановлюсь в Убежище...

— Это, должно быть, означает, что я должен выехать в Танджу, приветствовать ее от твоего имени и сопровождать до самой Алькасабы Малики? — тревожно спросил визирь.

— Да, — ответил Карим. — Все ли бумаги у нас готовы, дабы совершить это.., этот брак? — Когда визирь утвердительно кивнул, князь объявил:

— Передай их тотчас же имаму, пусть он незамедлительно совершит церемонию. Ежели женщина едет сюда, то, должно быть, она согласна на этот брак. Ты проследишь за всем. Таким образом, когда она прибудет сюда, то будет мне уже не невестой, а женой. Потом запри ее в гареме. А когда я вернусь, то нанесу ей визит и объясню, какой ценою заплатит она за то, что стала супругой князя Малики!

— Карим, умоляю тебя, сжался над этой несчастной! — взмолился Аллаэддин. — Помни: она всего лишь слабая женщина! Она — пешка в руках калифа. Это, должно быть, какая-нибудь смазливая бедняжка, попавшая в гарем владыки, или же дочка какого-нибудь вельможи, жаждущего благосклонности Абд-аль-Рахмана... Она покорна чужой воле — у нее просто-напросто нет выбора! Не будь с нею жесток!

— Я не жесток, Аллаэддин. Да полно, разве ты ничего не понял? Снова начинается пытка... Женщину, которую я не знаю, да и не хочу знать, навязывают мне в жены. Как могу я любить ее, если мое сердце до краев полно одной-единственной, имя которой Зейнаб? Любое воспоминание о ней причиняет мне неопишемую боль... Я люблю ее. И буду любить всегда. Для меня более не существует женщин. И хочешь сказать, что ты этого не понимаешь, старый мой дружище? Ты ведь не желал никого, кроме Омы... Аллаэддин-бен-Омар глубоко вздохнул:

— Это святая правда. Карим... Но если бы Аллах не возвратил мне возлюбленную мою Ому — я нашел бы в себе силы взять в дом жену. Пусть я не любил бы ее так, как Ому, но есть ведь еще и долг перед старым моим отцом, перед всем моим родом... Мы с тобою давние друзья, Карим-аль-Малика, — посему говорить я с тобою буду предельно откровенно. Ты — последний мужчина в роду. Твой долг — зачать сыновей, а долг твоей будущей жены — их родить, дабы не прервался славный род ибн-Маликов. Жизнь сыграла с тобою злую шутку — это правда. Судьба навек разлучила тебя с твоей единственной любовью. А подумал ты о Зейнаб? Разве она не страдает? И все же она, слабая женщина, свято исполнила свой долг — вначале с калифом, а затем с Хасдаем-ибн-Шапрутом. Любил ли ее Абд-

аль-Рахман так, как ты? А любит ли ее Хасдай? Зейнаб же не рыдает, словно малое дитя, у которого отняли любимую игрушку. Она делает то, что велит ее чувство долга, — так же должен поступить и ты, князь. — В голосе визиря уже звучала злость. — Пора бы тебе перестать жалеть самого себя и начать выполнять завет покойного родителя. Веди себя как истинный князь Малики!

Карим глядел на друга, изумленный жестокой правотою его слов.

— Просто все произошло чересчур быстро... — безнадежно бросил он. — Я еще не готов к новому браку Визирь согласно кивнул:

— Я поприветствую невесту от твоего имени, господин мой, а ты тем временем побудь в Убежище, и.., да снизойдет желанный покой на твою душу! Возможно, калиф и поторопился — но ведь в этом нет вины твоей невесты, правда? Она едет сюда, преисполненная надежд, как всякая невеста. А если она к тому же совсем юна, то еще и напугана, и крайне взволнована. Ей же ведь предстоит выйти замуж за неизвестного и остаток дней прожить на чужбине. С твоего разрешения я пошлю Ому навестить ее в гареме до твоего возвращения...

— Да, — кивнул Карим. — Это будет мудро... Друзья тем же вечером отправились к верховному имаму Малики в сопровождении кади. Иمامу были предъявлены брачные договоры, и он, внимательнейшим образом их изучив, совершил брачную церемонию. Таким образом, невеста, не ступившая еще на берег Ифрикии, стала уже женою, не подозревая об этом. На следующее же утро Карим в сопровождении полудюжины воинов отправился на охоту в горы, а тем временем визирь его и друг поспешил в Танджу навстречу свадебному поезду. Путь, который караван преодолел бы за целых три дня, Аллаэддин и его сакалибы проделали всего за полтора.

Правитель Танджи сердечно приветствовал их. Он был уже в курсе скорого прибытия княжеской невесты — поскольку погода стояла славная, то наутро она должна была уже быть в городе.

На рассвете солнце не застили облака — погода была необычна для поздней осени. Морская гладь была словно гигантское зеркало, в которое загляделись голубые небеса, замороженные собственной красою. И вот раздался предупреждающий крик наблюдателя с самой верхушки минарета главной мечети Танджи — на горизонте показался корабль. Визирь с правителем города поспешили в гавань, чтобы там дожидаться прибытия княжеской невесты.

— Вы, конечно же, заночуете здесь? — спросил правитель Аллаэддин-бен-Омар. — Госпожа наверняка измучена долгой дорогой. Она захочет отдохнуть. Знаешь ли ты, кто она такая, господин мой?

Визирь отрицательно покачал головой:

— Это даже странно... В письме калифа даже имени девушки не упомянуто. Там нет и ни слова о ее семье... Да и в брачном контракте...

— Возможно, до самого последнего момента из нескольких достойных девиц выбирали лучшую... — робко предположил правитель. — Столь важное решение не принимается ведь за одну минуту! Калиф оказывает князю великую милость, лично посылая ему невесту! — Пожилой араб обнажил в улыбке все свои белоснежные зубы. — Нет сомнений, что Карим-аль-Малика заслужил благосклонность нашего властелина! Какое это счастье для него, да и для всей Малики! Абд-аль-Рахман всегда добр и щедр к тем, кого высоко ценит. — Если не в словах, то в голосе правителя Танджи слышалась легкая зависть... Ведь, подобно любому наместнику калифа, он мнил себя много большим, нежели просто провинциальным князьком.

— Я верю тебе на слово, мой господин, — кротко ответил Аллаэддин. — Твои знания и опыт много превосходят мои — ведь, в сущности, кто я такой? Простой житель Малики... Уверен, князь будет весьма благодарен тебе за твою доброту. — Он улыбнулся и склонился перед наместником. Аллаэддину бен Омару приходилось уже сталкиваться с подобными людьми. Ключом к их сердцу была умеренная и ловкая лесть в сочетании с умелым же самоуничижением. Таким образом, правитель Танджи, считавший себя чуть ли не вторым человеком после калифа, остался вполне удовлетворен...

Корабль, на котором плыла Зейнаб в окружении судов поменьше, вошел в гавань Танджи. Скрываясь за занавесками в своей каюте, Зейнаб жадно вглядывалась в берег. Карим не приехал... Он наверняка в печали: да оно и понятно, ведь калиф прислал ему какую-то невесту, которая нужна ему как собаке пятая нога! Зейнаб улыбнулась собственным мыслям. Она заметила на берегу Аллаэддина-бен-Омара в сопровождении правителя Танджи.

— Наджа! — обратилась она к молодому евнуху. — Вон тот великан с роскошной черной бородой — это Аллаэддин-бен-Омар, визирь князя.

— Так это муж Омы! — понял Наджа. — Он очень хорош собою.

— Да... — улыбнулась Зейнаб. — Так вот, Наджа: когда он примется выпытывать у тебя, как меня зовут, — делай что хочешь, но не называй ему моего имени! Мне ужасно любопытно, узнает ли он меня... — Она лукаво хихикнула. — Думаю, Аллаэддин-бен-Омар меньше всего на свете ожидает увидеть именно меня, Наджа. Он, скорее всего, немного заинтригован...

— Такою я никогда не видел тебя прежде, моя госпожа, — с

изумлением произнес Наджа. — Что с тобою? Зейнаб положила руку на плечо евнуха:

— Я вновь стала свободной, Наджа, и я еду к человеку, которого давным-давно любила и люблю... — Она кликнула Раби. — Принеси-ка мне, милая, сандаловый ларец с серебряной отделкой.

Когда служанка поспешила исполнить приказание, Зейнаб открыла ларчик и извлекла оттуда три пергаментных свитка с печатями трех разных цветов.

— Подойдите все сюда, — сказала она слугам. Потом вручила каждому по свитку: с печатью темно-зеленого цвета — Надже, с красной печатью — Аиде, и с синей — Раби.

— Перед самым отплытием из Кордовы я ходила к кади и официально освободила всех вас, — объявила им Зейнаб. — Это ваши вольные. Надеюсь, вы станете продолжать служить мне, но, если у кого-то из вас есть другие планы и надежды, я с радостью отпущу любого. Для меня было очень важно, чтобы все те, кто делил со мною рабство, разделил и мою свободу, и мое счастье.

Все трое были глубоко потрясены и на какое-то время онемели.

— Госпожа! — заговорил наконец Наджа от имени всех. — Мы ничем и никогда не сможем отблагодарить тебя за этот благословенный дар и великую милость. Что же до меня лично, я буду вновь преданно и верно служить тебе — лучшей хозяйки мне все равно не сыскать, — И я не желаю готовить ни для кого, кроме тебя, госпожа моя! — воскликнула Аида со слезами в черных круглых глазах.

— И я тоже остаюсь, — старательно и медленно выговорила по-арабски Раби, а продолжала уже на родном своем языке. — Ты добрая и милостивая леди, а в Аллоа, на родине, не видать бы мне лучшей доли! Там я жила бы в нищете, а закончила бы подзаборной шлюхой, отдавая за кусок хлеба...

— Спасибо вам! — просто ответила Зейнаб. — Наджа даст вам подробнейшие инструкции до выхода на берег. Скорее всего, мы проведем ночь тут, в Тандже, а наутро отправимся в Алькасабу Малику. А теперь, Раби, подай-ка мой яшмак — визирь вот-вот будет здесь.

Наджа быстро объяснил двум женщинам, как им следует вести себя, а потом Раби помогла Зейнаб надеть розовато-лиловое платье с длиннейшими рукавами и плотным капюшончиком, закрывающим лоб по самые брови, а затем приладила шелковую вуаль, совершенно скрывающую лицо госпожи. Видны были одни лишь глаза... Непрозрачная вуаль не позволяла разглядеть черты молодой женщины.

Тут послышался стук в дверь, и Наджа поспешил отпереть.

— Я Аллаэдин-бен-Омар, Великий Визирь Князя Малики, — отрекомендовался вошедший. — Я послан, дабы почтительнейше приветствовать княгиню.

Наджа склонился перед визирем, одновременно изящным движением руки приглашая того пройти в каюту.

— Госпожа! — обратился он к Зейнаб, глаза которой были скромно потуплены. — Это посланник князя.

Она грациозно кивнула.

— О госпожа! — начал визирь с глубоким поклоном. — Меня послал мой господин, чтобы сопровождать тебя в твой новый дом. Поскольку до него три дня пути, мы эту ночь проведем в Тандже — ты сможешь отдохнуть в удобных покоях перед новой дорогой. А теперь разреши мне проводить тебя к носилкам. Там достаточно места и для твоих служанок.

— Госпожа благодарит тебя, — быстро заговорил Наджа. — Она просит у тебя прощения, великий визирь. Она женщина очень скромная и поклялась, что как звук ее голоса, так и ее имя услышит первым лишь ее жених. Посему она и молчит, но надеется, что все поймут ее и простят.

— Как это тонко, изысканно и очаровательно, — сказал визирь, подумав про себя, что это еще и по меньшей мере странно... А этот вежливый молодой евнух говорит так серьезно... — Тогда сойдем на берег, — вздохнул Аллаэдин-бен-Омар: добавить ему было нечего.

Правитель города приказал предоставить княжеской невесте роскошные апартаменты за пределами своего гарема, что несказанно успокоило и обрадовало Зейнаб. Она страшилась, как бы кто-нибудь из жен или наложниц наместника не узнал ее — ведь она уже прежде один раз была здесь...

— Договорись, чтобы я могла выкупаться в бане в полном одиночестве, — попросила она Наджу.

— В этом нет необходимости, хозяйка, — отвечал он. — При твоих покоях есть отдельная баня.

Наджа на службе у Зейнаб отъелся и поправился. Его гладкие розовые щеки лоснились, выгодно оттеняя блеск умных темных глаз. Во всей осанке его появилась некая важность: как-никак он был доверенным лицом весьма значительной персоны.

— Ты очень находчиво все объяснил визирю, — сделала ему комплимент Зейнаб. — Какой ты, оказывается, романтик, Наджа... — Она хихикнула. — Я и впрямь ни с кем слова не скажу, покуда не встречу с женихом — и до тех самых пор никто не услышит моего имени. Аллах!

Если бы ты владел приемами стихосложения, ты создал бы эпическую поэму — не меньше! — Она от души рассмеялась. — Визирь будет веселиться, когда узнает правду, — он сам любитель доброй шутки! Ну, а теперь в баню, я до смерти истосковалась по душистой водице, а волосы мои насквозь пропитались морской солью...

Она скинула с плеч кафтан на руки подроспевшей Раби.

Ранним утром они двинулись из Танджи в Алькасабу Малику. Пожитки Зейнаб и ее роскошное приданое навьючили на верблюдов, а также погрузили на тележки, запряженные осликами. На визиря все это произвело сильное впечатление.

— Родственники твоей хозяйки на удивление щедры, — шепнул он Надже, который с серьезным видом надзирал за последними приготовлениями.

— О да, мой господин! — Наджа широко улыбнулся.

Зейнаб проследовала из своих апартаментов во двор, где села в крытые носилки. Она вновь с ног до головы была укутана в роскошные ткани и шитые вуали, а голова ее была низко опущена. Аллаэддин-бен-Омар не смог разглядеть не только цвета ее глаз, но даже не уразумел, сколько лет этой женщине и какого она сложения... Его все сильнее разбирало любопытство: какова же из себя молодая княгиня? Ну что же, недолго ждать: когда они достигнут Алькасабы Малики, Ома первым делом наведается к молодой, а дома все ему подробнейшим образом расскажет...

За время путешествия ничего примечательного не произошло. Вечером перед заключительным переходом визирь явился в палатку Зейнаб и объявил Надже, что желает переговорить с княгиней. Наджа почтительно проводил его к госпоже. Она села на стул, одетая в простой кафтан — но на голову было накинуто покрывало, а другое надежно скрывало лицо.

Аллаэддин-бен-Омар вежливо поклонился:

— Господин мой поручил мне объявить тебе, что, когда ты въедешь в город, ты будешь уже супругой Карима, ибн-Хабиба, высокородная госпожа. Брачная церемония совершен. несколько дней тому назад нашим верховным имамом. Брачные договоры составлены как надобно. Мой господин выражает надежду, что ты вполне этим довольна.

Зейнаб сделала знак Надже, тот склонился к самому ее лицу, прислушиваясь. Выпрямившись, евнух сказал:

— Моя госпожа весьма и весьма довольна, господин визирь. Она только желает знать, встретит ли князь собственной персоной ее свадебный поезд у ворот города.

Аллаэддин-бен-Омар чувствовал себя крайне неловко:

— Мой господин решил поохотиться на оленей и фазанов в горах, госпожа. Я, честно говоря, не уверен, что он успеет к завтрашнему дню... Он страстный и азартный охотник — а ведь скоро начнется сезон зимних дождей. Он надеется, что ты поймешь его. Мне же поручено проследить, чтобы ты была устроена в княжеском гареме так, как подобает женщине твоего положения. Моя супруга Ома счастлива будет скрасить твое одиночество до возвращения твоего царственного мужа. Уверен, что у тебя возникнет масса вопросов, касающихся нового твоего жилища. Она даст любой интересующий тебя ответ.

— Моя хозяйка крайне признательна тебе, господин визирь..

Она с радостью примет у себя госпожу Ому, — объявил Наджа.

Когда же визирь удалился, евнух возмущенно воскликнул:

— Что же за манеры у этого князя, госпожа моя, если он даже не считает нужным встретить собственную невесту? Что это за человек?

— Гордец и упрямец, Наджа, — со смешком сказала Зейнаб. — Понимаешь, он объявил Нази, что никогда вновь не женится, ибо любит женщину, с которой разлучен навек, так вот: эта женщина — я. И его настроение резко переменится, как только он узнает всю правду. А в настоящее время он и вправду охотится в горах и весь пышет злобой, стремясь показать этой своей неведомой «невесте», кто тут господин!

На следующий день они въехали в город. К удивлению Зейнаб, все улицы запружены были народом: жители Алькасабы Малики приветствовали свою молодую княгиню.

— О, госпожа, какой радушный прием! — воскликнула Раби, на которую зрелище произвело особенно сильное впечатление.

Зейнаб также была тронута, но еще и глубоко взволнована: вот-вот она увидится с дорогой своей Омой! И Ома будет единственной, кому она откроет свое инкогнито до приезда Карима. О, уж кто-кто, а подруга ее умеет хранить секреты! Памятуя о преданности визиря своему князю, можно было ни секунды не сомневаться, что бедняга Аллаэддин, если бы жена ему проболталась, понесся бы стремглав в горы, дабы обрадовать друга. А Зейнаб до ужаса хотелось знать, когда терпение ее супруга истощится само собою...

Ее супруг! Теперь Карим ее супруг!

Процессия торжественно въезжала в ворота дворца, когда Зейнаб тихонько вскрикнула:

— Аллах! Я совсем позабыла о Мустафе! Стоит ему хоть раз меня увидеть, как игре конец! Он же свободно ходит по всему гарему! Аида, попроси Наджу прийти ко мне сразу же, как мы войдем в гарем!

Мустафа и вправду уже поджидал свою новую госпожу. Он выступил вперед, протягивая руку, дабы помочь ей сойти с носилок. Зейнаб грациозно ступила на землю, закутанная с ног до головы, с потупленными очами.

— Добро пожаловать в Малику, княгиня! — торжественно произнес главный евнух.

— Моя госпожа тебя благодарит, — тотчас же ответил Наджа и с превеликой вежливостью объяснил, почему княгиня не отвечает ему сама. Он вовсе не имел намерения с самого начала портить отношения с Мустафою, который был почти что домоправителем и весьма важной персоной.

Им ведь предстояло служить господам вместе.

Мустафа кивнул молодому человеку и в точности повторил слова главного визиря:

— Как это очаровательно...

Их проводили вовсе не в гарем, а совсем в другое крыло дворца. Зейнаб шепнула словечко Надже, и тот обратился к Мустафе:

— Уж не то ли это место, где была убита вся семья князя? Моя госпожа боится призраков... Мустафа повернулся к Зейнаб:

— О нет, княгиня! Старый гарем теперь заперт, и вся та часть здания вскоре будет разрушена. Твои же покои рядом с княжескими — жена должна почивать рядом со своим мужем. Мой господин считает, что тебе будет там удобно, а вскоре будет выстроена новая женская половина...

Та-а-ак, думала Зейнаб, значит, Карим все-таки отнесся с заботой к своей невесте! Она вновь пошептала с Наджей, и тот сказал Мустафе:

— Госпожа моя вовсе не имеет намерения оскорбить тебя, но просит не входить в эти покои до ее встречи с князем. Когда он должен возвратиться? Она жаждет повстречаться с ним, наконец...

— Князь еще ничего не сообщал о своем возвращении, — вежливо отвечал Мустафа, думая про себя с раздражением, что Карим предоставил другим нянчиться с его молодой женой, а сам... Мустафа отвесил княгине почтительный поклон и удалился.

— Не думаешь ли ты, что его озадачила твоя просьба не появляться здесь? — спросил Наджа. — Он производит впечатление умного и проникательного человека...

— Не думаю, что мы успели пробудить его любопытство, — отвечала Зейнаб. — Мустафа здесь самый умный и осмотрительный. Думаю, он решил, что просьба моя продиктована стеснительностью.

Они обосновались в отведенных им просторных покоях. Тут была и

очаровательная маленькая баня, отделанная зеленой и белой фарфоровой плиткой, а в центре красовался роскошный бассейн из зеленого оникса. Дневная комната была светлой и просторной и выходила прямо в сад, как и опочивальня Зейнаб. Потолок был восьмиугольный и сводчатый, поддерживаемый деревянными колоннами, замысловато расписанными руками искусного художника. Пол выложен был бирюзовыми и беломраморными плитками. Стояла тут также и основа постели на великолепном возвышении из душистого сандалового дерева — и похоже было, что окончательная отделка спальни оставлялась всецело на усмотрение новобрачной. Раби и Аида тотчас же принялись распаковывать вещи госпожи и развешивать прозрачные шелковые занавески, а Зейнаб тем временем в сопровождении Наджи изучала остальные комнаты. Они обнаружили еще две небольшие спальни — там, правда, вовсе не было мебели.

— Пойдите к Мустафе и скажите, что вам надобно, — сказала слугам Зейнаб, воротившись в дневную комнату, где уже стояли несколько диванов в роскошной обивке, столы и стулья. — Всем вам должно быть очень удобно. Заодно спросите, когда супруга визиря собирается нанести мне визит. Скажите ему, что я хочу узнать как можно больше о стране, где мне теперь предстоит жить, причем до того, как вернется мой супруг и повелитель. — Зейнаб вдруг хихикнула и озорно прибавила:

— Жду не дождусь моей милой Омы!

Ома явилась ранним дождливым утром. Так как ее уже поджидали, то дверь открыла Раби, ибо из всех слуг Зейнаб ее единственную Ома не знала в лицо.

— Добро пожаловать, госпожа, — вежливо сказала Раби. — Моя госпожа ждет тебя. Она просит лишь об одном одолжении: не вскрикивай, когда увидишь ее лицо — это может привлечь внимание Мустафы или стражников.

Что за странная просьба, подумала Ома, но тут глаза ее расширились: в комнату с улыбкой вошла Зейнаб.

— Это и вправду ты? — выдохнула Ома. — Или мне мерещится? Но как...

Зейнаб прижала подругу к сердцу:

— Да, это и вправду я, дражайшая моя Ома, а ты, я вижу, за два месяца, что мы не виделись, отрастила прелестный животик! Это очень тебе к лицу. — Она улыбнулась. — Сын Аллаэдина-бен-Омара прибавляет в весе... — Она взяла подругу за руку и подвела к мягкому дивану:

— Садись, нам надо поговорить.

— Почему.., почему муж не сказал мне, что это ты? — Ома была вне себя.

— Потому, что он этого не знал, — хитренько прищурилась Зейнаб. — Все, что он видел, — это замотанную в шелка с ног до головы фигуру. Я не поднимала на него глаз, чтобы он не узнал меня и ничего не заподозрил. Наджа объявил всем, что я и слова не вымолвлю, покуда не приедет мой дражайший супруг. Сказал также, что до той поры имя мое будет сохраняться в тайне, — со смехом закончила она.

— И никто не знает? Даже.., даже старый Мустафа? — Ома была потрясена.

— И даже Мустафа, — заверила ее Зейнаб. Ома покачала головой:

— Но каким благословенным ветром принесло тебя в Малику? А где малютка Мораима?

— Мораима умерла от сыпного тифа в то время, когда я была здесь... — В глазах Зейнаб блеснули слезы, но она усилием воли овладела собой и поведала подруге печальную повесть и том, что за нею последовало. — Да благословит Хасдая-ибн-Шапрута Бог Авраама, Исаака и Иакова за его доброту, и пребудет милость Аллаха с моим дорогим Абд-аль-Рахманом — ведь они возвратили меня Кариму! Когда я узнала, что дитя мое погибло и похоронено. Ома, я просто расхотела жить. Надежда умерла в моем сердце, но они спасли меня. Оба они удивительные люди! — закончила Зейнаб.

— Князь будет вне себя от счастья, — сказала Ома. — Мой муж говорил, что с тех пор, как погибли все его родные, он погрузился в пучину отчаяния, хотя и исправно выполнял свой государственный долг... У него нет женщин. Ни единой, Зейнаб! И вообще он живет, словно какой-нибудь пустынный... Он ест в одиночестве, охотится один... Он добрый и справедливый правитель, но радость покинула его сердце. Он одинок. Я уже много недель не видала на его лице улыбки...

— И тем не менее он улизнул в горы на охоту вместо того, чтобы повстречаться со своею невестой! — едко обронила Зейнаб.

— Со временем он горько об этом пожалеет.., ну, когда узнает, что ты — это ты, — хихикнула Ома. — А как ты поприветствуешь его?

— Я еще не решила, — сказала Зейнаб. — Но в любом случае мне потребуется твоя помощь. Ома. Ты должна дать мне знать тотчас же, как муж твой узнает, что Карим возвращается. А когда визирь спросит тебя о моей наружности, скажи, что я очень хороша собой. Но не более! Скажи ему, что я не желаю, чтобы обо мне что-либо было известно до возвращения мужа с гор. О, я окутала себя дымкой таинственности, я постаралась! Если Аллаэдин остался таким, каким я его знала, то он

непременно тотчас же сообщит о «таинственной незнакомке» Кариму. Мой жених приедет единственно для того, чтобы удовлетворить свое любопытство. — Она хихикнула. — Мужчина не может устоять перед тайной. Ома.

Когда Ома воротилась домой, муж ждал ее с величайшим нетерпением.

— Ну? — бросился он к жене. — Какова она?

— Очаровательна. Обворожительна, — отвечала Ома. — Никогда прежде не видела столь прелестной женщины, как наша молодая княгиня. Нам всем весьма и весьма повезло.

— Но какова.., какова она из себя? — пытал визирь жену. — Она светлокожа? Или смуглянка? Стройная или полненькая?

Ома лишь улыбалась:

— Не могу сказать тебе, господин мой! Княгиня просила, чтобы я никому и ничего не рассказывала о ней до возвращения князя. Я сказала тебе все, что могла: она не безобразна.

И кончим на этом.

Аллаэддину-бен-Омару хотелось кричать от досады. У Карима теперь есть жена. У Малики — княгиня. И никто, даже вездесущий Мустафа, не видел ничего, кроме шелкового кокона, ничего, даже пятки! Это было невыносимо!

Надо тотчас же разыскать Карима! Князь должен вернуться домой!

На следующее же утро визирь приказал оседлать коня и поскакал туда, где вдалеке виднелись пурпурные пики гор. Он нашел Карима в Убежище, куда добрался лишь к вечеру. Князь выглядел на удивление спокойным и посвежевшим.

— Приехал составить мне компанию? — улыбнулся Карим. — Охота на редкость удачна. Не помню столь щедрой осени!

— Прибыла твоя невеста, — с порога объявил Аллаэддин-бен-Омар.

— Она хорошенькая? — равнодушно спросил Карим. — Что говорит твоя Ома? Знаю, что порядочная девица не откроет лица перед посторонним мужчиной, но уверен, что Ома уже была у нее и все тебе подробно обсказала. Она светлая или темная? Пышечка или худышка?

— Не имею ни малейшего представления, — отвечал князю визирь. — Видишь ли, господин мой, твоя невеста носа не кажет из гарема. Да, Ома нанесла ей визит, но не , описала мне ее внешности, сказала лишь, что княгиня не безобразна... Твоя невеста словно воды в рот набрала — не говорит и не позволяет никому из своих слуг называть ее по имени. Дескать, вот приедет муж, которому надлежит первым обо всем узнать.

Даже Мустафу изгнали из гарема! Твоей невесте.., жене то есть, прислуживают трое слуг. И все. Она прогуливается по саду, закутанная в покрывала, словно мумия. Эта женщина дала обет, что никто не увидит ее до твоего приезда.

Карим-аль-Малика расхохотался. Он положительно был заинтригован. Неужели у его невесты патологическая стыдливость?

— Да неужели Ома ровным счетом ничего о ней не сказала? Ну хоть что-нибудь...

— Ома говорит, что княгиня обворожительна и очаровательна, мой господин, — сухо ответствовал Аллаэддин-бен-Омар. — Ничего более...

— Хм-м-м-м-м... — Да, женщина эта вряд ли похожа на Хатибу... Ома не из тех, кто увиливает от прямого ответа или же лжет, чтобы доставить кому-нибудь удовольствие. Ежели Ома сказала, что невеста обворожительна и очаровательна, то можно не сомневаться, что так оно и есть... — Карим вынужден был признать, что любопытство его разгоралось. Но тем не менее это отнюдь не значило, что он влюбился в эту таинственную женщину — нет, он не сможет любить ее, как не сумел полюбить в свое время и Хатибу. Он любит одну лишь Зейнаб — и так будет всегда. Вечно. Но эта девушка как-никак его жена! А он был не из тех мужчин, которые способны обречь женщину на несчастье. Что ж, если калиф хочет, чтобы эта женщина рожала от него детей, — да будет так! Если не дано ему полюбить ее, по крайней мере, может быть, со временем он к ней привяжется. Девушка не повинна в том, что так сложилось...

Ома поспешила к подруге сразу, как только Аллаэддин ускакал.

— Аллаэддин полетел в горы разыскивать Карима, — сказала она Зейнаб. — Я приказала выставить наблюдателя у городских ворот. Он тотчас же явится во дворец и сообщит тебе, — когда увидит, что они возвращаются.

— Нынче вечером их не жди, — с уверенностью сказала Зейнаб. — Карим не захочет обнаруживать столь явной заинтересованности. Он предпочтет, чтобы его «невеста» лишний раз убедилась в том, кто здесь господин. А вот завтра он явится: слова визиря возбудили его любопытство. — Она весело хихикнула.

— Никогда не видела тебя такой счастливой, — сказала Ома. — Ну.., с того самого благословенного времени, когда твой возлюбленный наставник обучал тебя искусству любви, моя Рабыня Страсти!

— С тех пор я ни разу и не была счастлива, — последовал откровенный ответ.

Следующим утром Наджа явился к Мустафе:

— Княгиня полагает, что князь вернется нынче. Она хочет через тебя просить князя, чтобы тот снизошел к ее невинной причуде: не появляться в ее покоях, покуда не взойдет луна над садами. — Наджа поклонился.

— Я попрошу князя оказать ей эту милость, Наджа. Она несомненно весьма романтическая юная особа, — отвечал Мустафа с улыбкой. — Это предвещает молодым счастье в браке.

Зейнаб провела этот день в обществе троих слуг, совершая все приготовления к визиту Карима. Она вымыла и надушила свои длинные золотые косы. Потом тщательно обследовала все свое тело в поисках лишней растительности и безжалостно истребила все до волоска. Ногти на ее руках и ногах были коротко подстрижены и аккуратнейшим образом подпилены. Спальня Зейнаб также была особым образом приготовлена, а на восьмиугольном столике у постели стоял графин со сладким вином и ее неизменная золотая корзиночка.

В полдень она впервые присела поесть — и тут услышала через дверь, как наблюдатель, выставленный у ворот Омой, объявил Надже, что князь в сопровождении визиря только что въехал в город через западные ворота.

Зейнаб быстро закончила трапезу и в последний раз выкупалась. Раби щедро умастила и растерла тело госпожи благовонными маслами с запахом миндаля. А тем временем уже темнело. Ведь зима была не за горами, и дни становились все короче. В дневной комнате Зейнаб были зажжены два светильника. Мустафа уже явился и сообщил Надже, что его господин во дворце и согласен удовлетворить странную просьбу новобрачной.

— Разбуди меня, как только луна взойдет над садом, — велела Зейнаб Раби и отпустила слуг. Потом легла и сладко задремала, покуда служанка не тронула ее за плечо, тихонько шепча:

— Пора, госпожа моя... Раби выскользнула из покоев госпожи и затворилась у себя в спальне. Зейнаб встала, потянулась и подошла к окошку — полная луна уже поднималась из-за темных древесных кущей. Чуткое ухо ее уловило шаги, а затем скрип двери.

Она заняла заранее избранную позицию.

Карим вошел в покои своей невесты. Слуг его нигде не было видно, а комната была освещена так, что полоска света вела прямо в двери опочивальни. Он улыбнулся. Это был красивый и изящный жест. Нет, его новая жена положительно умница, а вовсе не стеснительная дикарка — что он понял тотчас же, как вошел, и еще сильнее заинтересовался дальнейшим развитием событий... Похоже, с нею не будет скучно.

Пройдя по освещенной дорожке, он взялся за ручку двери, повернул ее и ступил в темную спальню. Здесь огни не были зажжены — лишь из

окошка лился таинственный лунный свет. Ноздри его уловили запах роз — удивленный, он понял, что весь пол щедро усыпан розовыми лепестками. Когда он наступил на них, запах стал сильнее. Он улыбнулся. Да, ему прислали явно не робкую и беспомощную девственницу... Умница Хасдай! Он избрал ему в жены женщину. И женщину опытную.

Вдруг кто-то подошел к нему сзади — две тонкие и гибкие руки обвили его.

— Добро пожаловать домой, мой господин! — дремотный страстный шепот завораживал, обволакивал... Тонкие пальчики умело расстегнули его кафтан, стянули его через голову и уронили ненужный комок ткани на пол. — Не оборачивайся, мой господин, — вновь слышался таинственный грудной голос. Теплое дыхание согрело его шею, по спине Карима побежали мурашки. — Еще не пора... Умоляю...

Он ощутил, как нагое теплое тело прильнуло к нему, а маленькие ручки ласкают его тело нежными чувственными движениями. пышная грудь, округлый живот, упругие бедра — он безошибочно угадывал все это... А когда нежные губы коснулись его шеи, он вздрогнул от наслаждения — собственные ощущения потрясли его. Этого он никак не ожидал! Ее смелые и чувственные касания воспаляли его кровь...

— Ты совсем не то, чего я ожидал... — сказал он сдержанно. Женщина рассмеялась грудным хриловатым смехом. — Уверен был, что мне пришлют миленькую юную деву для продолжения рода, но ты отнюдь не такова... Кто же ты и как твое имя? — Он попытался обернуться.

— Еще рано, мой господин, — слышался еще более таинственный шепот. Зейнаб забавляли прикосновения к его мужскому естеству, уже напряженному и твердому как сталь. Да. Ома ничуть не преувеличила. Карим оградил себя от всех плотских наслаждений — это было очевидно. Она понимала также, что в таком состоянии ей не удастся долее удерживать его от решительных действий.

— Идем... — шепнула она, беря его за руку и ведя к постели, следя при этом, чтобы луна светила ей в спину, оставляя в тени лицо. Она властно опрокинула его на постель, а сама легла подле него на бок, не переставая нежно ласкать...

...Это было восхитительно — и все же его раздражало немного, что он не видит ее лица. Но это не помешало ему нащупать одну ее пышную грудь и начать поглаживать дивный холм. Восхитительная грудь эта склонялась к нему, словно спелый и сочный плод. Женщина замурлыкала от удовольствия, которое дарил он ей своими умелыми касаниями. Как странно его соблазняет незнакомка без лица! Ома говорила, что княгиня

очаровательна, восхитительна... А что, если она все-таки безобразна? Губы его сомкнулись вокруг соска. И вдруг ему стало безразлично, какое лицо у этой женщины. Она обладала телом, достойным богини плодородия, а ее повадка сводила его с ума — такого он не испытывал уже многие годы... И если суждено ему жениться не на Зейнаб — что ж, пусть женою его будет эта женщина.

Ручка Зейнаб ласково скользила по его мускулистой груди, стройной талии... Она почти позабыла, сколь красиво тело возлюбленного — и вот теперь пальцы ее «вспоминали» каждую выпуклость и впадинку. Она не сумела удержаться — и вот пальчики ее уже сомкнулись вокруг его напряженного члена и нежно сжали его. Он был горяч и весь трепетал. Непроизвольно она склонилась и сомкнула вокруг него губы. И губы ее вспомнили все... Она наслаждалась им, словно изысканным лакомством — посасывала лизала, проводя кончиком язычка вокруг головки, пока не ощутила, что пальцы мужчины запутались в ее волосах и отстранили ее...

— У меня.., некоторое время не было женщины, — признался он. — С тех самых пор, как погибла моя первая жена. Не медли же, моя призрачная возлюбленная. А когда я утолю первый голод, мы с тобою примемся наслаждаться, и блаженство продлится до самого утра. Ты умела, как я вижу, но я многому могу тебя научить...

— Да неужели? — Она рассмеялась, грациозно опускаясь на него сверху, и в голове Карима мелькнула мысль что смех этот кажется ему до странности знакомым..

Она вобрала его без остатка в свои горячие недра — и несколько раз крепко сжала внутренние мышцы. Затем она принялась двигаться вверх и вниз, поначалу медленно, а затем все быстрее и быстрее...

Руки его накрыли ее дивные груди и страстно сжали их. Она была потрясающа! Она была сказочка! Лишь однажды знал он такую женщину. Лишь однажды... На свете лишь одна такая женщина! Это было невозможно, немыслимо — и все же...

Волосы ее вдруг разметались по плечам. Луна, к тому времени достигшая зенита, заливала комнату серебристым светом. Взор Карима застилала пелена страсти, но он все же увидел эти волосы цвета бледного золота. Он боролся со страстью, стараясь не закрывать глаза, устремив их на лицо, теперь ярко освещенное луной.

— Зейнаб! — вскричал он — и одновременно с этим криком желание его достигло апогея, а соки любви щедро наполнили в потаенные глубины тела женщины.

Аквамариновые глаза, полные слез счастья, устремлены были прямо

на него. Она прильнула к нему:

— Я вернулась к тебе. Карим. Я вернулась домой!

ЭПИЛОГ

Зейнаб, княгиня Малики, сидела в летнем саду и смотрела, как играют дети. Шестерым из них она была матерью, а другие семеро были детьми ее лучшей подруги Омы.

Старшему сыну Зейнаб Джафару было почти девять, Хабибу вскоре исполнится восемь... Были еще и пятилетний Абдаль, и Сулейман, которому только что сравнялось два... А их сестричкам-близняшкам Кумар и Субх было по семь лет: они очень походили на мать и ее родную сестру в детстве.

А старшая дочка Омы, единственная девочка в семье Аллаэддина-бен-Омара, уже заглядывалась на Джафара-ибн-Карима. Звали девочку Альула, и она рассказывала всем и каждому, что собирается со временем стать женою наследника князя Малики.

— Она чересчур смела — чтоб не сказать нахальна, — шепнула ее мать своей подруге Зейнаб. Ома стала примерной и образцовой женой. Муж ее наотрез отказался взять в свой дом другую женщину в качестве супруги, хотя в его гареме жили две хорошенькие наложницы. Но обе они были бездетны и таковыми должны были оставаться — это было единственным требованием Омы.

— А мне она кажется забавной... — шепнула в ответ Зейнаб. — Я вовсе не хочу, чтобы Джафар однажды взял в жены покорную и глупую овцу, с которой на стенку полезет от скуки. Альула вполне устраивает меня в качестве будущей невестки, если, разумеется, она придется по нраву сыну. Ведь выбирать-то ему... Он должен жениться по любви — как и мы с тобой.

— Ну да, — Ома кивнула.

Зейнаб умолкла, погрузившись в воспоминания о последних десяти счастливых годах ее жизни. Она вспомнила выражение лица Карима в ту первую их ночь после разлуки, когда луна озарила светом ее лицо, — и на губах ее появилась счастливая улыбка. Он долгое время не верил своим глазам, но когда до него дошло, что это не мираж и не наваждение, он был счастлив сверх всякой меры. Они рыдали от счастья в объятиях друг друга, поминутно клянясь никогда не расставаться. Да, она возвратилась к нему, возвратилась домой... Джафар родился ровно спустя девять месяцев после той волшебной ночи, и вся Малика ликовала вместе со своим князем и княгиней по поводу рождения их первенца.

Другие дети рождались один за другим, а государство тем временем

процветало. Повсюду: и на рынках, и на городских площадях — люди говорили, что процветанием страны они всецело обязаны семейному счастью своего правителя и щедрости плодородного чрева его красавицы жены. Товары из Малики, в особенности серебро, пользовались спросом по всей Аль-Андалус и ценились очень высоко.

Горные кланы также со временем покорились Кариму-ибн-Хабибу — кони их блаженствовали на зеленых лугах и продавались по самым высоким ценам на ежегодной ярмарке, проводимой в Алькасабе Малике по распоряжению князя. Правительство забирало в казну лишь десятину от каждой сделки, что не было обременительно для торговцев. Горцы были вполне довольны, и повсюду царил мир.

Аль-Андалус, где продолжал царствовать мудрый и благословенный Абд-аль-Рахман, также процветала. Кордова постепенно стала самым крупным культурным центром Европы, средоточием цивилизации. Слава Кордовы затмила былое величие Багдада и Константинополя. В город постоянно прибывали делегации из Франции, из Германских стран, из Ифрикии и с Востока — послы считали своим долгом засвидетельствовать свое почтение калифу, а молодые люди почитали за честь учиться в Кордове. Но первое время они просто-напросто глазели вокруг, разинув рты... Абд-аль-Рахман перестроил главную мечеть Кордовы — тут появился великолепный минарет, увенчанный тремя сферами: одна была из серебра, а две — из чистого золота. Вместе они весили более трех тонн. Завершен был, наконец, перевод на арабский трактата «Де Материя Медика», и в Кордове открылся медицинский университет. Теперь студентам не было нужды ехать в Багдад, чтобы стать медиками...

В саду появился князь в сопровождении своего верного визира. В черной бороде Аллаэддина-бен-Омара уже кое-где поблескивала седина. Лицо его расплылось в улыбке, когда Альула с визгом кинулась ему на шею — он нежно обнял девочку и поцеловал в розовую щечку.

— Она достойна принца! — расхохотался он.

— Не поощряй ее скверное поведение! — тут же осадила супруга Ома.

— А что, я когда-нибудь обязательно женюсь на ней! — В синих глазах молодого Джафара-ибн-Карима заплясали озорные искорки. — Но не раньше, чем она отрастит себе пару дивных грудок, госпожа Ома!

— Джафар! — в отчаянии воскликнула его мать, но, не удержавшись, рассмеялась.

— Он весь в отца! — шепнул Карим, присаживаясь рядом с женой, обнимая ее за талию и нежно целуя в розовое ушко.

Зейнаб кинула на мужа взгляд, полный любви. Без сомнения, теперь

она любила его еще сильнее, чем в тот день, когда они после стольких печалей и горестей соединились вновь...

— О, если бы это блаженство могло длиться вечно... — шепнула она.

— — И я бы от всего сердца этого желал, — отвечал Карим. — Если есть где-нибудь рай земной, то это здесь, моя красавица...

А детишки сновали между взрослыми, крича и забавляясь, их невинные лица сияли от счастья, не замутненного ничем — кроме, пожалуй, одной заботы: позволят ли им родители после наступления темноты половить светлячков, которые дивно смотрятся в хрустальных кувшинчиках, или же безжалостно уложат спать...

— Они — наше будущее... — сказал жене Карим.

— А весной, — отвечала она, — я подарю тебе еще один залог счастливого нашего грядущего, еще один маленький кусочек вечности, мой любимый.

— Я люблю тебя, Зейнаб, — сказал он. — Теперь и навсегда в сердце моем только ты, мое сокровище... Ладонка Зейнаб нежно погладила щеку Карима:

— Как ты щедр на посулы, мой господин! Теперь и навсегда? Что ж, тогда ловлю тебя на слове!